

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАРХИВ

ВОЕННЫЕ ВОССТАНИЯ

В

БАЛТИКЕ

В 1905-06 гг.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1933

ВАЖНЕЙШИЕ ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На титульном листе напечатано — подготовил к печати А. К. Дрезен, следует читать — А. К. Дрезен, В. Петров и М. Ахун.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
II	1 сверху	Анализуя	Анализируя
VII	11 сверху	1905 г., мы строим	1905 г., мы, строя
18	14 снизу	команда это	команда эта
25	5 в сноске	включены	включены
39	1 сноска	А также в о несении	А также в донесении.
59	13 снизу	относятся	относятся
77	1 снизу (в сноске)	беспрятственно	беспрятственно
85	2 снизу	сознании	сознания
85	1 снизу	уважении	уважения
85	9 сверху	проникнутою	проникнутую
85	18 сверху	пойдут	пойдут
83	9—10 сверху	артиллерию	артиллерией
101	5 снизу	Кронштадтским	Кронштадтским
102	16 сверху	представляют	представляет
104	5 снизу	уважительных его представлений	уважительным его представлениям.
106	9 снизу	канцелярия	канцелярии
107	20 снизу	камерам	камерам
112	15 снизу	подвергнуться	подвергнуться
115	8 снизу (левый столбец)	обезоружие	обезоружение
124	10 снизу	личной свободы	личной свободой
158	3 сверху	браунинга	браунингами
167	2 сноска	сношений корпусным	сношений с корпусным
170	15 сверху	решили	решили
174	13 снизу	предупреждены»	предупреждены»
177	16 сверху	в горозе	в городе
211	3 снизу	не удовлетворяющим	не удовлетворяющим
231	23 сверху	«Скатудо»	«Скатулен»
239	2-й заголовок	Речь Мурского (Трилиссера) Тааммерфорской стрелал	Речь Мурского (Трилиссера) на Таммерфорской стрелал
302	16—17 сверху	Крейссере	Крейссере
311	2-я стр. заголовка	Кронштадский	Кронштадтский
319	7—8 сверху	являвшейся	являвшуюся
325	20 сверху		

время. Решено первоначально предъявить экономические требования, а затем политические и перейти к вооруженному восстанию». Вследствие этого донесения военным начальством были командированы в Кронштадт войска Гренадерского полков, пулеметных команд 1-й и 2-й гвардейской дивизии 1-й гвардейской артиллерийской бригады. 4/VI в 10 часов утра все войска прибыли в Кронштадт, где, по сообщению начальника жандармского управления, вызвали «в войсках гарнизона полное недоумение, которое сменилось недовольством на почве якобы недоверия к ним даже среди офицеров».

В этот же день (4/VI) войска возвратились назад «в место своего расположения». 13/VI положение в Кронштадте правительство считало напряженным и командировало батальон л.-гв. Гренадерского полка и часть артиллерии л.-гв. артиллерийской бригады, которые и были там оставлены.

Вопросу «довольствия» матросов посвящено доверительное письмо председателя совета министров П. А. Столыпина морскому министру А. А. Бирлиеву от 26/V 1906 г. Столыпин пишет: «По имеющимся сведениям, среди команд Балтийского флота и находящихся на судах тревожное настроение усилилось вследствие недовольства пищею. На берегу последние месяцы матросы продовольствуются хорошо; с переходом же на суда свежее мясо заменяется солониною, хранящеюся уже 2 года, значительный процент которой испортился; хотя на судах ее свидетельствуют и бракуют, но иногда кладется в котел солонина, хотя и годная к употреблению, но имеющая уже своеобразный запах; капуста тоже утратила нормальные вкусовые качества и, наконец, постоянная варка на нижних чинах гречневой каши, нелюбимой матросами, также возбуждает их недовольство... Недовольствие выражается тем, что команда демонстративно выливает пищу за борт. В Кронштадте идут толки, что подобные случаи имели место даже на судне «Алмаз», на коем находится великий князь Александр Михайлович. Кроме того есть слухи, что на крейсере «Алмаз» во время перехода из Либавы в Кронштадт под флагом его императорского высочества команда при вызове ее наверх не вышла».

Речь идет, повидимому, об эпизоде, имевшем место в начале июля, когда арестовали Исадского, видного работника среди азовцев. Команда хотела освободить товарища. Один из матросов сказал «успокаивающему» офицеру: «у нас человека отнимают, а нам нельзя и заступиться». На мином катере, который был назначен для отправки Исадского, оказался испорченным руль, которыми были в значительной мере ослаблены революционные организации. Пострадала также и большевистская организация. Многие кружки, ею организованные, были «ликвидированы». Аресты внесли также дезорганизацию в работу по подготовке вооруженного восстания, так как в числе арестованных были лица, знавшие места хранения оружия, которые вследствие строгой конспирации были известны немногим.

О настроении кронштадтского гарнизона в период, предшествующий событиям 26—27 октября 1905 г., можно судить по сводкам департамента полиции и донесениям Кронштадтского жандармского управления. Жандармский полковник Котляр 1/VII 1905 г. доносил департаменту полиции: «в стенах казарм недовольствие сопровождалось битьем обеденных столов и посуды. В последнее время на настроение матросов повлияли события в Черном море и в г. Либаве».

17 и 18/VII были произведены аресты матросов 7-го флотского экипажа (Яков Масленников, Федор Колдунов), 4-го флотского экипажа (Пауль Штемфельдт), рядовых 1-го кронштадтского батальона (Пантелеймон Витовский, Мартын Иванов и Георгий Сушевский) и «лиц», замеченных в противоправительственной пропаганде среди матросов и сухопутных нижних чинов города и крепости (С. К. Домницкий, И. Ф. Эйсулович, Л. Каменецкий, Д. В. Василевская, И. Швердин-Максименко).

Революционное настроение флота в августе 1905 г. уже настолько обеспокоило морское министерство, что оно решило освободиться от наиболее «неблагонадежных» матросов. В отношении начальника главного штаба генерала А. А. Поливанова от 17/VIII читаем: «По соглашению министров военного и морского будут отправлены в действующие армии 3 тыс. моряков, пассивно участвовавших в бывших во флоте беспорядках с переименованием

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анализируя события московского вооруженного восстания, Ленин в августе 1906 г. уделил много внимания вопросу о роли войска в революции. Он разоблачал трусливую и предательскую политику меньшевиков, отрицавших в момент восстания борьбу за войско.

«Нельзя,—писал Ленин,—представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания—с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно-народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей борьбе за войско». Подчеркивая именно эту сторону дела, как он выражался, необходимость «физической» борьбы за войско, Ленин одновременно указывал на необходимость пропаганды и агитации и длительной организационной работы в войсках. Ленин намечал ту политическую линию, ту платформу, по которой и с которой надо идти в армию.

В июле 1906 г. почти накануне грандиозных военных восстаний Ленин писал: «И наша задача—не суживать этого движения узкими рамками убогой кадетской политики, не принижать его приспособлением к убогим кадетским лозунгам, а поддерживать, расширять, развивать в духе действительного последовательного, решительного и боевого демократизма» **.

Указывая политическую линию работы в войсках, Ленин подчеркивал и классовую природу нашей армии и требовал не забывать, что солдаты «ближе всего к наименее развитому политически крестьянству» ***.

Большевики в своей большой революционной работе в армии не забывали этих основных положений Ленина.

Еще задолго до решительной схватки с самодержавием в 1905 г. революционная часть русской социал-демократии—большевики—вела большую работу в армии.

* Ленин, Соч., 3-е изд., т. X, стр. 50 («Уроки московского восстания»).

** Ленин, Соч., 3-е изд., т. IX, стр. 396 («Армия и народ»).

*** Ленин, Соч., 3-е изд., т. IX, стр. 395 («Армия и народ»).

Резолюция о необходимости практической подготовки восстания была принята на III съезде в 1905 г. (в пункте «А» второй части резолюции стоит: «выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания»), но уже задолго до этой резолюции большевики вели практическую революционную работу в армии*.

Стоит только порыться в нелегальной прессе первой половины 900-х годов, чтобы убедиться в правильности этого утверждения: в Петербурге, в Москве, в Черноморском флоте, во многих провинциальных городах (Воронеж, Екатеринослав, Харьков и т. д.) наши организации завязывают связи с солдатами, ведут пропаганду, выпускают листки. В 1904 г. наши организации усиливают эту работу и стремятся перейти к массовой агитации путем листовок и даже летучих собраний и массовок. Статья в №2 №12 и 13 «Социал-демократа» «Революционная работа в Черноморском флоте» довольно подробно рассказывает о социал-демократической пропаганде среди моряков на юге, заметки в наших большевистских газетах, например «Вперед», «Пролетарий», также рассказывают нам, как в результате такой работы то там, то здесь уже в 1904 г. недовольство матросов и солдат, стихийно выраставшее в протесты, неповиновения и даже выступления, начинало принимать организованные формы.

К сожалению нет еще обстоятельного исследования по этому вопросу.

Однако и то, что нам известно, указывает, что нашими революционными организациями еще до массового военного движения была проделана в армии большая агитационная и отчасти организационная работа.

Это необходимо подчеркнуть, чтобы показать, что работа в войсках началась еще до 1905 г. С 1905 г. поднялось массовое революционное движение в армии; в 1905 г. начали действовать уже хорошо поставленные наши специальные боевые и военные организации, но почва была подготовлена давно как объективными условиями, так и сознательным воздействием большевиков.

Только подходя с такой точки зрения, мы и можем связать восстание в Кронштадте и Свеаборге с общей грандиозной картиной революционного движения 1902—1907 гг.

Восстание в Кронштадте произошло 26 октября 1905 г. и было только дальнейшим развитием того большого революционного движения в армии, какое началось еще в 1904 г. В самом деле, стоит только назвать наиболее известные факты этого движения, чтобы согласиться с таким положением.

Летом 14 июня 1905 г. произошло восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический» на Черном море, и в Балтийском

флоте в Либаве (15 июля, в октябре) начались волнения владивосточного гарнизона, в ноябре, кроме восстания в Севастополе, происходили 26—27 октября события в Кронштадте, 8 ноября—волнения в 81-м Апшеронском полку во Владикавказе, с 15 на 16 ноября—в Ташкенте (первый резервный батальон), 16 ноября—в Анапском батальоне в Екатеринодаре, 18 ноября—вооруженное выступление 3-го саперного батальона в Киеве, 23 ноября—выступление 259-го Богородицкого и 202-го Старобельского полка в Харькове, выступление дисциплинарных войск в Воронеже, в декабре—выступление Урюпского казачьего полка, в декабре—во 2-м гренадерском Ростовском полку в Москве, в декабре—в Двинской крепости, в январе 1906 г.—выступление владивосточного гарнизона (10 января), 26 марта—выступление Мингрельского полка в Тифлисе, 13 июня—выступление асхабадского гарнизона, 17 июля—восстание в Свеаборге, 17 июля—восстание 83-го Самурского полка в Дагестане (в Дешлагаре), с 19 на 20 июля—восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле.

Этот далеко неполный перечень восстаний показывает, что, начиная с событий 14 июня, когда на броненосце «Князь Потемкин Таврический» взвился красный флаг революции, началось революционное движение в армии. В Тифлисе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, на юге, на Украине, в Прибалтике, в Москве, даже и на Дону и в самой столице среди преторианцев-преображенцев в частях войск всех родов оружия кипят волнения, восстания, недовольство, протесты.

Военные организации, возникшие до того (в Петербурге, Кронштадте, Прибалтике, Москве, на Кавказе, в провинции—Воронеже, Одессе, в Сибири), руководили этим движением, стояли во главе его, и в этом величайшая заслуга нашей партии.

Изучение публикуемых документов о Кронштадтском и Свеаборгском восстании только лишний раз подтверждает огромную роль нашей партии в революционном движении 1905 года в армии.

Здесь необходимо прежде всего подчеркнуть, что даже там, где контрреволюционеры и охранники пытались припугнуть к революционному движению погромщиков и пьяниц, и там воздействие организованных элементов разбивало эти попытки.

Офицер Богаевский свое донесение о Кронштадтском восстании заканчивал так: «руководители не сумели овладеть движением, и все пошло вразброд; предполагавшееся политическое движение благодаря разбитым винным лавкам и грабежу обратилось в бессмысленное пьяное буйство.

«Водка,—говорят,—спасла Кронштадт».

Это, конечно, до известной степени так, но нельзя забывать и той оценки, какую дает Ленин нашим попыткам парализовать влияние водки и черносотенной агитации.

«Свеаборг и Кронштадт,—пишет он,—показали настроение войска. Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет.

К забастовке для поддержки восставших примкнули многие черносотенные элементы. Эту забастовку прекратили передовые

* См. например Ахун, М. И. и Петров, В. — «Революционная работа в войсках Петербургского гарнизона в 1905 и 1906 гг.».

Дрезин, А. — «Армия и флот в революции 1905 г.». М.—Л. 1931 г.

См. также библиографию в конце изданной недавно «Казармы» 1906—1907 гг.

рабочие, и они были правы, ибо из забастовки выходила демонстрация, а на деле стояла задача великой и решительной борьбы»^{*}.

Действовала не истихия, а работала сознательная воля революционной большевистской организации. Это влияние нашей революционной организации и важно подчеркнуть.

В интереснейших документах, печатаемых здесь, читатель найдет как подробное описание всех событий, так указание на ближайшие причины восстания: безобразные условия жизни солдат и матросов, их бесправие, палочную дисциплину, отсутствие какой бы то ни было культурной работы, долгие сроки службы, невежество и некультурность офицерского состава, классовый антагонизм между солдатской массой и командным составом, общий революционный подъем страны и т. д. и т. п. Все это указано в документах.

Мы хотим обратить внимание читателя на три обстоятельства.

Во-первых, на факт признания даже нашими врагами огромного значения нашей пропаганды. В докладе специальной комиссии, исследовавшей причины восстания, при рассмотрении причин движения, первым пунктом стоит революционная агитация: «Чрезвычайно настойчивая, энергичная и прекрасно организованная агитация, сильная удачно выбранным, близким и понятным сердцу простого народа лозунгом: «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ».

Конечно трусливое военное командование настойчивым подчеркиванием факта агитации пыталось свалить с себя вину, но именно настойчивость этого подчеркивания и старшими и младшими офицерами (см напр. еще стр. 56) указывает на широкую революционную работу в войсках.

Во-вторых, важно указание во всех документах на огромное революционизирующее влияние солдат-рабочих на остальную массу.

«К этому надо добавить,—читаем мы в отчете комиссии по исследованию причин восстания,—что большая половина команды — машинная — комплектуется преимущественно из мастеровых, фабричных, заводских и прислуги частных пароходов, т. е. из контингента наиболее беспокойного, трудно поддающегося дисциплине, и легко — агитации, состоя из людей, уже бывших в среде, проникнутой уже в значительной степени революционными идеями».

Это подтверждается и анализом классового состава частей, принимавших участие в восстании.

Участвовало в восстании (в процентах);

Минная рота:	Саперная рота:	Морские части:
Хлебопашцев 17	20	—
Заводских и других рабочих . . . 62	40	нет сведений
Прочих профессий 21	10	—
Из них:		
Неграмотных 10	6	22
малограмотных 15	14	16
грамотных 47	50	—

^{*} Ленин, Гоч., т. X, стр. 5 3-е изд. («Перед бурей»).

Обсужденные (в процентах) распределяются так:

Минная рота:	Саперная рота:	Морские части:
Хлебопашцев 20	18	52
Рабочих 60	56	22
Прочих профессий 20	26	26

Пролетариат был в авангарде движения и он же первым заплатил дань крови.

В-третьих, необходимо подчеркнуть огромное значение опыта революционного движения 1905 г. в армии для последующих событий. Именно, исходя из этих событий, из уроков восстания 1905 г., мы строим нашу военную историческую организацию 1917 г., могли избежать ошибок, допущенных нами в прошлом.

В. Невский

Публикуемые в настоящем сборнике документы, относящиеся к истории вооруженных восстаний в 1905—1906 гг., извлечены главным образом из дел б. военно-судного отделения штаба войск гвардии и Петербургского военного округа и б. Главного военно-морского судного управления (ЛОЦИА). Кроме того в данный сборник включено незначительное количество документов, взятых из дел б. Главного штаба и б. Департамента полиции.

Материалы по своему происхождению распадаются на следующие группы: 1) документы, записки, рапорта, постановления и т. д., авторство которых принадлежит «строевому начальству»; 2) документы военно-судебного происхождения (журнал «особой комиссии» по делу о восстании на крейсере «Память Азова» и некоторые другие); 3) документы, авторство которых принадлежит полицейским властям, и 4) статьи, письма и листовки активных участников вооруженных восстаний.

Происхождение документального материала естественно определяет и его значение.

Документы, составляющие центральную часть книги (записки, рапорта и постановления «строевого начальства», не только до настоящего времени не опубликовывались в печати, но и весьма редко привлекались исследователями при изучении вооруженных восстаний.

Среди документов военно-судебного происхождения, отнесенных ко второй группе, следует особо отметить журнал «особой комиссии» (военно-полевого суда во флоте) по делу о восстании на крейсере «Память Азова». Этот документ, с одной стороны, дает ряд подробностей фактического характера по истории одного из крупнейших восстаний во флоте в 1906 г., не нашедшего однако до настоящего времени должного отражения в исторической литературе, а с другой — представляет, насколько нам известно, первую публикацию подробного протокола военно-полевого суда.

Некоторые документы полицейского происхождения, которые являлись главным образом предметом изучения и в значительной мере использованы в литературе, включены в настоящий сборник в целях дополнения отсутствующих в основной части подробностей фактического характера.

Из материалов, отнесенных к последней группе (статьи, письма и листовки), некоторые, хотя известные широкому кругу читателей, включены в настоящий сборник в целях более или менее всестороннего освещения вооруженных восстаний.

Относительно приемов издания документов следует сказать следующее: текст документов печатается по новой орфографии с сохранением стилистических и орфографических особенностей подлинника. Редакционные элементы издания (заголовки и легенды) отделяются от текста подлинника посредством шрифта; сноски в тексте, за исключением случаев, особо оговоренных, принадлежат подлиннику.

К изданию приложены примечания, содержащие фактические и биографические указания, касающиеся как событий, упоминаемых в тексте документов, так и самих документов; краткие биографические данные включены в общий именной указатель.

Именной указатель составлен В. Петровым.

Центрархив

1. ВОЕННАЯ РАБОТА В ВОЙСКАХ ФИНЛЯНДСКОГО ГАРНИЗОНА

Речь Мурского (Трилиссера) на Таммерфорсской конференции (ноябрь 1906 г.)

Условия работы Финляндской военной организации значительно отличаются от условий работы других наших военных организаций. В то время как все остальные организации работают бок о бок с пролетарскими организациями, в Финляндии военная организация является единственной организацией РСДРП. Финляндская организация воздействует на весь финляндский гарнизон, рассеянный в разных пунктах Финляндии. Последнее обстоятельство отразилось и на строении организации.

Вся Ф[инляндская] в[оенная] о[рганизация] состоит из нескольких местных групп, как, например, гельсингфорской, выборгской, вильманstrandской, абоской, тьюсбинской и нескольких групп содействия в других местах Финляндии. Все местные группы, автономные в пределах своей работы, объединены между собой через центральную группу, которая руководит работой всей организации, издает литературу, орган «Вестник казармы» и т. д. и выбирается на являющейся высшим учреждением организации конференции работников Ф[инляндской] в[оенной] о[рганизации]. Конференция—учреждение постоянное и собирается периодически. Местная группа составлялась из представителей полковых комитетов и товарищей ответственных работников. Дальше шли батальонный комитет, ротные, батарейные, эскадронные. Во всех случаях частичных выступлений местные группы обязаны были созывать для обсуждения совет из представителей всех организационных ячеек. Такова в общих чертах схема организации, которая с незначительными отступлениями проводилась местными группами.

Ф[инляндская] в[оенная] о[рганизация], как и большинство наших организаций, молода и кончает теперь только год своего существования. В деятельности ее приходится отметить два момента: до и после свеаборгского восстания. Расцвет организации сов-

падает с моментом свеаборгского восстания, сменяющимся периодом упадка, переживаемым организацией и теперь. Организация широко использовала благоприятные внешние условия до восстания, и благодаря интенсивной широкой деятельности ее в этот период организации удалось охватить сферой своего влияния все находившиеся в пределах Финляндии войска (8 стрелковых полков, полевая артиллерия, горная артиллерия, пулеметные части, крепостные войска в Свеаборге и Выборге—пехота, артиллерия, минеры, саперы и мелкие части, как телеграфная команда, инженерная команда, конвойная команда, лазарет). Недостаток в работниках (острая болезнь, особенно хорошо знакомая военным организациям) не позволял вести оформленную работу во всех частях, затронутых агитацией. Работу приходилось концентрировать в перечисленных уже выше пунктах. С остальными частями связь поддерживалась через сознательных солдат, которые корреспондировали в центральную группу. Изредка удавалось в такие пункты наезжать. Повсюду, однако (через сотрудников или группы содействия), широко распространялась литература.

Средством, в значительной степени содействовавшим расширению и оформлению работы, были явки. Последние происходили (и происходят) ежедневно. В Гельсингфорсе явки приняли следующую форму: ежедневно с определенного часа приходили солдаты (из практических соображений для матросов устраивалась отдельная явка). Явка обыкновенно продолжалась 3 часа. Первые 2 часа [проходили] в деловых разговорах с солдатами по их частям. В это же время солдаты читали литературу, которую (довольно разнообразную—газеты, книги, брошюры) они постоянно могли находить на явках. Последний же час всегда посвящался беседе. Темы намечались самими солдатами. Они были в высшей степени разнообразны. Например, о программе эсеров, о Думе, о кадетках, об уничтожении постоянной армии, о боге и т. д. Вопросы политические сменялись вопросами религиозными и этическими. Докладчиком по всем этим вопросам обыкновенно являлся товарищ, ответственный работник организации, который, стараясь систематизировать все выдвигаемые солдатами вопросы, добивался того, чтобы солдаты сами высказывались. Это обыкновенно удавалось, и беседы проходили очень оживленно. Солдаты очень дорожили этими беседами, и многие из них приходили «послушать» и «поговорить об своих делах». На явках в Гельсингфорсе ежедневно бывало от 30—40 до 50 солдат и матросов, во всей же [финляндской] [военной] [организации]—от 80 до 100. Кроме этой формы работы, оказавшейся, повторяю, очень продуктивной, практиковались широко массовки и митинги. Последние были очень популярны среди солдат. На каждом из них бывало в разных пунктах работы от 100—150 до 500 и больше солдат или матросов. Нередко казармы или лагерные палатки буквально пустовали, так как солдаты уходили на свои митинги. Патрули, которые снаряжались начальством для слежки за митингами, нередко направляли [на эти митинги] попадающихся им по дороге блуждающих солдат и матросов и часто сами со своими ружьями явля-

лись на них. На митингах мы старались приучать солдат (наиболее способных и сознательных) выступать с речами.

Пропаганда систематически велась в более узкой сфере—среди членов полковых и наиболее способных из ротных комитетов. Наряду с этой агитационной и пропагандистской работой велась энергичная организационная работа. В большинстве частей на местах, где велась систематическая работа, образованы организационные ячейки: ротные комитеты, батарейные, эскадронные (среди драгун) и т. д. В самом Гельсингфорсе в июле месяце, быть может, в одной или двух только ротах не было ротных комитетов. Слабее работа была поставлена в пехоте Свеаборгской крепости. Редкие отпуска в город, «отборный» ее [пехоты] состав при полной невозможности проникать в крепость—ближайшие тому причины. Работа среди матросов оказывалась менее продуктивной благодаря оторванности [матросской] организации от других организаций [города]. Пользуясь стоянками (часто продолжительными), организация завязывала связи с судами, образовывала судовые комитеты (таковые были, если не ошибаюсь, на 7 судах). Но вот суда снялись с места, и у организации не оказывалось возможности передавать им связи с другими военными организациями, которые могли бы распространять работу дальше. Часто и нам приходилось искать связи на вновь прибывающих судах, хотя там и имелись оформленные, организационные ячейки.

Таково в общих чертах было положение дел до свеаборгского восстания. Влияние организации было довольно широко. Все происходившие раньше выступления различных частей (как, например, в Свеаборге забастовка артиллерии, в Або, Выборге) протекали под непосредственным влиянием и руководством организации. Настроение у солдат и у матросов было великолепное, с заметной тенденцией к подъему при приближении к свеаборгским дням. Неоднократно приходилось организации напрягать все свои усилия и влияние, чтобы удержать солдат от выступления. Но вот разразились свеаборгские дни, и с этого момента начинается упадок организации. Ошибочно было бы думать, что этот упадок является результатом реакции, наступившей после Свеаборга. Реакция изжита финляндским гарнизоном. Организация, за исключением ее части в Свеаборге и во флотской казарме на Скатудене (в Гельсингфорсе), сохранилась повсюду. В Свеаборге опять возобновлены связи, и работа там может быть опять налажена. Положения эти констатировала конференция ФВО, собравшаяся в сентябре. А дело в том, что необходимость отправки и содержания бежавших после восстания матросов и артиллеристов привела к почти полному иссякновению средств, которыми организация могла развивать свою деятельность. Центральный комитет свою поддержку организации исчерпал тремя паспортными бланками, которые он послал в ответ на просьбы о существенной поддержке.

Теперь организация может использовать максимум 600 марок в месяц, в то время как раньше месячный бюджет колебался от 1 600 до 2 тыс. марок. Вместе с отъездом некоторых и провалом

одного из товарищей, при отсутствии возможности содержать необходимый контингент работников работа должна будет концентрироваться только в двух пунктах. Придется отказаться от прежних форм работы и нацелить главным образом на литературную агитацию.

Литературная деятельность Ф[инляндской] в[оенной] организации выразилась в издании прокламаций, «Вестника казармы» и распространении в большом количестве легальной литературы. Литературные средства никогда почти не могли покрывать ощущавшуюся в ней у солдат потребность. Отсутствие достаточного количества литературных сил не позволяло развить более широкую литературную деятельность. За все время своего существования Ф[инляндская] в[оенная] о[рганизация] издала лишь 200 с небольшим тысяч прокламаций и 9 номеров «Вестника казармы» (13 500 экз.). «Вестник казармы» пользуется большой популярностью среди солдат. Нередко комендант «считает» себя вынужденным вступать с ним в полемику, и тогда приказы господина коменданта очень забавны. На путь идейной борьбы выступил недавно и 7-й финляндский полк. 17 октября во всех черносотенных газетах появилось письмо, подписанное несколькими солдатами названного полка. В этом письме советовали не подбрасывать им «гносных прокламаций» и вообще «не подливать масла в огонь», как они грозят, «сгонь этот вас же пожрет».

Протоколы 1 конференции военных и боевых организаций РСДРП СПб. 1907 г.

«К восстанию в Свеаборге и Кронштадте»*

Россия за последние годы привыкла к военным восстаниям, но Свеаборг и Кронштадт, связанные между собой, выделяются из ряда вон,—за последние три века невозможно указать ни одного такого крупного военного выступления.

Свеаборг, большая, хорошо оборудованная крепость, попадает в руки довольно сильного отряда, численность которого определяют от 3 до 5 тыс. чел. Все боевые выгоды были на стороне восставших: вначале численный перевес, вся артиллерия и пулеметы у них, окружающее население им сочувствовало, войска, по общим отзывам, шли на усмирение неохотно. Если главной причиной неудачи был дурно выбранный момент, когда народ не мог оказать действительную поддержку восставшим, то, надо признать, дело было погублено кроме того и собственными ошибками, так что на них очень полезно остановиться, чтобы иначе поступить в другой раз.

Первой и главной ошибкой было то, что в ночь восстания не взяли Комендантского острова, к которому можно пройти

даже по дамбе. Первое, на что всегда следует направить силы,—это захватить начальство, чтобы хотя на время обессилить организованную деятельность правительства. Здесь комендант оказался энергичным человеком и умело отстаивал свою позицию, восставшие вели себя далеко не смело, им следовало не ограничиваться одной бомбардировкой, а взять остров атакой или высадкой во что бы то ни стало.

Защищающаяся сторона при восстании почти всегда проигрывает, ибо противник может свободно собраться с силами, выбрать выгодные позиции для себя и обнаружить слабые у противника; наконец, сидеть под огнем и только защищаться—это действует отвратительно, особенно на восставших, среди которых дисциплина слаба и есть колеблющиеся, готовые отстать при одном намеке на неудачу.

Именно так и вели себя свеаборжцы—они выжидали, когда другие солдаты присоединятся к ним, когда присоединится эскадра. Выжидание привело к тому, что матросское восстание на острове Скутуден было подавлено. Восставшим было бы необходимо сделать высадку на Скутудене или на ближайшем удобном пункте: такая высадка, кроме соединения с матросами, была бы первым шагом к занятию Гельсингфорса, где восставшие пользовались поддержкой Красной гвардии и рабочего населения. Для наступательных действий революционеры были вооружены превосходно: 40 пулеметов; против такой силы пехота в открытом поле бороться не может, а, заняв какой-нибудь клочок берега, нетрудно было бы высадить несколько легких орудий.

Какая бы ни была крепость, сухопутная или морская, в ней не следует замыкаться и ждать, пока отрежут сообщение. Связь с окружающей местностью, даже если не предполагается наступать на соседние города и части войск, необходима для доставки продовольствия и людей, которые пополняют ряды восставших, пригодятся как рабочие руки при доставке снарядов, при исправлении и возведении укреплений, а этого не миновать, если собираются серьезно бороться. Рекомендую наступление, я говорю главным образом о стратегическом наступлении, т. е. о занятии новых позиций, что не связано обязательно с тактическим наступлением, т. е. с наступлением во время самого боя. Тактического наступления надо по возможности избегать, предпочитая обходные движения и контр-атаки, т. е. атаку после отбития противника, преследование его по пятам. Полевая артиллерия и мелкие суда серьезно помешать высадке не могут—они смогли бы задержать ее на несколько часов, но не больше, ибо мелким орудиям нечего и думать бороться с крепостными. Но, говоря о борьбе с полевой артиллерией, надо указать на очень печальный факт: полевая батарея, поставленная на Лагерном острове, не была сбита огнем крепости; это доказывает очень скверную стрельбу со стороны восставших. То же наблюдалось и в других случаях: в эскадру, кажется, ни разу не попали; пулеметы трещали день и ночь, но все сводилось к сжиганию патронов, потери были ничтожные. Это крупная ошибка: против отдельных лиц выгоднее пускать

* Статья В. Северцева, напечатанная в «Казарме», органе военной организации при Петербургском комитете РСДРП в № 6 от 12 августа 1906 г. (Прим. ред.)

стрелков, пулеметами же работать во время атак или по массе. Если же начали восстание, то надо внимательно относиться ко всем техническим военным вопросам. Например, в Свеаборге одной из ближайших причин сдачи был взрыв порохового погреба. Об этом взрыве существует три* рассказа: 1) его взорвал пленный офицер, 2) взрыв произошел благодаря неаккуратному обращению. Оба случая мало вероятны, гораздо больше оснований предполагать, что погреб был взорван правительственным снарядом, так как именно на Михайловский остров был направлен огонь полевой артиллерии и эскадры—это надо было предвидеть. Взорвать пороховой погреб—основная задача осаждающих, и это не раз пытались сделать японцы в Порт-Артуре. Иностранцы обыкновенно не знают точно местонахождения погреба, наши же имели планы Свеаборга, а потому взорвать погреб было нетрудно. Эту попытку надо было предупредить: прежде всего (это—лучшее предупреждение от всех случайностей), следовало разнести запасы в разные места, а в ближайшую ночь постараться блиндировать главный погреб рельсами и железными балками, если он так плохо устроен, что поддается артиллерийскому огню.

Еще большая неосведомленность и растерянность была в Кронштадте: весь план явно строился не на борьбе и победе, а на присоединении других частей. Кинулись к арсеналу, а не знали, что патронов там нет,—это большая ошибка со стороны организаторов; заняли форт «Константин» и допустили артиллеристов, которые [в момент нападения] спали и не сопротивлялись, снять [впоследствии] замки с верхних орудий, нижние же стреляют лишь в сторону моря.

Но даже не имея артиллерии, восставшие могли защищаться довольно долго, и сдачу лишь после 4-часовой борьбы надо признать мало чем вызванной, тем более что убитых не было. Форт—новой постройки, бетонный, и не только полевая артиллерия, но и крепостная разбила бы его не скоро. Возможность защиты укреплений ружейным огнем после Илевы всеми признана; а Порт-Артур, где орудия были сбиты в начале осады, окончательно подтвердил эту возможность.

Нужно привыкнуть к тому, что артиллерией нам придется пользоваться довольно редко, но надо учиться бороться с пушкой ружейным огнем, и это вещь возможная, особенно во время восстаний, так как обычно борьба идет на коротких дистанциях, а с 1500 шагов ружейный огонь действительней артиллерийского. Пушка больше пугает противника, но действовать против пехоты на коротких расстояниях она может лишь с укрепленных позиций; военные это отлично знают. Потому-то вновь заказанная русская пушка модели 1905 г. будет иметь щит, что сделает ее благодаря плохой подвижности мало пригодной для войны, но очень удобной для действий против внутреннего врага. Эти щиты, пробиваемые даже нашей солдатской пулей с полуверсты, будут

* Так в подлиннике. Третья версия, — не выделенная номером, — см. строкой ниже. Прим. ред.)

достаточно против революционеров и слабых выходов со стороны, выбить пехоту артиллерией, хотя бы из-за полевых укреплений,—задача не легкая.

В заключение я коснусь одного большого вопроса наших восстаний. Первое движение всегда направлено на захват оружия и снарядов из магазинов, арсеналов, казематов. Здесь дорога каждая минута, а между тем обыкновенно уходит масса времени на ломанье дверей топорами, штыками и т. п., тогда как выбить любую дверь или даже пробить стену, зайдя сзади, где нет караула, взрывными патронами—дело момента. Если мы идем на такое рискованное предприятие, как восстание, то мы должны внимательно отнестись ко всем техническим мелочам и обставить дело на основании современного военного искусства. Заветы же царя Гороха, которые так крепки в русской армии, пусть останутся на долю правительства.

Донесение агента Петербургского военного округа «333» (октябрь 1906 г.)

Революция в войсках, расположенных в Финляндии в настоящий момент.

Революция в войсках ведется Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП). Эта партия образовала специально для революции в войсках военную организацию РСДРП, которая выделила из себя Военную организацию РСДРП в Финляндии. На почве общности интересов и идей эта партия сближалась с Финской социал-демократической рабочей партией и особенно с ее боевой силой—Красной гвардией, ныне «боевыми тысячами». Во главе Военной организации РСДРП в Финляндии стоят 12 русских социал-демократов, присланных в Финляндию Центральным комитетом Военной организации РСДРП. Из этих 12 образовано три (3) группы: 1) центральная группа в Гельсингфорсе из трех членов под председательством «Анатолия»; 2) гельсингфорсская группа из трех человек под председательством «Антонина», 3) Выборгская группа из трех человек под председательством «Якова». Агентства: вильманstrandское—«Владислав», абоское—«Игнатий» и разъездной—«Валентин».

Положение революции в войсках, расположенных в Финляндии, в настоящий момент следующее:

1. Город Гельсингфорс: 1) «Diamond Palats», Эспланадная ул., 31, девица А. Салман, студент Гельсингфорского политехнического института Винокур. Оба окончили гельсингфорские гимназии. Посредники между русскими и финляндскими социал-демократами. Душа общества Анна Станкевич, известная под кличкой «Элли», студентка Лозаннского университета, участница московских баррикад, бежавшая из «Крестов». Можно предполагать связь с свеаборгским бунтом: в марте в гельсингфорском лазарете лежал анархист, штабс-капитан Свеаборгской крепости Цион, первый организатор свеаборгских беспорядков, разрабатывал свою «ста-

тистику анархизма». В числе лиц, его посещавших, крепостных артиллеристов, солдат и массы штатских, как приезжих из России, так и местных жителей, были, между прочим, и вышеперечисленные лица. 2) Нормальный лицей, магистр Тукийнен—бюро для приема революционных корреспонденций. В каждой корреспонденции внутри конверта должна быть надпись: «для Анатолия». 3) Михайловская ул., 2, Енгельберг, «Виктор», за свою смелость прозванный «Чортом». 4) Униогская ул., 28, квартира Воробьевых, Александра Петровна Воробьева, по прозвищу просто «Саша», секретарь Военной организации, все зашифровано, время явки «к Саше» от 12 до 3 час. дня. 5) Редактор газеты «Рабочий» — посредник между русскими и финляндскими социал-демократами, две недели тому назад дал «Антону» рекомендацию к редактору газеты «Савалакский рабочий» в г. Куопио, откуда «Антону» дали рекомендацию в г. С.-Михель к писателю Валконену, который дал рекомендацию в с.-михельский рабочий союз.

II. Город Выборг: Брахе улица, № 19, Фуксов — распорядитель; Рубинштейн — тоже распорядитель, «Яшка» — председатель выборгской группы, очевидно, человек с полным высшим образованием. Заметно знакомство с офицерами. Есть сведения, что офицеры — минеры, артиллеристы и крепостные пехотинцы — участвуют в организации. Неизвестно, активно или косвенно. По убеждению гельсингфорсского «Антон», бывшего студента и прапорщика саперного батальона из Киева, офицеры в Выборге подают большие надежды. Связь с рабочим союзом и Красной гвардией заметна. Как посредник и переводчик фигурирует русский красногвардеец Егоров, хорошо говорящий по-фински.

III. Город Вильманstrand: 1) Агитатор в войсках гарнизона «Владислав» успешно ведет агитацию в 55-м драгунском полку, своими пламенными речами производит сильное впечатление, связь с Красной гвардией особенно заметна. 2) В качестве посредника особенно замечен комиссионер Альфред Константин Салин, хорошо говорящий по-русски, живущий в Пушечном городке, № 5. 3) Рипатти — командир 1-й роты Красной гвардии. 4) Милини Лундстрем — командир красногвардейцев-женщин. 5) Матти Тупнурайнен живет по Пушечной ул., собственный дом. 6) Альбин Вямахо, Снельманская ул., № 8. 7) А. Маараян, Эспланадная ул., № 14. 8) В. Пухтияла, таможенный, Выборгская ул., № 14. В ведении этих лиц находятся патроны, которые крали в течение лагерных сборов. Было украдено 10 ящиков патронов, которые долго хранились в лесу, а затем были перевезены в Пушечный городок. Затем был украден 1 ящик. В течение всего лета кража патронов производилась стрелками во время стрельбы, — стрелки не выпускали выстрелов, а остающиеся патроны прятали за голенища сапог и в карманы. По окончании стрельбы осматриваются лишь под сумки, почему кража оставалась безнаказанной. В настоящее время у Красной гвардии хороший запас патронов, которыми она намерена снабжать войска в случаях бунта. В ведении этих же лиц находятся украденные револьверы, прибывшие для офицеров 4-го полка. Эти же лица ведают дело кражи оружия у

Белой гвардии, которая при всем желании не может опрадать своих складов, которые чуть не все известны красногвардейцам.

IV. Город Куопио: посредники корреспонденций между гельсингфорскими социал-демократами и войсками куопиоского гарнизона — 1) редактор газеты «Рабочий Савалакса» и 2) красногвардеец Михаил Турунен, живет по Пуйо улице, № 39.

V. Город С.-Михель: 1) Писатель Валконен, социал-демократ, помог русским агитаторам завязать сношения с с.-михельским рабочим союзом, а войскам — как с революционерами, так и с рабочим союзом. 2) Красногвардеец Пурхонен, посредник по пересылке нелегальной литературы войскам с.-михельского гарнизона. 3) Генрих Хокканен, красногвардеец, посредник между войсками гарнизона и рабочим союзом. Оба последние живут во дворе рабочего союза.

13, 14 и 15 сентября у 12-ти был съезд в г. Котка. Конференция заседала в здании редакции газеты «Вперед». Председательствовал «Анатолий». Было решено просить от Центрального комитета РСДРП добавочных работников для Финляндии, купить еще один типографский станок «Бостонку». Следующую конференцию решено было созвать тотчас же после получения ответа от Центрального комитета.

Ответ Центрального комитета (ЦК) получили 24 сентября, приезжает 6 агентов. Решено было съехаться в г. С.-Михеле. 2 октября конференция состоялась в с.-михельском рабочем союзе. Заседала от 12 до 8 часов вечера. Решено образовать новые группы в Або и Вильманstrand. Абоская группа должна будет обслуживать Або, Тавастгус, Николайштадт и Улеаборг; вильманstrandская: Вильманstrand, Фридрихсгам, С.-Михель и Куопио. Председатели: абоской группы «Игнатий», ему в помощь двое из вновь прибывающих; вильманstrandской «Владислав», ему в помощь двое из вновь прибывающих. Вместо разъездного агента предположено организовать «разъездную группу», главная цель которой — поддерживать связи между группами и в случае нападения помогать в агитации.

Через три недели ожидают съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Съехаться предположено в Финляндии. На С.-Михельской конференции был поднят вопрос, где съехаться РСДРП. Было решено предложить съехаться в г. Таммерфорсе.

«Пролетарий» Московской и Петербургской организации, по словам «Антон», печатается в Выборге.

На конференцию в Котке я не был допущен, но в организации С.-Михельской конференции принял личное участие и в 8 часов вечера был приглашен в конференционный зал, где мне были вручены так называемые «явки». Для явки в канцелярию к «Саше», «по поручению Антона», для явки в другие места: «от Анны». Мне должны отвечать «от Галли». Отныне не только 12 в наших руках, но и все их дела и каждый замысел.

Успех дела основан не столько на моем знакомстве с социалистическими организациями и учениями, сколько на том беспре-

дельном доверии, которым я пользуюсь среди стрелков 55-го Финляндского стрелкового полка, которые первые познакомили меня с агитаторами, и [в] том доверии, которое я в течение одного месяца завоевал среди драгун 55-го Финляндского драгунского полка, будучи в августе месяце на излечении в лазарете этого полка.

Через военную организацию легче всего добыть подробные сведения и о местных боевых организациях, всецело связанных с русскими организациями. Безусловная тайна и самая тщательная маскировка—самые необходимые условия для успеха*.

В Свеаборге остались безнаказанными 7 главарей восстания. Из них один награжден медалью (фамилия Бычков).

Крепостная артиллерия имеет в виду сдачу крепости красногвардейцам, которые с этой целью должны зимою занять окрестные острова.

Штаб ПВО, разведывательное отделение, 1906 — 1907 гг., «333».

*Далее и до конца документа в подлиннике написано карандашом. (П р и м. р е д.)

II. КРОНШТАДТ

Комендант Кронштадтской крепости главнокомандующему войсками гвардии Петербургского военного округа

Рапорт № 289.

Кронштадт, 26 октября 1905 г.
Секретно.

В дополнение к отзыву моему от 25 октября сего года за № 288 (секретно) к начальнику штаба округа для доклада вашему императорскому высочеству всепреданнейше доношу о следующих большой важности обстоятельствах.

Свободная агитация на улицах и площадях г. Кронштадта, допущенная губернским начальством и обращаемая по преимуществу к морским и сухопутным нижним чинам, случайно, а иногда и по тайному соглашению оказывающимся на некоторых городских пунктах, в течение нескольких месяцев творила свое растлевающее дело в порту и в крепости. Благодарным материалом [для] восприятия агитации являлось в отношении порта принятие по призыву из запаса нескольких тысяч мастеровых из тех заводов, в которых исполнялись заказы морского ведомства и в которых преступная агитация произвела серьезные и массовые беспорядки; этих мастеровых ввиду спешности снаряжения судов тотчас же, не дав строевой военной подготовки и не привив требований воинской службы и дисциплины, поставили по станкам, и с этого времени на улицах Кронштадта в нерабочее время стали появляться массы одетых в матросскую форму людей, большей частью пьяных, которые не отдавали чести офицерам и имели дерзкий и вызывающий вид. Александровская улица, по всей линии усеянная против казарм домами терпимости, сделалась местом скопления и разгула, и держать при таких обстоятельствах сухопутные войска в этих казармах было делом, мало обещающим успех, о чем я имел случай словесно и письменно доводить до сведения штаба округа; но возникшая по этому поводу переписка с гражданским ведомством не привела к надлежащим результатам. Между тем, нравственный характер морских команд все падал и падал вследствие высылки политически неблагонадежных матросов из Петербурга и высылки в Кронштадт провинившегося в Либаве целого экипажа¹. В то же время состав кронштадтской крепостной артиллерии пополнился около 2 тыс. чел. преимущественно 1901 г., в том числе до 200 чел. унтер-

офицерского звания, составившими в ротах сверхкомплектный фейерверкерский и унтер-офицерский баласт². Прибыли они в крайне заносенной одежде, без постельных принадлежностей, в крепостная артиллерия, только что перед тем устроившая по военному составу для Дальнего Востока свой 6-й батальон, почерпнула для этого все возможные средства и действительно снарядила батальон блестяще, что засвидетельствовало владивостокское начальство. Люди варшавского укомплектования стали дружить с матросами и поддали под влияние вожаков в матросской одежде из числа призванных из запаса. Зараза, вначале коснувшаяся артиллерии, по мере внешних революционных и оставленных свободно развиваться проявлений* перешла на пехоту; летом в одной части 1-го батальона проявились тревожные признаки брожения людей, у которых, как и в других случаях, началось принижение и продолжают приниматься возможные меры к ее улучшению и вообще к устранению предлогов к брожению по этой причине. Также в отношении обмундирования и сапог; по мечты и желания людей, навеянные извне, далеко идут за пределы тех средств, какими располагают части, и вообще при неудовлетворении нужд солдат я требовал делать то, что обуславливается законом и необходимо для поддержания здоровья и сил людей; итти далее этого навстречу развивающейся требовательности мне представляется вредным. При случае, бывшем вчера в 3-м батальоне крепостной артиллерии (о котором сообщено начальнику штаба округа за № 288), который шумно выбежал на плац перед казармой кем-то возбуждаемый к громкому заявлению недовольства по поводу дурной якобы пищи,—люди были вероятно на время мною успокоены* и встали смирно по койкам, но прилагаемая при сем копия с анонимного письма** показывает стремление каких-то вожаков терроризировать людей и начальство. У меня сложилось убеждение, что унтер-офицерский излишек присланных из Польши и есть та часть рот, которая влияет вредно на прочих, часто простоватых людей, и немедленное увольнение этого излишка было бы одною из очень полезных мер. Одновременно с беспорядком в 3-м батальоне однородный случай произошел на форте «Константин» в команде, составленной из прикомандированных к саперной роте для подготовки по ж.-д. службе, на случай, если от крепости потребуется ж.-д. часть в командировку по обслуживанию какой-нибудь забастовавшей железной дороги. Приехав на место и увидев людей, я убедился, что часть эта не деморализована, как можно было думать по первым сведениям, и люди восторженно меня встретили и поклялись служить верно. Сего числа во 2-м крепостном пехотном батальоне было более серьезное происшествие. Утром команда 2-й роты этого батальона в 50 чел. при фельдфебеле, посланная на работу по крепостному ж.-д. полотну, начала обнаруживать нежелание

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

** Письмо в деле не сохранилось. (Прим. ред.)

исполнять это поручение и передала, при сем в копии прилагаемое, батальонному командиру письменное изложение желаний* по удовлетворению претензий; желания эти составляют сколок с требований, которые нижние чины в экипажах высказывали два дня назад вице-адмиралу Никонову. Команда, получив настойчивое приказание командира, двинулась строем якобы на работы. При проходе мимо казарм 3-го батальона крепостной артиллерии послышались голоса «ура» 3-му батальону, а затем команда с фельдфебелем во главе направилась к морякам в минный класс, где ее не приняли, потом сунулась в 5-й флотский экипаж, пытаясь вызвать матросов на общую сходку, но, не достигнув цели, вернулась в роту, уверенная, что высочайший манифест 17 октября в отношении всех дарованных прав распространяется и на войска, которые таким образом имеют неограниченное право выражать желания и заявлять нужды, собираясь для этой цели в сборище. Обо всем происшедшем производится расследование для предания виновных суду. Из изложенного несомненно, что необходимы экстренные меры для прекращения развития случившегося и возможности дальнейшего существования указанного выше построения нижних чинов гарнизона, и я по долгу коменданта, ответственного за столь важную крепость, какою является Кронштадт, считаю своею священной обязанностью ходатайствовать, как о первой неотложной мере, о командировании туда одного пехотного полка, еще одного эскадрона кавалерии и о передаче из Ораниенбаумской стрелковой школы пулеметов с патронами и обученной прислугой. Меры эти необходимы безотлагательно, особенно потому, что, по сведениям, имеющимся у военного губернатора, который присоединяется к моему ходатайству, о чем я телеграфировал своему начальству, имеется основание предположить, что на 30 октября (воскресенье) революционными вожаками назначены общие повсеместные кронштадтские беспорядки по особо разработанной ими программе. Независимо [от] изложенного безусловно необходимо разрешить ныне же увольнение людей в кратковременные отпуска; таким образом могли бы в настоящее тревожное время быть изъяты из частей излишние фейерверкеры и другие чины, которых в данное время нельзя оставить в крепости.

Кроме того, если 1901-й год останется в крепости, когда в нее начнут поступать новобранцы, то от этого может произойти неисчислимый вред, поэтому безусловно желательно безотлагательное увольнение в запас людей срока службы 1901 г.

Комендант Кронштадтской крепости

генерал-лейтенант Беляев.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. 7, 1905 г

* Заявление в деле не сохранилось. (Прим. ред.)

Комендант Кронштадтской крепости главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа

Рапорт № 336.

Кронштадт, 9 ноября 1905 г. *
Секретно.

В рапорте от 26 октября сего года за № 289 (секретно) мною было всепреданнейше донесено вашему императорскому высочеству о волнениях, возникших в командах, собранных для обучения ж.-д. делу при саперной крепостной роте на форте «Константин», а также в 3-м батальоне кронштадтской крепостной артиллерии.

26 октября днем мною было получено донесение о том, что команда в 50 чел. из чинов 2-й роты 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, наряженная на крепостные работы, отказалась выйти из казарм. Командиру батальона полковнику Осипову, прибывшему к команде, нижние чины подали лист с перечнем различных их пожеланий³. После настойчивого повторения приказаний итти на работу команда приказание это исполнила, но по пути, проходя мимо казарм 3-го батальона крепостной артиллерии, произведшего накануне беспорядок, приветствовала чинов этого батальона криками «ура» и маханием шапок. Окончив заданный на работе урок, команда возвратилась в свои казармы боковой дорогой (Павловская ул.), мимо казарм матросов, где также кричала «ура» и махала шапками; матросы отвечали из окон тем же, но к команде не присоединялись.

По получении донесения о таком беспорядке мною немедленно были сделаны все нужные распоряжения об арестовании людей команды и о препровождении их на форт «Павел», причем я приказал посадить арестованных на поезд крепостной железной дороги, поданный к месту арестования, — Сухопутному манежу, а для охраны арестованных нарядить караул от артиллерии; на случай же могущих быть при аресте осложнений мною было приказано заблаговременно подвести к манежу учебные команды 1-го и 2-го кронштадтских крепостных батальонов.

Исполнение моего приказаний было поручено общему начальнику пехоты полковнику Свяцкому и комендантскому штаб-офицеру полковнику Семенскому.

Арестованные были посажены в крытый товарный вагон, позади которого шла платформа с часовыми, а впереди пассажирский летний вагон, где поместились офицеры и наряженные в караул 20 нижних чинов 6-й роты крепостной артиллерии. В 4½ часа дня поезд пошел в путь. Шагов за 200 до станции встречающая толпа матросов начала бросать в поезд камнями. На станции, для выхода на Косу, поезд должен был сделать необходимые маневры. Для охраны поезда в этом месте были высланы из Сухопутного манежа заблаговременно сначала учебная команда 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона и несколько

позже учебная команда 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона.

Во время маневров на станции поезд был окружен толпой из матросов примерно в 700 чел.

Машинист, сцепщик и кондуктор поезда были сбиты камнями со своих мест. Начальник караула штабс-капитан Шлехтер и почти все нижние чины караула получили ушибы, причем двое весьма тяжкое. Учебные команды 1-го и 2-го кронштадтских пехотных батальонов не могли сломить сопротивления толпы, которая принялась громить вагоны. Двое арестованных, пользуясь тем, что один из часовых был оглушен камнем и свалился, вылезли через небольшое окно из вагона и были пойманы только впоследствии, небольшие окна из вагона и были пойманы только впоследствии,

При таких обстоятельствах начальник караула открыл по толпе огонь, поддержанный частью учебной команды 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона⁴. После 10—12 выстрелов толпа атакующих рассеялась, оставив на месте одного убитого и одного тяжело раненого матроса. После этого арестованные были благополучно доставлены в вагоне на батарею «Константин», а затем на пароходе на форт «Павел». Машинисты из нижних чинов крепостной саперной роты, бывшие на паровозе, несмотря на ушибы от камней, провели поезд на батарею «Константин», вполне спокойно исполняя свое дело.

По получении от комендантского штаб-офицера полковника Семеновского донесения по телефону о происшедшем на станции мною было отдано приказание немедленно вызвать гарнизон по тревоге и занять заранее известные всем частям места для защиты Косы острова Котлина, где находятся: 1) морская артиллерийская лаборатория, 2) открытые с тыла косные батареи с пороховыми и со снарядами погребами и разные другие хранилища, оберегаемые лишь одиночными часовыми. Вместе с тем мною было приказано немедленно доставить труп убитого матроса на кладбище на Кронштадтской косе. Это приказание мое, однако, было исполнено только впоследствии, в час ночи, по причине волнения и растерянности среди нижних чинов саперной крепостной роты. Расследование об этом промедлении производится. Охранять крепостную железную дорогу было мною поручено крепостной минной роте. Как о том уже всепреданнейше донесено мною в рапорте вашему императорскому высочеству от 26 октября сего года за № 289 (секретно), возникновение беспорядков не явилось неожиданным, и для предупреждения и прекращения их мною были приняты заблаговременно различные меры.

Еще 16 октября сего года мною был отдан приказ о разделении всего района крепости на 5 участков и для каждого из них был назначен особый комендант, обязанный безотлучно находиться на своем участке и безотлагательно подавлять всякий беспорядок, для чего в распоряжение участкового коменданта были назначены нижние чины и команды, обязанные являться по первому требованию. Впоследствии, уже 2 ноября, артиллерийская лаборатория морского ведомства на Косе, по удалении из

* В приводимых ниже документах дата рапорта № 336 обозначается «10 ноября 1905 г.». (Прим. ред.)

нее всех вольнонаемных служащих, была выделена мною как особый (6-й) участок.

Программа действий для каждой части гарнизона крепости на случай возникновения беспорядков была выработана заблаговременно, и уже 23 октября сего года я вступил в совещание с главным командиром Кронштадтского порта на предмет совместных действий войск сухопутных и морских на случай возникновения беспорядка, причем во время совещания было условлено, что верноподанные морские команды составят резервы войск сухопутного гарнизона. Для облегчения исполнения служебного долга морякам мною было предложено ставить надежные морские команды сзади пехотных, чтобы на случай необходимости первые выстрелы по мятежным матросам были сделаны чинами сухопутного гарнизона.

Вследствие волнений, замечаемых в кронштадтской крепостной артиллерии, мною было 16 октября сего года отдано приказание делать наряд на караульную службу от частей артиллерии, чтобы, освободив крепостные пехотные батальоны от несения караулов, иметь в своем распоряжении более надежные войска; благодаря такой мере удалось освободить пехоты в количестве до полубатальона.

Во избежание ложного толкования высочайшего манифеста 17 октября сего года мною в офицерском собрании 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона 19 октября были собраны господа офицеры гарнизона крепости, и этим офицерам лично мною было сделано разъяснение манифеста. На следующий день, 20 октября, для той же цели в так называемом Сухопутном манеже мною были собраны все начальствующие нижние чины, за исключением должностных, и я лично также разъяснял им манифест, причем при разъяснениях как господам офицерам, так и начальствующим нижним чинам мною было вменено им в обязанность разъяснить со своей стороны значение высочайшего манифеста без исключения всем нижним чинам гарнизона крепости⁵.

19 октября сего года мною были приглашены все священнослужители из военно-сухопутных, военно-морских, а равно из всех городских церквей г. Кронштадта; этих священнослужителей я просил о том, чтобы каждый из них стремился, не ограничиваясь одними только проповедями в церквях, неустанно беседовать и поучать свою паству, с тем чтобы внести успокоение в умы в скорейшее время⁶.

Кроме того были приняты заблаговременно еще нижеследующие меры.

Пользуясь тем, что в крепостных складах имелись 28 старых 4-фунтовых полевых пушек, мною приказано было передать эти орудия в количестве 20-ти в крепостную артиллерию и в количестве 8-ми в 1-й и 2-й кронштадтские крепостные пехотные батальоны. Артиллерия эта была разделена на позиционную (12—4-фунтовых пушек, переданных крепостной артиллерии и 8—4-фунтовых пушек, переданных кронштадтским крепостным пехотным батальонам) и на подвижную (8—4-фунтовых пушек,

переданных кронштадтской артиллерии). В крепостных пехотных батальонах для управления орудиями были образованы и заблаговременно обучены особые артиллерийские команды.

Позиционная артиллерия предназначалась для обстреливания подступов к зданиям и сооружениям, охраняемым теми частями, к которым были приданы орудия; подвижная артиллерия предназначалась для поддержки пехотных полков и для действия по зданиям, если таковые пришлось бы штурмовать.

Всем частям гарнизона было предложено иметь всегда в запряжке свои пожарные обозы, а охотничьим командам иметь наготове пожарные принадлежности.

По объявлении общей тревоги около 6 часов вечера войска заняли места, руководясь заранее составленным расписанием.

Крепостная артиллерия вышла из своих казарм и заняла Александровскую ул. и Нарвскую площадь, охраняя также ворота, ведущие из города на Косу (Цитадельские и Кронштадтские), причем 1, 3 и 14-я роты были направлены для защиты ж.-д. станции, где лежал труп убитого матроса; 10, 11 и 12-я роты с 8-ю 4-фунтовыми полевыми орудиями были направлены в общий резерв; 4-я и 18-я роты пошли на Владимирскую ул. и перекрестки ее с Николаевским проспектом, с Соборной ул. и с Козельским переулком.

3-я рота 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона охраняла военную тюрьму. 1-я рота того же батальона заняла станцию крепостной железной дороги вскоре после прихода артиллерийских рот. 5-я рота расположилась на Косе. Команда из чинов саперной роты в 30—40 чел. занимала станцию военного телеграфа у станции железной дороги. Учебная команда 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона (принявшая уже участие в усмирении беспорядков на ж.-д. станции) встала на Северном бульваре впереди казарм № 3 Северной (7½ часов вечера), расположившись за кучами камней.

2-й кронштадтский крепостной пехотный батальон занимал: 1-я рота угол Михайловской и Кронштадтской улиц, не арестованные люди 2-й роты (всего до 60 чел.) заняли угол Северного бульвара и Михайловской ул., 5-я рота стояла на Косе, занимая по расписанию свой участок, 3-я рота и учебная команда 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона (принимавшая участие в усмирении беспорядка на ж.-д. станции) охраняла казарму своего батальона № 4 Северную.

2-я, 4-я роты 1-го и 4-я рота 2-го кронштадтских крепостных пехотных батальонов собрались по тревоге в общий резерв у штаба крепости, но впоследствии (к 9 часам вечера) они были направлены мною для занятия своих казарм, коим угрожал разгром со стороны мятежников, в то время, когда 18-я рота кронштадтской крепостной артиллерии с Владимирской ул. должна была под напором толпы подвинуться ко 2-й Северной казарме. Минная рота занимала свой участок на Косе. Засим в общем резерве у штаба крепости оставались (к 10 часам) 3-го батальона крепостной артиллерии 10, 11 и 12-я роты.

При резерве находились артиллерийские команды 3, 1-го и 5-го крепостных артиллерийских батальонов при 8-ми 4-фунтовых орудиях, передвигаемых людьми на лямках.

Таким образом все части вверенного мне гарнизона со своими офицерами встали в строй, но, в то время как в пехотных частях все были на своих местах, далеко не все люди артиллерии находились в строю: отсутствовало большинство людей срока службы 1901 г., присланных в Кронштадт из других крепостей. Эти люди частью находились в казармах, частью направились на присоединение к морякам, частью разбежались по городу; число этих людей по ротам с точностью определить в настоящее время нельзя; пока можно только сказать, что большинство их принадлежало к 5-му артиллерийскому батальону; эти люди, находясь в тылу боевых рот, угрожали последним и даже в них стреляли, хотя последнее обстоятельство еще не проверено. Следствие на этот предмет производится.

Я находился при войсках, собранных на Михайловской ул. между Северным бульваром и улицей Кронштадтской.

Около 7 часов вечера мною было послано по телеграфу в штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа донесение с просьбою о высылке эскадрона драгун и полка пехоты. Почтово-телеграфную контору охранял караул от эшелона * 94-го Енисейского полка, причем люди строго исполняли свой долг.

Пользуясь телефоном в частной квартире морского офицера, я вступил в сношение с главным командиром порта и около 7 часов вечера получил от него ряд тревожных сообщений о том, что нижние чины экипажей выходят из повиновения, что части находятся в полном беспорядке и даже по взаимному недоверию начали стрелять друг в друга.

В начале 8-го часа в городе по всем направлениям была слышна стрельба. Около 8 часов к месту расположения 4-й роты крепостной артиллерии пришла команда моряков под начальством капитана 1-го ранга Сильман и встала, как ей было указано, сзади роты, но через короткое время команда эта с моего согласия была отведена, так как среди людей сухопутных частей, замеченное даже чинами ближайших сухопутных частей.

В 9-м часу вечера мною было послано по телеграфу в штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа второе донесение о происходящем, более подробное, чем первое.

В 8 часов вечера толпа матросов с примесью хулиганов, примерно всего 1000 чел., произвела с ружейными выстрелами нападение на охранявшую казарму № 3 Северную учебную команду 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, бывшую под командованием штабс-капитана Новгородского; нападение было отражено залпами без потерь для команды.

В 10-м часу вечера толпа вновь произвела нападение на ту же казарму № 3 Северную. На этот раз для отражения нападения

* Прибыл в Кронштадт в сентябре месяце в распоряжении орского ведомства для несения караульной службы.

штабс-капитан Новгородский собрал и присоединил к своей команде добровольцев из музыкантов, роздав им винтовки; второе нападение произведено было более энергично, чем первое, причем ружейный огонь, попрежнему, беспорядочный, был более частым.

Один из музыкантов-добровольцев был ранен, и кроме того шальной пулей был ранен музыкант в казармах, не принимавший участия в деле. Нападение было отражено залпами и огнем пачками. Музыкантами-добровольцами командовали подошедшие по собственному почину 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона штабс-капитан Балинов 2-й и строевой офицер штаба подпоручик Римский-Корсаков. На помощь учебной команде 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона была отпущена из резерва 4-я рота 2-го кронштадтского пехотного батальона, но она вернулась на свое место, так как нападение было отбито раньше ее прихода.

О происходящем у казармы № 3 Северной мною в 10 часов вечера было по телеграфу послано в штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа донесение.

Одновременно со вторым нападением на казарму № 3 Северную собралась большая угрожающая вооруженная толпа матросов на углу Владимирской и Михайловской улиц, у крепостного собора; чтобы рассеять эту толпу, мною по Михайловской ул. была выслана 1-я рота 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона под командою капитана Леонтьева. При проходе мимо Купеческой ул. рота была встречена сильным огнем залпами с конца этой улицы, где между Гостиным двором и Татарскими рядами собралась большая толпа моряков. Капитан Леонтьев повернул роту правым плечом и открыл по названной толпе огонь залпами, после чего толпа разбежалась.

Кроме стрельбы с восточного конца Купеческой ул. рота подверглась еще обстреливанию во фланг с Михайловской ул. (с южной стороны), и, наконец, в тыл роты было произведено несколько выстрелов с западной стороны улицы, причем есть предположение, что стрелял артиллерийский патруль, разбежавшийся после двух-трех выстрелов, сделанных нижними чинами роты по направлению этого патруля. Обстоятельство это еще, однако, не проверено, — следствие на этот предмет производится. Рассеяв толпу, капитан Леонтьев отошел на угол Кронштадтской и Михайловской улиц. В роте оказались потери: в нижних чинах — 1 убитый, 1 тяжело раненый и 3 легко раненых.

Указанными выше случаями попытки моряков напасть на войска и ограничались. Была еще попытка со стороны нижних чинов флота, собравшихся толпою вместе с хулиганами на посадке на Косе, произвести нападение на морскую загородную лабораторию, но толпа эта не решилась напасть на охранявшую лабораторию 5-ю роту 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, повернула к Кронштадтским воротам, но, встретив здесь эскадрон драгунов, рассеялась.

Хотя попытки нападения более не повторялись, но в течение всей ночи шла непрерывная стрельба по городу и казармам, при-

чем был у казармы 5-го артиллерийского батальона (2-я Западная) ранен в голову кронштадтской крепостной артиллерии подполковник Бек.

После неудачного нападения на войска, мятежники рассыпались по городу, производя пожары и разгром лавок и магазинов.

Вследствие рассеяния мятежников, что случилось около 10 часов вечера, можно было иметь некоторую надежду на то, что организованные нападения очень больших масс на войска не повторятся, и появилась возможность высылать от охраняющих войск небольшие команды для обхода хотя ближайших к их позициям частей города для прекращения пожаров и грабежей.

В 10 часов вечера полурота 2-й роты крепостной артиллерии обошла часть Владимирской ул.

В 10½—11 часов 4-я рота крепостной артиллерии обошла части улиц Владимирской, Соборной, Купеческой и Николаевского проспекта, прекращая грабежи, причем дала по грабителям четыре залпа. В 12 часов ночи один из взводов 4-го эскадрона л.-гв. драгунского полка (прибывшего еще 25 октября для подавления беспорядков) во время объезда по Николаевской ул. был обстрелян со стороны Козьего болота (угол Николаевского проспекта и Кронштадтской ул.). Взвод спешил и залпами разогнал толпу.

В час ночи в полуэскадрон драгун того же 4-го эскадрона, при объезде Косы между морской лабораторией и Кронштадтскими воротами, из самых ворот было сделано несколько выстрелов: есть предположение, что таковые были произведены из толпы не находившихся в строю артиллеристов; толпа эта, однако, при приближении эскадрона рассеялась. Обстоятельство это расследуется военным следователем.

В час ночи команда в 10 чел. л.-гв. уральской сотни, находящаяся в распоряжении начальника крепостных жандармов, была отправлена для прекращения грабежа в Гостином дворе; грабители встретили команду ружейными выстрелами и бросанием камней. Казаки со смелостью и лихостью, заслуживающими быть отмеченными, разгоняли толпу, а после вернулись к резерву.

В 2 часа ночи 17-я рота крепостной артиллерии прошла на угол Владимирской и Соборной улиц для тушения бывшего там пожара.

В 3 часа ночи взвод 4-й роты 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона под начальством поручика Лубенцова при обходе на углу Павловской и Соборной улиц встретил толпу вооруженных матросов и хулиганов, идущую по направлению к Гостиному двору; из толпы были сделаны выстрелы. Поручик Лубенцов приказал дать несколько залпов, и толпа рассеялась. В 3 часа ночи команда в 10 чел. л.-гв. Уральского полка, смело действуя, разгоняла грабящую толпу у Татарских рядов.

В течение всей ночи 2-я и 4-я роты 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, занимавшие свои казармы, время от времени посылали команды в переулки между Николаевским проспектом, Павловской ул. и Северным бульваром для прекращения грабежа.

Независимо от сказанного всю ночь делались обходы патрулями преимущественно от частей артиллерии по Николаевскому проспекту, по улицам Сайдашной, Высокой и др. Патрули эти и команды, высланные для прекращения грабежа, делали аресты матросов и частных лиц, производивших бесчинства и грабеж; всего арестовано было свыше 100 чел.

В 11 часов 30 минут ночи было мною послано по телеграфу краткое донесение в штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа с просьбою о высылке свежих войск.

В течение ночи по телеграфу из штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа мне было сообщено: около 3 часов о высылке эскадрона драгун и пехоты, а около 4 часов о высылке 2 батальонов Иркутского полка.

К утру 27 октября беспорядки начали стихать. Утром в различных частях города были лишь сравнительно незначительные нарушения порядка. Пожары продолжались.

В 7½ часов утра по телефону мною было послано вновь донесение о происходящем в штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа.

К 12 часам дня 27 октября прибыли в крепость 1-я и 2-я сводные, 23-я и 24-я пулеметные роты при 4 пулеметах, высланные по собственному почину генерал-майора Рагозина и принесшие одним своим прибытием большую пользу для усмирения мятежников. Одновременно с пулеметами прибыли 2 эскадрона л.-гв. драгунского полка.

К часу ночи прибыли 2 батальона Иркутского полка; эти последние были направлены на смену кронштадтских крепостных пехотных батальонов, простоявших на местах более 16 часов. При этой смене 7-я рота Иркутского полка была встречена выстрелами шайки грабителей у догоравших домов на углу Владимирской и Соборной улиц. После нескольких выстрелов иркутцев грабители разбежались, и вооруженного сопротивления нигде не встречалось.

В 1 часу дня штаб войск гвардии и С.-Петербургского военного округа по телеграфу сообщил мне о высылке батальона Енисейского и батальона Омского полка, а во 2 часу—о присоединении к высланному батальону Енисейского полка 4 пулеметов.

Около 3 часов дня среди мятежников, повидимому, уже явилось сомнение в своем деле, и во многих местах города стали показываться колонны матросов, шедших в порядке без оружия и просивших беспрепятственно пропускать их в экипажи для уговоров товарищей к покорности, как то мне было сообщено по телефону главным командиром порта. Движение это было мною разрешено под условием, чтобы морские команды ходили при этом со своими офицерами и с белыми флагами и не подходили ближе как на сто шагов, к району, уже занятому сухопутными войсками,—для избежания могущих быть недоразумений. Эта демонстрация способствовала бы успокоению в войсках и в городе. Матросы моему требованию подчинились.

В 5 часов дня, когда прибывшие части были накормлены и отдохнули, по моему приказанию, с целью изолировать мятеж-

ные экипажи от города, было произведено наступление в следующем порядке.

1-й кронштадтский крепостной пехотный батальон выдвинулся от своих казарм до Павловской ул., т. е. подошел вплотную к кварталу флотских Павловских казарм; 2-й батальон расположился в своих казармах в готовности к штурму экипажей с восточной стороны, если бы то потребовалось. С запада наступал 2-й батальон Иркутского полка, имея 3 роты в боевой линии, и занял Соборную ул. против флотских экипажей. Правее, начиная от Андреевского собора, по Соборной ул. до Итальянского пруда, стали артиллерийские роты. Для анфилирования улиц, прилегающих к кварталу морских казарм, с целью блокировать моряков были установлены пулеметы: один на Андреевской площади, анфилировавший Большую Екатерининскую ул., другой на Николаевской ул., у Владимирского собора для анфилирования Павловской ул. Наконец два пулемета были установлены на Северном бульваре, против Бочарной ул.

Войска стали на места, не встретив никакого сопротивления.

В резерве у штаба крепости находились один батальон Иркутского полка и команды двух сводных пулеметных рот.

Около 6 часов вечера началось по моему приказанию формирование сводного ж.-д. батальона, быстро законченное.

В 8-м часу вечера пришел в крепость батальон Енисейского полка.

В 9-м часу вечера, при личном обходе мною оцепления, ко мне обратился полковник морской артиллерии Петров с докладом, что мятежные нижние чины учебного артиллерийского отряда желают покориться. Я приказал немедленно доставить пулеметы, находящиеся в распоряжении отряда, как доказательство покорности. Это требование было выполнено, и пулеметы были переданы сухопутным командам пулеметных рот, находящимся в резерве.

Около 9 часов вечера мною получено по телеграфу от штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа сообщение о том, что 2 батальона пехоты и 1 скорострельная батарея высылаются в Кронштадт.

Для освещения улиц, прилегающих к блокированным казармам моряков, во избежание неожиданных движений с их стороны в темноте, в 9 часов вечера был установлен электрический проектор.

В 12 часов ночи прибыл в крепость батальон Омского полка.

В ночь с 27 на 28 октября в крепость прибыли два батальона л.-гв. Преображенского полка.

Ночь эта прошла спокойно, лишь в самом дальнем от войск северо-восточном углу города были случаи незначительных беспорядков.

В 4 часа утра 28 октября мною получена телеграмма о переходе крепости и города на военное положение, о чем и было объявлено мною начальникам частей и управлений.

К 9 часам утра (28 октября) прибыли в крепость два батальона

л.-гв. Павловского полка, батарея гвардейского стрелкового дивизиона и взвод вьючной пулеметной роты л.-гв. стрелковой бригады.

В 5 часов вечера 28 октября уже началось разоружение морских экипажей и произошло в следующем порядке. Роты отряда, под общим командованием командира л.-гв. Павловского полка генерал-майора Щербачева, были распределены по экипажам с целью их разоружить, имея на случай сопротивления резервы, причем: 2 роты л.-гв. Преображенского полка обезоружили 3-й флотский экипаж и учебный минный отряд; 3 роты л.-гв. Павловского—12, 19 и 20-й флотские экипажи; 2 роты 93 пехотного Иркутского—1-й и 16-й флотские экипажи; 2 роты 94 пехотного Енисейского—2-й флотский экипаж; 2 роты 96 пехотного Омского—5-й и 6-й флотские экипажи; 2-й крепостной пехотный батальон—учебный артиллерийский отряд, 4-й и 7-й флотские экипажи.

Частный резерв составляли:

1 рота л.-гв. Павловского полка на Павловской ул.

2 батальона 93 пехотного Иркутского полка на Николаевской улице.

2 роты 94 Енисейского пехотного полка у казармы 2-го флотского экипажа.

2 роты 96 пехотного Омского полка на Большой Екатерининской улице.

Общий подвижной резерв составляли:

1½ батальона Преображенского полка.

1 батальон Павловского полка.

8 орудий 1-й батареи гвардейского стрелкового дивизиона.

Общий резерв находился сначала на Петровской ул. во время разоружения 4, 7, 12 и 19-го экипажей, затем перешел на Большую Екатерининскую и Павловскую улицы—к месту разоружения экипажей, стоящих в Павловских казармах.

Разоружение было произведено распоряжением командиров батальонов при участии командиров экипажей при общем руководстве командующего отрядом генерал-майора Щербачева.

Многие из сданных матросами винтовок были заряжены.

В течение 29 октября произведены аресты в крепостной артиллерии.

С 11 часов утра арестованию подверглись нижние чины 3-го и 5-го батальонов крепостной артиллерии срока службы 1901 г.

Для арестования батальоны в полном составе без ружей были приведены в Сухопутный манеж, и в это время ружья, оставшиеся в казармах батальонов, были взяты 4 ротами л.-гв. Павловского полка. По прибытии артиллерийских батальонов в манеж они были окружены 2 батальонами л.-гв. Преображенского полка под командой полковника Ганецкого, а 3 ротами л.-гв. Павловского полка, под командой капитана Гештовта были арестованы люди 1901 г., в числе 700 чел., затем все арестованные были препровождены под конвоем на пристань и свезены на морские батареи

«№ 4 и № 6 Северные». При арестовании сопротивления не было.

30 октября были арестованы матросы 4-го и 7-го флотских экипажей. Арестование началось с 11 часов утра—13¼ батальона л.-гв. Преображенского полка арестовали 7-й флотский экипаж в числе 1023 чел., а батальон л.-гв. Павловского полка арестовал матросов 4-го экипажа в числе 97 чел. На случай сопротивления при аресте в резерве находились по батальону от полков л.-гв. Павловского, 93-го пехотного Иркутского, 96-го пехотного Омского; расположены они были на Бочарной ул. Арестованные были препровождены на пристань под конвоем и свезены на форт «А». При арестовании сопротивления не было.

31 октября с 12 часов дня было произведено арестование матросов прочих экипажей. Для арестования части были распределены по экипажам, причем самое арестование и конвоирование производились 1-й—2-й ротами, а прочие составляли резерв на случай сопротивления. Арестование было произведено в учебных артиллерийском и минном отрядах и в экипажах 1, 2, 5, 10, 11, 12, 16, 19 и 20-м; арестование производили два батальона л.-гв. Преображенского полка, два батальона л.-гв. Павловского полка, два батальона 93-го пехотного Иркутского полка и один батальон 94-го пехотного Енисейского полка. Два эскадрона драгун поддерживали разъезды по Павловской и Большой Екатерининской улицам. Общее наблюдение имел генерал-майор Щербачев. Сопротивления при арестовании не было. Арестованные были препровождены в казармы 7-го флотского экипажа, для окон которых были заблаговременно заботами кронштадтского крепостного инженерного управления заготовлены железные решетки.

В городе полное спокойствие.

Следствие о беспорядках производится, причем по сведениям, данным следственными властями, в настоящее время можно уже предполагать, что нижние чины сухопутного гарнизона крепости, если и принимали участие в беспорядках, то пассивное, и сыграли в них второстепенную роль, причем нижние чины эти, оказываясь, главным образом срока службы 1901 г., присланные в Кронштадт из крепостей на западной границе.

По поводу произведенных в Кронштадте грабежей выяснилось, что состоящие сторожами при церкви 5 нижних чинов крепостной артиллерии спрятали в церкви похищенные при разгроме в ночь на 27 октября матросами и частными лицами различные вещи (на сумму 55 руб.). Других подобных дел относительно чинов сухопутного гарнизона крепости у следователей в производстве не имеется.

Об убитых, умерших от ран, раненых и пострадавших в настоящее время собраны нижеследующие сведения:

При исполнении служебного долга

Убитых нижних чинов: 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона 1; всего 1.

Раненых офицеров: кронштадтской крепостной артиллерии

(подполковник Бек) 1; всего 1. [Раненых] нижних чинов: 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона 1; 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона 5; всего 6.
Тяжко ушибленных офицеров: кронштадтской крепостной артиллерии (штабс-капитан Шлехтер) 1; всего 1.
Нижних чинов: кронштадтской крепостной артиллерии 1; всего 1.

Случайно пострадавшие

Убитых нижних чинов: унтер-офицеров команды при отделении военной тюрьмы 1; всего 1.

При участии в мятеже.

Убитых нижних чинов: кронштадтской крепостной артиллерии 3; всего 3. Умерло от ран нижних чинов: кронштадтской крепостной артиллерии 2; всего 2. Раненых нижних чинов: кронштадтской крепостной артиллерии 6; всего 6.

При обстоятельствах, в настоящее время точно неизвестных

Ранен 1 нижний чин кронштадтской крепостной артиллерии, самовольно отлучившийся 1; всего 1.

Матросов и частных лиц: убито 10, умерло от ран 5, ранено 63. Общая сумма убитых и умерших от ран 22 чел.; раненых и ушибленных 81 чел.

Об изложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому высочеству.

Комендант Кронштадтской крепости
генерал-лейтенант Беляев.

Начальник штаба полковник Свяцкий.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. 5, 1905 г.

Комендант Кронштадтской крепости главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа *

Рапорт № 32.

Кронштадт, 11 февраля 1906 г.
Секретно.

Рапортом от 10 ноября 1905 г. за № 336 (секретно) мною было всеподданнейше донесено вашему императорскому высочеству о действиях сухопутных войск при событиях 26—27 октября.

В настоящее время дознания и следствия о мятеже в Кронштадте закончены, судебными властями морского ведомства подсудимым вручен обвинительный акт, и заседания суда уже начались. Руководясь донесениями командиров экипажей и морских офицеров, а также данными, добытыми следствием, является воз-

* На подлиннике помечено: «Сущность рапорта: Морской прокурорский надзор сделал с своей стороны все, чтоб умалить значение кронштадтского бунта, уменьшив число виновных и смягчить (а иногда даже совсем замолчать) степень их виновности. Даже из рапортов экипажных командиров и дежурных офицеров не извлечены некоторые важные обвинительные пункты и не включены в обвинительный акт. Наконец некоторые места обвинительного акта опровергаются фактами, в том же акте приводимыми.—Ген. Газенкам пф. 14/II 06».

можным осветить в некоторой последовательности события, происшедшие в ночь с 26 на 27 октября в рядах морских экипажей и отрядов, хотя к этому встречаются довольно значительные затруднения.

Согласно сведениям жандармского надзора выяснено, что бунт морских команд был подготовлен агитаторами на воскресенье 30 октября. К этому же дню должны были прибыть в Кронштадт лица, предназначенные быть руководителями мятежников. Предполагалось захватить крепость с ее батареями и складами. Агитаторы рассчитывали воспользоваться военными судами, находящимися в порте*.

Мятеж вылился, однако, наружу уже 26 октября по ниже следующей причине.

Во время объезда 24 октября морским начальством в Кронштадте экипажей и отрядов матросы предъявили письменные требования, по преимуществу экономического характера, что дало повод команде 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона осмелиться со своей стороны 26 октября предъявить начальству такие же требования. В тот же день в полном составе команда эта была арестована и отправлена на поезд крепостной железной дороги на дальнюю морскую батарею.

Как о том уже всепреданнейше мною донсено вашему императорскому высочеству, в рапорте от 10 ноября 1905 г. за № 336 (секретно), поезд с арестованными подвергся нападению толпы бунтовщиков, причем огнем конвоя были убиты среди мятежников один матрос 4-го экипажа и другой матрос того же экипажа ранен; (3-го раненого матроса товарищи унесли с собой). Разбежавшиеся бунтовщики разнесли весть в морские команды о том, что сухопутные офицеры убили матросов, и призывали к мятежу.

Это послужило сигналом к началу беспорядков.

Вылившийся наружу раньше времени мятеж прошел без общего руководства и строгой организации. Ограничившись тремя нападениями на войска сухопутного гарнизона и сделав попытку к четвертому, мятежники рассеялись по городу, производя грабеж, разбой и пожары.

Среди морских офицеров, к сожалению, появилось желание толковать события 26—27 октября не как военный мятеж, а как простой разгул нижних чинов флота, принявший значительные размеры благодаря участию в нем хулиганов. Такое стремление отразилось на произведенных морскими офицерами дознаниях, а также, к сожалению, и на самом следствии, для которого дознания служили важным материалом.

Например, 26 октября во время мятежа рота пехоты шла по улице с целью разогнать сборище около крепостного собора. С одной из боковых улиц во фланг роте большие мятежные толпы матросов открыли частый и достаточно стройный огонь. В роте оказались потери—1 убитый, 1 умерший от ран и 3 раненых.

* В городе обращались прокламации, в которых мятежники призывали вести суда к Петергофу и Александрии.

Толпа мятежников была разогнана огнем роты залпами и пачками. Есть предположение, что в тыл роты были сделаны в это время 2—3 выстрела артиллерийским патрулем, о чем было произведено военно-судебными властями следствие, виновных не обнаружившее. Разогнав огнем толпу и подобрав раненых, рота отошла на определенную ей расписанием боевую позицию.

Прокурорский надзор, повидимому, руководился исключительно одним дознанием, произведенным морским офицером, и в обвинительном акте нападение на роту отмечено таким образом: рота пришла к казенной винной лавке и стреляла по толпе человек в 30 из матросов и артиллеристов, громящих лавку. Вскоре артиллерийский патруль стрелял в роту, причем убил одного солдата, а другого смертельно ранил. Со стороны морских казарм к роте подвигалась большая толпа (нестрелявшая), тогда рота была положена на землю, а потом совсем отведена по направлению к дому коменданта.

При общем описании событий кроме того в обвинительном акте указывается, что ни обвиняемые, ни свидетели не заметили вовсе за время, предшествующее мятежу, и во время мятежа какой-либо агитации, между тем в самом обвинительном акте из предъявленных к матросам обвинений можно усмотреть, что политическая агитация в событиях мятежа несомненно имела место*.

Кроме того жандармско-полицейским надзором вполне точно установлено, что во время мятежа гимназисты и переодетые солдатами студенты водили за собой мятежные толпы и говорили политические речи, так же точно установлено, что несколько человек провизоров-евреев перед событиями 26—27 октября ходили по аптекам в казармы флотских экипажей. Один из офицеров видел, как вечером 26 октября фельдшерский ученик раздавал матросам прокламации**. Такие неточности в общем описании событий в обвинительном акте, а также другие находящиеся там крайне многочисленные недоразумения, казалось бы, можно также объяснить стремлением морских офицеров считать события 26—27 октября просто береговым разгулом, а не мятежом, так как сведения, полученные следствием от морского начальства, являются для прокурорского надзора главнейшим материалом к обвинению.

Исполняющему должность морского прокурора, которому над-

* Стр. 9 обвинительного акта: матрос 27 октября утром появился между своими товарищами с красным флагом и кричал: «Свобода, свобода».

Стр. 30 обвинительного акта: матрос, подстрекая к беспорядкам, кричал: «Долой царя, долой самодержавие, — нам тогда будет лучше жить».

Стр. 11 обвинительного акта: матрос говорил 26 октября утром, что беспорядки будут учинены с той целью, чтобы добиться удовлетворения требований, предъявленных нижними чинами, и что бунтовщики совместно с гимназистами и студентами будут защищаться ручными гранатами.

Стр. 9 обвинительного акта: матрос, когда восстановилось уже спокойствие, громко заявил, что бунт вышел не таким, каким предполагался.—В обвинительном акте есть и другие аналогичные показания.

** Рапорт прапорщика 1-го флотского экипажа Монастырцева от 4 ноября 1905 г.

лежало руководить следствием, мною было своевременно сделано напоминание о соблюдении самой строгой объективности в освещении дела и получены заверения в исполнении моего напоминания. По моему же настоянию был произведен опрос, как свидетеля, начальника штаба крепости, принявшего большое участие в усмирении мятежа. Сведения, помещенные в донесения экипажных командиров, к сожалению, частью противоречивы, что, кроме уже вышеназванных причин, крайне затрудняет выяснение событий в их последовательности. Некоторые командиры экипажей, повидимому, не отмечают в своих рапортах происшедших беспорядков в их командах, а командиры и офицеры экипажей, расположенных в соседних казармах, о беспорядках, замеченных у соседей, в своих рапортах доносят,—например командир 16-го экипажа ни слова не говорит в своем рапорте, что около 3 часов ночи почти вся команда была им выпущена из казарм за ворота на улицу (рапорт от 28 октября 1905 г. № 9766), а в донесении офицера соседнего экипажа (прапорщика Панова) это обстоятельство устанавливается вполне точно. В обвинительном акте 16-й экипаж причислен к тем частям, которые командиры удержали в казармах и на улице не выпускали (стр. 6).

Представляя при сем планы морских казарм* с показанием размещения в них отрядов и экипажей, ниже всепреданнейше доношу вашему императорскому высочеству о том, что происходило в ночь с 26—27 октября в казармах морских команд. Предварительно считаю долгом, однако, также всепреданнейше донести, что одна команда из нижних чинов флота при офицерах (капитан 1-го ранга Сильман) не только не приняла участия в беспорядках, но даже, вышедши из казарм, явилась на помощь к охраняющим сухопутным войскам. Команда эта состояла из людей боевых рот 2-й флотской дивизии и была моим распоряжением поставлена на городской Соборной площади.

Был выслан также морским начальством из казарм при офицерах сводный отряд из рот строевых квартирмейстеров и боевых взводов 1-го и 2-го экипажей. К сожалению, действия отряда этого не принесли делу пользы, но люди все-таки к бунтовщикам не присоединились. В рапорте командира взвода 1-го экипажа, ставшего в ряды отряда при проходе его по Павловской ул., имеется подробное описание действий отряда.

В рапорте этом (от 4 ноября 1905 г. прапорщика Монастырева) донесено нижеследующее.

Боевой взвод 1-го экипажа присоединился на Павловской ул. к отряду строевых квартирмейстеров, встав в хвосте колонны, по личному приказанию находившегося при отряде начальника штаба порта. Но как только взвод встал на свое место, головная рота, завернув плечом, направилась в тыл и стала сзади взвода; таким образом взвод очутился в середине колонны. Начиная от казарм 1-го экипажа, отряд стал двигаться очень медленно и через 20—30 шагов делал продолжительные остановки, причем го-

ловные части отряда по очереди поворачивали плечом и заходили в тыл, становясь в хвосте колонны. Во время этих перестроений весь отряд (кроме головной части) делал шаг на месте; таким образом движение вперед было очень медленное. Эти перестроения привлекли внимание матросов 2-го и 5-го флотских экипажей, так как были видны через дворовые решетки. Медленно подвигаясь, отряд строевых квартирмейстеров достиг, наконец ворот 5-го флотского экипажа и там начал окончательно заворачивать, а после, постояв на месте, быстро пошел назад, уже не останавливаясь, по направлению к 1-му экипажу, завернув вдоль стрельбища к Екатерининской ул. и дошел до площади перед казармами 16-го экипажа.

Здесь было сделано совещание о том, куда идти, между командирами рот и взводов.

Решено было отправиться всем домой, т. е. в школу строевых квартирмейстеров, что и было исполнено. На улицах отряд бунтовщиков не разгонял.

Командир боевого взвода 1-го экипажа, придя в помещение школы, спросил разрешение у старшего в чине отправиться в свои казармы (1-го экипажа) вместе со взводом. Во время следования у зданий 16-го экипажа были слышны залпы, и взвод был поставлен за прикрытием каменной стены, причем 2 пули просвистели над людьми взвода.

Случайно прошедший мимо начальник штаба порта велел взводу отправиться в свои казармы, что и было исполнено.

В обвинительном акте, повидимому, по недоразумению отмечено, что отряд «из рот строевых квартирмейстеров и боевых полурот 1-го и 2-го флотских экипажей обошел часть Павловской и Екатерининской улиц, разгоняя на пути толпы бунтовщиков».

Кроме двух названных отрядов никаких команд в город для усмирения мятежников высылаемо не было.

Согласно обвинительному акту, экипажные командиры на сделанный по телефону главным командиром порта запрос о состоянии экипажей донесли, что настроение людей таково, что опасно выводить их усмирять мятеж, так как могут быть случаи неповиновения, и вместо усмирения беспорядков команды, примкнув к бунтующим, усилят мятеж.

Вследствие таких обстоятельств главным командиром порта было отдано приказание: командирам отрядов и экипажей употребить все свое влияние на то, чтобы удержать своих нижних чинов в казармах.

Приказание это в большинстве случаев командиры частей стремились исполнить, причем в казармах, где расквартированы различные экипажи и отряды, произошло 26—27 октября нижеследующее:

Учебно-минный отряд

Помощник начальника минного отряда капитан 2-го ранга Пороменский 2-й в рапортах своих (от 2 и 4 ноября 1905 г.) представил сведения, по которым события в отряде рисуются в такой последовательности.

* Планы в деле не сохранились. (Прим. ред.)

Беспорядки начались в команде в 6½ часов вечера. Помощник начальника отряда, прибыв в казармы около 7 часов вечера, нашел большую часть своих людей на дворе в сильном волнении. Говорили о том, что армейский офицер убил безвинных матросов, вспоминали неудовлетворенные начальством претензии, предъявленные матросами главному командиру порта. Почти сейчас же по приходе капитана Пороменского 2-го в казармы ему доложили, что нижние чины 5-го экипажа выломали ворота во двор отряда и побежали вместе с матросами 3-го экипажа громить морское офицерское собрание. Капитан Пороменский обратился к своим людям с увещаниями, и весь минный отряд собрался на дворе в указанном начальством месте, причем была быстро отогнана от отряда близстоящая кучка приблизительно из 50 матросов 3-го экипажа. Вскоре затем помощник начальника отряда приказал играть сигнал на перекличку и одновременно принял меры, чтобы сменить дежурную боевую полуроту, наряженную от 10-й роты, оказавшейся самой ненадежной и более всего шумевшей на дворе. К сожалению, смену произвести не удалось*.

Люди отряда отправились в казарму на перекличку по сигналу, но в это же самое время вблизи отряда послышалась ружейная стрельба. Вся команда в панике выбежала из казарм на улицу, так как быстро распространилась весть, что артиллерийский отряд стреляет из пулеметов.

Капитан Пороменский 2-й обошел свои казармы и убедился, что они пусты, только в 4-м этаже нашлось 10—15 матросов телеграфистов, из которых удалось образовать боевой взвод при ружьях.

Арестованные в экипажных карцерах нижние чины не были выпущены убежавшими из казарм товарищами, но вскоре на двор отряда пришла большая толпа из матросов артиллерийского отряда 4-го и 7-го экипажей. Тогда капитан Пороменский 2-й сам приказал своим караульным, если не удастся охранить карцеров, выпустить арестованных, но ни в каком случае не отдавать бунтовщикам ружей и патронов. Мятежники арестованных освободили.

Около 11—12 часов ночи в небольшом количестве люди начали возвращаться в отряд, и находящийся в казарме боевой взвод из 10—15 матросов можно было увеличить до 30 чел., а к 4 часам утра (27 октября) взвод увеличился до 50 чел.

В 5 часов утра взвод был поставлен у ворот на Павловскую ул., чтобы прекратить хождение людей в казармы.

В это время помощник начальника отряда получил сведения, что бунтующие матросы не ходят больше по городу большими вооруженными толпами, а рассеялись и занялись грабежом и разгромом. Боевой взвод находился при воротах, отбирал у одиночных людей награбленные вещи, отгонял собиравшуюся толпу от ворот, прекратил начало пожара одного из соседних домов, при-

* Согласно обвинительному акту помощник начальника хотел отобрать от боевой полуроты патроны.

чем взвод, чтобы напугать непослушных, стрелял в воздух или в землю, и от выстрелов никто ранен не был.

К 7 часам утра (27 октября) из собравшихся в отряд людей поставлены были значительные караулы на дворах казарм.

К утру в команде оказалось большое количество пьяных, особенно среди людей 10-ой роты; эти последние произвели в казармах около 9 часов утра шум, скоро прекращенный*.

27 октября после обеда из чинов отряда была сформирована команда, обходившая при офицерах город для внесения успокоения среди жителей.

Случаев насилия над офицерами и грубого к ним неуважения не было.

В экипаже оказалась убыль в людях: 1 утонул в канаве, 3 получили огнестрельные раны, 6 получили колотые раны**.

В донесении 3 офицеров, находившихся 26—27 октября в казармах, не имеется других сведений, кроме изложенных.

Офицеров отряда 26—27 октября находилось в Кронштадте всего 18, 14 из них по тем или другим причинам не явились (1 обер-офицер вследствие пожара в своей квартире, 1 обер-офицер, придя в отряд, ушел, так как не нашел в казармах людей и не знал, где находится начальство, несколько офицеров, хотя и пошли в отряд, но не могли дойти вследствие беспорядка на улице, другие офицеры не пришли в отряд, так как не получили на то приказаний, и т. д.).

В донесении командиров 3-го и 5-го экипажей*** имеются сведения, противоречащие донесению помощника начальника минного отряда. Вышеназванные командиры отмечают, что погром казарм их экипажей, а равно и морского собрания был произведен главным образом матросами минного отряда, требовавшими, чтобы 3-й и 5-й экипажи присоединились к бунтовщикам.

Сведения о происшедшем в минном отряде, помещенные в обвинительном акте, в общем сходятся с донесением помощника начальника отряда, хотя в подробностях, казалось бы, можно усмотреть некоторое несоответствие. В обвинительном акте отмечено, что около 7 часов вечера помощник начальника отряда застал на дворе почти весь отряд, но шумело, кричало и бросало камнями человек 50—70 нижних чинов, а в рапорте указано, что на дворе шумело большое количество команды, общая численность которой (26 октября) весьма велика, а именно 1 650 чел.

Прокурорским надзором привлечено к судебной ответственности 52 матроса учебно-минного отряда.

Учебно-артиллерийский отряд

Согласно донесению дежурного 26 октября офицера капитана Матвеева (рапорт от 27 октября 1905 г. № 36) беспорядок 26 ок-

* Согласно обвинительному акту люди эти требовали себе патронов.

** При каких обстоятельствах матросы пострадали, в рапорте не сказано, а в обвинительном акте об этих людях даже и не упомянуто.

*** Рапорты капитана 1-го ранга Князева от 28-го октября 1905 г. № 7473 и капитана 2-го ранга Абрамова от 29-го октября 1905 г. № 5470.

тября в команде начался тем, что перед обедом музыканты отказались итти играть на прогулку, каковую пришлось произвести без обычной музыки. За обедом команда шумела и выражала свое недовольство пищею. После обеда до 4½ часов вечера нижние чины были на своих занятиях.

Около 5—6 часов вечера среди людей прошел слух, что матросы участвовали в освобождении арестованных солдат, артиллеристов крепостного гарнизона, причем сухопутный офицер, будто бы, убил из револьвера 2 матросов и 4 солдат.

Около 7 часов вечера по Павловской ул. прошла большая толпа (состоявшая из матросов и солдат). Толпа эта криками приглашала людей отряда присоединиться к ней.

Дежурный офицер вышел из казармы на белый двор и приказал закрыть ворота на улицу, но часть команды успела уже выскочить за ворота и присоединиться к толпе, другая же, большая часть матросов отряда, столпилась на белом дворе и не хотела расходиться. Дежурный офицер слышал грубые крики: «Открывай ворота!» Тогда было приказано выйти на двор боевой полуроте с пулеметами.

Вскоре в казармы пришел помощник начальника отряда, от которого матросы потребовали открыть ворота категорически. Слышны были угрозы, непочтительные выражения и угрозы отдельных людей итти открывать ворота самим. Тем временем с улицы перед воротами собралась кричащая толпа. Дежурный офицер вошел в казармы, чтобы озаботиться разослать повестки офицерам отряда с приказанием явиться к команде. В это время в комнату помощника начальника отряда с улицы были брошены в окна камни.

Когда дежурный офицер вышел вновь из казармы на белый двор, то в него самого полетели камни. Кричали: «Зачем закрыл ворота?» В подошедшего к офицеру помощника начальника отряда матросы также кидали камнями. Затем часть бунтовщиков перебежала с белого двора на черный. Боевая полурота с пулеметами была отведена в казармы. Приказано было играть сигнал на перекличку.

К 8 часам вечера на белом дворе было почти пусто. В начале 9 часа с черного двора начали кидать в окна казармы камни. Людям, бывшим в казармах, разрешено было выйти на двор. С черного двора начали усиленно бросать камни в окна (10-й роты). Вскоре ворота были сломаны. Толпа с улицы ворвалась во двор. Били окна (около 8½ часов вечера). Разграбили провизионный склад.

После бунтовщики вышли на улицу и стреляли.

Дежурный офицер свидетельствует, что принявшие участие в мятеже матросы артиллерийского отряда вышли на улицу без ружей*.

Изредка пули начали влетать в дежурную комнату. Вскоре загорелась вблизи отряда казенная винная лавка. В отряде появ-

* В обвинительном акте это обстоятельство не отмечено.

вились пьяные. Начали громить соседние с отрядом торговые ряды и лавки. Награбленные вещи сносились в отряд. К утру, близ казарм в городе начались поджоги. Люди отряда, не участвовавшие в бунте, не решались войти со двора в казарму до 4 часов утра (27 октября). В 5 часов утра в казармах отряда было спойно. В течение ночи в отрядный лазарет были доставлены 3 раненых нижних чина. (При каких обстоятельствах они были ранены, в рапорте не говорится.)

В обвинительном акте встречаются значительные несоответствия со сведениями, изложенными в рапорте дежурного по экипажу офицера, и некоторые, повидимому, недоразумения. В рапорте дежурного офицера отмечено, что около 8 часов вечера была сделана в отряде перекличка, но не указано, сколько при ней было отсутствующих. Перекличка производилась после того, как часть команды экипажа в 7-м часу убежала в ворота на улицу, к бунтующей толпе, пока ворота не были закрыты. Около 8-ми же часов (при закрытых воротах) матросы с черного двора, согласно рапорту того же дежурного офицера громили окна 2-го флигеля, т. е. в экипаже был в это время уже мятеж.

В обвинительном же акте (стр. 15) указано, что часть матросов отряда быстро выбежала в начале 7-го часа за ворота к проходящей бунтующей толпе. Далее говорится, что ворота были закрыты, что толпа, стоявшая на дворе, успокоившись, поредела. После говорится, что толпа скоро увеличилась вследствие того, что перед перекличкой вернулось в отряд много матросов из отпуска.

Далее указывается, что матросы на дворе бросали камнями в помощника начальника отряда и позволяли себе по его адресу выкрикивать ругань и насмешки. Тогда помощник начальника отряда приказал играть сигнал на перекличку и вскоре убедился, что все без исключения нижние чины отряда на перекличке были налицо.

В акте указано, впрочем, что порядок во время переклички и молитвы был в отряде нарушен бросанием камней в окна экипажа с улицы.

В обвинительном акте не отмечен вовсе случай неповиновения музыкантов, отказавшихся итти играть на прогулку перед обедом, но вместе с тем в акте имеются некоторые дополнительные сведения, как-то:

а) Матросы около 10 часов вечера грубо требовали от помощника начальника отряда патронов, но шкаф с патронами остался не разграбленным.

б) Толпа матросов пыталась освободить арестованных в камерах при отряде матросов, но попытки были неудачны.

Были ли отобраны патроны от боевой полуроты отряда, в акте и в рапорте ничего не говорится.

Прокурорским надзором привлечено к судебной ответственности нижних чинов учебно-артиллерийского отряда 50 чел., в команде по списку состояло (26 октября) 2330 нижних чинов.

3-й флотский экипаж

Командир экипажа капитан 2-го ранга Абрамов в рапорте своем доносит, что, будучи дежурным 26 октября по боевым ротам 1-й дивизии, он повел около 5 часов вечера взвод своего экипажа и присоединение к команде капитана 1-го ранга Сильмана (пришедшей на помощь охраняющим сухопутным войскам). Во время следования взвода мимо дворов отрядов минного и артиллерийского, оттуда были слышны насмешливые замечания матросов. Командир 1-го экипажа капитан 2-го ранга Абрамов не нашел команды капитана 1-го ранга Сильмана и, оставив взвод в ведении своего помощника штаб-офицера, поехал на извозчике к телефону морского собрания, чтобы получить от начальства приказание. На дороге сзади в капитана Абрамова был брошен камень, попавший ему в голову и причинивший ушиб с кровоизлиянием. Капитан поехал домой сделать перевязку, но вскоре, в исполнение полученного по телефону приказания начальства, отправился в свой экипаж. На дворе казарм он нашел большую толпу матросов минного отряда и команду своего экипажа, которая стояла у подъезда. На вопрос, что происходит, командир получил от своих людей ответ, что матросы минного отряда требуют, чтобы 3-й экипаж выходил со двора. Капитан 2-го ранга Абрамов приказал людям идти в казарму, что и было исполнено, а сам вошел в сени и начал подниматься по лестнице в канцелярию (выпить воды, так как чувствовал себя от ушиба дурно). Шумевшая на дворе толпа бросилась в казармы 3-го экипажа. В окна посыпался град камней, люди экипажа рассеялись, прячась где кто мог.

Приняв экипаж за 2 месяца перед мятежом, командир не знал, можно ли рассчитывать на то, что команда исполнит приказание стрелять по своим же матросам, живущим в одном флигеле, и тем более, что беспокойное состояние команд вообще рельефно выяснилось во время объезда 24 октября экипажей главным командиром порта.

После бомбардировки казарм камнями бунтовщики сорвали замок с ворот, ведущих к морскому собранию, и произвели там погром.

К 8 часам вечера в экипаж вернулся при офицере боевой взвод, неудачно искавший в городе отряд капитана 1-го ранга Сильмана, и оцепил морское собрание с целью его охранить.

Произвести перекличку в команде капитан Абрамов не считал возможным, так как при появлении людей в камерах в окна летели камни.

Около 10 часов вечера во двор 3-го экипажа вновь пришла толпа и стреляла. Командир приказал при приближении толпы открыть окна казарм настежь, а команде поспрятаться. Увидев, через скна, что казарма пуста, толпа ушла.

Около 12 часов ночи командир экипажа, чувствуя себя окончательно дурно, поручил людей своему помощнику штаб-офицеру и был отведен в полубессознательном состоянии домой для новой перевязки ушибленной головы.

Вернулся капитан 2-го ранга Абрамов в экипаж утром и нашел

в экипаже массу пьяных, но ружья, повидимому, остались нетронутыми. Согласно докладу командира офицеров, оказалось [что] ночью мятежники на 3-й экипаж не нападали и к 4 часам ночи в казарме все успокоилось. Водка, оказалось, была принесена матросами и вольными во двор экипажа, причем часть ее была припрятана, а несколько ящиков прямо стояли открытыми на дворе.

Помощник начальника минного отряда в своем рапорте (от 4 ноября 1905 г.) доносит, что погром морского собрания был произведен матросами 3-го и 5-го экипажей, а также, что матросы 3-го экипажа толпой человек в 50 собрались у казарм минного отряда, но были отогнаны. Сведения эти противоречат донесению капитана 2-го ранга Абрамова.

В обвинительном акте происшедшее в 3-м экипаже изложено во всем согласно рапорту экипажного командира, но не упомянуто о бывшем ночью в казармах массовом пьянстве.

Привлечено к суду в качестве обвиняемых 7 нижних чипов 3-го экипажа при общей его численности (26 октября) 467 чел.

5-й флотский экипаж

Командир 5-го экипажа капитан 1-го ранга Князев в рапорте от 28 октября 1905 г. за № 7473 доносит, что прибыл в казармы своего экипажа в начале 6-го часа вечера и застал команду в спокойном состоянии. Со стороны двора соседнего учебно-минного отряда был слышен шум, становящийся все сильнее. К 8 часам вечера шум сделался очень велик, и команда минного отряда, разломав ворота, ворвалась во двор 5-го экипажа. Мятежная толпа, собравшись перед казармой, требовала выхода людей на двор и присоединения к бунтовщикам. Капитан 1-го ранга Князев держал сначала своих людей в казарме, а после приказал им выйти, чтобы уговорить толпу. Бунтовщики вскоре после того ушли, а высланные к ним люди вернулись в казарму. В 8 часов 20 м. вечера в экипаже была сделана перекличка, и все матросы оказались налицо. Скоро вновь со стороны минного отряда мятежная толпа подошла к 5-му экипажу и разбила в казарме стекла и оконные переплеты*. Погром продолжался минут 25—30, после чего бунтовщики ушли. Во время погрома часть матросов 5-го экипажа просила командира дать ружья, чтобы отбросить мятежников.

Около 12 часов ночи в казарме среди команды начали появляться пьяные.

Выбрав несколько трезвых матросов, капитан 1-го ранга Князев выслал их на улицу отбирать от мятежников и хулиганов награбленные вещи. Посланные с этой целью люди принесли в экипаж 10 ружей, патроны, водку и разные предметы.

В течение всей ночи со стороны казарм учебно-минного отряда раздавались ружейные выстрелы.

Командир 5-го экипажа с похвалой отзываясь о поведении своих людей. Ружья оказались все в целости.

* По сведениям в обвинительном акте толпа состояла главным образом из матросов 4-го и 7-го экипажей.

В донесении помощника начальника минного отряда и командира 20-го экипажа имеются некоторые несоответствия с донесением командира 5-го экипажа.

Помощник начальника минного отряда (рапорт капитана 2-го ранга Пороменского 2-го от 4 ноября 1905 г.) доносит, что ворота во двор минного отряда были выломаны матросами 5-го экипажа, которые совместно с матросами 3-го экипажа громили морское офицерское собрание.

Командир 20-го экипажа (рапорт от 28 октября 1905 г.) доносит, что во время обстреливания казарм его команды было ясно видно, как стреляли из некоторых окон 5-го экипажа. Командир 11-го экипажа капитан 2-го ранга Бэр (в рапорте от 28 октября 1905 г. № 7120) доносит, что ясно видел сквозь щели забора, как ворота с улицы на двор 4-го флигеля казармы 5-го и 10-го экипажей стояли открытыми и через них свободно входили и уходили пьяные толпы*.

5-й экипаж причислен в обвинительном акте при общем описании событий, к числу экипажей, люди которых благодаря влиянию командиров оставались в казармах и к бунтующей толпе не примыкали, что противоречит донесению командира 11 экипажа о том, что пьяные толпы входили и уходили через открытые ворота 4-го флигеля.

В обвинительном акте в описании событий, бывших в 5-м экипаже, имеются кроме того некоторые сведения и дополнения, не соответствующие донесению экипажного командира.

В рапорте отмечено, что в команде экипажа было большое количество пьяных, а по обвинительному акту, пьяны были только несколько человек.

Кроме того в акте имеются дополнительные сведения о том, что командиром экипажа были выданы команде 15 пачек патронов.

Кто разгромил ворота между дворами 5-го экипажа и минного отряда в обвинительном акте точно не указывается; говорится только, что ворота были сломаны со стороны двора минного отряда толпою матросов, среди которых несколько сухопутных солдат.

Привлечен прокурорским надзором к судебной ответственности в 5-м экипаже 1 нижний чин при общей численности команды (26 октября) 484 чел.

10-й флотский экипаж

Командир экипажа капитан 1-го ранга Андреев в рапорте (от 28 октября 1905 г.) доносит, что, прибыв в 7-м часу в казармы, нашел в них полное спокойствие. Около 7 часов вечера дежурный по экипажу офицер доложил командиру, что большая толпа матросов ворвалась со двора минного отряда и бьет стекла. Командир приказал дежурному офицеру взять свободных людей, прогнать толпу и закрыть ворота, но толпа тем временем прошла

* Сведения это подтверждает донесение командира 5-го экипажа о массовом пьянстве людей.

уже на соседний двор 11-го экипажа. В 8 часов вечера была сделана перекличка, на которой отсутствующих нижних чинов не было. В это же время на Павловской ул. стали слышны одиночные выстрелы. Большая толпа, стреляя вверх, прошла мимо экипажа, вслед за тем вдоль Павловской ул. был открыт сильный огонь от старого стрельбища. По предположению командира экипажа, стреляла якобы поставленная в этом месте рота одного из пехотных полков, расположенных в Кронштадте*. В 10 часов вечера в казармы пришел начальник штаба порта и нашел в экипаже спокойствие. Между 8 и 11 часами в экипаж пришли искать убежища 5 матросов 7-го экипажа, не желавших принять участие в бунте.

В час ночи дежурный по экипажу офицер доложил командиру, что большая вооруженная толпа ворвалась во двор с целью освободить арестованных. Командир вышел к толпе и приказал ей удалиться, но толпа продолжала шуметь, кричать и стрелять вверх. Командиру доложили, что арестованные начинают волноваться, так как в карцеры попадают пули.

Придя в помещение арестованных и услышав шум, производимый толпою у самых дверей карцерного помещения, командир приказал караулу дать залп, после которого толпа убежала на двор и, убегая, стреляла, причем убила одного из матросов боевой полуроты и ранила 2 нижних чинов караула при карцерах**.

Толпа бунтующих во дворе и казармах больше не появлялась, и с этого времени спокойствие в команде бушевавшими по улице не было нарушаемо. Командир экипажа свидетельствует о безупречном поведении своей команды.

Сведения, помещенные в обвинительном акте относительно происшедшего 26—27 октября в 10-м экипаже, сходятся с донесением командира. В рапорте (от 28 октября № 7120) командира 11-го экипажа, однако, говорится, что казармы 11 экипажа подверглись обстреливанию, причем указывается, что были произведены выстрелы из окон 10-го экипажа; в том же рапорте отмечено, что ворота с улицы на двор 5-го и 10-го экипажей стояли открытыми, и пьяные толпы через них входили и уходили***.

Прокурорским надзором привлечены к судебной ответственности 2 матроса 10-го экипажа при общей численности команды (26 октября) 702 чел.

20-й флотский экипаж

Командир 20-го экипажа капитан 1-го ранга Эссен (рапорт от 28 октября 1905 г.) пришел в казармы в 7-м часу вечера и сейчас же назначил особых людей с ружьями при офицерах охранять ворота черного и белого дворов, так как в это время на улице

* Это предположение командира экипажа ошибочно.

** О потерях, понесенных от залпа мятежниками, в рапорте ничего не говорится.

*** В обвинительном акте при общем описании событий (стр. 6) 10-й экипаж причислен к тем экипажам, которые были влиянием командиров удержаны в казармах и участия в уличных беспорядках не принимали.

кучки хулиганов били фонари, а в зданиях соседних экипажей были слышны крики и шум. С улицы во двор экипажа летели камни. По безобразившим на улице хулиганам распоряжением командира был открыт огонь.

Боевые полуроты экипажа были заблаговременно высланы в город и для поддержания порядка на белом дворе казармы, за неимением в 20-м экипаже боевых полурот, командир соседнего, 11-го экипажа поставил от своей команды полуроту. Крики тем временем на улице усиливались. Толпа появилась за забором, отделяющим дворы 5-го и 20-го флотских экипажей, бросая камни. Командир 20-го экипажа капитан Эссен кричал, что откроет огонь, но толпа выломала ворота в заборе и появилась в них. Командир 20-го экипажа бросился с револьвером навстречу толпе и хотел выстрелить, но револьвер дал осечку. Толпа отступила внутрь двора 5-го экипажа, продолжая кидать камни; тогда капитан Эссен позвал [громким] голосом полуроту 11-го экипажа, но она не двинулась.

Пришлось послать за командиром 11-го экипажа капитаном 2-го ранга Бэр, который сам привел свою полуроту и выставил ее против взломанных ворот, приказав зарядить ружья. Послышались возгласы, из которых можно было заключить, что полурота 11-го экипажа колеблется. Капитаны Эссен и Бэр вместе обратились к толпе с увещаниями, хотя в них бросали камнями и песком (в толпе были замечены 2 солдата в серых шинелях—один бросил камень, другой хотел броситься на офицера). Капитану Эссену засыпали глаза песком; часть матросов, увидев своего командира в опасности, защитила его. Капитаны Эссен и Бэр тем не менее продолжали увещевать толпу, которая, наконец, ушла, приглашая 11-й и 20-й экипажи идти с нею искать матросов, убитых армейскими офицерами.

Взломанные ворота были закрыты и к ним приставлены часовые 11-го экипажа. Была сделана перекличка, но люди после нее ночью спать не ложились.

Офицеры старались успокаивать людей,—в этом являлась необходимость, так как казармы экипажа подверглись обстреливанию с двух сторон. Откуда стреляли по фасаду черного двора, нельзя было видеть, а с белого двора видно было, что стреляли из некоторых окон 5-го экипажа. Выстрелами были ранены в экипаже в эту ночь 2 чел., из которых один лежавший в казарме на койке.

Среди матросов распространился слух, что в экипаж стреляют за то, что они не принимают участия в бунте, и матросы опасались, что их придут резать. Офицерам с трудом удалось убедить команду в неосновательности этих подозрений.

Около 2 часов ночи около экипажа стрельба стала реже, но одиночные выстрелы продолжались до утра, попадая в стены, а изредка и в окна зданий казарм. К утру в команде были пьяные, хотя процент их был незначителен.

27-го утром командир 20-го экипажа собрал благонамеренных матросов и велел им идти уговаривать людей в других экипажах.

В 12 часов дня в кухне 20-го экипажа было сделано совещание благомыслящих людей различных экипажей. Было решено пойти большой командой по улице уговаривать безобразивших и напечатать в типографии городской газеты воззвание к матросам.

Сведения о происшедшем в 20-м экипаже, имеющиеся в обвинительном акте, в некоторых подробностях расходятся с рапортом экипажного командира, а именно:

В обвинительном акте* указано, что огонь по приказанию командира 20-го экипажа был открыт не по кучкам безобразивших хулиганов, бьющих фонари, как то донесено в рапорте самого командира 20-го экипажа, а по толпе бунтовщиков, которые пытались сломать ворота и ворваться во двор экипажа**.

Кроме того в обвинительном акте указано, что мятежники во время буйства на дворах 5-го и 10-го экипажей кричали «ура», а матросы 20-го экипажа, со своей стороны, тем же криком «ура» приветствовали бунтовщиков.

О том, что боевая полурота 11-го экипажа не пришла на зов командира 20-го экипажа, в обвинительном акте вовсе не упоминается, а равно ничего не говорится о стрельбе по казарме 20-го экипажа из окон 5-го экипажа.

Следствием в 20-м экипаже обнаружен только один виновный при общей численности команды (26 октября) 338 чел.

11-й флотский экипаж

Капитан 2-го ранга Бэр (рапорт от 28 октября 1905 г. № 7120) прибыл в казармы в начале 7-го часа и приказал вследствие беспорядка на Павловской ул. забаррикадировать ворота и вместе с тем сформировать из надежнейших людей полуроту для охраны забора, отделяющего 4-й флигель (5-й и 10-й флотские экипажи) от 5-го флигеля (11-й и 20-й экипажи).

На белом дворе перед каждым входом в казарму стояли толпы матросов, которые открыто не бунтовали и смолкали, когда командир 11-го экипажа к ним подходил. Вскоре с улицы толпа начала ломиться во двор. Командир 20-го экипажа капитан 1-го ранга Эссен приказал своим людям стрелять, и после нескольких выстрелов ломящаяся толпа разбежалась. Во дворе 4-го флигеля матросы сильно шумели. Команда 11-го экипажа волновалась все сильнее, вышла из повиновения и приказания капитана Бэра идти в роты не исполнила. Вскоре со стороны 4-го флигеля ворота были сломаны, и во двор 11-го и 20-го экипажей вломилась большая толпа. Командиры обоих экипажей вышли к мятежникам навстречу и уговаривали людей.

Среди толпы был замечен один сухопутный солдат. Минут через сорок толпа отхлынула. Ворота были закрыты. Команда продолжала волноваться. На улице шла непрерывная стрельба, были

* А также в донесении командира 11-го экипажа.

** Об убитых или раненых мятежниках от залпа в акте и рапортах ничего не говорится.

сделаны выстрелы из за забора 4-го флигеля и из окон 10-го экипажа.

В городе начались пожары. Сквозь щели забора во двор 4-го флигеля командир 11-го экипажа капитан Бэр видел, как ворота на улицу стояли раскрытыми и пьяные толпы свободно входили и уходили со двора.

Около 12 часов ночи капитан Бэр получил приказание по телефону приготовить полуроту, которая должна была присоединиться к команде строевых квартирмейстеров, когда она с начальником штаба подойдет к воротам экипажа. Около часа ночи боевая полурота 11-го экипажа присоединилась к отряду и ушла по Павловской ул. Командиром экипажа тотчас же была организована охрана забора и ворот*.

Ночью в экипаже появилось много пьяных. Водку, оказалось, передавали через забор.

На следующий день в экипаже было тихо..

В своем рапорте командир экипажа указывает, что принял экипаж за месяц до мятежа.

Сведения о происшедшем в ночь с 26 на 27 октября в 11-м экипаже в обвинительном акте сходятся со сведениями, помещенными в рапорте экипажного командира, за исключением мелких подробностей, как-то: в рапорте указано, что у входов в казармы стояли шумевшие толпы, а в обвинительном акте сказано, что перед подъездами стояли небольшие кучки людей, и т. д.

О неповиновении боевой полуроты 11-го экипажа приказанию командира 20-го экипажа и о возникшем в ней волнении ни в акте, ни в рапорте капитана Бэра не упомянуто, впрочем, полурота эта около часу ночи вошла в состав отряда строевых квартирмейстеров, о которых в акте сказано, повидимому, по недоразумению, что отряд принял участие в усмирении мятежников, разгоняя толпы бунтовщиков.

Прокурорским надзором привлечены к ответственности 3 матроса 11-го экипажа при общей численности команды 694 чел.

16-й флотский экипаж

Командир экипажа капитан 1-го ранга Васильев согласно приказанию начальства прибыл в экипаж в 6-м часу дня (26 октября) и остался в казармах всю ночь. Около 9 часов вечера слышались на соседних с экипажем улицах ружейные выстрелы (рапорт командира экипажа от 28 октября 1905 г. № 9766). В 10-м часу вечера к дневальному у ворот с улицы подошли 3 неизвестных матроса и закричали: «16-й экипаж, выходи, иначе в вас стрелять будем!». Узнав об этом, люди экипажа стали волноваться вследствие опасения, что угроза будет исполнена. Командир для защиты ворот выслал боевой взвод и успокаивал людей. Около 10 часов ночи казармы подверглись обстреливанию бунтовщиков со стороны улиц Павловской и Безымянной. Пули летали по всему двору,

* Рапорт капитана 1-го ранга Эссена от 28 октября 1905 г.

2 матроса при этом получили легкие раны*. Командир экипажа просил разрешения главного командира порта во избежание напрасного кровопролития не стрелять в бунтующих до последней возможности, а действовать на них сначала словом со стороны надежных людей. Главный командир разрешил это как крайнюю меру от экипажа людей. Главный командир разрешил это как крайнюю меру. Вскоре (после 10 часов) на площадь перед 16-м экипажем пришла бунтующая толпа и с угрозами требовала выхода людей из казарм. Были высланы на улицу 40 надежных матросов для уговора толпы. Предполагая, что вышедшие из казарм люди присоединяются к мятежникам, толпа ушла. Люди, посланные уговаривать бунтовщиков, скоро вернулись. После полуночи в экипаже было много пьяных, почему командир не считал свою команду вполне благонадежной. На утренней перекличке все были на месте, за исключением одного матроса. Вышеизложенными сведениями донесение капитана 1-го ранга Васильева исчерпывается.

Сведения о происшедшем в 16-м экипаже, помещенные в обвинительном акте, сходятся со сведениями в рапорте экипажного командира, кроме числа раненых случайными пулями. В обвинительном акте (стр. 6) 16-й флотский экипаж присоединен к числу тех экипажей, которые командирам удалось удержать в казармах, в рапорте же прапорщика 1-го экипажа Панова (от 6 ноября 1905 г.) однако говорится, что «около 3 часов ночи командир 16-го экипажа не мог дать людей в боевой взвод, так как почти весь экипаж был выпущен командиром на улицу».

Прокурорским надзором привлечено к ответственности 11 матросов 16-го экипажа при общей численности (26 октября) команды в 335 чел.

1-й флотский экипаж

Командир экипажа капитан 2-го ранга Назаревский (рапорт от 28 октября 1905 г. № 9529) пришел в экипаж в 7-м часу вечера и выставил сейчас же охрану на черном и белом дворах казарм, раздав для сего охраняющим командам патроны. На Павловской ул. были слышны шум и одиночные выстрелы, которые около 8 часов вечера стали тише, но зато раздались крики и стрельба со стороны экипажей 4-го и 7-го. Около 10 часов вечера пули начали летать по двору 1-го экипажа, а затем у забора на улице собралась толпа, начавшая стрелять. Несколько человек из толпы влезли на забор и с угрозами требовали выхода 1-го экипажа на улицу. Командир приказал дать по сидящим на заборе залп, после которого вся толпа разбежалась. При осмотре улицы у забора было найдено 11 рублей и 1 револьвер**. Около 2 часов ночи пальба и шум поблизости казарм стихли. Охрана дворов была уменьшена. В 6 часу утра, когда шума и выстрелов не

* В обвинительном акте указано, что при этих обстоятельствах, т. е. шальными пулями, были ранены 3 матроса 16-го экипажа, а в рапорте командира 1-го экипажа указывается, что ночью (26—27 октября) в лазарет 1-го экипажа были принесены 4 раненых матроса 16-го экипажа.

** О раненых или убитых залпом в рапорте не упомянуто.

было слышно, командир экипажа все-таки, боясь случайностей, разоружил людей и отобрал от них патроны.

Матросы 1-го экипажа около 11—12 часов дня 27 октября приняли участие в совещании благонамеренных нижних чинов флота в манеже в исполнение приказа начальника.

29 матросов из казарм экипажа перебрались в Ораниенбаум в стрелковую школу, где раньше были прикомандированы, так как боялись мести за участие в бунте и за отказ 1-го экипажа выразить различного рода недовольства при объезде 24 октября главным командиром порта морских команд в Кронштадте. Убитых и раненых в экипаже нет. В лазарете экипажа были помещены 4 матроса 16-го экипажа, раненые на дворе, и подобранный на улице тяжело раненый матрос 15-го экипажа.

Донесения младших офицеров экипажа относительно происшедшего в ночь с 26 на 27 октября в казармах в общем сходятся с донесением командира. Один из офицеров, когда шел в экипаж вечером 26 октября, видел, как неизвестный фельдшерский ученик раздавал на улице матросам прокламации (рапорт от 4 ноября 1905 г. прапорщика 1-го экипажа Монастырева).

В обвинительном акте о происшедшем в 1-м экипаже ничего не говорится, только (на стр. 6) отмечено, что в экипаже были сохранены порядок и спокойствие.

К судебной ответственности прокурорским надзором из нижних чинов 1-го экипажа никто не привлечен. Общая численность команды (26 октября) 262 чел.

19-й флотский экипаж

19-й флотский экипаж размещается в казармах, находящихся в южной части города (рядом с 12-м экипажем). При начале мятежа мосты на каналах у Морского технического училища были разведены и доступ к казармам 19-го флотского экипажа был для бунтовщиков несколько затруднен. Командир 19-го экипажа капитан 1-го ранга Соловцов в своем рапорте (от 28 октября 1905 г. № 12233) отмечает лишь единственный бывший в его команде беспорядок, заключавшийся в том, что на вечерней переключке отсутствовало четыре матроса, причем один из них вернулся впоследствии в экипаж раненым, при каких обстоятельствах—неизвестно.

Во время мятежа в казармы 19-го экипажа пришли 33 матроса различных отрядов и экипажей искать убежища.

В обвинительном акте 19-й экипаж отмечен как сохранивший полное спокойствие.

Прокурорским надзором никто из нижних чинов 19-го экипажа к судебной ответственности не привлечен. Общая численность команды (26 октября) 303 чел.

12-й флотский экипаж

Командир 12-го флотского экипажа капитан 1-го ранга Сильман безотлучно находился 26 октября при отряде из боевых полу-

рот 2-й дивизии и не имел возможности быть в казармах экипажа (рапорт от 29 октября 1905 г., № 10731).

Явившись к команде 27 октября капитан Сильман сделал опрос всех своих офицеров, причем выяснил нижеследующее. Дежурный по экипажу 26 октября офицер узнал еще днем, что в городе беспорядки, приказал закрыть ворота на улицу и нижних чинов из казарм не выпускать.

Немедленно были потребованы и вскоре прибыли в казармы все офицеры экипажа, за исключением одного мичмана, которого сразу не могли найти (27 октября явился).

В течение ночи с 26 на 27 октября в казармах был сохранен полный порядок, и не было ни одного пьяного матроса. Офицеры ночью делали неоднократно обходы своих команд. Награбленных вещей, а равно водки в казармах не появлялось.

Поставить команду в ружье офицеры не смели, так как боялись нарушить категорическое на этот предмет приказание начальника штаба порта.

Люди машинной школы, находящиеся при экипаже в подчинении капитану Сильману, также вели себя вполне дисциплинарно*.

Все нижние чины экипажа во время мятежа находились налицо в ротах, и только 27 октября днем убежал на улицу матрос, уже ранее подлежащий суду за нарушение дисциплины; 28 октября он был приведен в казарму и сейчас же посажен в карцер.

Вместе с тем в своем рапорте командир 12-го экипажа свидетельствует, что среди людей боевых полурот, находившихся ночью 26 и 27 октября под его личным начальством, не было замечено нарушения дисциплины.

В обвинительном акте 12-й флотский экипаж отмечен как сохранивший полное спокойствие.

Привлеченных прокурорским надзором к судебной ответственности нижних чинов в 12-м экипаже нет. Общая численность команды (26 октября) 515 чел.

2-й флотский экипаж

Командир экипажа капитан 2-го ранга Давыдов (рапорт от 4 ноября 1905 г. № 7622) прибыл в казармы только в 4 часа дня 27 октября и нашел половину команды пьяной; других беспорядков в экипаже не было.

В ночь с 26 на 27 октября капитан Давыдов вследствие мятежа морских команд уехал с семьей в Петербург и за такой свой поступок был отдан начальством под суд.

Дежурный 26 октября по экипажу офицер (рапорт от 28 октября № 44 мичмана Костинского) находился в ночь с 26 на 27 октября в казармах. Беспорядок в команде начался около 8½ часов вечера, когда вблизи экипажа на улице раздались крики «ура» и выстрелы. Команда под влиянием нескольких матросов, замеченных офицером, закричала «ура» и бросилась на двор. Де-

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

журному офицеру с трудом удалось уговорить команду успокоиться и разойтись по ротам. Около 10 часов вечера люди экипажа узнали, что вблизи казарм разбита винная лавка, и начали поодиночке убегать и приносить вино. Дежурный офицер стал в дверях и приказывал обыскивать проходящих людей. Ночью команда начала приносить кроме водки и другие краденые вещи: закуски, обувь и пр. Фельдфебеля и некоторые начальствующие нижние чины не оказали офицеру, несмотря на его требования, содействия в поддержании порядка. Несколько матросов произвели в экипаже серьезное буйство.

Дежурный 27 октября по экипажу офицер (рапорт от 4 ноября 1905 г. № 22), прибыв в казармы, заметил во всех ротах пьянство. Награбленная за ночь водка вытаскивалась из тайников, и шел шумный разгул.

Арестованные в карцерах шумели и требовали освобождения. Караул с трудом их сдерживал. Не принимали участия в пьянстве только фельдфебеля, дежурные и несколько единичных лиц из старослужащих матросов. Люди боялись, что будут перебиты за неучастие в бунте. 34 трезвых матроса по их просьбе были уволены даже дежурным офицером в отпуск на сутки в С.-Петербург.

Патроны незаметно от команды дежурный офицер спрятал. Пьянство в команде усиливалось. Потребованный начальством из экипажа конвой нельзя было выслать, так как трезвых людей не было. В 4 часа дня в экипаж прибыл его командир.

Сведения о происшедшем во 2-м экипаже, помещенные в обвинительном акте, сходятся в общем со сведениями, изложенными в рапортах офицеров.

Привлечено к судебной ответственности прокурорским надзором 5 нижних чинов 2-го экипажа при общей его численности (26 октября) 472 чел.

7-й флотский экипаж

Временно командующий 7-м экипажем капитан 2-го ранга Митурич (показание от 13 ноября 1905 г., представленное при рапорте от 15 ноября 1905 г. за № 554 капитана 1-го ранга Хомутова) прибыл в казармы в начале 8-го часа вечера и застал на дворе большую шумящую толпу; люди стояли лицом к казармам, били в окна стекла и кричали, чтобы все матросы выходили на двор. Временно командующий, подойдя к толпе в тыл (со стороны улицы), окрикнул своих людей, но его никто не пожелал слушать. Пришлось пройти через казармы и выйти на двор перед фронтом толпы; дежурный офицер скомандовал: «смирно», но люди после команды грубо кричали, что хотят заступиться за убитых товарищей. Кроме матросов 7-го экипажа в толпе были замечены с ружьями матросы гвардейского экипажа.

Временно командующий экипажем убеждал толпу, говоря, что убиты были бунтовщики, но мятежная команда убеждения плохо слушала, производила буйство, грубости и лезла освобождать

арестованных. Кричали, чтобы «убрали казаков». Вскоре бунтовщики бросились громить экипажный арсенал, причем одного из присутствующих офицеров едва не закололи штыком.

Ключи от арсенала были схвачены с крюка на стене за спиной часового, стоящего у денежного ящика.

Временно командующий экипажем не знал, где находятся ключи, так как получил во временное командование экипаж накануне дня мятежа после скоропостижной смерти экипажного командира. В своем донесении временно командующий поясняет, что при таких обстоятельствах он принять экипажное имущество не имел времени.

После разгрома экипажного арсенала бунтовщики выпустили из карцеров арестованных.

Взвод из 16 чел. с ружьями, поставленный на дворе у ворот еще до приезда временно командующего распоряжением дежурного офицера (мичмана Мякишева), был смят бунтовщиками. Толпа выбежала за ворота и стреляла по казармам 7-го экипажа одиночными выстрелами и залпами (около 8—8½ часов вечера).

Из окна экипажного лазарета временно командующий видел, что некоторая часть команды без ружей попробовала вернуться во двор, но у входа в казармы стояли вооруженные бунтовщики, угрожавшие стрелять по возвращающимся. В людей, пробравшихся в казармы, мятежники стреляли. Временно командующий оставался всю ночь в казармах своего экипажа, а в половине девятого часа утра (27 октября) прошел проводить свою семью. На дворе перед казармой ходило небольшое количество людей, которые доложили временно командующему, что боятся идти в роты. На улице матросы и мастеровые ходили поодиночке и группами. Часть матросов отдавала честь, другие смотрели вызывающе и чести не отдавали. Некоторые встречные матросы 7-го экипажа жаловались, что голодны, и не знают, куда идти, так как в казармах вследствие выбитых окон холодно.

Временно командующий зашел в штаб порта и просил позволения часть людей своего экипажа поместить в морском манеже, так как много окон в казармах выбито.

Возвращаясь в экипаж, временно командующий приказывал встречным матросам 7-го экипажа ночевать в манеже, если нельзя ночевать в казарме.

Из экипажа временно командующий скоро пошел домой отдохнуть, а оттуда к 8 часам вечера (27 октября)—в манеж, куда ночевать, однако, никто из нижних чинов 7-го экипажа не пришел. Когда около 3 часов ночи временно командующий вышел на улицу из казарм своего экипажа, то встретил 2 матросов гвардейского экипажа, давших о себе самые сбивчивые сведения. Задержать их было затруднительно, так как кругом никого не было.

В рапорте, представленном дежурным по 7-му экипажу 26—27 октября офицером мичманом Векманом (от 8 ноября 1905 г. за № 28) имеются о происшедшем в экипаже некоторые дополнительные сведения, не помещенные в рапорте временно коман-

дующего экипажем. Мичман Векман, прибыв в казармы в 7½ часов вечера (26 октября), принял дежурство по экипажу (от мичмана Мякишева) и командование над боевым взводом, стоявшим у ворот на улице. Взвод был скоро смят мятежниками после погрома экипажного арсенала. Кроме временно командующего экипажем в казармах при мятеже были 3 офицера. Один из них вследствие угрозы, что его убьют, переодевшись в матросское платье, ушел из экипажа.

По ротам и по двору всю ночь ходили пьяные бунтовщики и изредка стреляли. Во время обхода экипажа мичманом Векманом один из матросов навел на него винтовку, предварительно ее зарядив, и сказал: «Хочу стреляю, хочу нет,—власть моя». Команда в экипаже в это время отсутствовала.

Около часа утра 27 октября при фельдфебеле дежурным по экипажу офицером были посланы несколько людей отбирать на улицу ружья. Около 4 часов дня команда вернулась, отобрав 5 ружей. На вечерней справке 27 октября отсутствовало 250 чел.

Сведения обвинительного акта несколько расходятся со сведениями, представленными офицерами 7-го экипажа в рапортах.

Согласно обвинительному акту, экипаж был силою принужден произвести бунт только несколькими вооруженными матросами. Подтверждение такого взгляда в донесениях офицеров найти весьма затруднительно.

Привлечено судебными властями всего 64 матроса 7-го экипажа при общей численности команды (26 октября) 900 чел.

4-й флотский экипаж

Командир 4-го экипажа капитан 1-го ранга Броницкий (рапорты от 28 октября 1905 г. за № 8380 и от 5 ноября 1905 г. за № 8547) пришел в казармы около 7 часов вечера, так как получил по телефону донесение от дежурного по экипажу, что в команду вернулся один из отлучившихся в город матросов и сообщил людям, что на Купеческой ул. убит 1 нижний чин 4-го экипажа.

Придя в казармы, командир узнал, что в 7-м экипаже спокойно, вследствие чего приказал дежурному офицеру собрать и вооружить боевой взвод и занять им проход между дворами 4-го и 7-го экипажей.

Одновременно командир, собрав своих людей, обратился к ним с речью для успокоения, а затем вследствие усиливавшегося волнения в 7-м экипаже, просил по телефону начальника штаба порта прислать к этому экипажу боевые роты. Затем 4-й экипаж был поставлен в ружье. В это время 7-й экипаж начал врываться в казармы 4-го экипажа. Мятежников задерживали штыками. Командир вышел на двор и узнал от дежурного офицера, что людьми 7-го экипажа разгромлен их экипажный арсенал и что вооруженные бунтовщики идут к 4-му экипажу. Дежурному офицеру с боевым взводом приказано было не впускать на двор мятежников. Выскочившие на двор матросы 4-го экипажа просили увести их в какие-нибудь другие казармы, так как боя-

лись, что их перебьют. Командир вывел людей на боковую улицу и приказал им строиться, с тем чтобы вести команду во 2-й флотский экипаж, причем командир успел известить об этом по телефону дежурного по 2-му экипажу офицера. Со стороны 7-го экипажа в это время раздались выстрелы, и вся команда 4-го экипажа в панике разбежалась, причем командир видел, что люди бежали по направлению ко 2-му экипажу.* Часовые 4-го экипажа, занимавшие 3 поста, оставались на своих местах.

Капитан 1-го ранга Броницкий, после того как его команда разбежалась, пошел домой и впоследствии был предан морским начальством суду.

Боевой взвод, поставленный от 4-го экипажа для охраны двора, при натиске бунтовщиков был смят и рассеян. Дежурный по экипажу офицер, однако, взвод собрал вновь и отвел его на Петровскую ул., где сдал людей под команду офицера находившейся там роты строевых квартирмейстеров, а сам направился с докладом к начальнику штаба порта и получил от него приказание оставить взвод там, где он находится.

Когда дежурный офицер (мичман Кареев) вернулся ко взводу, то заведующий командой строевых квартирмейстеров штаб-офицер, повидимому, не доверяя людям 4-го экипажа, приказал отвести взвод куда-нибудь подальше. Взвод был отведен мичманом Кареевым в казармы 4-го экипажа и обезоружен. Патроны были спрятаны в дежурной комнате.

По прекращении беспорядка в экипаже оказались пропавшими 7 ружей.

Сведения о происшедшем в 4-м экипаже, помещенные в обвинительном акте, сходятся в общем с рапортом командира, но в акте есть некоторые дополнительные сведения, а именно:

1. При первом же натиске людей 7-го экипажа на казармы 4-го экипажа часть прорвавшейся толпы выпустила из карцеров арестованных.

2. В течение ночи к дежурному по экипажу офицеру приходили до 200 матросов 4-го экипажа и просили записать их фамилии, заявляя, что они не желают принять участие в бунте, причем даже некоторые из них оставались в казармах экипажа, спрятавшись под койками, другие же в большинстве ходили по двору, так как боялись, что их перестреляют, если они будут в казармах.

Привлечены в качестве обвиняемых к суду 13 матросов 4-го экипажа при общей его численности (26 октября) 334 нижних чина.

О последовавшем за мятежом обезоружении морских экипажей и отрядов, а затем об их арестовании мною уже всепреданнейше

* В рапортах дежурных по 2-му экипажу офицеров (от 28 октября 1905 г. № 44 мичмана Костинского и от 4 ноября 1905 г. № 22 прапорщика Зайцева), однако, не упомянуто, чтобы хотя один матрос 4-го экипажа пришел во 2-й экипаж искать убежища.

донесено вашему императорскому высочеству, в рапорте от 10 ноября 1905 г. за № 336 (секретно).

Комендант Кронштадтской крепости
генерал-лейтенант Беляев.

Начальник штаба полковник Свяцкий.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. 7, 1905 г.

Докладная записка офицера для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа

Беспорядки в г. Кронштадте 26—27 октября 1905 г.

Причины волнений среди моряков

По сведениям, полученным личным опросом у отставного контр-адмирала Меньшого, начальника оперативного отделения морского штаба Кронштадтской крепости капитана 1-го ранга Скаловского, его помощника капитана 2-го ранга Апостоли, адъютанта морского штаба лейтенанта Милинарского, главными причинами недовольствия среди матросов служили: 1) слишком долгие сроки службы по сравнению с сухопутными войсками; 2) неудовлетворительная пища*.

Относительно долгого срока службы мне лично пришлось слышать от одного из воинских начальников Псковской губ., из уезда которого много новобранцев назначалось во флот, что ему приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы найти необходимое количество будущих моряков. Все новобранцы усердно просили его не назначать их во флот: «Там служба дюжа долгая и тяжелая». Что же касается пищи, то при многочисленности обязанностей, лежавших на морских офицерах, далеко не все начальники частей имели возможность постоянно следить за пищей нижних чинов, что давало повод к различным злоупотреблениям. Между тем при более внимательном отношении к этому вопросу возможно было достичь прекрасных результатов и при существующих отпусках от казны. Капитан 2-го ранга Апостоли рассказывал, что ему на своем миноносце, где было до 50 чел. команды, удалось с помощью выборных от команды устроить вкусный и разнообразный стол вместо традиционных щей и каши (суп, макароны, крошка, уха и пр.). Команда, несмотря на строгую дисциплину, была им очень довольна и поднесла своему командиру на память кортик. И все улучшенное довольствие не только не принесло дефицита, но от продажи остающегося хлеба, который раньше матросы выбрасывали за борт, даже составила экономия.

Не раз, по словам того же офицера, матросы высказывали недовольствие по следующему поводу: за время вооружения судна и подготовки его к плаванию матросам полагаются осо-

* Многие матросы жаловались также на грубое обращение офицеров и на плохую одежду.

бые деньги, так называемые «вооруженные деньги», по 2 руб. на человека. Вместо того чтобы выдавать их людям на руки, что служило бы им не только наградой за усиленный труд, но и давало бы возможность что-нибудь починить—сапоги, платье, купить мыла, эти деньги зачисляются в так называемую «харчевую» сумму, из которой производятся расходы не только на улучшенное довольствие в некоторые дни для всего экипажа, т. е. и на людей, которые не принимали участия в вооружении судов, но также и на канцелярские принадлежности и пр.

Все это кажется обидным для матросов, и они выражали недовольствие на такой порядок.

Назначение ротными командирами для команд на берегу молодых мичманов и офицеров по адмиралтейству не могло служить для поддержания строгой дисциплины, так как матросы мало уважали их*, а большой состав рот лишал их возможности иметь постоянный надзор за людьми, вследствие чего пропаганда свободно проникала в экипажи. Агитаторы, переодетые матросами, беспрепятственно разговаривали с нижними чинами и проповедывали свои идеи. Благоразумные боялись донести об этом начальству, боясь мести товарищей, сочувствовавших пропаганде; начальники, все же знавшие кое-что** о готовящемся движении, не придавали ему большого значения и мало верили слухам, а потому и ничего не предпринимали для предупреждения беспорядков, которые и разразились вечером 26 октября.

Начало беспорядков

Около 6 часов вечера 26 октября по крепостной железной дороге были отправлены на форт «Павел» 40 нижних чинов 2-й роты 2-го пехотного крепостного батальона, арестованные за неповиновение приказанию командира идти на работу. В то время, когда поезд с арестованными маневрировал около станции крепостной железной дороги против Высокой ул., большая толпа, состоявшая из матросов (и, по некоторым сведениям, нижних чинов 3-го батальона крепостной артиллерии) и хулиганов бросилась на него с целью освободить арестованных. Команда, конвоировавшая их, сделала несколько выстрелов, которыми был убит один матрос и другой ранен. Тогда толпа с криками побежала к казармам флотских экипажей и здесь часть ее начала громить частные дома и лавочки на Павловской ул., а другая часть, соединившись с нижними чинами учебно-минного отряда, которые без особого

* Контр-адмирал Меньшой говорил, что флотские офицеры пренебрежительно относятся к этим офицерам и не скрывают этого перед вестовыми, что, конечно передается и в команды.

** Капитан Апостоли говорил, что еще недели за две до беспорядков депутация матросов из команды его миноносца просила его уехать с семьей из Кронштадта, так как готовится большой бунт на 30 октября. Капитан Апостоли доложил об этом начальству, но главный командир не придал этому большого значения. Матросы говорили, что бунтовщики решили убить всех офицеров, захватить Кронштадт и суда в свою власть, а «что потом делать — видно будет».

колебания присоединились к ней, выломала калитку, ведущую к морскому собранию, и начала бить стекла в нем и квартирах 2-го офицерского флигеля. Ворвавшись затем в морское собрание и в три офицерских квартиры, бунтовщики наделали в них [много] повреждений, а потом, разделившись на две части, огладились присоединять к себе другие воинские части.

Когда часть бунтовщиков явилась к казармам 4-го и 7-го экипажей, то 7-й экипаж сейчас же присоединился к ним, захватив с собою ружья и патроны; то же сделали вскоре и многие матросы 4-го экипажа. Эта толпа, уже вооруженная, начала громить магазины и частные дома, поджигая их, и разбивать винные лавки, тут же напиваясь водкой (и даже денатурализованным спиртом) до потери сознания. Началась бессмысленная стрельба на воздух и куда попало. Часть вооруженной толпы отправилась к казармам 12-го и 19-го экипажей и пыталась склонить их на свою сторону, но здесь потерпела неудачу, отчасти благодаря тому, что учебная команда строевых квартирмейстеров, в составе около 300 чел., под командой капитана 2-го ранга Васильковского в полном порядке вышла из своих казарм и угрозой действовать оружием заставила толпу уйти; но бунтовщики все же успели сжечь деревянный флигель в Летнем саду.

Бушевавшая толпа снова направилась к казармам учебного артиллерийского и минного отрядов, при чем в большой опасности были: казначейство (где хранилось до 4 млн. руб.), дом главного командира, инженерное училище, морской штаб и масса портовых сооружений; но благодаря распоряжениям капитана Васильковского, охранявшего с своей учебной командой эти учреждения и здания, а также тому, что мосты через Обводный канал были своевременно разведены, бунтовщики не тронули вышеуказанных зданий.

В это же самое время, когда часть толпы около 7—7½ часов вечера, после разгрома морского собрания, отправилась к казармам 4-го и 7-го флотских экипажей, другая часть направилась к казармам учебно-артиллерийского отряда и соседних экипажей, стараясь склонить их к участию в беспорядках; многие матросы присоединились к бунтующим добровольно, другие же—боясь угрозы быть убитыми своими товарищами. Наибольший порядок и дисциплину сохранил 1-й экипаж, который недавно прибыл из Либавы, где принимал участие в беспорядках; здесь же он отвечал залпами на все попытки бунтовщиков выломать ворота.

Около полуночи около Гостиного двора толпа бунтовщиков начала увеличиваться вооруженными матросами 4-го и 7-го экипажей, прибывшими после неудачной попытки поднять 12-й и 19-й экипажи. К ним присоединились бунтовавшие матросы соседних экипажей, и разгром магазинов начался с новой силой, сопровождаемый беспорядочной стрельбой и поджогами. Обезумевшая, пьяная толпа матросов, частью переодетых в штатское платье, и хулиганов громила все без разбора, но грабители обращали наибольшее внимание на часовые и ювелирные магазины.

Полиция по своей малочисленности не в состоянии была про-

тивдействовать разгрому, и, боясь показаться в форме из опасения быть убитыми, городские и пристава переодевались в штатское платье и старались уговорами успокоить расхаживающую толпу; приставу Федорову (1-го участка Купеческой части) удалось отстоять свой участок тем, что он, переодетый хулиганом, вместе со своими городскими бросался к громилам и кричал им, что нужно спасаться,—идут войска и всех расстреливают; толпа что нужно спасаться. Он бежал в другой конец улицы и там делал то же самое. Благодаря этому в его участке было разгромлено только 4 магазина.

Бунтовщики не давали пожарным тушить пожары; все рукава пожарных труб были изрезаны, сами пожарные избиты, у брандмейстера разбита каска ломом, и когда он надел другую, то и та была прострелена.

Сухопутные войска по распоряжению коменданта вначале охраняли район у крепостного штаба и казарм пехотных и артиллерийских батальонов; таким образом город почти до утра оставался во власти бунтовщиков. Только эскадрон драгун, часть одного из артиллерийских батальонов, часть 2-го крепостного пехотного батальона и учебная команда строевых квартирмейстеров принимали участие в подавлении беспорядков ночью*.

Далеко не все матросы приняли участие в погроме города; многие из них, принужденные силой уйти из казарм, целую ночь бродили по городу, боясь возвратиться в свои казармы. Утром 27 октября капитан 1-го ранга Эссен собрал около казарм 20-го экипажа несколько сот матросов, не принимавших участия в беспорядках, и с ними без оружия прошел по городу, присоединяя к себе всех бесцельно бродивших моряков и подбирая пьяных.

Окончание беспорядков

К полудню 27 октября беспорядки почти прекратились. Прибывшие из Петербурга войска вскоре окончательно восстановили порядок и безопасность.

В тот же день и на следующий производилось обезоружение экипажей, а затем 28, 29, 30 октября—массовые аресты виновных в происшедших беспорядках.

Заключение

Кронштадтский бунт матросов, в котором отчасти замешаны и сухопутные войсковые части, окончившийся разгромом, пожаром и разорением сотен мирных жителей, почти сотней убитых и раненых и арестом тысяч бунтовщиков, которых ждет грозный суд,—весь этот бунт поражает своей стихийной бессмысленностью... Видно было, что существовала какая-то организация этого ужасного дела, но случайное обстоятельство—отправка 40 арестованных на форт «Павел»—раньше времени вызвало взрыв; руководители не сумели овладеть движением, и все пошло враз-

* Подробное донесение о действиях сухопутных войск будет представлено комендантом крепости.

брод; предполагавшееся политическое движение благодаря ра-
битым винным лавкам и грабежу обратилось в бессмысленно
пьяное буйство.

«Водка,—говорят,—спасла Кронштадт».

1 ноября 1905 г.

А. Богаевский.

Состав экипажей и отрядов к 27 октября *

1-й флотский экипаж	262 чел.
2-й » »	442 »
3-й » »	428 »
4-й » »	311 »
5-й » »	487 »
7-й » »	1 089 »
10-й » »	581 »
11-й » »	725 »
12-й » »	212 »
16-й » »	323 »
19-й » »	261 »
20-й » »	359 »
Учебный артиллерийский отряд	1 943 »
» минный отряд	1 123 »
Учебная команда строевых квартирмейстеров	300 »

Итого 8 846 чел.

Приложение 2

Ведомость числа убитых, раненых, больных и без вести пропавших нижних чинов флота

№ экипажей	Убитые	Раненые	Больные		Без вести пропавшие
			в госпи- тале	в лазаре- те	
1	Нет	Нет	14	1	2
2	»	3	12	3	7
3	»	1	14	2	5
4	3	6	21	Нет	8
5	2	1	16	2	Нет
10	Нет	4	20	2	»
11	1	3	17	3	1
12	1	Нет	21	2	Нет
16	Нет	3	10	1	»
19	»	Нет	19	3	1
20	»	2	18	2	2
Учебно-минный отряд	»	9	47	3	5
Учебно-артиллерийск. отряд	2	11	52	3	2
Итого	9	43	281	27	34

Начальник морского отделения
штаба Кронштадтской крепости
капитан 2-го ранга Ивановский

1 ноября 1905 г.

* По сведениям, полученным в морском штабе.

Список нижних чинов Кронштадтской крепостной артиллерии, убитых и раненых во время беспорядков в Кронштадте 26 и 27 октября 1905 г.

№ по пор.	№ рот	Звание	Имена и фамилии	Срока службы	
Убитые					
1	8	Бомб.-на- водчик	Кондратий Кузнецов	1901	Находился при орудии на Александровской ул. под командою подпоручика Строева. Когда было приказано перевезти орудие, самовольно отлучился. Где убит — неизвестно и не выяснено. Был доставлен в приемный покой артиллерии.
2	8	Канонир	Мечислав Кавецкий	1901	Находился также под командою подпоручика Строева и самовольно отлучился. Был доставлен убитым в морской госпиталь, откуда именно — неизвестно.
3	18	Бомбардир	Семен Барлачук	1901	Скончался от ран. Был дневальным, ушел самовольно из роты. Где убит — неизвестно и нельзя было выяснить. Был доставлен в приемный покой артиллерии.
4	18	Канонир	Петр Юрцев	1901	В строй по тревоге не выходил, так как был на работе по приеме муки. Отлучился самовольно из роты. Где убит — неизвестно. Был доставлен в приемный покой артиллерии.
5	20	Канонир	Григорий Максимов	1901	Когда рота ушла по тревоге, остался в роте; вскоре самовольно отлучился, ушел в опорах. Где убит — неизвестно. Был доставлен в приемный покой артиллерии.
Раненые					
1	6	Бомб.-на- водчик	Василий Дмитриев	1904	26/X был в составе караула, который сопровождал поезда с арестованными нижними чинами 2-го [кронштадтского] крепостного пехотного батальона под командою штабс-капитана Шлехтера. Рану получил в голову, камнем или чем-то твердым, при нападении на поезд толпы. Первая помощь подана в саперной роте. Находится в приемном покое артиллерии.

№ по пор.	№ рот	Звание	Имена и фамилии	Срока службы	
2	8	Канонир	Иван Архипов	1901	Истопник. Должен был войти в строй по тревоге, но уклонился. Самовольно ушел из роты, встретил вольного, который угостил водкой; при каких обстоятельствах разбил себе голову или его ранили, не помнит. Находится в госпитале. Первоначально был доставлен в роту обходом.
3	13	Канонир	Петр Сачалин	1901	Возвращался из лавки в 5 часов вечера 26 октября, ранен на Высокой ул.; откуда стреляли — не знает, но предполагает, что со стороны ж.-д. станции.
4	17	Канонир	Иван Рязан (Резак)	1901	Получил рану в строю. Был под командой поручика Лишева. Нижний чин, заметил рану, когда вернулся в роту; офицер предполагает, что Рязан ранен на углу Владимирской и Посадской, когда он с ротой возвращался по Алекс. ул. Находится на Северной, батальон № 6, в числе нижних чинов срока службы 1901 г. Ранен в ногу.
5	18	Канонир	Григорий Егоркин	1901	Кашевар. В 9 часов утра 27 октября самовольно ушел из роты на Павловскую ул. полюбывствовать и был ранен двумя пулями в бровь и ногу. Стрелял крепостной пехотный батальон. Находится в морском госпитале.
6	19	Бомб.-наводчик	Федор Зубарев	1901	По тревоге в строй не вышел по болезни. Самовольно ушел из роты, ранен в руку около сада Владимирского собора. Находится в госпитале.
7	20	Канонир	Евстафий Олан	1901	Когда выходила рота по тревоге — уклонился; затем отлучился из роты. Был ранен на углу Кронштадтской и Михайловской улиц. Находится в госпитале. Ранен в ногу.

Вр. и. д. начальника артиллерии Кронштадтской крепости
полковник (подпись)
Адъютант капитан Егупов.

Срок нижних чинов частей войск Кронштадтского крепостного гарнизона, раненных и убитых 26/27 октября 1905 г.

1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона
Раненные: Рядовые Петр Лукьянов, Михаил Иванов находятся в приемном покое своей части.
Рядовой Василий Кузей находится в госпитале, но в сведениях от части почему-то не числится.

2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона
Раненные: Младший унтер-офицер Афанасий Козлов; ефрейторы: Петр Филиппов, Павел Шефер; рядовые: Александр Мужевлев, Антон Терехов — находятся в госпитале.
Убитый: Рядовой Степан Быченков.

Кронштадтской крепостной артиллерии

Раненные: Канонир 17-й роты Иван Резак (Рязан) был в приемном покое, а теперь выписан в роту, как выздоровевший. Бомб.-наводчик 6-й роты Василий Дмитриев находится в приемном покое своей части. Бомбардир 19-й роты Федор Зубарев; канониры: 8-й роты Иван Архипов, 18-й роты Григорий Егоркин, 13-й роты Петр Сачалин, 20-й роты Евстафий Олан — находятся в госпитале. Бомбардир 18-й роты Семен Барлачук, канонир 20-й роты Григорий Максимов вскоре после перевязки в приемном покое умерли и отправлены в госпиталь умершими.
Убитые: Бомб.-наводчик 8-й роты Кондратий Кузнецов, канонир 8-й роты Мечислав Кавецкий, канонир 18-й роты Петр Юрцев.

Севастопольской крепостной миной роты

Ранен рядовой Леонтий Черников, находится в госпитале.

1 ноября 1905 г.
Крепость Кронштадт.

Вр. и. д. крепостного врача
Кронштадтской крепости
коллежский советник (подпись)

Приложение 5

Ведомость чинов сухопутного гарнизона крепости, пострадавших во время мятежа 26 и 27 октября

Офицеров крепостной артиллерии	1
Ранен: подполковник Бек	1
Ушиблен: штабс-капитан Шлехтер	1
Нижних чинов	
Убито:	
2-го крепостного пехотного батальона	1
Крепостной артиллерии	3
Отделения военной тюрьмы	1
Итого	5
Умерло от ран:	
Крепостной артиллерии	2
Итого	2
Ранено:	
1-го крепостного пехотного батальона	3
2-го » » »	5
Крепостной артиллерии	7
Минной роты	1
Итого	16

Всего пострадало

Офицеров 2
Нижних чинов 23

Начальник штаба крепости
генерального штаба полковник Свяцкий

Из показанного выше числа пострадали, как защитники крепости.

Офицеров: ранен 1, ушиблен 1. Нижних чинов: убито: 2-го крепостного пехотного батальона 1 — итого 1.

Ранено: 1-го крепостного пехотного батальона 1, 2-го — 4, крепостной артиллерии 2 — итого 7.

Случайно пострадало от пуль:

Убито: отделения всенной тюрьмы 1 — итого 1. Ранено: 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона 1, — 2-го 1 — итого 2.

Бывших на стороне мятежников или подозреваемых в том:

Убито: кронштадтской крепостной артиллерии 3. Умерло от ран: кронштадтской крепостной артиллерии 2 — итого 5. Ранено: 1-го крепостного пехотного батальона 1, кронштадтской крепостной артиллерии 5, минной роты 1 — итого 7.

Начальник штаба крепости
генерального штаба полковник Свяцкий.

1 ноября 1905 г.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. 7, 1905 г.

Отчет комиссии под председательством генерала от инфантерии А. К. Водара о восстаниях в Кронштадте 26—27 октября 1905 г. и 19—20 июля 1906 г.

Секретно.

Ввиду беспорядков, происшедших в крепости Кронштадте в ночь с 19 на 20 июля сего [1906] года, 22-го того же июля последовало высочайшее соизволение на назначение для подробного выяснения всех обстоятельств возникновения и развития означенных беспорядков особой следственной комиссии.

В разъяснение предстоявшей комиссии задачи начальник Главного военно-судного управления, основываясь на рескрипте его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа на имя военного министра от 22 июля за № 1326, сообщил председателю в письме от 23 июля за № 733, что комиссия должна иметь своей целью «выяснить в полном объеме причины и все обстоятельства кронштадтских беспорядков как в отношении всех чинов крепости военно-сухопутного и морского ведомств, так и всех гражданских лиц, замешанных в означенных беспорядках, действуя совершенно самостоятельно от производящегося по распоряжению коменданта крепости дознания, так как деятельность последнего имеет лишь цель — наискорейшее доставление материала для осуждения виновных».

Такое же разъяснение имеется и в письме начальника главного штаба от 18 августа за № 1535 на имя председателя комиссии, где указано, что характер предстоящей комиссии деятельности — выяснить причины бывшего мятежа, поскольку они

находятся в зависимости от условий быта и внутреннего порядка в войсковых частях. Комиссии было также указано открыть свои действия в Кронштадте только по окончании военного суда над мятежниками.

В состав комиссии, за последовавшими до открытия ее действий переменами, вошли: председатель — член военного совета генерал-от-инфантерии Водар, представитель морского ведомства, исполняющий должность старшего флагмана контр-адмирал Молаас, столоначальник Главного военно-судного управления подполковник Матиас и состоящий в прикомандировании к главному штабу подполковник Барсов.

Комиссия начала свои действия в Кронштадте 31 августа по окончании суда над нижними чинами саперной и минной рот и закончила расследование на месте 30 октября; после этого было приступлено к разбору всего письменного материала и составлению отчета.

Все документы и разного рода письменные сведения, послужившие в качестве материалов для настоящего отчета, а также все остальные письменные данные, поступившие в распоряжение комиссии, сброшюрованы в особое дело, переданное на хранение в главный штаб.

При обсуждении плана и характера предстоящей комиссии работы и способов для наиболее целесообразного разрешения поставленной задачи было принято, что так как волнения кронштадтского гарнизона и флотских экипажей имеют не только общий характер, но и проявляют даже признаки повторности, то обследование их не может ограничиться только данными, имеющими более или менее близкое соприкосновение с самым фактом мятежа, а должно сосредоточиться главным образом на выяснении более глубоких общих причин, лежащих, повидимому, в ненормальности основных условий быта нижних чинов кронштадтского гарнизона и особенно матросов расположенных там экипажей. Расследование этих краугольных причин, создающих почву для успеха преступной пропаганды и мятежных стремлений, должно дать попутно и всесторонний материал для суждения о возможной виновности начальствующих лиц как по отдельным фактам, имевшим непосредственное отношение к мятежу, так и главным образом по отношению наблюдения за внутренним порядком во вверенных им войсках, систематическое и неуклонное применение которого согласно указаниям уставов есть лучшая и вернейшая гарантия от возможности каких-либо неожиданных явлений, а тем более таких, подготовка которых должна продолжаться весьма долго.

Действуя в намеченном таким образом направлении, комиссия знакомилась с общими порядками крепости, путями сообщения и способами сношений, мерами охранения, поддержания порядка и пр.; она посещала сухопутные и морские части гарнизона и отдельные форты, осведомляясь при помощи непосредственного наблюдения и словесных опросов с условиями жизни нижних чинов, их службы, занятий, а также караульного наряда и работ, исследуя их тяжесть, величину и влияние этих обстоятельств на

солдатскую массу; в необходимых случаях были рассматриваем журналы взысканий, различная переписка и т. п.; попутно комиссия обращала также особое внимание на все побочные условия, могущие служить к распространению преступной пропаганды или к созданию благоприятной для нее почвы, и сочла себя обязанной войти в детальное рассмотрение вопроса о высшем начальствовании в городе и в крепости; ею были также опрошены представители городской и жандармской полиции.

Все добытые комиссией данные получены ею или путем словесных объяснений причастных к делу лиц или главным образом письменных показаний, данных по предложению комиссии частью в произвольном виде, а частью в форме следственных протоколов.

Краткий очерк революционного движения в Кронштадте *

Революционное движение, получившее столь широкое развитие в частях кронштадтского гарнизона и особенно во флотских экипажах, не может быть определено как продукт только последнего времени, принимая во внимание, что проявления его имели уже место и значительно раньше.

Первые мятежные проявления следует отнести приблизительно к 1902 г., когда в апреле месяце после случайной драки на улице матросы почти всех экипажей напали на казармы Каспийского полка, крепостных батальонов и крепостной артиллерии и, мешая тушить пожар и обрезая шланги, осыпали камнями не только сухопутные части, но и своих начальников, прибывших на место происшествия.

Произведенным тогда же во многих экипажах обыском была обнаружена нелегальная литература и выяснилось начало агитационной деятельности в морских командах и особенно в морском артиллерийском отряде⁸.

В 1903 г. было выяснено, что начавшиеся вновь незначительные случаи волнения среди матросов вызваны агитацией, при которой, однако, агитаторы в казармы не проникали, а матросы посещали их квартиры, принося с собой оттуда в казармы многочисленную агитационную литературу. С конца марта по май этого года было произведено чинами жандармской полиции более 60 обысков и привлечено к ответственности до 30 чел. матросов. Затем наступило полное затишье.

В 1905 г. брожение началось вновь, и уже в июле месяце были произведены многочисленные аресты лиц, занимавшихся пропагандой как среди матросов, так и среди сухопутных войск. Весь сентябрь был наполнен** во всех сухопутных и морских частях рядом периодических заявлений недовольства на экономической почве.

Матросы и артиллеристы, будучи также недовольны поряд-

* Записка генерал-лейтенанта Беляева и показание жандармов.

** Так в подлиннике. (Прим. ред.)

ками публичных домов, решили систематически каждый праздник около 5 часов вечера, собираясь толпами, разбивать камнями окна во всех публичных заведениях города. Хотя для прекращения беспорядков и вызывались войска, но к прибытию их на места беспорядков окна в этих домах бывали уже перебиты, а бесчинствующие нижние чины расходились. Если наряженные на эти беспорядки команды, бывавшие обыкновенно без офицеров, и арестовывали кого-либо, то моряка, захваченного сухопутными, и отбивали его товарищи-матросы, а при аресте сухопутного — наоборот. Это попустительство властей нижние чины объясняли тем, «что теперь сила на их стороне»*.

В октябре брожение усиливается и начинает выходить постепенно из казарменных стен на улицу, а 18 октября по городу совершается шествие с красными флагами и пением революционных песен. 23-го числа на Якорной площади, при участии матросов и солдат, состоялся многочисленный митинг, на котором говорилось самые революционные речи с призывом к восстанию войск и флота, и днем вооруженного мятежа было назначено 30 октября.

По случайности мятеж, подробности которого излагаются ниже, разразился раньше времени и не принял ужасных размеров лишь потому, что перешел в открытый грабеж и повальное пьянство, облегчившие скорое и легкое прекращение его.

Выяснившаяся уже легкость поднятия войск и матросов сделала пропаганду еще настойчивее, и** в декабре удалось арестовать Кронштадтский комитет Российской социал-демократической рабочей партии в числе 7 чел.⁹, имевший своей задачей организацию рабочей массы, не только [из] солидарности с подготовляемым к новому восстанию гарнизоном, но и для удержания войск и матросов от грабежа, обессилевшего первый мятеж. С ранней весны текущего года среди портовых рабочих начались попытки к устройству митингов, но это не удавалось благодаря принимавшимся своевременным мерам, и тогда митинги переносятся на Лисий Нос и Ораниенбаумский берег, где они и происходят совершенно беспрепятственно. К этому времени относятся также и появление в Кронштадте местного Объединенного комитета военной боевой организации, имевшего целью усиленную пропаганду и подготовку нового мятежа; в состав его входят приезжие лица и чины местных войск¹⁰. Уличное поведение как матросов, так и нижних чинов было все это время приподнятое, и по городу ходили упорные слухи, что с возвращением матросов с судов будет новый бунт, который был почему-то приурочен на сентябрь.

Направление столь усиленной агитационной деятельности революционных элементов именно на Кронштадт должно быть объяснено исключительно благоприятным положением этого города, захват которого давал в руки революции выдающийся по

* Из показания полковника Котляра.

** Так в подлиннике. (Прим. ред.)

своим качеством опорный пункт и стратегический ключ для завоевания резиденцией и столицей. Сообщество мятежного флота не только облегчало указанные цели, но и делало обратное владение Кронштадтом стоящим громадных усилий и жертв.

Помимо этих причин стремление революционеров развить в Кронштадте усиленную пропаганду объяснялось еще и пониманием ими местных условий, которые способствовали как нельзя более достижению намеченных ими целей: морские команды находились в состоянии полной дезорганизации, антагонизм между высшими представителями военного и морского ведомств мешал принятию каких-либо определенных систематических мер, солдаты, имевшие в своей среде массу заводских, фабричных и других рабочих, являлись темным и обремененным тяжелыми работами элементом, влияние офицеров отсутствовало, в крепость присылались из других крепостей худшие солдаты и пр.¹¹.

Причинам этим, как и многим еще другим, сохранившим свою силу и до настоящего времени, будет уделено более широкое место в особом отделе; теперь же комиссия признала необходимым изложить картину беспорядков 1905 и 1906 гг., что делается лишь в общих чертах, так как подробный разбор самых беспорядков, послуживший материалом судебного следствия, в задачи настоящей комиссии не входит.

Беспорядки, возникшие в крепости Кронштадте в ночь на 20 июля сего года, могут быть рассматриваемы, как два отдельные эпизода, хотя и имевшие несомненно одну общую причину и связь, но разыгравшиеся совершенно самостоятельно благодаря быстрым и энергичным мерам противодействия.

Есть также основание быть уверенным, что начало этих беспорядков связано с восстанием в крепости Свеаборг и на судах флота^{* 12}.

Момент начала восстания был полной неожиданностью не только для начальства, но даже и для охранного отделения, не получившего никаких сведений от своего внутреннего агента в минной роте, докладывавшего еще в тот же день о спокойствии и узнавшего о начале беспорядков только в 10 часов вечера. Объясняется это, вероятно, тем, что революционные комитеты, узнав о начавшихся мятежах на «Память Азова» и в Свеаборге, решили начать внезапно восстание и в Кронштадте. Все подготовившие заранее агитаторы явились 19-го числа и вечером заставили подняться как матросов, так и минеров, рассчитывая также на активную поддержку артиллеристов и судов флота.

Ко дню беспорядков флотские экипажи были расположены в двух казармах: на Павловской ул., где помещалась большая часть людей, и на Петровской.

По случаю летнего ремонта некоторых экипажных зданий 1-й флигель казарм по Павловской ул. был занят учебно-артиллерийским отрядом, 3-й—учебно-минным отрядом, 4-й—1, 2, 3, 4,

* На это указывают показания нескольких матросов из числа осужденных за восстание на крейсере «Память Азова»

5, 7, 8 и 10-м экипажами, 5-й—11, 16 и 20-м экипажами и 6-й—только караулом от 3-го экипажа; на Петровской ул. ввиду ремонта зданий 12-го экипажа этот последний помещался в 3-м этаже казармы 14-го экипажа, занимавшего только 2-й этаж; в первом же этаже находились общий и одиночные карцеры с арестованными, охраняемыми караулом от 19-го экипажа, здание которого находится на том же дворе.

Кроме береговых команд в состав экипажей входили люди, списанные с судов—крейсеров «Россия» и «Громобой».

Вечерняя переключка (справка) прошла 19 июля во всех экипажах совершенно спокойно и в обычном порядке.

В начале 11-го часа по экипажам стали бегать матросы-агитаторы, будившие людей и приказывавшие им под угрозой смерти одеваться в черные куртки и фуражки без чехлов и выходить из казарм во дворы¹³.

В это же время были арестованы внезапно врывающимися в дежурные комнаты вооруженными матросами все дежурные офицеры, которых по обезоруживанию водворили силой в особую комнату с приставлением к ней часовых. При арестовании офицерам было заявлено, что «в 11 часов весь Кронштадт восстал».

Одновременно на дворе 10-го экипажа стала собираться большая вооруженная ружьями, револьверами и палашами толпа матросов, среди которой были и безоружные, а также несколько штатских и одна женщина. Стали раздаваться одиночные выстрелы, угрожающие крики и призывы к восстанию, а затем со двора вышла под начальством одного из матросов большая группа вооруженных, направившаяся по Павловской ул. к Владимировскому собору. Оставшиеся во дворе около 100 чел. стали организовываться в другую команду, но в это время к ним подошел капитан 2-го ранга Добровольский, увещевавший опомниться и не нарушать принятой присяги; после весьма резкого, однако, ответа одного из матросов капитан Добровольский возвысил голос; тогда кто-то сильно ударил его по лицу, а затем на него набросилась толпа, начавшая наносить удары винтовками; от чего он тут же и умер. Таким же образом погиб от штыковых ран при встрече с толпой шедший по Павловской ул. командир 7-го экипажа капитан 2-го ранга Шумов.

Ружья, револьверы и патроны сводной роты 11, 16 и 20-го экипажей находились в канцелярии под наблюдением часового, охранявшего денежный ящик, и дежурного офицера, которым был в этот день штабс-капитан по адмиралтейству Стояновский. В 11 часов в канцелярию ворвались вооруженные матросы и, забирая хранившееся там оружие, набросились на штабс-капитана Стояновского, вытащили его в прихожую и там нанесли несколько колотых смертельных ран. Вооружившись, толпа выбежала на двор и стала строиться; в это время навстречу ей подошли младший флагман 2-й флотской дивизии контр-адмирал Беклемишев и командир 20-го экипажа капитан 1-го ранга Родионов. После увещевания по адресу толпы разойтись и не продолжать беспорядков упомянутые начальствующие лица направились к

11-му экипажу, но когда они стали подходить к коридору, то их встретила новая толпа вооруженных матросов, из которых кто-то крикнул: «Сдавайтесь лучше, ваше высокоблагородие», и из толпы раздалось в то же время несколько выстрелов, которыми капитан Родионов был тут же убит, а контр-адмирал Беклемишев тяжело ранен. Покончив с начальством, вооруженные матросы стали выгонять из казармы на улицу оставшихся еще там людей, а около ворот были выставлены часовые, которые имели назначение не впускать с улицы возвращавшихся обратно. Затем вышедшая на улицу толпа вооруженных матросов, соединившись там с мятежниками из других экипажей, двинулась с красным флагом под предводительством «вольного человека», уговаривавшего не грабить лавки, к арсеналу. Проходя мимо помещения центральной электрической станции, толпа остановилась и стала шуметь, требуя выхода бывшего там караула на улицу и угрожая в противном случае разгромом станции; когда караул вышел, то толпа присоединила его к себе и двинулась дальше в центральные ворота арсенала. Вошедшие в надзирательскую комнату мятежники хотя и получили от дежурного надзирателя отказ в выдаче ключей, которые хранятся у главного смотрителя, но, начав розыски по шкафам, они нашли там 4 связки ключей, с которыми и проникли в арсенал. Количество похищенного из арсенала оружия судебным следователем установлено не было.

Одновременно с ходом описанных событий, участниками которых были матросы экипажей, расположенных на Павловской ул., в районе казарм Петровской ул. происходило следующее: около 11 часов, когда слышались в отдалении выстрелы, люди стали одеваться в условленную для мятежа форму и подходить к окнам. Когда на улице раздались залпы частей, действовавших по мятежникам, то нижние чины побежали с криками и свистом во двор, но на лестнице были встречены командовавшим 12-м и 14-м экипажами капитаном 2-го ранга Паттон-Фантон де Веррайоном, которому и удалось вернуть часть толпы обратно в свое помещение. Капитан Паттон зашел в караул, бывший в нижнем этаже, и приказал зарядить ружья, предполагая стрелять из окон в толпу, врывающуюся с улицы, если бы ей удалось разломать наружные ворота; подойдя затем к толпе матросов, стоявшей на дворе около помещения арестованных, он увещевал ее и пошел по направлению к 19-му экипажу, но в это время раздался выстрел, и капитан Паттон упал, раненый в плечо. Бывшие во дворе матросы бросились тогда к воротам, оттолкнули дежурных, но, сломав ворота ломом, не выходили, однако, на улицу или, выйдя, возвращались тотчас же обратно, так как там происходила стрельба сухопутных войск. Ехавший в казармы на извозчике капитан 2-го ранга Криницкий был остановлен толпой матросов и под угрозой быть застреленным вышел из экипажа; тогда мятежники стали действовать против него штыками, нанеся несколько ран, а затем, отобрав оружие, взяли его под конвой, под которым он и пробыл в толпе до освобождения ротой Енисейского полка. В ту же ночь был арестован мятеж-

никами на улице еще штурманский офицер капитан Поletaев и ранен пулей в живот проезжавший на извозчике мичман Мальцов.

Вышеизложенные беспорядки среди нижних чинов флота были подавлены сухопутными войсками, которые были вызваны тотчас после начала беспорядков по тревоге и согласно ранее разработанной диспозиции. Главнейшая роль выпала в этом случае на 94-й пехотный Енисейский полк, 8-я рота которого разогнала залпами толпу, расхищавшую морской арсенал, а другие роты прошли с боем Екатерининскую и Павловскую улицы, арестовав при этом более 200 матросов и несколько штатских лиц.

По прибытии в ту же ночь на усиление кронштадтского гарнизона трех батальонов л.-гв. Финляндского полка и одной батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады были оцеплены этими частями флотские казармы на Павловской ул., а затем, под вечер, и на Поморской¹⁴. При последовательном занятии казарм, происходившем, за исключением одиночных выстрелов, без сопротивления, матросы обезоруживались и тут же арестовывались; таким образом осталось в казармах под наружным караулом около 1 600 чел.

Другой эпизод того же восстания разыгрался так: около 11 часов вечера в крепостную минную роту явились несколько штатских и подали сигнал к бунту, указывая нижним чинам, что «настало время отстоять землю и волю»¹⁵. Часть минеров разобрала ружья и, заставив угрозами присоединиться к ним остальных, двинулась арестовывать всех офицеров минной роты, находившихся в лагере и в зимних офицерских квартирах, причем были убиты бывший командир минной роты полковник Александров и временно командовавший этой ротой капитан Врочинский, а также смертельно ранена жившая у полковника Александрова его родственница г-жа Якоби. Остальные арестованные офицеры, захваченные частью в своих помещениях, а частью вне их, были тотчас же обезоруживаемы и препровождаемы в сарай минного городка, охраняемый часовыми от минеров¹⁶. Затем толпа мятежников, присоединив к себе, большею частью силою, оставшихся в лагере нижних чинов саперной роты, захватила караул на люнете «Литке», арестовала находившегося там дежурного по караулам и, завладев поездом крепостной железной дороги, двинулась на батарею «Константин».

Захват батареи «Константин» произошел совершенно неожиданно; расположенные на батарее нижние чины крепостной артиллерии спали, и потому когда в казематах появились мятежники и штатские с криками: «Товарищи, вставайте, земля и воля!», они были застигнуты врасплох. Мятежники звали артиллеристов на форт «Обручев» и требовали, чтобы орудия были наведены на дамбу, соединяющую батарею с крепостью, но артиллеристы этого не сделали, хотя в суматохе кем-то из мятежников и был произведен все-таки по крепости один выстрел из 57 милли-

метровой пушки, не причинивший, однако, никакого вреда*. Мятажники начали арестовывать всех находившихся на батарее офицеров, причем посадили их сначала в особое помещенье—сарай на дамбе, но затем, когда началась стрельба из пулеметов вдоль дамбы, перевели их в каземат¹⁷.

Предварительно ареста, как только минеры появились на батарее, в каземат, исполнявший роль офицерского собрания, вбежал вахтенный на дамбе и сообщил, что на поезде приехали какие-то вооруженные люди; подпоручику Заркевичу, бывшему рундом, удалось сообщить в штаб крепости о происшедшем захвате батареи, и тогда туда был послан немедленно отряд в составе 6-й и 7-й рот крепостной артиллерии, а затем в помощь ему еще одна рота крепостного пехотного батальона и 4 орудия л.-гв. 1-й артиллерийской бригады¹⁸.

Сосредоточив войска около дамбы, соединяющей остров Котлин с батареей «Константин», и около казарм минной роты, командовавший отрядом полковник кронштадтской крепостной артиллерии Шелов приказал открыть огонь сначала из ружей и пулеметов, а потом из орудий. Мятажники спрятались по казематам, но затем, после пятого орудийного выстрела, в 4½ часа ночи темный флаг, висевший на флагштоке батареи, был спущен и поднят белый. Войска прошли по дамбе на форт, заняли батарею и арестовали 142 мятежника и в том числе одного штатского. В то время, когда батарея находилась в руках мятежников, от пристани ее отвалил пароход минной роты «Понтонер», который отвез в город к Итальянскому пруду минера Устинова и еще нескольких других мятежников.

На следующую ночь после подавления мятежа и арестования всех флотских экипажей, участников его, были приняты меры к обезоруживанию признанных неблагонадежными команд следующих судов, стоявших у стенки военной гавани: броненосца «Император Александр II», крейсера «Громобой» и транспортов «Терек» и «Кронштадт». Для означенной цели был назначен особый отряд из прибывших на усиление гарнизона пехотных частей и артиллерии, но предварительно командам судов было предложено сдать оружие и некоторые мелкие части орудий добровольно, что и было исполнено ими без возражений. После этого постановлено считать команды этих судов арестованными, и для наблюдения за ними на военной стенке были поставлены караулы от сухопутных войск¹⁹.

Во время всех вышеизложенных беспорядков, кроме упомянутых уже убитых и раненых офицеров, ранено еще 2 рядовых 94-го пехотного Енисейского полка; со стороны же мятежников убиты 4 и ранено 14 матросов; кроме того на улице найден убитым неизвестный крестьянин.

* Стрелять из других орудий было нельзя, так как верные артиллеристы успели вынуть из них бойки.

Для полноты картины всех мятежных действий, имевших место в крепости Кронштадте за последнее время, необходимо изложить также вкратце и беспорядки осенью 1905 г.

Днем 26 октября 1905 г. команда в 50 чел., наряженная от 2-й роты 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, отказалась идти на работы и предъявила командиру батальона письменно ряд пожеланий. После настойчивого приказа итти по назначению команда это приказание исполнила, но по пути, проходя мимо казарм 3-го батальона крепостной артиллерии, произведшего накануне беспорядок, приветствовала его криками «ура» и маханием шапок. Окончив заданный на работе урок, команда возвратилась в казармы боковой дорожкой, мимо казарм матросов, где также кричала «ура» и махала шапками, матросы отвечали из окон тем же, но к команде не присоединялись*.

По возвращении в казармы вся команда была арестована и посажена под конвоем от крепостной артиллерии на поезд крепостной железной дороги для препровождения на форт «Павел». По пути на промежуточной станции, где поезд принужден был задержаться для маневрирования, он был окружен толпой матросов человек около 700, и на конвой посыпались камни, причинившие несколько тяжелых ушибов. Тогда конвоем при поддержке вызванных на помощь учебных команд был открыт огонь; оставив на месте одного убитого и одного тяжело раненого, толпа матросов рассеялась, и арестованные были доставлены благополучно по назначению.

Разбежавшаяся толпа направилась на Павловскую ул. и, сломав ворота в учебно-артиллерийском отряде, ворвалась во двор, присоединила к себе значительную часть этого отряда и вышла на улицу, где начала производить беспорядки, тушить фонари, бить стекла в казармах и частных домах и стрелять в воздух из захваченных винтовок. Увеличившись еще людьми из других экипажей, толпа разломала калитку и стены, соединяющие казарменные дворы с двором морского собрания, разбила стекла и двери, разгромила и разграбила кухню и буфет, а затем, выйдя на Большую Екатерининскую ул., перебила стекла в лицевом фасаде морского собрания, в морской библиотеке и в некоторых офицерских флигелях.

Во время вышеописанных событий в экипажах, остававшихся еще спокойными, пронеслось известие, что сухопутными убит на Александровской ул. один матрос и что надо отомстить. Матросы некоторых экипажей захватили тогда ружья и патроны и, выбежав на улицу, присоединились к бунтовавшей уже там толпе.

Исполняющий должность старшего флагмана 2-й флотской дивизии контр-адмирал Беклемишев, отправившийся по приказанию главного командира на место беспорядков с целью получить

* Этот факт изложен в редакции донесения коменданта крепости на имя главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (рапорт 10 ноября 1905 г. № 336).

О них более точные сведения, едва спасся от преследования толпы, которая, увидев его, подняла страшный шум, свист и начала бросать в него камни.

В 8½ часов вечера большая толпа матросов и хулиганов обстреливала дважды 3-ю Северную казарму, охраняемую учебной командой 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, но оба эти нападения были отбиты после открытия огня пачками. Оборонявшие потеряли ранеными двух человек, а из нападавших никто задержан не был.

Около 10 час. для рассеяния большой толпы, собравшейся на углу Михайловской и Владимирской улиц, была послана 1-я рота 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона. Из

Общее количество пострадавших при беспорядках

Убитых и умерших от ран . . . 22 чел.

Раненых и ушибленных 81 чел.

Степень участия нижних чинов в беспорядках выражается следующим образом *

Беспорядки 19 июля 1906 г.

	Предано суду	Оправ- дано	Осуж- дено
Крепостная минная рота	125	9	116
» саперная »	25	7	18
» мастеровая команда	1	—	1
» артиллерия	1	—	1
1-й креп. пех. батальон } прикоманд. к	4	—	4
2-й » » » } саперной роте	1	—	1
	157	16	141
1-й флотский экипаж	13	2	11
2-й » »	18	—	18
3-й » »	45	—	42
4-й » »	41	—	41
5-й » »	86	21	65
7-й » »	38	1	37
8-й » »	19	2	17
10-й » »	76	3	73
11-й » »	35	4	31
12-й » »	63	8	55
16-й » »	13	1	12
19-й » »	173	61	76
20-й » »	58	9	49
Учебно-минный отряд	19	2	17
» артиллерийский отряд	40	9	31
Вольно-наемные музыканты 5-го экипажа	4	4	—
	705	130	575
Всего	862	146	716

* По сведениям, полученным из штаба крепости и от члена комиссии, представителя морского ведомства. Маленькие неточности этих сведений не могли быть исправлены вследствие отсылки документов на сославших в каторгу.

Беспорядки 26-го октября 1905 г.

	Предано суду	Оправ- дано	Осуж- дено
Крепостная минная рота	1	—	1
» саперная »	5	—	5
» мастеровая команда	10	—	10
» артиллерия	62	22	40
2-й креп. пех. батальон	44	22	22
	122	44	78
2-й флотский экипаж	5	—	5
3-й » »	5	2	3
4-й » »	14	5	9
5-й » »	1	1	—
7-й » »	82	33	49
10-й » »	2	—	—
11-й » »	3	1	2
16-й » »	12	2	10
20-й » »	1	1	—
Учебно-минный отряд	56	18	38
» артиллерийский отряд	54	21	33
	235	84	151
Всего	357	128	229

Всех участников в обоих беспорядках:

Сухопутных частей	279	60	219
Морских частей	940	258	804
	1 219	318	1 023

Купеческой, а затем из Михайловской улиц эту роту встретили залпами, но они, однако, тотчас же прекратились после ответного огня роты; были сделаны по роте выстрелы также и с тыла, повидимому, артиллерийским патрулем, который, однако, тотчас же разбежался. Рота понесла потери: 1 убитый, 1 тяжело и 3 легко раненых.

Были также попытки толпы напасть на морскую загородную лабораторию, но этому воспрепятствовала охранявшая этот участок рота крепостного батальона.

Дальнейших попыток к нападению на войска или учреждения мятежниками не делалось, но всю ночь шел по городу грабеж, буйство, пьянство и пожары, прекращавшиеся постепенно небольшими отрядами, посылавшимися по распоряжению коменданта в разные улицы.

К утру 27 октября беспорядки начали стихать, а к 3 часам дня, когда в крепость прибыли уже новые сухопутные части, присланные на усиление гарнизона, мятеж можно было считать закончившимся.

Ночью на 28-е число крепость была объявлена на военном положении, а 29, 30 и 31-го производилось обезоружение и арест тех морских и сухопутных частей, которые принимали участие в беспорядках.

Распределение осужденных по роду наказаний

	Смертная казнь	Каторжные работы	Исправ. ар- станск. от- деление	Тюрьма гра- жданск. ве- домства	Дисциплин. батальон	Военная тюрьма	Смешан. арест.
Беспорядки 19 июля 1906 г.							
Крепостная минная рота	14	70	32	8	—	—	—
» саперная рота	—	12	4	2	—	—	—
» мастеровая (инж.) команда	—	—	—	—	1	—	—
» артиллерия	—	1	—	—	—	—	—
1-й креп. пех. батальон	—	1	—	—	—	—	—
2-й » » »	—	—	—	1	—	—	—
Морские части	19	205	675	272	4	2	4

Беспорядки 26 октября 1905 г.							
Крепостная минная рота	—	—	—	—	1	—	—
» саперная рота	—	—	—	—	5	—	—
» мастеровая (инж.) команда	—	1	—	—	7	—	—
» артиллерия	—	—	4	—	9	21	4
» 2-й креп. пех. батальон	—	—	—	—	11	—	—
Морские части	—	9	36	—	18	31	29

По срокам службы осужденные нижние чины
распределяются:

Сухопутные части.

Беспорядки 19 июля 1906 г.							
	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	
Крепостная минная рота	—	14	14	20	30	38	
» саперная рота	—	1	9	1	3	4	
» мастеровая команда	—	—	—	—	1	—	
» артиллерия	—	—	—	—	—	1	
1-й креп. пех. батальон } приком. к саперной роте	—	—	3	1	—	—	
2-й » » » }	—	—	—	—	—	1	
	—	15	26	22	34	44	

Беспорядки 26 октября 1905 г.							
	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	
Крепостная минная рота	—	1	—	—	—	—	
» саперная рота	—	—	3	—	2	—	
» мастеровая команда	—	1	5	2	2	—	
» артиллерия	33	2	3	—	—	—	
2-й креп. пех. батальон	—	10	7	4	—	1	
	34	13	18	6	4	1	
Итого	34	28	44	28	28	45	

Морские части.

Беспорядки 19 июля 1906 г.	
1882	1
1892	1
—	—
1895	1
1896	2
1897	1
1898	2
1899	1
1900	4
1901	5
1902	72
1903	94
—	—
1905	179
1906	103

Беспорядки 26 октября 1905 г.	
—	—
—	—
1894	1
—	—
—	—
1898	3
1899	10
1900	5
1901	10
1902	15
1903	17
1904	28
1905	62
—	—

С 26/X 1905 г. по 20/II 1906 г. прибыло в экипажи людей
порочного поведения, списанных с судов и прислан-
ных из Каспийского экипажа.

В 1-й экипаж	4 чел.	В 10-й экипаж	102 чел
» 3-й »	138 »	» 14-й »	3 »
» 4-й »	1 »	» 16-й »	126 »
» 7-й »	39 »	» 19-й »	24 »
» 8-й »	20 »	Итого	457 чел.

По роду занятий до поступления на службу налич-
ный состав частей, принимавших участие в беспор-
ядках 1906 г., распределяется (в %):

	Минная рота	Саперная рота	Морские части
Хлебопашцев	17	20	не получено
Заводских и других рабочих	62	70	»
Прочих профессий	21	10	»
Из них:			
Неграмотных	10	6	22
Малограмотных	15	14	16
Грамотных	47	50	—
3-го разряда	23	30	62
2-го » и выше	5	0,02	—

Осужденные распределялись по тем же категориям
так (в %):

Хлебопашцев	20	18	52
Заводских и других рабочих	60	56	22
Прочих профессий	20	26	26
Из них *:			
Неграмотных	10	8	21
Малограмотных	16	14	—
Грамотных	40	35	—
3-го разряда	31	35	79
2-го » и выше	6	8	—

* В подлиннике опечатка, но в какой категории — установить не удалось.

Предвестники беспорядков 19 июля в морских и в инженерных частях

а) Во флотских экипажах.

Как было упомянуто уже ранее, бунт 19 июля явился неожиданно и, хотя из показаний нижних чинов видно, что его нельзя было ожидать именно в этот день, тем не менее во все предшествующее время настроение нижних чинов было крайне возбужденное; это выразилось во флоте целым рядом крупных нарушений дисциплины, которые указывали на неминуемость возникновения рано или поздно новых беспорядков. Открытое проявление брожения среди морских команд на берегу началось в легкой степени с начала последней войны. С уходом эскадр адмиралов Рожественского и Небогатова, когда в экипажах остались преимущественно те, которых судовые командиры постарались списать с судов, т. е. далеко не лучшие элементы, брожение стало усиливаться, а прилив в 1905 г. неблагонадежных людей из других портов довершил дело²⁰. Через две-три недели после этого уже состоялся инцидент с требованием упомянутого ниже открытого митинга, а через несколько дней — и беспорядки 26 октября. После 26-го люди [на] некоторое время подтянулись и при благоприятных условиях можно было бы поддержать порядок. К сожалению, уменьшение по разным причинам состава офицеров затруднило надлежащий надзор за нижними чинами, а списывание в экипажи неблагонадежного элемента с судов и из других портов продолжалось. И вот мало-по-малу возобновился прежний порядок вещей: начались пьянство, самовольные отлучки, нарушение дисциплины и другие проступки и преступления. Положение стало особенно неблагоприятным, когда начались судовые и портовые работы. Как свидетельствует один из командиров экипажей, «перед 19 июля разнузданность команд усилилась: пьянство шло ужасное; недисциплинированность вошла в спорт, ею бравировали, ставили ее в доблесть. Начальство стало бессильно, и хотя все карцеры и тюрьмы были переполнены, суды завалены делами, дисциплинарные взыскания налагались непрерывно, но все это не могло остановить пьянства и связанных с ним проступков и преступлений».

Наиболее крупным и тревожным предвестником беспорядков явились митинги в экипажах. В первый раз матросы, совместно с солдатами и рабочими, собрались на митинг в морском манеже еще до первого бунта, в первое воскресенье после 17 октября²¹. Главный командир, узнав об этом, прибыл туда и сам вызвал экипажных командиров. Совместными усилиями этих начальствующих лиц удалось уговорить толпу разойтись. При этом главный командир обещал матросам собрать их на другой день в экипажах; рабочим же разрешил открыть митинг, но без участия матросов. Потом митинг в манеже не состоялся. На другой день главный командир обходил экипажи и говорил с нижними чинами.

В экипажах митинги начались со времени сведения экипажей в группы. Первый такой митинг был ночью на кухне 1-го

и 4-го экипажей с участием матросов 1, 4 и 7-го экипажей. На этом митинге произносились речи со стола. Дежурный офицер сперва не мог войти в кухню, а затем нижние чины, впуская его в одну дверь, разбежались в другие двери и окно. По этому поводу главным командиром было назначено дознание, но обнаружить участников митинга не удалось.

С наступлением хорошей погоды, когда матросы стали выходить по вечерам гулять на дворы, стали собираться митинги на дворе 1-й дивизии²². Выходя гулять большими массами, нижние чины сходились в кучки и о чем-то разговаривали. Узнать о чем они говорили, было невозможно, так как фельдфебеля и другие начальствующие нижние чины боялись подходить к ним, зная враждебное к себе отношение; если же они и решались туда подойти, или если туда подходил дежурный офицер, то сейчас же кто-либо из матросов начинал рассказывать сказку или затевал какой-нибудь невинный разговор. Если дежурный офицер приказывал разойтись, толпа расходилась. Посторонних на митингах не было, а если и были, то переодетые матросами.

В конце июня на одном из таких митингов был избит фельдфебель 3-го экипажа. Только появление капитана 2-го ранга Добровольского заставило толпу прекратить избивание фельдфебеля. Означенный штаб-офицер, подойдя к толпе, хотел запереть ворота, чтобы во двор не могли проникнуть матросы 2-й дивизии, но его оттолкнули от ворот и к ногам его был брошен камень. По поводу избивания фельдфебеля было назначено дознание. Что касается до случая с капитаном 2-го ранга Добровольским, то на бывшем по поводу этого случая собрании экипажных командиров он категорически заявил, что никакого насилия над ним произведено не было.

Другим крупным явлением в жизни экипажей были массовые заявления нижними чинами различных требований, причем начальство проявляло иногда излишнюю уступчивость. В этом отношении особенно обращает на себя внимание целый ряд требований, заявленных нижними чинами сводной роты 11, 16 и 20-го экипажей. Требования эти касались главным образом довольствия, хотя, по показаниям офицеров и нижних чинов этой группы, данных комиссии, пища была хорошая²³. Очевидно, это являлось лишь предлогом для проявления массового недовольства, что было необходимо для приготовления возмущения, так как этим путем вожаки возмущения постепенно подчиняли людей своей воле. И действительно, впоследствии один из постоянных воротил роты при заявлении ею недовольства оказался одним из главных виновников беспорядков 19 июля. Заведывавший сводной командой экипажей капитан 1-го ранга Родионов, отклоняя некоторые требования нижних чинов, как явно неосновательные, сделал им, однако, целый ряд уступок: так, он усилил раскладку и позволил нижним чинам выбирать из своей среды депутатов для наблюдения за довольствием роты. Когда нижние чины заявили требование об удалении от командования ротой штаб-капитана Булычева, и означенный обер-офицер заявил, что не может

при таких условиях командовать ротой, прося освободить его от командования, то капитан 1-го ранга Родионов не только не наложил на нижних чинов взыскания, но заменил штабс-капитана Булычева другим офицером. Разумеется, такая уступчивость начальства должна была вселить в нижних чинов уверенность в своих силах.

По заявлению начальника жандармского управления полковника Котляра был такой случай, показывающий, как морское начальство скрывало некоторые массовые преступления нижних чинов. На крейсере «Память Азова» команда не дала однажды арестовать матроса, наказание на которого было наложено командиром судна по докладу боцмана²⁴. Командира в это время на корабле не было, а по [его] возвращении и [после] доклада ему этого дела старшим офицером он объявил, что по дополнительном расследовании выясняется неправильность доклада боцмана, и потому наказание с матроса снимается. По докладе этого дела жандармским полковником главному командиру были затребованы объяснения от командира судна, который не только доложил, что все это было совершенно иначе, но даже подал рапорт, обвиняющий полковника Котляра в распространении обстоятельств, порочащих доброе имя команды. Рапорт этот находится у морского министра. Впоследствии изложенный факт в той редакции, как докладывалось жандармами, нашел себе, по заявлению того же полковника Котляра, место и в отчете адмирала Верховского, инспектировавшего экипажи, которому была заявлена по этому поводу кем-то из чинов морского ведомства претензия.

Между тем и твердость начальства экипажей не всегда находила себе поддержку в высшем начальстве; так, на одном из инспекторских смотров во 2-м экипаже было предложено удовлетворять претензии нижних чинов на пищу из содержания экипажного командира и офицеров.

Из отдельных эпизодов нарушения дисциплины наиболее крупным является отказ нижних чинов идти на панихиду по адмирале Чухнине; по поводу этого назначено следствие. Перечислить всех случаев нарушения дисциплины нет возможности,—они слишком часты. В показаниях допрошенных комиссией лиц приводится целый ряд таких случаев с указанием и последовавших мероприятий. Но следует заметить, что большею частью бывает крайне трудно обнаружить виновных лиц. Прекрасную картину общего положения в экипажах рисует рапорт дежурного по сводному экипажу 1 флотской дивизии от 27 июля с. г. за № 38*.

Вот содержание этого рапорта:

«Около 11½ вечера при возвращении штабс-капитана Армфельда, на пути из канцелярии 4-го флотского экипажа к выходным воротам, была брошена демонстративно из одного из верхних этажей флигеля бутылка с какою-то вонючею жидкостью, разбившаяся о мостовую и не понавшая в сфигера только бла-

* По рапорту было произведено расследование, не давшее, однако, никаких результатов.

годаря счастливой случайности. Несмотря на все принятые меры, виновного найти не удалось. Донося о вышеизложенном, осмеливаюсь присовокупить, что мною при обходе по сводному экипажу замечено крайне возвышенное настроение большинства команды. Проходя по двору, неоднократно приходилось слышать отдельные фразы:

«Не слушай его, братцы!»—«А, ну, его!»—«Не дадим в обиду!»—«Мы покажем себя еще не так!» и т. д.

Через соседний забор с людьми нашего сводного экипажа зачастую ведется самый нелегальный разговор, доходящий до слуха в виде отдельных фраз, как, например: «Что вы даёте себя мучить, берите пример с нас!»—«Все они—одна сволочь!» При желании кого-либо задержать, все моментально скрываются в толпе гуляющих матросов, и разыскать виновных невозможно. Вслед за этим за забором слышится отборная ругань по адресу дежурного офицера и подбадривание товарищей словами: «Тронь только,—не выдавай товарища» и т. п. Тогда среди гуляющих матросов раздается смех, свист, но откуда и кто этим занимается,—уловить невозможно».

Наконец из показаний фельдфебеля видно, что никто из них не мог показаться на дворе, чтобы по адресу его не послышалось бранного окрика.

Что касается до предлагаемых мер, то рекомендовалось усилить надзор, что, однако, трудно было исполнить при неимении на то средств. Достаточно указать, что, при обширности помещения экипажей, дежурному по сводному экипажу для тщательного его обхода требовалось 1—2 часа.

б) В инженерных войсках.

По городским слухам и секретным сведениям, можно было ожидать беспорядков, но нельзя было ожидать их на 19 июля. В июне начальник инженеров предупреждал ротных командиров, что роты находятся в руках революционеров.

Что касается настроения нижних чинов, то в саперной роте, повидимому, было все спокойно, если не считать разговоров о Свеаборгском бунте, нескольких прокламаций, принесенных самими солдатами к начальству (но не видно было, чтобы они распространялись), несколько случаев преступной агитации отдельных людей и несколько возбужденного состояния людей после переклички 19 июля, что было объяснено тем, что было много выпивших по случаю выдачи денег. Ротный командир, который беседовал с ними о верности долгу, говорил, что не подозревал возможности бунта, хотя не мог поручиться за противное. Унтер-офицерами также никакого брожения замечено не было.

В минной роте было не так спокойно. Брожение началось еще с лета 1905 г. и выразилось в недовольстве пищей; по этому же поводу было недовольство в октябре. В январе и феврале фельдфебелем и старшим офицером роты было намечено несколько подозрительных людей; однако особого значения их деятельности придано не было. Часть этих людей была арестована 8 июля, а часть оказалась зачинщиками возмущения²⁵. Арестована 8 июля, а часть оказалась зачинщиками возмущения²⁵. Арестована 8 июля, а часть оказалась зачинщиками возмущения²⁵.

сты 8 июля были произведены внезапно; после арестов настроенные в роте были подавленные; на 20 июля предполагались новые аресты, о которых, однако, никто не знал до настоящего времени. Возможность внезапного возмущения объясняется умением скрыть следы.

Меры, принимавшиеся в гарнизоне для противодействия агитации, митингам и возможным беспорядкам

Революционное движение, с давних пор проявлявшееся в Кронштадте, как это изложено уже выше, не осталось, конечно, без внимания со стороны местного начальства, причем им принимались и возможные меры противодействия; если меры эти не достигали, однако, всегда соответствующих целей, то это объясняется как местными условиями—двойственностью власти, многочисленностью революционизированного уже элемента, крайне плохим надзором, недостаточным количеством полиции и другими причинами, которые излагаются ниже подробнее, так и особой энергией преступной пропаганды, не останавливающейся ни перед чем, ни перед какими преградами и имевшей своих агентов даже в местных правительственных учреждениях (телефон, телеграф).

Можно отметить, однако, что большинство из принимаемых мер имели характер пресечения; предупредительные же меры, если они и бывали, относились главным образом к области внешнего воздействия, уделяя недостаточное внимание нравственному влиянию на нижних чинов, которое, как показали дальнейшие события, было вообще крайне незначительно.

Объяснение этому, надо полагать, лежит в сравнительно невысоком качестве некоторой части офицерского состава, проявившего даже во время беспорядков плохое понимание обязанностей и долга, связанных с высоким званием офицера. Как назвать аресты даже вооруженных должностных офицеров без сопротивления, разве не позорны такие факты, как укрывание двух офицеров из них одного ротного командира, в шкафу? (крепостной артиллерии капитан Коренев и прапорщик Быстров). Заслуживает того же внимания, и то, что столь позорному поведению офицеров было придано надлежащее значение уже только после того, как оно было характеризовано соответствующим образом в одном из вопросных предложений комиссии*.

О другой причине недостаточного влияния офицеров—значительном некомплекте их, будет говорено особо.

До 28 октября 1905 г. власть по городу и крепости была разделена, и поэтому имело место и разделение общих мер противодействия предполагавшимся беспорядкам; после же этого времени, т. е. с объявлением крепости на военном положении, вся власть перешла к коменданту, и все указания исходили только от него.

Мелкие вспышки, появившиеся в различных частях гарни-

* Капитан Коренев 26 октября подал прошение об увольнении в отставку

зона еще за несколько недель до беспорядков 26 октября*, заставили обоих высших начальников принять различные предупредительные меры не только по части, состоящей в непосредственном ведении каждого, но и войти в соглашение о принятии общих мер для действия совместно.

Была выработана программа действий на случай беспорядков и установлено, что верные своему долгу морские части, в которых были организованы особые боевые полуроты, составят резерв сухопутных войск; морякам было предложено становиться сзади пехотных частей, чтобы в случае необходимости стрелять по своим, первые выстрелы были произведены сухопутными войсками.

Главным командиром был сделан обезд всех морских казарм с целью собеседования с нижними чинами и увещевания их не нарушать долга службы и принятой присяги²⁷.

Около того же времени на собрании всех офицеров гарнизона комендантом были сделаны разъяснения высочайшего манифеста 17 октября и указано на необходимость таких же разъяснений и нижним чинам.

19 октября приглашено духовенство всех без исключения кронштадтских церквей и к ним была обращена просьба принять возможные меры к успокоению умов порученной им паствы более частыми проповедями, собеседованиями и поучениями не только в церквях, но и при всех других удобных случаях.

Вследствие волнений в крепостной артиллерии, 23 октября было сделано распоряжение наряжать в караулы только артиллеристов, с тем, чтобы, с освобождением пехотных частей, иметь в руках, на случай беспорядков, более надежные части, которыми были выданы также из крепостного склада легкие полевые пушки. В крепостных пехотных батальонах были образованы специально для обращения с орудиями особые артиллерийские команды; артиллерия предназначалась для обстреливания подступов к зданиям и сооружениям, а также для поддержки войск при штурме зданий, занятых мятежниками.

21 и 22 октября всем частям гарнизона было предложено иметь наготове свои нештатные пожарные обозы и охотничьи команды для тушения возможных пожаров.

Кроме того были делаемы неоднократные приказания о сборе всех начальников, которым внушалось о серьезности положения и давались соответствующие обстоятельства указания.

Переходя к дням мятежа 26—27 октября 1905 г. и не вдаваясь в подробный разбор распоряжений, сделанных высшими начальствующими лицами Кронштадта в это время, комиссия, основываясь на приводимом ниже постановлении кронштадтского военно-морского суда*, в связи с данными рапорта коменданта

* Рассмотрев дело о 207 нижних чинах команд Кронштадтского порта, обвинявшихся в учинении беспорядков и явном восстании 26—27 октября 1905 г., суд обратил внимание на нижеследующие, выяснившиеся на судебном следствии обстоятельства.

1. После получения известия о появлении на улицах города вышедшей из

крепости от 10 ноября 1905 г. за № 336, находит, однако, возможным высказать, что отсутствие со стороны высшего начальства Кронштадта энергичных попыток к прекращению господства над городом в течение почти суток пьяной и неорганизованной толпы, занятой к тому же грабежом и безобразиями, дает право предположить, что если бы принятые меры отличались большей решительностью и быстротой, то подавление мятежа было бы более целесообразным и имело бы, без сомнения, громадное нравственное значение, плоды которого сказались бы и при подготовке последующих беспорядков²⁸.

Медлительность всех тогдашних распоряжений подняла дух революционеров и вселила в них убеждение в бессилии власти и возможности удачи при новом восстании, лучше подготовленном и правильнее организованном.

После подавления беспорядков и ареста мятежных частей были приняты меры к устроению твердого внутреннего порядка как в городе, так и в войсках и были закрыты все публичные дома, служившие местом встречи матросов с чинами сухопутного гарнизона крепости. Увольнение нижних чинов со двора ограничено 10% и то при условии хорошего поведения; в некоторые дни, по особым распоряжениям, увольнение не производилось вовсе, а в остальное время ограничивалось только светлым временем и выдачею билета; выпуск из казарм вечером допускался только по служебным надобностям. Отпуск в Петербург разрешался лишь при исключительных условиях. Был даже

повиновения роты 2-го кронштадтского пехотного батальона и. д. главного командира вице-адмирал Никонов утром 26 октября просил по телеграфу о высылке войск из Петербурга, но и после повторения этого требования войска были присланы лишь 27-го числа; также и со стороны сухопутных войск кронштадтского гарнизона ему не было оказано никакого содействия, вследствие чего у вице-адмирала Никонова не было в распоряжении никаких средств для подавления восстания силою оружия в самом начале. Между тем в распоряжении коменданта крепости находился в строю отряд, расположенный для охраны крепостных зданий, в составе которого были пехотные части, полевая артиллерия, эскадрон драгун и двадцать казаков, участие которых в подавлении волнения в самом начале могло бы принести существенную пользу. Вообще и при дальнейшем распространении беспорядков, когда начались грабежи и поджоги частных городских зданий, части сухопутного гарнизона для восстановления порядка и охраны жителей на улицы не высылались, а взводы, присутствовавшие по наряду на пожарах, относились к попыткам толпы грабить и поджигать находившиеся в виду у них здания безучастно. Свидетельскими показаниями на судебном следствии было установлено, что в таком именно положении около 12 часов дня 27 октября находилась команда крепостной артиллерии под начальством капитана Гестеско около горевшего на Павловской улице дома Герасимова, не оказывая никакого содействия купцу Рутзату, магазин которого разгромили и грабили в присутствии этой команды.

II. Из числа начальствующих лиц, которые по служебному своему положению имели возможность и должны были проявить энергичное противодействие восстанию и своим личным примером воодушевить и поддержать большинство людей, только лишь охваченных паникою, но не приставших к бунтовщикам, не все исполнили возложенные на них обязанности. Со стороны начальника штаба контр-адмирала Петрова, в подчинении которому находились все команды в отношении их строевого образования и организации в экипажах надежных боевых рот,

период, когда комендант приказал совсем не увольнять людей со двора.

Из обмена мнений с различными начальниками по поводу этой последней меры выясняется, что она приносит в сущности только вред, так как действует чрезвычайно угнетающе на моральное состояние людей и, вызывая в них неудовольствие на начальство, делает их более склонными к восприятию агитационных идей.

Для прекращения митингов в Сестрорецке, на Лисьем Носу и на Ораниенбаумском берегу были установлены наблюдательные посты от сухопутного и морского ведомств на пристанях и на противоположных берегах.

Было сделано распоряжение, чтобы экипажные командиры и начальники учебных отрядов, равно как и все наличные офицеры, находились безотлучно в своих командах и даже ночевали там. Дежурство флотских офицеров установлено усиленное: старшим дежурным по всем экипажам и командам назначался ежедневно штаб-офицер и в помощь ему младшие дежурные—овер-офицеры.

В июне месяце, ввиду ошибочных сведений с.-петербургского охранного отделения, сообщившего, что весь сухопутный гарнизон и матросы—накануне восстания и намерены посягнуть на резиденцию государя императора, в Кронштадт прибыли экстренно гвардейские части всех родов оружия под начальством генерал-адъютанта Данилова. Через три дня войска эти ушли, так как было установлено, что никаких данных для предположений о немедленном восстании не имеется.

годных для действия в момент надобности оружием, не было принято никаких предупредительных мер ввиду выяснившейся возможности восстания и вообще тревожного настроения в городе, а затем, когда контр-адмиралу Петрову было доложено о том по телефону командиром 4 флотского экипажа капитаном 1-го ранга Бронницким, он не принял спешно необходимых мер для подавления первоначальной вспышки вооруженною силою, хотя бы пользуясь командами 4-го флотского экипажа, находившимися в то время еще сравнительно в весьма спокойном состоянии. Флагман 1-й флотской дивизии контр-адмирал Паренго не делал никаких по вверенной ему дивизии распоряжений и лично сам не принимал никакого участия в успокоении команд и прекращении вооруженного восстания. Из числа ротных командиров лейтенанты: Перковский, Петров и Зимницкий, капитан Шпынев и штабс-капитаны: Елкин и Максимов или совсем не прибыли после возникновения беспорядков вечером 26 октября во вверенные им роты, или же поспешили оттуда удалиться и оставались в отсутствии во все время продолжения беспорядков, причем лейтенант Перковский ушел в 9 часу вечера 26 октября из экипажа, переодевшись в форму нижнего чина из боязни грозившей ему лично, по дошедшим до него слухам, опасности.

III. Организация боевых полурот, как высланных для подавления беспорядков в город, так и предназначенных для охраны порядка в экипажах, а также и порядка исполнения караульной службы в экипажных караулах показали их полную непригодность для исполнения возложенных на них задач. Люди боевых полурот в случайном составе от разных экипажей под командою не знающих их офицеров не представляли собою того сплоченного, благонадежного элемента, при котором только и можно рассчитывать на успешное действие по подавлению беспорядков или восстания военных команд, как это было усмотрено в частности по отношению боевых полурот под командой капитана 1-го ранга Сильмана. Караулы 7-го экипажа и учебно-минного отряда не пытались оказать нападающим сопротивление и вопреки требованию закона в прямое нарушение устава караульной службы беспрепятственно допустили освобождение арестованных из карьеров.

Затем в Кронштадт был прислан генерал-адъютант Зарубаев, который, прожив там 10 дней, нашел, что войска и флотские экипажи спокойны, особенным же внутренним порядком отличаются части инженерных войск—саперная и минная роты.

В это время генерал-лейтенант Беляев уезжает в отпуск за границу, и в исполнение его обязанностей вступает генерал-майор Адлерберг.

18 и 25 июня части гарнизона вызывались в Петергоф на парад в высочайшем присутствии по случаю исполнившегося 200-летнего юбилея крепости; на случай могущих произойти беспорядков, обусловленных уменьшением гарнизона, чем могли воспользоваться революционеры, была выработана в особой комиссии диспозиция. Никаких попыток к нарушению порядка, однако, не последовало.

В начале июля возникла забастовка грузчиков угля, имевшая чисто экономический характер и протекавшая совершенно спокойно. Во избежание праздничного разгула среди подгулявшей толпы, склонной всегда благодаря присутствию пьяных к беспорядкам, было сделано распоряжение, чтобы во все воскресные и праздничные дни были бы закрыты все решительно заведения, продающие крепкие напитки.

Начавшееся около того же времени движение среди рабочих порта сопровождалось манифестациями, производимыми толпой, возвращающейся с последнего парохода с Лисьего Носа; для рассеяния готовился заранее полицейский наряд, при первом появлении которого толпа тотчас же разбегалась. Рассеивались также полицейским нарядом и манифестации, производимые толпой портовых рабочих при выходе из мастерских в обеденное время. Во время одного из таких столкновений был ранен жандармский ротмистр Ракицкий.

Чтобы прекратить агитацию в войсках и предотвратить возможность беспорядков по поводу роспуска Государственной думы, 8 июля ночью были произведены по требованию с.-петербургского охранного отделения аресты членов «военной организации», совершившиеся вполне правильно и без всяких случайностей. Из числа лиц, указанных в списке охранного отделения, не удалось арестовать только моряков, находившихся на судах вне Кронштадта, и телеграфиста штаба порта, скрывшегося еще за несколько дней до ареста. В крепостной минной роте было арестовано в этот день 6 человек.

На утро, в 6 часов, к коменданту прибыл оставшийся за главного командир контр-адмирал Беклемишев и сообщил со слов только что бывшего у него командира броненосца «Слава», что на корабле происходит брожение, и настроение команды угрожающее. Командир предполагает затопить бомбовые погреба, но если это не удастся, то он подаст условный сигнал, что команда вышла из повиновения. На изложенное заявление и. д. коменданта ответил, что он будет считать в таком случае броненосец за восставшее судно и сделает распоряжение расстрелять его из крепостных орудий. Все обошлось, однако, благополучно, и команда,

узнав на следующий день со слов морского министра о сделанном распоряжении, смирилась и выдала 24 зачинщика.

18 июля вечером прибыл в Кронштадт адъютант августейшего главнокомандующего и привез известие о восстании в Свеаборге. Были созваны тотчас же все начальники, им было объявлено о возможности нового восстания и приказано посвятить в это всех офицеров и принять предупредительные меры.

Весь день 19 июля прошел спокойно, а вечером были сделаны приготовления для нового ареста 22 членов «военной организации»²⁹.

Когда в квартиру и. д. коменданта собрались начальники частей для получения соответствующих инструкций о порядке арестования, вбежал внезапно и. д. полицмейстера ротмистр Садовский и объявил, что восстание началось.

Состояние частей гарнизона и флотских частей по наблюдениям комиссии

Ознакомление с состоянием различных частей гарнизона производилось комиссией при обыкновенных условиях повседневной жизни частей, без всяких, по возможности, предварительных предупреждений, так как это устраняло предуготовленность показа и представляло различные стороны быта нижних чинов в своем естественном виде. Необходимо, однако, оговориться, что так как пребывание комиссии в пределах крепости и исполнявшаяся ею задача не могли быть для кого-либо тайною, то и в окончательные результаты виденного ею необходимо внести, конечно, некоторый, хотя и незначительный корректив.

Общий внешний вид людей гарнизона крепости, по сравнению с обычным видом, нормальным для всей армии, должен быть признан далеко неудовлетворительным: встречалось как-то мало здоровых, цветущих лиц, выражающих бодрость, энергию и веселье, и на всей солдатской массе, изобилующей малокровными лицами, лежал отпечаток утомления и забитости; сторона эта достигала наибольшей рельефности в артиллерии и саперной роте; то же самое впечатление выносилось и из разговоров с нижними чинами,—ответы на вопросы, входящие в большинстве случаев робкие, мало осмысленные или неправильные, а нередко не давалось и никаких ответов.

Пища была найдена во всех случаях осмотра хорошою, чего, однако, нельзя сказать про хлеб, забота о лучшем качестве которого была бы не бесполезна, так как встречался иногда хлеб сырой и невыпеченный. В общем можно все-таки сказать, что довольствие людей хорошее и жалоб или претензий на эту сторону солдатской обстановки поступать не должно. Лучше довольствуются люди во флоте, где больший отпуск.

Обмундирование крепостных войск, особенно же артиллеристов, неудовлетворительно; замечались нижние чины, у которых шаровары были с крупными заплатами, а на многих встреча-

ются и собственные шаровары, что является, конечно, недопустимым.

Недостаток шаровар в крепостной артиллерии был выражен при осмотрах людей так резко и по свидетельству начальства так неустрашим домашними средствами, что председатель комиссии считал себя обязанным доложить об этом военному министру, выяснив при этом, что такое полное обмундирование крепостной артиллерии мундирною одеждою, происшедшее вследствие отправления во время войны на Дальний Восток целого батальона, снабженного полным комплектом одежды, необходимо устранить и притом в самом ближайшем будущем.

В настоящее время главный интендант, в письме от 31 октября за № 38360, уведомил председателя комиссии, что с разрешения военного министра кронштадтской крепостной артиллерии назначено уже к выдаче в счет срочной потребности 1096 г. 4589 готовых шаровар, которые и будут немедленно выданы из петербургского вещевого склада.

Одежды и осмотры люди, особенно же артиллеристы, небрежно, с незащитными дырами на платье и в сапогах и с длинными волосами; попадалось грязное белье; на батарее № 2 южного фарватера был замечен артиллерист в нечерненных сапогах, объяснивший, что ему «было некогда вычистить эти сапоги».

Грязно и неопрятно одеты также и матросы; замечено много плохих сапог; нумерация на погонах и надписи на фуражках находятся в полном беспорядке, несмотря на соответствующий приказ главного командира, это было замечено даже в карауле на Лисьем Носу. Правила о форме одежды совершенно не соблюдаются; так, приходилось, например, встречать на улице команду из 4—5 человек, одетых каждый по своему: в белом, в черном, в шинели и бушлате.

Содержание помещений для нижних чинов удовлетворительно, а в некоторых частях очень хорошее. Грязно помещение фельдшер в крепостной артиллерии и совершенно неудовлетворительно, так как заражено воюю из соседнего отхожего места, помещение фельдшер в 1-м кронштадтском крепостном пехотном батальоне. Чувствуется сильная воюю из капустных погребов, принадлежащих различным частям, в казарме крепостной мастерской инженерной команды.

Казарменная принадлежность в порядке, всюду железные кровати, но в некоторых ротах крепостной артиллерии на кроватях, вместо подголовьев из досок, были положены поленья дров.

Помещения на фортах, хотя и носят, ввиду пребывания в них только летом, характер временных, но являются в сущности весьма неудовлетворительными, как по относительной сырости, так и главным образом по недостаточности кубического содержания воздуха. Наиболее рельефны эти отрицательные стороны жизни в казематах на батарее «Константин», где теснота особенно чувствительна. Заслуживают по своей антигигиеничности также внимания и двухъярусные нары, принятые для казематов только недавно.

Содержание помещений на фортах не носит на себе печати

постоянной заботливости: например на форте «Граф Милютин» побиты оконные стекла, на полу каземата трещина, сквозь которую просачивается вода, кухню заливают; на форте № 4 северного фарватера воюю из отхожих мест, на фортах № 1 и 2 южного фарватера караульные помещения тесны, грязны и вообще неудовлетворительны; на батарее № 2 обе смены караула находятся в одной комнате, разделенной, больше для виду, незначительной перегородкой. Ночное освещение на фортах недостаточно.

Отправление караульной службы в крепости оставляет желать многого; повидимому, ей не придается того серьезного значения, которое ей присуще не только в служебном, но и в воспитательном отношении, и поэтому она исполняется неаккуратно и не по уставу. Наибольшее количество упущений было найдено в караулах, наряженных от крепостной артиллерии, что необходимо отметить.

На фортах, батареях и в карауле морской лаборатории находящиеся в караульных помещениях табели постам не соответствуют действительной сдаче постов, которая является поэтому произвольной, передаваемой устно от одного караула другому; по табели, например, значится 2 замка, а часовой передает 25 (форт А); поверка караулов на фортах организована неудовлетворительно, и, повидимому, не производится совсем, так как комиссии предъявлялись постовые ведомости, в которых не было поверочных отметок в течение более двух недель (форт А—с 15 августа по 6 сентября); постовые ведомости остаются в караулах в течение нескольких дней, причем даже и в этом не установлено какого-либо однообразия: в одних караулах ведомости сохранялись за несколько дней, в других—за две недели и более; рассылка пароля неудовлетворительна,—почти в течение целого дня караулы на фортах пользуются вчерашним паролем; иногда пароль присылается и на несколько дней; при посещении 30 октября внешнего караула при морской лаборатории оказалось, что тулупов было только по одному на пост, а не по два, как то указано в уставе и несмотря на холодную и снежную погоду; не было совсем денег; караульные начальники не знают своих обязанностей, не рапортуют при входе в караульное помещение, не спрашивают у входящих пароль, и пр.; то же самое можно сказать про часовых и разводящих; караулы, назначаемые на неделю на форты, отправляются только фельдфебелем, а не ротным командиром, которому надлежало бы разъяснить нижним чинам всю серьезность возлагаемых на них обязанностей. При посещении ночью 11 сентября батареи «Константин» комиссия была встречена, несмотря на предварительное почти за час извещение о пропуске экстренного поезда, только дежурным фельдфебелем, а затем комендантом форта; пребывающие же на этом форте дежурный по караулам и рунд явились только спустя продолжительное время.

Внутренний порядок в частях гарнизона поддерживается неудовлетворительно, и требования устава остаются во многих случаях неисполненными.

В хорошем состоянии находится 2 крепостной пех. батальон. Разделение рот согласно уставу строго не соблюдается, в 4 батальоне крепостной артиллерии заявили например, что деление на взводы там постоянное, а на отделения—временное; в довольно неопределенном положении находится этот вопрос и в инженерных частях; листы нарядов ведутся неаккуратно, небрежно; в одной из рот (19-й) крепостной артиллерии был замечен посетитель, но книги посетителей получить не удалось; порядок увольнения со двора не везде согласован с уставом; в команде велосипедистов крепостной артиллерии, живущей в особом помещении, был большой беспорядок и грязь, но ни дежурного, ни дневального не оказалось; больные приемного покоя той же артиллерии обедали в кухне, несмотря на то, что имеется особая столовая; в приемном покое вообще мало порядка,—в помещении фельдшеров грязь, на больном—грязная рубашка; в неудовлетворительном состоянии найден был также лазарет во флотских экипажах: на больном—рванные туфли, в складе вещей больных нижних чинов вонь; в 1-м крепостном пехотном батальоне в ротах нет шкафчиков или полок для хлеба, а в команде музыкантских воспитанников мало присмотра; и в этом батальоне и в крепостной артиллерии, и во флотских частях арестованные перемешаны—дисциплинарные сидят с подследственными; на помещения для арестованных обращается вообще мало внимания, и арестованные содержатся всюду очень плохо; дневальные не везде отдают себе отчет в своих обязанностях; порядок отправления команд усвоен плохо.

Комиссия обратила также внимание и на нижеследующие факты неустройства крепостной жизни, представляющие много опасного и требующие поэтому соответствующих мер:

1. Охрана фортов и батарей организована весьма неудовлетворительно, что дает возможность не только чрезвычайно легкого захвата их даже посторонними лицами, но и полной неосведомленности об этом центральной крепости в течение сравнительно долгого времени. Правильность такого взгляда выяснена комиссией при дневных и ночных посещениях фортов и батарей, когда ей пришлось убедиться в следующем: на отдельных укреплениях нет нигде постоянного начальника, живущего на укреплении—коменданта его, который был бы ответственным за порядок и правильность охранения. Постоянными жителями укреплений являются сторожа артиллерийского и инженерного имущества, жандармы и телефонисты, а на строящихся фортах еще и вольнонаемные вахтера и рабочие. Ответчиками за укрепления считаются караульные начальники, но, ввиду постоянной смены их, как бы фактическим распорядителем на укреплении является хранитель артиллерийского имущества, стоящего, между прочим, чуть ли не миллион, унтер-офицер или даже рядовой. В ролях жандармов на отдельных батареях фигурируют рядовые, прикомандированные из крепостных пехотных батальонов и снабженные синей повязкой на рукаве; соответствие этих людей возлагаемой на них обязанности, требующей сообразительности и опыта, более чем сомнительно. Отправление караульной службы, ввиду отсут-

ствия, да и невозможности вообще внезапного контроля, небрежное. При посещении многих фортов, несмотря на то, что пароход виден издали, комиссия, ездившая к тому же в неурочное для обыкновенных рейсовых пароходов время, не была встречена даже жандармом. На строящихся фортах живут зиму и лето посторонние рабочие, контроль над которыми, при составе их [доходящем] например, на форте «Обручев» до 1500 чел. и при малом количестве жандармов, вряд ли надежен. На случай особых обстоятельств ни у кого никаких инструкций не имеется; не приняты также меры при перерыве телефона, который является единственным способом сообщения с крепостью и действует вообще неправильно, нуждаясь в постоянной починке. Об исправности отправления вообще телефонной службы свидетельствует такой факт: при ночном посещении укреплений, сообщение с батареей «Константин» и форта «Граф Милютин» установлено быть не могло несмотря на все усилия. И это было в исключительное время,—что же делается в обыкновенное, спокойное? Высадка на укрепления не представляет никаких затруднений и в темное, бурное время может быть сделана совершенно незаметно для часового, охраняющего громадное пространство; захват же его, да и всего остального караула—дело также нетрудное. Желательно устроить преграды для беспрепятственной высадки на укрепления, в виде решеток или хотя бы проволоочных сетей.

2. Телефонная сеть крепости, служащая единственным средством сообщения между отдельными ее частями, разбросанными на десяток верст, не только на суше, но и на воде, требует немедленного переустройства ее. Существующая воздушная сеть страдает большими недостатками, постоянно прерываясь и портясь; но в мирное обыкновенное время с этим еще можно мириться; при наступлении же особых обстоятельств последствия такого состояния телефонов будут неисчислимы. Не говоря уже про военное время, когда перерыв сообщения может быть результатом случайного снаряда, попавшего в один из многочисленных столбов, необходимо обратить внимание и на возможность случаев, подобных беспорядкам 19 июля, когда первым делом мятежников был перерыв телефонной сети, не представлявший никакой трудности.

3. В центре острова Котлина, за крепостной стеной, среди частных владений находится лаборатория морского ведомства, являющая собою в то же время и громадный склад различных взрывчатых материалов, которых находится там до 200 тыс. п. Взрыв этих складов разрушит не только находящиеся вблизи от них все центральные учреждения крепости и места жительства всех начальствующих лиц, но и большую часть казарм и города.

Условия работ в лаборатории и все вообще устройство ее не гарантирует от возможности не только предумышленного (было уже два покушения), но даже и случайного взрыва, и поэтому она является постоянной угрозой для города и крепости.

Этот вопрос, имеющий весьма серьезное значение, поднимался уже несколько раз также и начальством крепости.

4. В самом крепостном районе, за крепостной стеной, на Косу находится много частных построек, торговых заведений, огородов и пр., переполненных, особенно летом, пришлым людом, среди которого, как показали бывшие там аресты, много различных подозрительных личностей. Так как на Косу выводятся в лагерь и все крепостные войска, то соприкосновение нижних чинов с окружающим населением почти неустранимо, и это соседство является естественным путем для проникновения пропаганды.

5. У сухопутного гарнизона крепости нет своего госпиталя, вследствие чего частям приходится пользоваться лечением в госпитале морского ведомства.

Условия, способствующие развитию среди нижних чинов брожения

Ознакомившись с внешней стороной жизни Кронштадта и всеми обстоятельствами происходивших там беспорядков, комиссия пришла к выводу, что наличие целого ряда этих мятежных проявлений, захвативших собою в большей или меньшей степени все части, и раскрытие во всех этих случаях, как причины, агитационной деятельности революционных элементов, дает совершенно естественное указание, что агитация обязана своими успехами также и каким-то крупным ненормальностям основных условий быта крепостных войск и флотских экипажей.

Такими ненормальными условиями, революционизирующими вообще солдатскую среду и создающими благоприятную почву для пропаганды, по мнению комиссии, являются: а) отсутствие духовной связи между офицерами и нижними чинами; б) малая забота о нуждах солдата; в) пребывание в караулах на фортах; г) большое число нижних чинов, находящихся в командировках вне своих частей; д) тяжесть и различные исключительные условия караульной службы; е) обременительность и тяжесть работ; ж) недостаток офицеров; з) недостатки организации экипажей и прочие условия пребывания нижних чинов флота на берегу; и) неустройство высшего начальствования.

Каждое из этих условий, сохраняющих почти всю свою силу и в настоящее время, даст при более детальном рассмотрении следующее:

Отсутствие духовной связи между офицерами и нижними чинами

Прежде, когда солдатская служба, была очень продолжительна, вопросы воспитания, имевшие всегда столь важное значение, решались сами собою; военная семья, в лице проникнутых службою до мозга костей ветеранов-солдат, сама воспитывала молодых, поглощала этих одиночных людей своею сплоченною массою.

В настоящее время, при коротких сроках службы, при исключительных политических условиях и при современном состоянии фабрики, школы и деревни, когда понятие о долге, вере, правде и обязанностях толкуются сплошь и рядом не только раз-

образно, но часто и преступно, значение воспитания бесконечно, и правильная постановка его—коренной вопрос военного быта. Теперь воспитание солдата должно быть работою исключительно офицера; офицер из карающего только элемента, каким он мог быть в прежнее время, должен превратиться в строгого, но справедливого воспитателя, близкого солдату по духу и связанного с ним узами взаимного доверия и любви. Солдат должен видеть и чувствовать во всех действиях офицера искреннюю заботу о себе, чуждую сентиментализма, но проникнутою в действительности пониманием истинных нужд и человечностью. Наконец, офицер должен являть собою образец безупречной честности, образцового исполнения долга и непоколебимого мужества.

Только при таких взаимных отношениях можно быть уверенным, что всякая преступная агитация, как бы хороша ни была она ведена, не достигнет своей цели, так как разобьется о твердость нравственных устоев солдата, опирающуюся на непоколебимое доверие его к словам одного только офицера. Только за таким офицером пойдут солдаты беспрекословно в тот момент, когда под влиянием различных условий, решимость их начнет колебаться.

Близость офицера к солдату составляет для войск кронштадтского гарнизона нечто мало известное, мало применимое и вообще относящееся еще к области благих пожеланий. Это чувствовалось комиссией во время ознакомления ее с частями, в различных мелких фактах повседневной жизни, оно нашло себе отзвук в приказе коменданта крепости*, где указывалось, что «господа офицеры особенно молодые и особенно в артиллерии, стоят слишком далеко от нижних чинов, слишком мало уделяют времени для наблюдения за внутренним порядком в своих частях и нравственного влияния на подчиненных, мало знают солдата, мало оказывают на него влияния», и, наконец, подтверждением тому служат преступные действия нижних чинов против офицеров, имевшие место во время беспорядков и недопустимые, конечно, там, где существует близость офицера к солдату³⁰. Правда, на батарее «Константин» нижние чины артиллеристы проявили по отношению к своим офицерам, арестованным мятежниками, доброе отношение, ходатайствуя о переводе их из обстреливаемого пулеметами сарая на дамбе в безопасные казематы, но это проявление было в сущности так ничтожно, так лишено всякой настойчивости, характерной для каждого сильного чувства, что его можно объяснить скорее исконным добродушием славянской природы, чем непосредственной любовью подчиненного к своему начальнику.

Причины такой отчужденности офицеров от солдата лежат, повидимому как в недостатке офицеров, в частой перемене их, о чем будет говорено более подробно далее, так и, главным образом в недостаточном воспитании самого офицерского состава в духе любви к меньшему брату, сознании долга перед родиной и уважении к закону.

* 1905 г., № 172.

Быть может, некоторую роль играет здесь и относительная неподготовленность офицера, которую он невольно чувствует, когда ему приходится вступать с нижними чинами в разговор на современные, приобретшие, в крестьянской среде уже злободневность темы о земле, воле и других связанных с ними вопросах³¹. Не будучи осведомлен в этих вопросах ни со школьной скамейки, где они совершенно обходятся, ни из тех печатных произведений — книг и газет, которые попадают в его руки, офицер, рискующий встретить в лице иного нижнего чина человека, начиненного всем арсеналом современных учений о земле и воле, предпочитает оградить себя от возможности неравного спора, что достигается только формальным отношением к солдату и что создает, конечно, постепенно все большую и большую отчужденность.

Немаловажное значение в отчужденности офицеров от солдатской среды имели и личные качества офицерского состава, оказавшегося, как упоминалось уже выше, не на высоте своего положения и не проявившего ни мужества, ни исполнения своего долга. Конечно, это относится лишь к молодым офицерам, так как многие из штаб-офицеров запечатлели верность долгу не только своею кровью, но и смертью; молодые же могут быть обвинены как при беспорядках 1905 г., так и 1906 г. в таких несовместимых с офицерским званием поступках, как-то: переодевание в матросское платье (лейтенант Перковский), оставление своей части в то время, когда в ней началось волнение (лейтенанты: Перковский, Петров и Зимницкий, капитан Шпынев и штабс-капитаны Елкин и Максимов), укрывание в шкафу (капитан Коренев, прапорщик Быстров), допущение обезоружить и арестовать себя в некоторых случаях без сопротивления (офицеры крепостной артиллерии, минной и саперной рот, моряки) и т. д.

Надо думать, что такие отрицательные стороны молодого сухопутного и морского офицерства, на которое слышатся частые жалобы со стороны старших офицеров, лежат в недостатках нравственного воспитания, получаемого ими в военных и юнкерских училищах и в морском кадетском корпусе, являющемся рассадником офицеров для всего флота.

О мерах к устранению изложенной в настоящем отделе ненормальности во взаимных отношениях офицеров и нижних чинов будет изложено особо далее.

Малая забота о нуждах солдат

Главнейшая работа преступной пропаганды, проникающей различными путями, устно и в виде печатного слова, в войска, сводится теперь к стремлению породить и раздуть недоверие нижних чинов к своим офицерам, которые при общей темноте солдатской массы, склонной к агитации, являются единственным элементом, мешающим революционизированию армии.

Так как пропаганда ведется вообще, что всем уже известно, чрезвычайно умело, энергично, не упуская ни малейших случаев, могущих быть использованными для ее целей, но терпеливо под-

стерегая их и ловко придавая им одностороннюю окраску, не казалось бы, что и со стороны начальства должны быть приняты все меры обратного воздействия, заключающегося не только в прекращении доступа пропаганды и поддержании духовной связи между нижними чинами и офицерами, но еще и в педантичном устранении всего того, что может давать пищу для агитации. Необходимо направлять вообще всю деятельность начальствующих лиц и офицеров таким образом, чтобы солдат везде и всюду видел в ней заботу о себе, вызываемую, конечно, не давлением свыше, а искренним, самостоятельным побуждением. Только тогда, при систематическом проведении этого, нижний чин поймет не только разумом, который направлен не всегда верно, но и инстинктом, кто его настоящий друг, и не пойдет никогда ни на какие приманки агитации.

К сожалению, забота о нижнем чине, как равно и духовная близость к нему офицера стоят в войсках кронштадтского гарнизона и главным образом крепостной артиллерии, как кажется, всюду на заднем плане, и все идет, повидимому, так, как сложилось уже давно, и если не режет глаза ближайшего начальства, то только потому, что обратилось уже для него как бы в привычку.

Необходима заботливость начальства к устранению фактов, подобных, например, следующим, замеченным комиссией случайно, при общем ознакомлении с состоянием войск гарнизона:

а) одежда плохая, нижние чины принуждены носить шаровары, заводимые на свои средства, обувь рваная, у одного даже не черная;

б) хлеб не всегда хороший, сырой, с закалом;

в) во время пребывания на фортах не имелось во многих случаях квасу;

г) помещения содержатся грязно, в некоторых кухнях неопрятно, котлы, невычищенные, баки нелуженые, кашевары испачканные;

д) нижние чины, отправляемые на неделю в караулы на форт, не снабжаются какими-либо книгами для чтения;

е) рабочих высылают раньше времени, не условившись заранее о возможности работ, и они ждут по несколько часов напрасно на улице;

ж) продовольствие для караула морского ведомства на Лисьем Носу отпускается на целую неделю, вследствие чего мясо портится, хлеб черствеет.

з) общий карцер в 1-м крепостном пехотном батальоне очень темный, тесный и не отвечающий вообще требованиям;

и) при посещении комиссией в ночь на 12 сентября батареи «Константин» ночная застава на этой батарее, учрежденная ввиду захвата ее 19 июля и состоящая из 21 нижнего чина под начальством офицера, стояла, несмотря на суровую, весьма ветренную погоду, на совершенно открытом месте, на пристани у дамбы, причем людям не было даже приказано составить ружья в козлы. Без всякого ущерба для действительности охраны эта застава должна была бы быть размещена по соседству с дамбою в ка-

ком-либо отапливаемом помещении, на что комиссия обратила внимание командира батальона крепостной артиллерии;

к) матросы флотских экипажей, находившихся за беспорядки под охраной сухопутных частей, не были в церкви и вообще не видели священника со времени арестования 19 июля до 2 октября—дня посещения их комиссий и т. п.

Пребывание в караулах на фортах

Караулы на фортах и батареях имеются в районе кронштадтской крепости в числе 23; все они содержатся крепостной артиллерией, и из них 4 ефрейторские, а остальные унтер-офицерские.

Все эти караулы, будучи широко раскинуты небольшими, в среднем не свыше 17 чел., командами, без офицеров, на обширном пространстве крепостного района, занимающего до 200 квадратных верст, являются в громадном большинстве случаев, при невозможности совершенно внезапных проверок, предоставленными всецело самим себе, что естественно понижает уровень их службы и действует крайне неблагоприятно на воспитание нижних чинов. Нижние чины уходят на целую неделю из непосредственного надзора своих не только офицеров, но и ближайших начальников из нижних чинов и в течение всего этого времени живут в какой-то изолированной обстановке, быть может, не чуждой, однако, посторонних влияний, со стороны лиц другого ведомства, надзирателей, сторожей и пр., также живущих на форту.

Кроме того на фортах бывает обыкновенно много вольнонаемных рабочих, а на строящихся укреплениях число их превышает даже количество нижних чинов.

Большой вред нравственной стороне приносит также и то невольное безделье, на которое осуждены люди, несущие на фортах караульную службу, так как для них не только не придумано для свободного времени каких-либо занятий, но они не снабжаются даже и книгами, чтобы занять свой обширный досуг хотя бы одним только чтением.

Необходимо также отметить еще одну отрицательную сторону службы на фортах—это хозяйственную. Весенняя и осенняя распутицы, продолжающиеся в среднем по три недели каждая, требуют при большом числе караульных довольно сложных приготовлений и значительных расходов для обеспечения этих караулов пищевыми продуктами, солониной, сухарями и пр. в месячной пропорции. Часть этого запаса, вследствие отсутствия на батареях сухих и удобных помещений, портится, а это затрудняет получение караулами свежей и здоровой пищи и вредно отражается на здоровье нижних чинов.

По заявлению одного из кронштадтских старожилов, уже давно начальство старается организовать проверку караулов на фортах, но в течение двадцати шести лет попытки эти остаются безрезультатными в силу недостатка офицеров и отсутствия необходимых средств.

В заключение настоящего отдела помещается в виде иллюстрации выписка из секретного рапорта командующего крон-

штадтской крепостной артиллерией на имя председателя комиссии от 13 сего ноября за № 82: «Я никогда не представлял себе, чтобы караульная служба могла оказывать такое развращающее влияние на войска, как это имеет место в кронштадтской крепостной артиллерии. У меня сложилось впечатление, что вследствие необходимости выбрасывать караулы на трудно доступные контролю морские форты и батареи, караулы выставляют там не посты для охраны имущества, а пикеты без ружей для наблюдения за появлением начальства. Одна из внезапных проверок, говоря откровенно, вообще трудно удающихся, подтвердила это предположение, и состав караула предан суду. Но, конечно, правильное несение караульной службы можно установить не строгостью наказаний, а лишь непрерывным офицерским контролем, что возможно, и то отчасти, только летом; в распутицы же (с бурными днями до 2 месяцев в году) невозможно вовсе. Зимой дежурный по караулам и рунд фактически не в состоянии, за дальностью расстояний и отсутствием прямых путей, поверить и половину своих караулов».

Большое число командированных нижних чинов

Постепенное расширение крепости и создание в ней различных усовершенствований, вызываемых последними требованиями военной техники, не идут, к сожалению, рука об руку с увеличением гарнизона крепости формированием новых частей или хотя бы увеличением штата уже существующих. Кроме того сюда следует причислить и обстоятельства настоящего времени, требующие штатного усиления различных крепостных и городских полицейских органов, но в действительности этого не вызвавшие.

Жизнь подсказала, однако, как можно исправить приведенные недочеты, и в настоящее время весь недостаток людей в соответствующих частях, происходящий вследствие приведенных причин, пополняется людьми, командиремыми из других частей и главным образом от крепостной пехоты и крепостной артиллерии.

Само собою разумеется, что такой способ пополнения одних частей создает некомплект в других, что и ненормально и вредно для службы.

Чтобы судить о величине приведенной потребности в людях и тех поводах, которыми она вызывается, достаточно взглянуть на следующую таблицу* иллюстрирующую главнейшие виды ко-

	* Креп. пех. батальоны		Креп. артиллерия	Итого
	1-й	2-й		
В крепост. саперной роте	72	74	—	146
На усиление креп. жандармской команды и в помощь полиции	24	39	37	100
В помощь пограничной страже	10	10	—	20
При военном телеграфе	19	14	—	33
В штабе крепости	7	8	5	20
Сторожа и надзиратели	8	5	60	73
В крепостной пожарной команде	3	2	—	5
На судах штаба крепости	5	7	—	12

мандировок в пределах крепости от пехоты и крепостной артиллерии, по сведениям, доставленным комиссией.

Согласно положению о минных ротах на время практических занятий, постановки мин и содержания к роте прикомандировывается от крепостной пехоты—150 чел. Было прикомандировано: зимою 1904 г.—350 чел., летом 1904 г. и 1905 г.—по 75 чел., в 1906 г.—никого. Прикомандировываемые от пехоты назначаются для работ в складах и как гребцы.

Надо думать, судя по нижеприведенному факту, что не все командировки нижних чинов вызываются потребностями, имеющими прямое отношение к службе; например, в мастерской инженерной команды комиссия наткнулась на прикомандированного, состоящего уже 4 месяца при оранжерее.

Число всех вообще командированных достигало:

В 1-м крепостном батальоне	193 чел.	или 28%	списочного числа
Во 2-м	179 »	» 24%	»
В крепостной артиллерии	143* »	» 6%	»

Командировки эти продолжают иногда целые годы, в течение которых нижний чин только числится в своей части, пребывая в действительности вне ее ведения, причем, как это видно из нижепомещенных данных**, в командировки назначаются люди всех сроков службы, не исключая и последнего***.

По заявлению начальствующих лиц тех частей, на которые падает наибольшее число командированных, означенные командировки, во время которых люди разбросаны в разных пунктах без постоянного присмотра не только своего, но и какого-либо начальства, например, сторожа, жандармы и телеграфисты на фортах, сторожа на железной дороге и пр.,—вредно отзываются на нравственности нижних чинов, делая их безусловно менее дисциплинированными, чем если бы они находились налицо; среди таких нижних чинов замечаются более частые случаи пьянства, несоблюдения правил о форме одежды и самовольные отлучки.

* Ввиду особенности организации крепостной артиллерии цифра эта не точная; если считать и людей, находящихся при управлении крепостной артиллерии, т. е. всех отсутствующих из рот, то ее придется значительно увеличить.

** 1903 г. 1904 г. 1905 г. 1906 г.

В крепостной саперной роте	47	66	13	20
На усилен. креп. жанд. команды и в помощь полиции	16	29	12	6
В помощь пограничной страже	7	6	4	3
При военном телеграфе	13	10	5	5
В штабе крепости	2	6	7	—
Сторожа и надзиратели	8	4	1	—
В креп. пожарной команде	1	2	2	—
На судах штаба крепости	3	7	2	—

*** Сведения эти касаются только пехоты.

Кроме того эти люди, проживая очень часто совершенно отдельно или небольшими командами, имеют случаи входить в общение с агитаторами и затем, по возвращении в свои части, могут служить там проводниками преступной пропаганды³².

Особенно неблагоприятно в этом отношении пребывание нижних чинов крепостной артиллерии, в числе более 300 чел. в районе морского ведомства на периоды весеннего и осеннего ремонта судов, что вызывается нахождением судового состава этой артиллерии в ведении морского начальства. В течение этих периодов и в дни снабжения судов текущим довольствием нижние чины судовых команд состоят в ведении докового начальства и находятся на территории морского ведомства, без контроля своего непосредственного начальства, среди портовых мастеровых, матросских ремонтных команд, погрузочных артелей и низшего персонала доковых служащих.

В настоящее время главным артиллерийским управлением зносится в военный совет представление о передаче ремонта и снабжения артиллерийских судов в ведение самой крепостной артиллерии, что является одной из самых насущнейших нужд этой артиллерии.

Тяжесть и различные исключительные условия караульной службы

Вопрос о чрезвычайной тяжести караульной службы в Кронштадтской крепости представился комиссии заслуживающим столь большого внимания, что на нем необходимо остановиться подробнее.

Уже тотчас по прибытии в Кронштадт комиссию поразило чрезвычайное обилие всякого рода караульных, сосредоточенных главным образом не в промышленной части города или около портовых учреждений, которые по своей ценности заслуживают, конечно, особого охранения, а в районе казарменных расположений сухопутных войск и более всего в окрестностях помещений, занимаемых комендантом, штабом крепости и вообще начальствующими лицами³³.

Наиболее яркую в этом отношении характеристику представляла из себе охрана дома коменданта*, около которого по Михайловской улице и Северному бульвару стояли на расстоянии нескольких шагов один от другого городовые попеременно с нижними чинами, приданными в помощь полиции; тут же у подъезда стоял с заряженным ружьем часовой и окологородный, в подъезде жандарм и агенты охранной полиции, а у ворот, рядом с подъездом—дневальный казак; в саду коменданта был расположен унтер-офицерский караул из 8 нижних чинов, а в казенном доме против комендантского помещения был учрежден вновь с 1 сентября по распоряжению коменданта специально для охраны окружающей местности дозорами особый караул в составе целой

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

роты; от этого караула на двух подъездах дома были выставлены два часовых с заряженными ружьями.

В течение ночи та же местность осматривалась еще другими весьма большого состава дозорами, назначенными как от пехоты, так и от крепостной артиллерии.

Предположение, что столь усиленное окарауливание этой местности объясняется несколько чрезмерной заботливостью о безопасности дома коменданта, находит себе подтверждение еще в одном новом факте, относящемся к последнему времени—концу октября. Для изолирования комендантского дома от города, поперек Александровской и Михайловской улиц, а также Северного бульвара устроены особые деревянные заграждения в виде палисада, с бойницами для ружей и орудий и присыпкой для удобства стрельбы.

По поводу всех этих чрезвычайных мер об охране комендантского дома комиссия считает себя обязанной высказать, что такая заботливость, переходящая уже границы чрезмерности, возбуждает среди населения и войск только смех, вряд ли полезный вообще для поднятия авторитета высшей в городе власти.

Бросалась в глаза охрана здания офицерского собрания крепостной артиллерии, где у подъезда стоял часовой, а в нескольких шагах от него на самом незначительном протяжении еще два дневальных и все трое с заряженными ружьями.

На батарее «Константин» было замечено также в ночное время очень большое число караульных, хотя и носящих различные названия (застава, секрет, дозор, вахта), но исполняющих одни и те же в сущности очень несложные обязанности, облегчаемые к тому же работою прожектора.

Необходимо отметить, что такое усиленное окарауливание производилось уже в то время, когда все мятежные элементы крепости были изолированы и почти все экипажи и строевой состав ненадежных кораблей находились арестованными под надежной охраной сухопутных гвардейских и армейских частей.

При ознакомлении с различными деталями караульной службы в крепости у комиссии сложилось невольное убеждение, что лица, от которых зависело увеличение наряда, решали эти вопросы под влиянием случайных фактов, не входя вообще в основательное рассмотрение действительной необходимости наряда, его условий и, главное, соразмерности этой новой тягости с наличием состава частей.

Тягость караульной службы во всех вообще крепостях и чрезвычайная значительность там караульных нарядов является фактом общеизвестным, из которого не составляла исключения и Кронштадтская крепость. Ранее здесь принимались даже неоднократные меры к уменьшению этих нарядов, но осязательных результатов они, повидимому, не достигли; в последнее же неспокойное время наряды были сильно увеличены.

Чтобы судить о величине обыкновенных нарядов, признававшихся, однако, и то крайне обременительными, и тех, которые

были найдены комиссией, достаточно обратить внимание на нижеследующие данные*:

	Число постов	Офицеров	Унт.-офицеров	Ниж. чинов
До беспорядков 1905 г.	69	7	21	274
После беспорядков 1906 г.	93	12	35	453

Кроме того ежедневно высылались от пехоты и артиллерии дозоры—ночные, а в местности около комендантского дома и в некоторых других местах и дневные: для этой цели наряжалось в артиллерии—с 9 час. вечера и до 5 час. утра—4 дозора; в составе 1 фейерверкера и 6 рядовых, на 3 смены—63 чел.; в пехоте, присланной на усиление гарнизона,—одна рота для дневных и ночных дозоров в местности около комендантского дома и в 4 ночных дозора по городу—30 чел.

В праздничные дни назначаются еще особые дозоры в места скопления публики.

Если к этому громадному расходу людей на караульную службу по крепости прибавить еще необходимый домашний расход, который составляет.

	Офицеров	Ниж. чинов
В 1-м кронштадтском креп. пех. батальоне	2	61
Во 2-м » » » » »	2	65
В крепостной артиллерии	8	335
» полку, прибывшем на усиление гарнизона около	1	98

то окажется, что при настоящих условиях тягость караульной службы достигает чрезвычайного напряжения, результаты которого, по удостоверению комиссии таковы:

а) Крепостные пехотные батальоны заступают в городской караул по обоим отделениям через три дня в четвертый, следовательно, в течение месяца каждому батальону приходится быть в караульном наряде от 7 до 8 раз; на каждый караул уходит два дня (день заступления и день смены); из 15 дней, остающихся таким образом в течение месяца на занятия, надо исключить еще 2—3 дня праздников. Вследствие этого на фактические занятия батальонах по недостатку людей в дни караулов прекращается всякая деятельность: останавливаются занятия в учебной и охотничьей командах, обучение барабанщиков, сигнальщиков и музыкантов, работы в швальне и даже, по крайней мере на половину, обучение учителей молодых солдат.

К этому числу дней, занимаемых отбыванием караулов, надо прибавить еще постоянное отвлечение в дневные и ночные дозоры и в наряды по конвоированию.

б) В крепостной артиллерии при существующем ныне неком-

* Ведомости, приложенные к рапорту и. д. коменданта крепости от 17 сентября 1906 г. № 4182.

илекте нижних чинов—1193 чел. и уволенные в запас 768 чел. останется налицо стросвых нижних чинов всего 2422 чел.

Считая в гарнизонный караульный наряд на две смены 354 чел., в полковой караул на две смены—196 чел. и домашний расход (дежурные, дневальные, для хозяйственных надобностей, в учебной и других командах, учителя молодых солдат и пр.)—2030 чел., получим общую цифру расхода 2580 чел., что превзойдет списочный состав на 158 чел. Ввиду такого недостатка людей придется добавлять их, для выполнения караульного наряда, из специальных команд, что, конечно, пойдет во вред обучению*.

Велик наряд и офицеров, отнимающий на две смены около 20 чел. Это, само собою разумеется, отражается как на обучении, так и на воспитании нижних чинов, лишаемых столь часто непосредственного общения с офицерами.

Для характеристики той тяжести, которую представляет караульная служба для крепостной артиллерии, нелишне привести следующий факт, на который наткнулась комиссия при посещении 11 сентября 17-й роты крепостной артиллерии.

Вопреки ст. 349 проекта устава внутренней службы, изд. 1902 г., в роте было не три дневальных, из которых два (ст. 529) при исполнении своих обязанностей, а только один. В разъяснение этого было доложено, что за недостатком нижних чинов наряжено только два дневальных, чередовавшихся через каждые 6 часов, причем дневальный первой очереди, сменившийся в 6 часов утра, отправлен в караул.

Лучшим дополнением ко всему сказанному о крепостной артиллерии служат следующие выписки из рапорта командующего этой артиллерией полковника Маниковского от 10 ноября 1906 г. № 170.

«Кронштадтскую крепостную артиллерию в настоящем ее положении ни в каком смысле нельзя считать строевою частью, так как она поставлена в такие условия, что совершенно не в состоянии заниматься должным образом ни общестроевым, ни своим артиллерийским делом, будучи всецело отвлечена несением караульной и жандармско-патрульной службы.

При существующем ныне комплекте и больших нарядах, для возможности подготовки учителей молодых солдат приходится прибегать к «изворачиванию», т. е. попросту к бесцеремонному нарушению всяких уставов, на соблазн всем подчиненным и в явный вред службе, понимая ее в настоящем воинском, а не в формально хозяйственном смысле.

Сперва начинаются всякие «сокращения»: уменьшается число должностных лиц и хозяйственных чинов ниже нормы, положенной уставом внутренней службы. Затем следует привлечение к службе нижних чинов, имеющих законное право на отдых: только что сменившихся дежурных и дневальных, бывших в ночных обхо-

дах, получивших освобождение от врача и т. п., и, наконец, пренебрежение специальностью [солдат] и прекращение занятий даже с такими командами, как наводчики, дальнометристы, наблюдатели, лаборатористы и пр., их оставляют только такое количество (кадры), которое необходимо для обслуживания станций и текущих нужд артиллерии; цели же учебно-боевые оставляются в стороне.

При всех вышеприведенных условиях заниматься с учителями молодых солдат более 3—4 раз в неделю все-таки не удастся, хотя в артиллерии не ведется вовсе никаких учебных занятий: ни со специальными командами, ни учений при орудиях, ни столь необходимых для выправки солдат занятий в пешем строю. Вследствие этого не только познания в артиллерийском деле, но и строевая выправка, солдатский вид и общая складка почти отсутствуют в ротах кронштадтской крепостной артиллерии.

Вот как обстоит дело в крепостной артиллерии в настоящее время; а что же будет, когда в декабре уйдет в запас одна треть нижних чинов срока службы 1904 г., т. е. 236 наиболее опытных людей, и когда, вследствие сбора новобранцев, придется отказать от всяких нарядов для 300 их учителей. Я по крайней мере не представляю себе благополучного выхода, если теперешнее положение не будет изменено радикальным образом, а не какими-либо полумерами.

Неизбежными следствиями такого положения дела являются: переутомление и дезорганизация личного состава, невольное послабление в требованиях службы со стороны начальников; подрыв уважения к законности у подчиненных и при этом полнейший выход нижних чинов из рук прямых начальников.

При теперешнем порядке службы ротные командиры крепостной артиллерии вовсе лишены возможности видеть когда-либо в сборе свои роты, за которые они несут законную ответственность и которые они, особенно при современных условиях, должны не только наряжать на службу, но и воспитывать. Как же можно не только наряжать на службу, но и воспитывать, видя людей только при вступлении их в караул, и то после неполного отдыха от предшествовавшего наряда? В действительности получается, что только первые четыре месяца своей службы, и то неполные, нижний чин крепостной артиллерии бывает фактически в роте, а затем он случайный там гость, на которого влияние ротного командира может сказываться только урывками, и то при самых неблагоприятных условиях».

На запрос комиссии, не представляется ли возможным принять какие-либо меры к сокращению караульного наряда, вр. и. д. команданта донес в рапорте от 17 сентября за № 4182, что сделать это он «не находит возможным».

Помимо тяжести караульной службы, происходящей от чрезвычайной величины наряда, отправление ее в крепости связано и с другими отрицательными сторонами, на которые необходимо обратить внимание.

1. За несение караульной службы в караулах и на постах, Учрежденных вследствие настоящих обстоятельств и потому счи-

* Рапорт вр. командующего кронштадтской крепостной артиллерией 17 сентября 1906 г. № 8606.

тающихся временными, выдаются офицерам и нижним чинам специальные суточные деньги; как следствие этого распоряжения, подтвержденного, однако, и соответствующими разъяснениями, вытекает, что чины караулов, существовавших до настоящего времени, этих специальных суточных не получают.

Согласно приказу по крепости 1906 г. № 165, суточные деньги нижним чинам в размере: рядовому—15 коп. и унтер-офицеру—30 коп. выдаются:

1) Добавочному караулу в морской лаборатории. 2) Добавочному караулу в морском арсенале. 3) Добавочному караулу по праздничным дням на Нарвской гауптвахте. 4) Добавочному караулу на форте «Император Петр I». 5) Караулу в морском арестном помещении. 6) Караулу в бараке № 1 морского госпиталя. 7) Наружной охране учреждений комендантского района. 8) Дежурным самокатчикам у коменданта крепости и в штабе. 9) Всем дозорам, за исключением наряжаемых по ст. 569 устава внутренней службы для наблюдения за порядком в черте расположения части.

Такой порядок вещей порождает следующее: в лаборатории морского ведомства имеется два караула: внутренний, существовавший до беспорядков, и наружный, помещающийся за оградой и учрежденный после беспорядков 1905 г. На основании вышеприведенного, наружный караул, считающийся временным, получает суточные деньги, а внутренний—постоянный—их не получает, хотя оба эти караула назначаются от одной части, уходят в один час развода и несут одинаковую службу. Столь ненормальным и несправедливым до очевидности обстоятельством пользовались агитаторы, подбивая нижних чинов подавать жалобы и возбуждая среди них ропот и неудовольствие, причем внушали солдатам, что суточные полагаются обоим караулам, но отпускаемые деньги присваиваются офицерами. Неоднократные разъяснения коменданта и начальников об истинных причинах такого явления остаются, по видимому, мало действительными, и поэтому казалось бы, что надо принять в этом направлении какие-либо радикальные меры—или давать суточные в обоих караулах, или не давать ни в одном.

В таком же положении находятся также и другие караулы.

2. Помимо весьма широкого пользования различными видами окарауливания, несоответствующего, по видимому, в некоторых случаях действительной потребности, не замечалось со стороны надлежащего начальства и забот о возможном урегулировании этой службы: вследствие этого комиссией были усмотрены, например, на постах у артиллерийских казарм и офицерского собрания, в непосредственной близости один от другого, три нижних чина, все с заряженными ружьями, исполнявшие в сущности одни и те же обязанности, но называвшиеся один часовым, а два другие—дневальными. Часовой сменялся через два часа, дневальный у ворот собрания—через четыре, а дневальный у подъезда казармы—через шесть. Естественно, что такое несправедливое распределение наряда может возбудить только ропот.

3. Как на обстоятельство, которое могло иметь несомненное негативное моральное значение, следует еще указать на разницу в окладах на довольствие морских и сухопутных чинов, которая проявилась особенно рельефно при окарауливании матросов сухопутными войсками, когда арестованные, т. е. мятежные матросы, получали приварочных денег 14,06 коп. в сутки, а караулившие их, верные сухопутные войска—только 9,06 коп. Вследствие такой разницы в денежном отпуске пища караульных частей была, конечно, слабее.

По этому поводу характерно одно показание, данное комиссии: «Находилось много таких солдат, которые завидовали сидящим под арестом в морском арестном помещении; эти солдаты говорили: «вот матросы бунтовали, а мы за них отдувайся, караул их, а они лежат себе без дела да жиреют».

4. Положение караульной службы, отправляемой в кр. Кронштадте, в учреждениях морского ведомства и частями, находящимися в ведении морского начальства, представляется требующим упорядочения еще в большей степени.

При посещении 7 и 10 октября караула, наряженного от 18-го флотского экипажа при пороховом складе морского ведомства на Лисьем Носу, замечено следующее:

Караул командирится из Кронштадта по расчету на две очереди, сменяющиеся через день.

Караульное помещение тесно для состава караула даже одной очереди, вследствие чего нижние чины могли быть построены только в одну шеренгу*. В пирамиде не помещаются все ружья, а ружья оказались не почищенными.

Караул прибыл из Кронштадта 4 октября без ружей и патронов; то и другое было принято по приходе на Лисий Нос от сменявшегося караула. Из числа 15 патронов, бывших на нижних чинах, только 5 патронов в обойме; картонные пачки ветхи. В караульном доме нет табели постам; сдача передается от караула караулу на словах, а потому правильность ее не может быть проверена. Постовая ведомость одна на несколько дней командировки караула на Лисий Нос. Караулу не дано пароля, а наблюдающий за караулом кондуктор дает по вечерам какой-то свой пропуск, никем не контролируемый и никем не установленный. На каждом посту находились, между прочим, под сдачею никуда негодные кенги.

Караул, командированный на Лисий Нос 4 октября, привез с собою запас продовольствия на весь срок командировки. Мясо, хоть и сохраняется посыпанным солью, но несмотря на довольно свежую погоду, уже 7-го числа оно было сине, так как лежит в обыкновенном сарае. Хлеб стал черствым.

Обременительность и тяжесть работ.

Размер казенных работ в крепостных инженерных частях и в крепостной артиллерии бывает в некоторых случаях настолько

* В настоящее время сделано распоряжение о расширении караульного помещения.

велик, что может быть признан элементом, способствующим развитию в солдатской среде недовольства и брожения. Замечено, что к занятиям нижние чины относятся вообще строго, сознавая их необходимость, но работы, особенно у сапер, имеют вредное влияние: сравнительно большая продолжительность их заставляет нижних чинов прибегать к различным уловкам, чтобы покинуть службу; разбросанность работ и производство их в населенных местах создает почву для внешних вредных влияний—на таких работах или при различных случаях отправления службы в одиночку или очень малыми командами создаются условия, при которых расшатывается дисциплина, понижается воинское образование и нижние чины обращаются в сущности в мастеровых³⁴.

Тягость работ, по словам начальника инженеров крепости, действует, например, на некоторых нижних чинов так удручающе, что они считают свое положение чуть ли не худшим, чем если бы отбывали какое-либо наказание.

В районе Кронштадтской крепости находится крепостная, протяжением на острове Котлине и на обоих берегах в 46 верст, железная дорога; но для эксплуатации этой дороги, производимой не только летом, но, в сокращенном виде, и зимой, не имеется специальной ж.-д. части, а все обслуживание и ремонт ведется крепостной саперной ротой обыкновенного состава, принужденной проходить кроме того не только весь установленный курс занятий, но исполнять также и иные поручения мастерового характера.

Вследствие необходимости ходьбы или езды на работу, езды и службы на экстренных поездах, назначаемых нередко ночью, нижние чины, занятые с раннего утра до позднего вечера, очень утомляются.

При работах оборонительных, саперных и ж.-д. ремонтных продолжительность рабочего дня: весной и летом от 7 до 11½ час. дня и от 2½ до 6½ час. вечера, т. е. 8½ часов; осенью и зимой—от 8 до 11½ час. дня и от 2 час. до сумерок; в эти расчеты не входит время прохода и проезда.

На эксплуатации железной дороги продолжительность работ и служебного дня разная для разных чинов по специальностям и кроме того зависит от расписания поездов. Весною и летом обыкновенное движение от 6 час. утра до 9—10 час. вечера, осенью от 7 до 7 час., зимою—от 8 час. утра до сумерок, т. е. до 4—5 час. вечера. Экстренные поезда увеличивают продолжительность службы иногда на целую ночь. В текущем году, когда полевые войска стояли на Косе и часто экстренно менялись, были дни, когда саперной роте пришлось не спать несколько ночей подряд.

Продолжительность службы выражается по специальностям так: паровозная прислуга, обязанная до начала движения принять паровоз, а по окончании убрать его, работает от 12 до 16 час. в сутки, имея отдых через 3 дня в 4-й и состоя один из трех дней в резерве. Такая же продолжительность службы станционной и кондукторской бригад, которые вдобавок входят в очередь дежурств по главной станции.

Стрелочники, они же телефонисты и барьерные сторожа, несут службу 14½—10½ час.

Рабочие в депо, путевая служба, рабочие партии и пр. работают сообразно времени года от 6½ до 8½ час., исполняя в то же время весь караульный и домашний наряд, практические саперные работы и строевые ученья.

В крепостной мастеровой инженерной команде люди находятся на работах с 7 час. утра и до 7 час. вечера, но положение их несколько скрашивается зарабатываемыми* деньгами, которых при ходится в месяц от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. на человека.

Занятия минной роты в море, для приучения людей к постановке наибольшего числа мин, производятся уроками и продолжаются иногда по 12 часов. Занятия эти очень утомляют людей, так как требуют много сил и зачастую соединены с опасностью для жизни, происходя, для практики, при бурном состоянии моря.

Работы крепостной артиллерии многочисленны, продолжительны и тяжелы, заключааясь главным образом в вооружении, разоружении и перевооружении фортов и батарей, приведении в порядок всей многосложной материальной части, выгрузке и перегрузке снарядов и т. п. Работы начинаются ранней весной и заканчиваются поздней осенью.

По заявлению артиллерийского начальства многочисленность этих работ является элементом дезорганизации артиллерии, так как благодаря им и караулам крепостная артиллерия превращается в сущности из строевой части в караульно-рабочие и грузовые команды.

При осмотре комиссией городских казарм крепостной артиллерии там были расквартированы три роты, командированные на месяц с фортов для работ по разгрузке снарядов. Вид людей был утомленный, что и не мудрено, так как, при тяжести этого труда, требующего большой затраты сил, люди находились ежедневно на работе с 7 до 11 час. утра и с 1 до 5 час. дня. От всех трех рот требовалось ежедневно 160 чел., так что в наряде бывали безусловно все люди.

Даже обыкновенный, ежедневный наряд крепостной артиллерии только для хозяйственных артиллерийских работ и то составляет, согласно представленным комиссии сведениям, 123 человека.

Недостаток офицеров

Как было уже указано выше, одной из причин отсутствия духовной связи между офицерами и нижними чинами, что дает широкий простор развитию пропаганды и возникновению беспорядков, является недостаток офицеров.

Недостаток этот объясняется как несовершенством штатов, частью устаревших, а частью незаконченных, что сознается даже военным министерством, но не устраняется им по недостатку средств, так и, при этом главным образом, обилием всяких ко-

* В подлиннике—зарабочими. (Прим. ред.)

мандировок, поглощающих значительный процент офицеров и не приносящих их прямому делу никакой пользы.

По сведениям, полученным от частей гарнизона, чрезвычайным недостатком офицеров страдает особенно крепостная артиллерия, в которой даже по штатному расчету приходится по два офицера на 170 нижних чинов, против пяти обер и одного штаб-офицера на 120 чел. в полевой батарее. В пехотном полку на 1 899 нижних чинов—70 офицеров, в кронштадтской же крепостной артиллерии на 4 589—только 90 строевых офицеров, тогда как, следуя пропорции, взятой для пехотного полка, должно быть 175 чел. Когда в силу необходимости создаются еще команды особого назначения, учебные, городские и т. п., то в ротах остается едва лишь по одному офицеру, форты же, где также есть нижние чины, остаются без офицеров, за исключением времени стрельб, круглый год.

Из обмена взглядов с лицами, близко и всесторонне знающими нужды и современное положение крепостной артиллерии, приходится сделать один лишь вывод, что все зло, влекущее за собою уродливые явления последнего времени, лежит главным образом в организации ее, не только устаревшей, но и вообще неудачной, так как требуется новая батарейная организация; это даст каждому офицеру самостоятельное дело, снимет с крупных начальников обременяющие их ныне мелочи и приведет в должный порядок материальную часть, находящуюся вообще в расстройстве.

Чтобы судить о состоянии офицерского состава в кронштадтской крепостной артиллерии и количестве командированных, достаточно обратить внимание на следующие данные, относящиеся к 15 сентября с. г.

	Штаб-офицеров	Обер-офицеров
По штату положено	13	99
Состоит по списку	16	98
Налицо	13	67
Врасходе { Больных	2	2
Отпускных	—	7
Арестованных	—	2
Командированных	1	19

Командированные находятся:

При главном артиллерийском управлении—5: с 19 августа 1900 г., с 22 декабря 1902 г., с 11 мая 1905 г., с 8 июня 1905 г. и с 31 июля 1906 г.
 При окружном артиллерийском управлении—3: с 17 июня 1906 г., с 17 августа 1906 г. и с 19 сентября 1902 г.
 При пиротехнической и офицерск. арт. школ.—2 с 18 августа 1903 г.
 » С.-Петербургском патронном заводе—1 с 1 октября 1905 г.
 » С.-Петербургской крепостной артиллерии—3: с 24 марта 1906 г., с 19 июля 1906 г. и с 15 августа 1904 г.
 При академиях и на интендантск. курсах—2: с 17 августа 1903 г., с 16 августа 1905 г.
 В интендантском вещевом складе и на минеральных водах—3, с 1906 г.

Признавая вообще столь большой процент командированных выходящим за пределы нормальности, нельзя также не обратить внимания на прикомандирование к артиллерийским управлениям, из которых главное берет 5 офицеров и держит их, например, одного свыше 5 лет, другого—около 4, и окружное, отвлекающее 2 офицеров. Являются возбуждающими вопросы также и некоторые из остальных указанных выше командировок.

Для большей полноты картины недостатка офицеров крепостной артиллерии необходимо добавить, что к половине декабря, т. е. к началу занятий с молодыми солдатами, убывают еще по разным причинам: в отставку, в запас, переводятся и т. п., еще 14 офицеров и 7 прапорщиков, вследствие чего весь некомплект достигнет тогда 40 офицеров.

В столь же неблагоприятном положении относительно наличного числа офицеров и находящихся в различных командировках должно признать и остальные части гарнизона, что видно из следующих данных:

	Обер-офицеров		
	по штату	налицо	в командировках
1-й кронштадтск. креп. пех. батальон . . .	34	22	8
2-й » » » » » . . .	34	23	8
Кронштадтская креп. саперная рота . . .	6	5	1
» » минная »	10	4	4

Офицеры крепостных пехотных частей распределяются по командировкам следующим образом:

	1-й батальон	2-й батальон
В штабе крепости	3	3
» крепостной жандармской команде для несения полицейских обязанностей	2	—
При управлении с.-петербургского уездного воинского начальника	—	3
В крепостной саперной роте для несения ж.-д. службы . . .	1	1
При военно-топографическом управлении	1	—
В офицерской стрелковой школе	—	1
» учебном воздухоплавательном парке	1	—

Обращает на себя внимание прикомандирование офицеров к крепостному штабу, берущему от каждого батальона по 3 офицера, а считая и 2 офицеров, взятых в крепостную жандармскую команду для несения полицейских обязанностей,—всего 8 чел.

Представляется значительным и командирование 3 офицеров в управление с.-петербургского уездного воинского начальника.

Командированные из минной роты находятся: 2—в распоряжении заведующего кронштадтским военным телеграфом, 1—на телефонной станции и беспроволочном телеграфе морского ведомства и 1—в Николаевской инженерной академии. Офицер саперной роты командирован в Ярославский кадетский корпус на должность офицера-воспитателя.

Недостатки выполнения организации экипажей и прочие строгие условия пребывания нижних чинов на берегу

Так как во время пребывания комиссии в Кронштадте экипажи, будучи арестованы, находились в исключительных условиях, то для ознакомления с их обычным нормальным положением комиссией были затребованы всесторонние сведения от всех экипажных командиров, а затем произведены многочисленные опросы офицеров и нижних чинов.

На берегу, и особенно летом, морские части поставлены в такие условия, при которых вести строгий порядок, требуемый и должествующий быть во всякой команде, почти невозможно, даже при самом добросовестном отношении к своим обязанностям начальствующих лиц и офицеров.

Каждый экипаж состоит из команд, приписанных к нескольким судам, и по табели комплектации представляют собою довольно солидную единицу; но за вычетом людей, недостающих по табели, а также находящихся в плавании, численность экипажа сводится к весьма скромной цифре. Так, например, 16-й флотский экипаж по табели комплектации насчитывает в своем составе 94 офицерских и класных чина и 1343 нижних чина; наличный же состав экипажа летом 1906 г. сводится к 1 обер-офицеру, который, заведя оставшейся командой, в то же время заведывал таковыми командами в 11-м и 20-м экипажах, 1 механику, заведующему миноносцами, 1 казначею и 140—150 нижним чинам. Подобное же явление замечается и в других экипажах. По окончании судами плавания люди переходят в свои экипажи, за исключением остающихся на судах в вооруженном резерве и на паровом отоплении.

Нижние чины в экипажах постоянно меняются: одни отправляются на суда или переводятся в другие экипажи, другие, наоборот, списываются с судов и переводятся из других мест. Недостаток людей, особенно специалистов, вызывает постоянную перетасовку их в экипажах. Когда судно нужно укомплектовать, то брались люди из всех экипажей, не обращая даже внимания, к какой дивизии принадлежит судно. Часто люди, проплававшие кампанию на корабле, переводились в тот экипаж, где судно состоит, что делалось по просьбе командиров судов, а когда нужно укомплектовать корабль того экипажа, откуда перевели людей, то брали из других экипажей. Все эти переводы делаются независимо от представления экипажных командиров, иногда даже вопреки их уважительным доводам. Между тем по закону перевод нижних чинов даже в том экипаже из одной судовой команды в другую допускается лишь в исключительных случаях и делается по представлению экипажного командира приказом флагмана.

Коренной причиной таких перетасовок людей является невозможность всегда укомплектовать уходящее в плавание судно вполне своею командою.

По объяснению члена комиссии, представителя морского ведомства, это объясняется тем, что при наборе новобранцев число их соображается с числом уходящих в запас флота и с расчетом небольшой части для вновь строящихся судов. Таким образом казалось бы, что каждый корабль всегда должен иметь требуемое число своих людей, в действительности же выходит иначе. Бывают случаи недобора новобранцев из-за финансовых соображений, а затем главная причина заключается в том, что из общего контингента новобранцев не представляется возможным избрать требуемое для школ число специалистов за недостатком подходящих людей для обучения, хотя в последние годы этот недостаток несколько уменьшился, так как процент грамотных и вообще более развитых людей между новобранцами увеличивается. Таким образом недостаток специалистов повторялся из года в год, а когда пришлось снаряжать эскадру адмирала Рожественского, то в Кронштадте почти не осталось специалистов, между тем из бывших там на эскадре и на судах в Порт-Артуре теперь на службе почти ни одного человека нет; они или погибли или уволены в запас. Правда, больших кораблей в Балтийском флоте осталось мало: плавающих—3 и в резерве—7, но остались миноносцы и вновь построенные минные крейсера, которые требуют относительно гораздо больший % специалистов; так, на первых из 50 чел. всей команды 44 специалиста, а на вторых из 80 чел. всей команды 69 специалистов. Принимая во внимание, что все ученики в школы посылаются из числа судовой команды, положенной комплектацией, то на этом корабле является недостающее число людей*, даже помимо общего недостатка во всем флоте. Специалистов же на всякое судно при отправлении в плавание должно быть назначено полное число, что и заставляет брать их из других команд. Кроме того нынешний год был особенно тяжел для флота, так как пришлось отправить в заграничное плавание 3 больших судна с гардемарины, где неблагонадежных людей пришлось отправлять подходящими; кроме того в настоящем году пришлось отправлять суда к берегам Финляндии по случаю политических событий, а также ввиду сокращения сроков службы уволить в запас 2 года.

При таком положении вещей определить средний срок пребывания нижнего чина в экипаже невозможно; срок этот колеблется от нескольких месяцев до нескольких дней. Более этого срока (иногда года 3) кроме фельдфебеля в экипаже находятся стрелки и люди для управления экипажем (писаря и нижние чины для хозяйственных надобностей), каковых бывает налицо человек не более 20 на роту.

В минувшее лето замечалось в экипажах много нежелательного элемента; экипажи были переполнены людьми, высланными за неблагонадежность из С.-Петербурга, из Либавы, Севастополя, Каспийского моря и списанными по той же причине с судов.

Большая часть нижних чинов флота имеет звания специалистов различных родов морской службы, что влечет за собою край-

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

нее разнообразие личного состава экипажа: строевые перемешаны с нестроевыми, специалисты с простыми матросами, получающие большие оклады, а мало оплачиваемыми и т. д. Это чрезвычайное разнообразие званий нижних чинов, вызываемое условиями службы в связи с различными денежными окладами, казалось бы, не может способствовать особой сплоченности морских команд.

Вообще личный состав экипажей характеризуется постоянной сменой людей, а последние два года и невысоким нравственным их качеством, так и в сухопутных частях кронштадского гарнизона³⁵.

К этому следует добавить, что большая половина команды—машинная—комплектуется преимущественно из мастеровых, фабричных, заводских и прислуги частных пароходов, т. е. из контингента наиболее беспокойного, трудно поддающегося дисциплине, а легко агитации, состоя из людей, уже бывших в среде, проникнутой в значительной степени революционными идеями. При таких условиях даже правильно и твердо организованное управление экипажем с трудом лишь могло бы обеспечить надлежащий внутренний порядок.

Между тем управление экипажами поставлено неудовлетворительно, ввиду большого недостатка офицеров³⁶.

Весь комплект офицеров, составляющих управление экипажа, с экипажным командиром во главе, чрезвычайно переменен,—почти случаен. Прежде всего постоянно меняются экипажные командиры, и командование экипажем имеет временный характер. Эта перемена экипажных командиров, назначаемых командующими или заведующими экипажами, особенно заметна со второй половины 1905 г. Из числа всех 14 экипажей 1-й и 2-й флотских дивизий в октябре 1906 г. только двумя командовали командиры, назначенные высочайшим приказом*.

Насколько часто меняются экипажные командиры, видно из того, что, например, 1-м и 4-м экипажами с октября 1905 г. по июль 1906 г. перекомандовало 3 штаб-офицера, 3-м—за то же время—4. Необходимость ухода в плавание и происходящий отсюда недостаток офицеров влечет за собою нередко назначение одного лица командующим двумя и даже тремя экипажами. При таких условиях командир экипажа не может ни привыкнуть к своей должности, ни полюбить ее. К этому следует добавить, что самое положение экипажного командира по управлению экипажем представляется тяжелым. Выше было указано, что все переводы людей экипажа делаются без ведома его командира, часто даже вопреки уважительных его представлений и без всяких по этому поводу разъяснений.

Понятно, что при таком положении самый энергичный экипажный командир не может оказать должного влияния на вверенный ему экипаж.

* Это обстоятельство, впрочем, как кажется, может быть объяснено тем, что по новому положению предположено иметь постоянных экипажных командиров или начальников отрядов в чине контр-адмирала или генерал-майора по адмиралтейству. В видах подобного реформирования морское министерство и не назначало экипажных командиров высочайшими приказами.

Положение экипажного командира является тем более тяжелым, что у него, особенно летом, почти нет помощников в лице офицеров.

Хотя в экипажах по списку, кроме командира экипажа, состоит несколько штаб-офицеров как флотских, так и инженеров-механиков, но все они имеют служебные назначения вне экипажа*, и таким образом помощника из штаб-офицеров у экипажного командира нет. Что касается до обер-офицеров, то они, за исключением лишь небольшого числа офицеров большою частью по адмиралтейству, являются в экипажах случайными лицами. Явившись туда на несколько дней, они вскоре получают другие назначения.

Понятно, что такие офицеры пользы экипажу принести не могут. Для примера можно указать, что в 14-м экипаже 26 октября 1905 г. по списку состояло 52 флотских офицера и 19 инженер-механиков, а налицо 3 офицера и ни одного инженер-механика; за время с 26 октября по 19 июля с. г. прибыло 48 офицеров и 12 инженер-механиков, убыло 49 офицеров и 19 инженер-механиков, и к 19 июля по списку состояло 51 флотский офицер и 12 инженер-механиков, а налицо попрежнему 3 флотских офицера и ни одного инженер-механика**.

В нынешнем году недостаток офицеров увеличился еще совершенно непредвиденным назначением, по распоряжению коменданта в арестное помещение 1 штаб- и 3 обер-офицеров и на форт № 4 1 штаб- и 2 обер-офицеров.

При малочисленном и переменном составе офицеров, служба которых является к тому же очень тяжелой (нередко приходится нести наряды через день), установить правильный и строгий надзор их за нижними чинами положительно невозможно.

Экипаж для управления разделяется на роты. Обыкновенно команда с каждого мелкого судна по окончании плавания входит в состав одной роты, а команда большого судна составляет две или четыре роты. Но это не всегда соблюдается; как было выше указано, для укомплектования судов приходилось брать людей не только из других рот, но из других экипажей. Кроме того в каждом экипаже имеется так называемая сводная рота, состоящая из людей для управления экипажем (дворники, конюха, писаря и др.), туда же прикомандировываются для довольствия молодые матросы, составляющие отдельную команду, туда же на время ухода в плавание перечисляют из судовых рот людей, оставшихся от плавания. Численность такой роты колеблется от 160 до 227 чел.; на деле иногда бывает летом человек 30.

Командовать ротами назначаются обер-офицеры из имеющихся в наличности экипажа—безразлично, флотских или по адмиралтейству. Срок командования одного офицера ротою иногда весьма кратковременный. Как на редкий пример, можно указать на двух офицеров 3-го флотского экипажа (оба по адмиралтейству), из

* Почти все состоят командирами или старшими офицерами судов.

** Следует, впрочем, заметить, что в это время в 14 экипаже было всего 85 нижних чинов.

которых один командует ротой шестой, а другой третий год. Большинство же командует от нескольких месяцев до нескольких дней. Так в настоящем году в 20-м экипаже один лейтенант командовал ротой всего 7 дней. За время с 26 октября 1905 г. по 19 июля с. г. бывали случаи командования одной ротой 6 (в 5-м экипаже), 7 (в 3-м экипаже) и 8 (в 20-м экипаже) офицеров; в 3-м экипаже за это время при трех ротах строевого состава переменялось 18 ротных командиров, во 2-м—за 1½ года при 3 ротах переменялось 20 ротных командиров. Разумеется, при такой частой смене и постоянных переменах нижних чинов ротный командир не имеет никакой возможности знать в лицо и по фамилиям людей своей роты. А между тем при малочисленности офицеров нередко приходится одному офицеру командовать несколькими ротами, а иногда при этом и исполнять другие должности в экипаже. Так, например, в 3-м экипаже ротный командир заведует вместе с тем полицейским надзором на пристани и домами Кудрявцева, где помещаются квартиры семейных нижних чинов; в 12-м экипаже один офицер командует двумя ротами и заведует оружием; в 5-м экипаже один офицер командует тремя ротами и исправляет должности экипажного адъютанта и временно адъютанта коменданта города; мичман 11-го экипажа командует ротой в 20-м экипаже и несет службу при арестном помещении на форте № 4, где находится 4 суток и лишь на 1½ суток приезжает в город. При таком совмещении обязанностей, помимо трудности справиться с ними, для офицера всегда представляется возможность неисправности по одной должности объяснить исполнением обязанностей по другой, причем, естественно, он может, хотя и неправильно, нравственно оправдывать себя тем, что содержание получает только по одной должности. Та же причина, т. е. малочисленность офицерского состава не позволяет делать выбора офицеров при назначении их ротными командирами. Нередко приходится вверять командование ротой (а иногда и двумя или тремя) только что произведенному мичману, которого еще самого надо обучать службе. Иногда же при полном недостатке офицеров (например 19 июля в 19-м, а после убийства офицеров и в 20-м экипаже не оставалось ни одного офицера), заведывание ротой возлагалось на несколько дней на казначей-чиновника, человека невоенного и обремененного массой обязанностей по управлению экипажем*. Насколько же канцелярия экипажей обременены работой, видно хотя бы из того, что, например, рапорт командира 10-го экипажа на имя председателя комиссии от 3 октября помечен № 10480.

Из изложенного ясно видно, что и ротные командиры не могут иметь почти никакого влияния на нижних чинов. При таких условиях трудно ожидать, чтобы они вкладывали душу в свою службу. В то же время и положение ротного командира таково, что командование ротой во флоте является не наградой, как

* Необходимо, однако, сказать, что экипаж не представляет боевой единицы, подобно полку или батальону в сухопутном ведомстве. Экипаж есть хозяйственная единица. Во флоте боевую единицу составляет корабль.

в сухопутных частях, а обузой, от которой все хотят избавиться. К тому же ротные командиры в сухопутных частях получают за это прибавочное содержание, которое они, будучи в полку, никакими другими способами получать не могут, а во флоте все другие специальные службы оплачиваются столько же или больше, а служба ротного командира на берегу гораздо спокойнее.

Помощников в лице младших офицеров ротные командиры во флоте (кроме единичных, весьма редких случаев) не имеют вследствие указанного выше недостатка офицеров. Этот недостаток заставил морское ведомство допустить перевод офицеров из сухопутного ведомства, но мера оказалась неудачной, и теперь перевод прекращен.

Обращаясь, наконец, к начальствующим нижним чинам на берегу, мы видим не менее печальную картину. Строго говоря, единственным начальствующим лицом из нижних чинов в роте является фельдфебель. При постоянных переменах в составе нижних чинов роты, причем меняются постоянно и нашивочные, благодаря крайней малочисленности, а иногда и полному отсутствию в роте последних,—и [при] неизбежном, по роду морской службы, в роте последних,—и [при] неизбежном, по роду морской службы, постоянном колебании численности роты, не представляется возможности ни установить правильного разделения роты на отделения, как того требует ст. 11 устава внутренней службы 1902 г., ни назначить постоянных ответственных начальников этих частей роты. Поэтому, как выяснено комиссией, означенный вопрос в разных экипажах разрешался различно. В случае малочисленности роты она вовсе не делилась на отделения; нашивочные (если таковые были) входили в общую массу нижних чинов, выделяясь лишь тем, что носили особые наряды (дежурных по роте и караульных начальников), а в случае отсутствия фельдфебеля один из них заменял его. В случае более многочисленного состава роты она делилась на отделения (большой частью по каморам, в которых расположены роты), начальниками которых назначались из числа строевых, а при отсутствии их—из нестроевых квартирмейстеров, а при неимении и последних из числа матросов 1 статьи; в случае избытка квартирмейстеров назначались помощники начальников отделения. Ввиду постоянных переводов этих нижних чинов они не могли быть ни серьезными помощниками фельдфебелей, ни достаточно авторитетными начальниками для людей своих отделений. При допросах комиссией нижних чинов обращали на себя внимание нетвердые ответы их на вопросы о том, кто у них непосредственные начальники; почти все сразу отвечали только о фельдфебеле, об остальных же начальниках давали ответ только после повторения вопроса. Из этого следует заключить, что эти начальники не только не могли иметь должного авторитета, но даже были плохо известны подчиненным им нижним чинам.

Таким образом фельдфебель являлся единственным начальником нижних чинов роты, которых он, при постоянных переменах их, не всегда мог даже хорошо знать по фамилиям. Он же являлся и единственным помощником по хозяйственной части

ротного командира, нередко весьма короткое время командовавшего ротой. Понятно, что при таких условиях крайне необходим выдающийся во всех отношениях состав фельдфебелей. Между тем на самом деле состав их не только не выдающийся, но, по отзывам некоторых экипажных командиров, прямо неудовлетворительный.

Как на одну из причин этого следует указать на материальное положение фельдфебелей. Чисто строевые квартирмейстеры, из которых почти исключительно назначаются фельдфебеля, оплачиваются ниже, чем специальные квартирмейстеры, а между тем эти специалисты несут на берегу службу несравненно более легкую, чем фельдфебеля, и совершенно не ответственную. Правда, такое положение вещей является естественным: понятно, что кто больше учится, тот больше и получает; к тому же на корабле (а главная служба моряка, разумеется, не на берегу) фельдфебелю дела очень мало, а специальный квартирмейстер несет громадную работу. Однако нельзя не признать, что при таких условиях на должностях фельдфебелей, являющихся, как видно из всего вышеизложенного, оплотом внутреннего порядка на берегу, не могут оказаться лучшие люди.

Выбор фельдфебелей труден. Из специальных квартирмейстеров назначать не приходится, так как образование их стоит казне много денег, будучи же назначены фельдфебелями, они забудут свою специальность, и таким образом расход на их обучение окажется непроизводительным; а чисто строевых в экипажах не имеется. Поэтому выбора нет, и часто приходится удовлетворяться посредственностями, иногда малограмотными. Что касается до нравственных качеств начальствующих нижних чинов, то, по отзывам одного из экипажных командиров, в настоящее время нельзя положиться на фельдфебелей.

Управление экипажами нынешним летом заслуживает особого внимания. Весной, с уходом команд в плавание, оставшиеся люди нескольких рот были сведены в сводные роты под командою одного офицера каждая. В каждой такой роте один из фельдфебелей исполнял обязанности фельдфебеля сводной роты, а фельдфебеля прочих рот, вошедших в состав сводной роты, или являлись его помощниками в качестве заведующих отделением сводной роты, составленным из людей соответствующей роты, или оставались не у дел.

В мае все экипажи свели в три сводных экипажа, причем каждый сводный экипаж помещался в особом флигеле. В каждом из них общие наряды велись старшим из командиров, вошедших в состав этих экипажей; он же отдавал и общие распоряжения по сводному экипажу и ему доносилось о важнейших происшествиях; но в то же время командир каждого экипажа сохранял власть над своими людьми, и канцелярии всех экипажей продолжали действовать. Это соединение было сделано главным командиром по просьбе экипажных командиров за малочисленностью людей и главным образом за недостатком офицеров. Как на особенно резкий пример можно указать на положение ко-

манды из 11, 16 и 20-го экипажей. Люди этих экипажей составляли одну команду, как бы сводную, численность которой доходила временами до 430 чел. Команда объединялась лишь в лице одного ротного командира, который заведывал и ее довольствием. Команда разделялась на 3 части, составленные каждая из людей одного экипажа, и каждая часть представляла собою как бы роту: в каждой такой части был свой фельдфебель, который и заведывал всеми людьми соответственного экипажа, равно как и всею хозяйственной частью, подчиняясь непосредственно ротному командиру. Последний, в свою очередь, подчинялся старшему из командиров означенных экипажей, в то же время входил с докладами и к другим экипажным командирам и писал рапорты во все три канцелярии. Малочисленность людей летом, хотя и составляет нормальное явление, но влечет за собой крайнюю тягость внутренней и караульной службы и, как результат этого, в связи с слабостью надзора и постоянными переменами личного состава, не всегда исправное ее отбывание. Людям экипажей приходится нести значительное число нарядов: дежурных, дневальных, рассыльных, в караулы внутренние, городские и на Лисьем Носу и северном фарватере, а также почти постоянные наряды на работы на судах и в порту. Для выполнения этого громадного наряда с крайним трудом удается найти людей. В лучшем случае приходится нести наряды на четвертые и третьи сутки. По показаниям опрошенных лиц, наряды обыкновенно несутся через сутки, а то и чаще (особенно летом); сплошь и рядом бывает так: сегодня матрос на службе, завтра на работе, послезавтра опять на службе и т. д. На службу, за исключением городских караулов, отправляемых в 12 час. дня, должностные заступают с вечера после справки. Старые должностные, сменившись в 9 час. вечера и отдыхая ночь, могут на утро следующего дня быть наряжены на легкие работы, а к вечеру опять попасть в караул*. Насколько при таких условиях должна быть тяжела служба, можно видеть между прочим из такого примера: на Лисий Нос наряжался караул, который оставался там (без смены) в течение недели; между тем на самом деле бывали примеры, что люди этого караула, по их собственной просьбе, оставались в этом карауле значительно большие сроки, иногда по несколько месяцев (например, двое из числа опрошенных членом комиссии нижних чинов находились в этом карауле с 23 декабря 1905 г. по 18 мая того года: один все время, другой с перерывом на 5 дней). Подобно нижним чинам обременены нарядами и офицеры.

Наряду с тягостью службы и отчасти в связи с нею обращает на себя внимание неисправное ее отбывание, что особенно резко заметно на караульной службе. По свидетельству одного из экипажных командиров, караульная служба во флоте находится в хроническом запущении. Так, не во всех экипажах имелись ка-

* По заявлению члена комиссии, представителя морского ведомства, подобные случаи могли быть лишь как результат недостаточной распорядительности экипажного начальства, так как наличных людей было достаточно для исполнения, наряда без особого обременения людей.

раульные помещения: они имелись лишь в тех экипажах, где были карцеры. Там, где таковых не было, часовые отправлялись на посты прямо из роты, где и находились все время по смене с постов; понятно, что при таких условиях они не всегда воздерживались от соблазна снять караульную аммуницию. Однако нельзя все недостатки в несении караульной службы объяснять лишь одною вышеуказанною причиною: без сомнения здесь играют роль и малочисленность и переменность состава морских команд и малочисленность офицерства.

Прежде всего, при совокупности всех указанных выше условий трудно делать выбор при назначении людей в караул: приходится иногда посылать нестроевых (например, музыкантов), не имеющих никакого представления о караульной службе; например, как это выяснилось на суде, в 5-м экипаже караульным начальником в день беспорядков был назначен вольнонаемный музыкант, который никогда, по его собственному заявлению, не держал в руках винтовки и который на допросе его членом комиссии заявил, что в первый раз слышит о постовой ведомости*. С другой стороны, приходится назначать нередко даже караульными начальниками людей, только что прибывших в экипаж и потому не имеющих возможности даже знать людей своего караула, что было, например, в день беспорядков в 8-м экипаже.

Развод караулам почти никогда не производился, кроме городских караулов, да и последние далеко не всегда осматривались дежурными офицерами. Вообще же порядок отправления караулов представляется до-нельзя разнообразным: иногда заступающий караул осматривался дежурным офицером, иногда ротным командиром, иногда фельдфебелем или дежурным кондуктором, иногда же никем не осматривался. Прочие должностные не осматривались. Это влекло за собою, помимо возможности заступления нового караула и должностных в неисправном виде, еще и то важное последствие, что караульные и прочие должностные могли не знать лицо дежурного офицера.

После октябрьских беспорядков, оружие у морских команд было отобрано, а потом потребовано из штаба крепости и выдано, но лишь в количестве, необходимом для несения караульной службы, причем количество это, как кажется, не всегда имелось на две очереди караулов, почему новому караулу приходилось являться в караульное помещение (где таковое было) без винтовок и принимать винтовки от старого караула³⁷. Здесь кстати указать на то, что во флоте ружья и револьверы и без того являются трехстепенным оружием (пушки, мины) и потому люди относятся к ним не так, как в сухопутных частях, тем более, что хозяева их при постоянной смене людей непрерывно меняются.

Тягость служебных нарядов неминуемо должна влечь за собою некоторые послабления в исполнении: так, например, в ука-

занном выше карауле на Лисьем Носу пропендился Лисья правила, что люди караула не могут раздеваться и что спать разрешается только той смене, которой предстоит заступить на часы.

Перечислить всех упущений караульной службы, которые обнаружались также особенно ярко на суде над мятежниками, невозможно, да и нет надобности. Они указывают лишь, что караульной службе не придается достаточно серьезного внимания, хотя она и является важным средством воспитания как солдата, так и матроса, и небрежное к ней отношение не может не отразиться на общей дисциплине.

Малочисленность людей в экипажах после октябрьских беспорядков, когда значительное число людей было арестовано, не позволяла вести в этот период правильные занятия. Если оставались иногда свободные люди, то производились занятия, причем офицеры, за недостатком их, присутствовали не всегда. Только занятия грамотностью, которою занимались после ужина в большинстве экипажей под руководством народного учителя, велись сравнительно правильно. С весны, когда начинается вооружение судов, а затем люди уходят в плавание, занятия прекращаются. В этом же году, ввиду того, что люди были арестованы и нарядов кроме ротных не несли, занятия были; более правильно велись строевые занятия, для чего люди выводились на экипажные дворы по дивизиям и все свободные наличные офицеры принимали участие; таких офицеров было, однако, очень ограниченное число.

Подготовка учителей молодых матросов всех экипажей совместно производится под руководством особого офицера, большею частью из числа переведенных из сухопутного ведомства. Новобранцы по прибытии распределяются в манеже по экипажам; по прибытии в экипаж новобранцы распределяются по судовым ротам, но живут в отдельных каморках со своими учителями; для пищевого довольствия команда новобранцев прикомандировывается к сводной роте. Команда новобранцев делится на взводы от 30 до 50 чел.; заведывали взводами строевые квартирмейстеры, и каждому из них давался помощник из стрелков. Эти лица и обучали их. Заведывание всей командой поручалось особому офицеру, которому в помощь давались кондуктора, человека 4. Численность команды новобранцев в экипаже доходила человек до 700. Впрочем, такое большое число новобранцев бывало лишь в исключительных, редких случаях; обыкновенно число их бывает 350—400. Офицер не всегда присутствовал на занятиях, особенно на словесных. Необходимо заметить, что первоначальное обучение молодых матросов продолжается очень мало, обыкновенно до конца марта месяца или половины апреля, что совершенно недостаточно для достижения каких бы то ни было результатов в отношении нравственного воспитания.

Новобранцы 1906 г. обучались в сухопутных частях; по отзывам экипажных командиров и фельдфебеля результаты, в смысле сведений, обязательных для каждого рядового, так и в особенности в строевом отношении и вообще по общей подготовке молодых матросов, получились отрицательные.

* По объяснению члена комиссии, представителя от морского ведомства, это назначение в день беспорядков, а равно и на Лисьем Носу, было сделано с умыслом, т. е. является злоупотреблением.

Для того чтобы окончить в экипажах, остается сказать о допуске посетителей и об увольнении нижних чинов со двора. До октябрьских беспорядков посетители допускались в роты с разрешения дежурного по роте, после—с разрешения дежурного офицера. Во всяком случае незаметно для дежурного по роте постороннее лицо в роту проникнуть не могло. Равным образом и во двор вольный человек не мог пройти незаметно для дневального у ворот³⁸. Однако агитаторы могли проникнуть в казармы, переодевшись матросами³⁹. Фельдфебеля показывали, что это было легко сделать после того, как свели экипажи, и люди сводных экипажей не знали друг друга в лицо. Начальник жандармского управления заявил о показаниях некоторых из задержанных агитаторов, которые утверждали, что они не только проникали в экипажи, но обедали с матросами и жили там по нескольку дней.

По мнению члена комиссии, представителя морского ведомства, вернее, впрочем, предположить, что люди знали в лицо агитаторов, но умышленно их прикрывали.

Увольнялись люди со двора до октябрьских беспорядков с постоянными билетами за подписью экипажного командира, каковые билеты хранились у дежурного по роте; уходившие и приходившие должны были являться к дежурному по роте, что не всегда, однако, соблюдалось. Позже справки увольнялись с разовыми билетами за подписью экипажного командира. После октябрьских беспорядков увольнять разрешалось только до справки (кроме редких исключительных случаев) с билетами за подписью экипажных командиров и не более 10% личного состава. За выходившими должен был наблюдать дневальный у ворот, который не должен был пропускать не имевших билетов. Однако эти меры не имели желательного результата, так как одновременно с ними, по свидетельству некоторых экипажных командиров, возрастали самовольные отлучки⁴⁰. По наведенным конфиденциальным справкам оказалось, что дневальные и часовые были терроризированы, особенно командами, вернувшимися с Востока, и нередко очень надежные нижние чины сознательно отворачивались от бегущих через заборы и другим способом нижних чинов, предостерегая риск подвергнуться наказаниям опасности [для] жизни.

После первых беспорядков, кроме уже указанных мер, было предписано офицерам с экипажными командирами во главе жить в командах безотлучно; проверка, кроме обычной в 8 часов, была дополнена еще двумя—в 10 и 12 час. ночи. Нижние чины были арестованы, а ненадежного поведения были отправлены во вновь учрежденное морское арестное помещение. Первое время команды вели себя образцово. Однако затем команды вели себя хуже.

Нельзя попутно не заметить, что некоторые из принятых мер не могли не иметь и обратных результатов. Так, например, обезоружение команд, примененное ко всем, не исключая и оставшихся верными своему долгу, не могло в этих последних не вызвать тяжелого чувства незаслуженного оскорбления. Крайнее стеснение увольнения со двора, по отзывам опрошенных, лишь увеличило число самовольных отлучек; нельзя поэтому не признать

правильной просьбу, заявленную в учено-милитарном отряде, чтобы строже взыскивали с опоздавших или явившихся в нетрезвом виде, но допустили бы более свободное увольнение. Наконец предписание коменданта экипажным командирам ночевать в экипажах, низводя их на степень дежурных офицеров, не могло не ронять их авторитета перед нижними чинами.

После вторых беспорядков команды были арестованы под караулом л.-гв. Финляндского полка. После принятия означенной меры, отлучка со двора, разрешенная экипажным командиром, окончательно разрешалась дежурным полковником л.-гв. Финляндского полка. Насколько подобная мера способствовала поднятию престижа экипажного командира перед нижними чинами, решить нетрудно⁴¹.

В заключение нельзя не указать на некоторые недостатки в уставе внутренней службы флотских экипажей: так, например, там нет указаний на то, чтобы в экипажном карауле давался пароль; не содержится определения обязанностей экипажного командира; нет запрета ходить в питейные заведения с продажей крепких напитков и вообще желательно согласовать устав внутренней службы флотских экипажей с таковым же сухопутного ведомства.

Для освещения некоторых вопросов, затронутых в отчете, но недостаточно выясненных теми данными, которые имелись в распоряжении комиссии, членом—представителем морского ведомства подана записка, приложенная к сему отчету*.

Неустройство высшего начальствования

Одною из весьма важных причин для обращения Кронштадта в крупнейший очаг революционной пропаганды и возможности неоднократных проявлений среди войск и морских команд мятежных стремлений послужило, помимо общих причин, еще и коренное неустройство в нем высшего начальствования.

В Кронштадте, т. е. на одном острове, в одном городе, имеют пребывание два высшие начальника военного и морского ведомства—комендант крепости и главный командир флота и портов и начальник морской обороны Балтийского моря, состоящий в то же время и военным губернатором г. Кронштадта.

Взаимное положение представителя морского ведомства и коменданта крепости было за все время существования крепости довольно разнообразно: комендант переходил из более или менее авторитетного состояния в самое безличное и даже с изданием в 1887 г. нового закона о крепостях, проводившего явно тенденцию объединения власти в лице коменданта, положение его все-таки почти не изменилось. Этому способствовало высокое,

* Записки в деле не сохранилось. (Прим. ред.)

положение, которое имели в то время представители морской власти в Кронштадте, и ненормально тесное подчинение личного состава крепостного гарнизона соответствующим главным артиллерийскому и инженерному управлениям, а также началству местных войск. На долю коменданта выпадало тогда лишь ведение караулами и начальствование в период практических сборов гарнизона крепости; связь его с войсками в остальном сказывалась только в делах казарменных и по отоплению; в то же время так как подведомственные коменданту караулы находились, между прочим, и в городе, где начальствовал непосредственно главный командир, он же кронштадтский военный губернатор, то последний, как начальник кронштадтского гарнизона, являлся прямым начальником лица, ведавшего караулами, т. е. коменданта крепости.

Ненормальность такого положения вещей, выдвигавшего на первый план интересы морского ведомства в ущерб сухопутных и порождавшего, благодаря двоевластию, многочисленные недоразумения, дала себя почувствовать уже при первых же крупных беспорядках, имевших место в Кронштадте в 1903 г., что и вызвало необходимость немедленного издания в 1903 г. особой инструкции, разграничивающей компетенцию власти коменданта и главного командира.

Согласно этой инструкции власть начальника гарнизона по городу Кронштадту и крепости была разделена между комендантом и главным командиром подчинением последнему, сверх всех морских команд, находящихся на берегу, также и сухопутных войск (в то время 148-го пехотного Каспийского полка), назначаемых специально для несения караулов по городу. Точно так же была разграничена сфера влияния в городе и крепости между комендантом крепости и военным губернатором и указано, какие караулы, занимаемые соответствующими по подчинению частями, подведомственны тому и другому, начальнику гарнизона; военному губернатору были подчинены лишь три небольшие караула: в арестантском лазарете, в морском лазарете и в морской следственной тюрьме.

Вместе с тем была учреждена особая должность городского коменданта.

Применение упомянутой инструкции не достигло, однако, ожидаемых результатов, так как двойственность власти осталась все-таки налицо: интересы обоих ведомств так тесно переплетаются и так часто сталкиваются, что всякое, подобное этому, разграничение власти в одном и том же городе является, конечно, искусственным, и для недоразумений, особенно же, если не имеется желания их избегать, остается еще весьма широкое поле. Например, даже такие мелкие сравнительно вопросы, как то: куда являться офицерам, прибывшим в город—в комендантское ли управление города или в штаб крепости, кто обязан принимать меры к устранению случаев нарушения воинской дисциплины, общественной тишины и порядка воинскими чинами, при вызове войск для содействия гражданским властям, к кому должны обращаться пос-

ледние и на чьею обязанности лежит высылка войск комендантом или военного губернатора, особенно же если беспорядки возникнут на границе сферы власти того или другого начальника и т. п.—подавали уже повод к недоразумениям и приводили в конечном результате к вредным последствиям.

Для характеристики взаимоотношений военных и морских властей в Кронштадте необходимо отметить, как примеры происхождения многих недоразумений, нижеследующие факты из сообщения главного командира.

С целью осветить эти факты возможно беспристрастнее здесь приводятся как заявления вице-адмирала Никонова, так и объяснения, данные по ним, согласно заданных комиссией вопросов пунктов, комендантом крепости—генерал-лейтенантом Беляевым.

Заявление главного командира

Недоразумения с комендантом крепости вызывались с первого же дня объявления Кронштадта на военном положении после беспорядков, происшедших 26 октября прошлого года, крайне нетактичным и без всякой причины грубым отношением его к главному командиру флота и портов и начальнику морской обороны Балтийского моря*.

Став начальником военного положения, комендант крепости совершенно игнорировал власть морского начальства и вмешивался в дела чисто внутреннего и хозяйственного управления, причем, решая такие дела, не считал даже нужным сообщить главному командиру об этом заранее или советоваться с ним.

Первым распоряжением коменданта крепости было обезоружение всех морских команд. Несмотря на заявление главного командира о том, что некоторые экипажи и команды (1, 11, 12, 19-я и учебная команда строевых квартирмейстеров) оставались верными своему долгу, не принимали никакого участия в беспорядках, и потому беспричинное обезоружение их, как оскорбление воинского звания, может вызвать обиду и затаенное недовольство, комендант крепости остался при своем первоначальном решении и разрешил оставить оружие только в учебной команде строевых квартирмейстеров.

* Примечание комиссии. По представлению морского министра 14 ноября 1905 г. состоялось высочайшее повеление, чтобы все указания коменданта по Кронштадтскому порту передавались им непосредственному главному командиру для выполнения последним согласно действующих законоположений по управлению портом.

** Примечание комиссии. По поводу объяснения коменданта, что ему было заявлено по телефону лично главным командиром о полном выходе из по-

Объяснения коменданта

Может быть, такое заявление главного командира и было, но общим ходом беспорядков 26 и 27 октября не подтвердилась полная благонадежность этих экипажей, и свое распоряжение я находил нужным и соответствующим обстановке, тем более, что накануне, во время самых беспорядков, тем же и. д. главного командира по телефону мне лично было сообщено о полном выходе из повиновения всех экипажей и даже о неполной благонадежности учебной команды строевых квартирмейстеров**.

При обезоружении команды начальники морских частей и офицеры были совершенно уstraнены от участия в этом процессе, а затем в приказе по крепости было объявлено, что «гг. офицерам и кондукторам оружие разрешается оставить». Такой приказ прямо уже носил характер какого-то снисхождения и ничем не вызванного оскорбления офицерских чинов флота.

Обезоруживая морские команды и объявляя об этом в приказе по крепости во всеобщее сведение, комендант крепости в то же время не принял таких же мер по отношению к частям сухопутного гарнизона, несмотря на то, что нижние чины сухопутных войск принимали такое же участие в беспорядках.

Решая вопрос об охране гаваней и судов, комендант крепости помимо главного командира пригласил к себе на совещание по этому вопросу: командующего практическим отрядом Балтийского моря и других начальников морских частей, выработал в этой комиссии правила охраны, назначил коменданта всех гаваней, отдал об этом приказ по крепости и только после заявления коменданта гаваней о том, что он не может приступить к выполнению возложенного на него

Такого распоряжение в то время представлялось наиболее целесообразным, ибо нижние чины флота вышли из повиновения своих офицеров, а последние оказались потрясенными.

Приказ по крепости был отдан по просьбе, морского начальства во избежание могущих быть недоразумений*.

Предварительное обсуждение имело целью изучить вопрос об охране гаваней и судов. Приглашенные мною лица обязаны были сами доложить главному командиру.

Назначение коменданта гаваней и начальника охраны входило в круг моих прав и обязанностей.

Правила охраны выработаны комиссией, составленной по распоряжению главного командира.

виновения всех экипажей и даже о неполной благонадежности учебной команды строевых квартирмейстеров был запрошен главный командир, сообщивший, что хотя в ночь с 26 на 27 октября ему и приходилось разговаривать по телефону с комендантом так много, что запомнить все эти разговоры не было возможности, но свидетельством благонадежности некоторых морских частей служат действия учебной команды строевых квартирмейстеров, охранявшей штаб и контору порта, центральную электрическую станцию, казначейство, почту и весь район портовых учреждений, рассеивавшей совместно со взводами 1-го и 2-го экипажей толпу, громившую винную лавку на Песочной улице, забравшей несколько матросов и хулиганов и тушившей пожар в летнем помещении главного командира; команд 1-го и 2-го экипажей, давших несколько залпов в толпу, ломившуюся в ворота экипажей, боевой полуроты от 12-го и 19-го экипажей, входившей в отряд капитана 1-го ранга Сильмана, удостоившегося похвалы коменданта, и наконец действия полуроты 19-го экипажа, охранявшей центральную морскую телефонную станцию и свой экипаж.

Подтверждением изложенному служит также телеграмма августейшего главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, помещенная в приказе по крепости от 2 ноября 1905 г.: «Объявите сердечную благодарность капитанам 1-го ранга Эсену, Сильману, капитану 2-го ранга Васильковскому и всем морским чинам и командам, оставшимся верными своему долгу и содействовавшим восстановлению порядка».

* Объяснение комиссии. Согласно донесения коменданта крепости главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа от 10 ноября 1905 г. № 336 были арестованы в крепостной артиллерии только люди 3 и 5-го батальонов срока службы 1901 г., в числе 700 чел.

поручения без приказа своего прямого и непосредственного начальника—главного командира, а с другой стороны, заявления капитана над портом, что гавани и корабли, в них стоящие, по наказу находятся в его ведении и что такое распоряжение он считает недисциплинарным, комендант крепости обратился к главному командиру с просьбой выработать правила охраны гаваней и судов в комиссии из представителей морского ведомства.

Подчиненные главному командиру начальники морских частей неоднократно вызывались, помимо него, к коменданту крепости для решения разных вопросов; так, им отдавались различные приказания, к ним предъявлялись всевозможные требования. Таким же путем, т. е. помимо главного командира, была объявлена благодарность его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа некоторым начальникам морских частей за заслуги, оказанные во время подавления беспорядков. Помимо него были объявлены приказы по крепости о начале занятий в учебных отрядах и школах морского ведомства, об отпуске ружей для внутреннего окарауливания и конвойной службы в экипажах, об увольнении нижних чинов в город и др.

2 апреля с. г. на Павловской ул. произошла самая обыкновенная драка между несколькими матросами из-за проституток, которая тем не менее была принята комендантом крепости за безусловный бунт. Несмотря на сообщение главного командира о том, что по изложенному инциденту производится строжайшее расследование, которое будет представлено тотчас по окончании, комендант крепости настойчиво требовал выдачи ему виновных в этом деле и, в конце концов, прислал к главному командиру находившегося в его распоряжении молодого лейтенанта с поручением передать категорическое приказание о выдаче в тот же день к вечеру участников бунта на Павловской улице и с угрозой в случае неисполнения главным командиром этого приказа донести его императорскому высочеству августейшему главнокомандующему о сопротивлении ему со стороны морского начальства. Поручение это было передано в такой грубой и ничем не вызванной форме, что подчиненный главному командиру мо-

Вследствие бывших беспорядков нормальное течение жизни в морских командах было нарушено, только моим приказом оно могло быть восстановлено, когда я сам считал это возможным.

Этот случай носил очень серьезный характер, имея все признаки бывших беспорядков, что меня побудило принять самые энергичные меры для предупреждения безнаказанности, что же касается до передачи поручения лейтенантом Щастным, то он был послан мною за справкой к начальнику штаба порта и, не уполномоченный, самовольно явился к главному командиру, и в искаженном виде сделал ему доклад.

О недоразумении этом я сообщил главному командиру письмом с просьбой немедленно откомандировать от меня лейтенанта Щастного.

людей лейтенант прежде чем передать это поручение предупредил, что он имеет поручение коменданта крепости передать его приказание в такой форме, за последствия которой он не отвечает, и что он просил изменить форму передачи или освободить его от этого поручения, но комендант крепости приказал ему в точности исполнить его поручение.

С подобного же рода требованием, вполне доказывающим полное недоверие к главному командиру и вопреки высочайшей воле, на основании которой комендант крепости, как начальник военного положения, не может вмешиваться в порученные главному командиру внутреннюю и хозяйственную части управления портом, комендант обратился через своего адъютанта и дежурного по госпиталю офицера к главному доктору Николаевского морского госпиталя с требованием выдать отправленных в госпиталь во время беспорядка на Павловской улице пораненных матросов, причем офицеры эти, не имея на то никакого права, производили повсрку книг госпитального приемного покоя.

Решив самостоятельно вопрос о необходимости установления связи между морским телеграфом и фортом «Меньшиков» на случай возмущения на судах или появления с моря взбунтовавшихся кораблей и открытия огня с батарей по бунтующим, комендант крепости сделал помимо главного командира распоряжение об установке на морском телеграфе нескольких телефонов военно-сухопутного ведомства. Приказание это было выполнено без ведома морского начальства, на морском телеграфе было установлено дежурство военных телефонистов и только после этого главный командир получил уведомление о решении коменданта. Ввиду того, что установленные комендантом крепости правила могли вызвать самые неожиданные и серьезные недоразумения по причине незнакомства чинов сухопутного ведомства с военно-морскими сигналами, главный командир принужден был воспретить допуск кого бы то ни было из чинов сухопутного ведомства на морской телеграф и телеграфировать обо всем морскому министру, от которого получил немедленно ответ, что по докладу телеграммы генерал-лейтенанту его императорское величество повелеть соизволил требующую комендантом крепости меру в исполнение не приводить.

Случая этого не было. Был лишь послан офицер узнать в госпитале фамилии и число раненых и поступивших туда матросов. Посылка была вызвана донесением полиции. Дежурный по госпиталю офицер начал наводить справку в книге о больных, на что он имел полное право, но это вызвало резкое противодействие со стороны госпитальной администрации.

Во время беспорядков, имевших место 26—27 октября 1905 г. и 19—20 июля 1906 г., и вслед за ними замечена была неисправность отправления службы чинами морской центральной телефонной станции и неоднократное самовольное прекращение разговоров начальствующих лиц; на основании ст. 78 «Положения об управлении крепостями» все правительственные телеграфные учреждения подчиняются коменданту крепости; на основании сего мною было установлено после октябрьских беспорядков наблюдение [за] чинами военного телеграфа, а после июльских беспорядков моим заместителем установлено было дежурство офицеров инженерных войск на центральной телефонной морской станции и на морской станции беспроводного телеграфирования; на последней станции сверх сего установлена была правильная вахта из нижних чинов 1-й искровой роты, командированных в крепость для сей цели распоряжением его императорского высочества августейшего главнокомандующего округа.

Особый надзор за беспроводной морской станцией был установлен вследствие заявления морского начальства в лице и. д. начальника штаба порта

Игнорирование власти главного командира проявлялось во всем.

о неблагодарности беспроводных телеграфистов моряков и о том, что есть признаки, что морской беспроводный телеграф служит революционным целям.

Это дежурство по соглашению с морским ведомством было продолжено до конца пребывания его императорского величества в шхерах, а один из дежурных офицеров за полезную деятельность от двора его императорского величества удостоился получить подарок по чину; что же касается до мер установления связи с фортом «Константин», на случай возмущения на судах или появления с моря взбунтовавшихся кораблей, то мной было отдано распоряжение об установлении наблюдения и телефонной сети чинами вверенного мне крепостного гарнизона, но морское начальство нашло это неудобным и на последующем по этому поводу совещании с морскими чинами выяснилось, что наблюдение и вахту на морской вышке инженерного училища и на особой сигнальной мачте форта «Константин» необходимо возложить на чинов морского ведомства, что и исполнено по соглашению с главным командиром.

Независимо от сего мною было получено извещение, что по докладу морского министра его императорскому величеству дежурство чинов крепостного гарнизона на вышке инженерного управления не должно иметь места.

Капитан над портом, ведающий хозяйством порта и потому подчиненный исключительно только главному командиру, вызывался неоднократно к коменданту крепости и получал от него различные приказания чисто хозяйственного свойства.

Начальник инженеров крепости генерал-майор Ракин обращался к главному командиру в штаб порта и к капитану над портом с различными требованиями и мероприятиями по инженерной части не через коменданта крепости или от его имени, а непосредственно от себя.

Наблюдающий за морским арестным помещением генерал-майор, а ныне генерал-лейтенант Адлерберг, не будучи даже служебно знакомым с главным командиром в течение 6—7 месяцев, обращался помимо главно-

Все вызовы обуславливались необходимостью быть вполне ориентированным; вызываемые лица должны были сами докладывать главному командиру.

Многу отдавались приказания только те, которые я имел право отдавать.

По хозяйственной части я лишь напомнил об обязанности снабжения арестованных нижних чинов всем необходимым, о необходимости освещения гаваней и необходимости размещения полевых войск.

Об обращении генерала Адлерберга в экипажи с заявлением о нуждах арестованных нижних чинов мне было известно, и это обращение признаю правильным.

Когда представился генерал Адлер-

го командира и командиры экипажей и начальникам морских команд с различными требованиями по части обмундирования, претензий арестованных нижних чинов, снабжения арестного помещения деньгами на канцелярские принадлежности и т. п., и только после того, как об этом было сообщено генералу-от-инфантерии Газенкампу, генерал Адлерберг считал нужным представиться главному командиру.

Комендант крепости и его штаб не считали даже нужным долгое время знать точное наименование должности и служебного положения главного командира, называя его в приказах и бумагах то и. д. командира Кронштадтского порта, то вр. и. д. главного командира порта.

Все это, вместе взятое, образовало такие ненормальные и тяжелые отношения между комендантом крепости и главным командиром флота, при которых не могло быть речи о солидарности, о сплоченности и совместной работе на пользу службы, о чем и приходилось несколько раз докладывать его превосходительству морскому министру. Результатом таких заявлений явился всеподданнейший доклад, получивший высочайшее одобрение, о ненормальности возникших отношений и об изъятии из сферы решения комендантом крепости дел, касающихся военных судов, и как внутреннего, так и хозяйственного управления портом.

Разногласия, происходящие между представителями морского и сухопутного ведомств, а также те ненормальные условия, в которые было поставлено морское ведомство, имели, я полагаю, громадное влияние на упадок дисциплины и внутреннего порядка во флотских экипажах и командах. Офицеры были выбиты из колеи: вызовы комендантом офицеров к себе и отдачи им приказаний помимо морского начальства ставили офицеров в полное недоумение: кому следует подчиняться и чьих приказаний слушаться. Благодаря распоряжению коменданта крепости о том, чтобы командиры экипажей и все офицеры безотлучно находились при своих командах и даже почевали там, власть командиров экипажей была совершенно дискредитирована в глазах нижних чинов. Нижние чины в то же время не могли не видеть полного игнорирования со стороны сухопутного ведомства власти мор-

ского главному командиру, мне не известно.

По тому же вопросу были затребованы объяснения от генерал-лейтенанта Адлерберга, сущность которых сводится к следующему: «большинство арестованных матросов прибыли в чрезвычайно безобразном виде, без самых необходимых вещей и даже без сапог, вследствие чего они не могли пользоваться прогулками. Заведующий арестным помещением капитан 1-го ранга Сильман обращался по этому поводу к экипажным командирам, но или не получал ответа, или же ему отвечали, что в распоряжении экипажей нет требуемых вещей. Когда же капитан Сильман, несмотря на весьма настойчивые требования, вещей все-таки не получал, то обращался ко мне, и я по приказанию коменданта писал экипажным командирам, что обыкновенно и приводило к цели, но раз коменданту пришлось объявить начальнику штаба порта, что если матросы не будут снабжены обувью, то он доложит об этом августейшему главнокомандующему. После этого на следующий день все было доставлено.

Сообщение генерал-лейтенанта Адлерберга о визите главному командиру и заключение по этому вопросу комиссии будут изложены особо ниже.

Вследствие отсутствия или малочисленности офицеров в морских экипажах и необходимости наличия в каждом экипаже самого бдительного офицерского надзора, ввиду серьезности момента мною было отдано приказание, как временная мера, что-

бы экипажные командиры всегда были на своих местах, причем присутствие одного только дежурного офицера признавалось недостаточным. При совещании с экипажными командирами я им выяснил, что эта мера имеет целью прекратить агитацию посторонних лиц в экипажах и установить неусыпное воздействие офицеров на нижних чинов, дабы обратить их на путь долга.

По поводу визита главному командиру генерал-лейтенант Адлерберг сообщил, что этот визит не был вызван какими-либо указаниями генерала Газенкампа. Не будучи подчиненным главному командиру, генерал Адлерберг не считал себя обязанным к нему являться, а когда выяснилось, что генерал-лейтенант Беляев уедет в отпуск и замещать его будет этот генерал, то ввиду необходимости предстоящих служебных отношений он поехал к нему, с визитом, на который не получил, однако, ответа.

Комиссия находит, что объяснение генерал-лейтенанта Адлерберга не может быть признано правильным, во-первых, ввиду ст. 17 приложения 1 к уставу гарнизонной службы, буквальный смысл которой не оставляет сомнения, что командир 2-й бригады 24-й пех. дивизии, каким был названный генерал в момент прибытия в г. Кронштадт, должен был представиться в парадной форме военному губернатору, старшему себя в чине, вице-адмиралу Нионову, и во-вторых, если не исполнено своевременно приведенное правило, то казалось бы, что известный такт при вступлении генерала Адлерберга в непосредственные сношения с представителями морского ведомства должен был бы подсказать ему необходимость предварительного личного знакомства.

Сопоставляя заявление главного командира с объяснениями коменданта крепости и с разъяснениями тех же фактов, вытекающими из показаний некоторых других, причастных к этому лиц, комиссия не могла не прийти к выводу, что хотя в сношениях с морским ведомством и замечалось значительное трение, объясняемое до известной степени полной дезорганизацией после беспорядков флотских экипажей и новизной и исключительностью обстановки, когда главному командиру, пользующемуся положением командующего войсками округа, пришлось стать в подчиненные отношения к лицу с правами командира корпуса, но можно сказать, с уверенностью, что если бы необходимая настойчивость, которою устранялось это трение, проявлялась с большим тактом, мягкостью, сдержанностью и большей терпимостью к справедливому иногда заявлениям морского начальства, то от этого не только не пострадали бы служба и авторитет власти, но, наоборот, это принесло бы только пользу, рассеяв атмосферу взаимных неудовольствий и создав самые благоприятные условия для совместной солидарной и сплоченной работы на пользу одному общему делу.

Многие из возникавших недоразумений приходится отнести

поэтому на счет личных качеств генерал-лейтенанта Беляева, что комиссия и считает себя обязанной отметить.

Как иные образцы взаимоотношений представителей военной и морской власти, рисующие еще одну из отрицательных сторон существовавшего положения, ниже приводятся параллельные выписки из различных официальных документов по редакции одного и другого ведомства.

Рапорт коменданта крепости главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа
10 ноября 1905 г. № 336.

«26 октября днем мною было получено донесение, что команда в 50 чел. из чинов 2-й роты 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, наряженная на крепостные работы, отказалась выйти из казарм... После настойчивого приказа итти на работы команда приказание это исполнила, но по пути, проходя мимо казарм 3-го батальона крепостной артиллерии, произведшего накануне беспорядок, приветствовала чинов этого батальона криками «ура» и махала шапками. Окончив заданный на работе урок, команда возвращалась в свои казармы боковой дорожкой (Павловская ул.) мимо казарм матросов, где также кричала «ура» и махала шапками; матросы отвечали из окон тем же, но к команде не присоединились».

Обвинительный акт военно-морского суда Кронштадтского порта.

«26 октября, около 11 час. утра, команда нижних чинов 2-го кронштадтского пехотного батальона в числе около 50 чел., под начальством фельдфебеля, вошла во двор учебно-минного отряда и, призывая нижних чинов последнего на сходку, стала кричать: «ура», «свобода», «братцы», иди за нами, мы в вас стрелять не будем!» Простояв некоторое время на дворе и узнав от дежурных и дневальных, что большинство нижних чинов учебно-минного отряда находится на занятиях, команда эта вышла на улицу, заявив, что придет еще раз около 5 час. пополудни, когда весь отряд будет в сборе. Из учебно-минного отряда люди эти направились к 5-му флотскому экипажу и, подойдя к воротам, стали просить, чтобы ихпустили во двор. Стоявший у ворот дневальный такой их просьбы не исполнил и во двор непустил. После этого команда, не заходя в другие морские части, направилась к своим казармам».

В приговоре военно-морского суда это изложено так:

«26 октября, около 11 час. утра, 40 нижних чинов 2-го кронштадтского пехотного батальона, под командой фельдфебеля пришли строем в морские казармы, расположенные по Павловской улице, сначала во двор минного отряда, а затем к воротам 5-го флотского экипажа, и с криками: «свобода, теперь все равны, не надо офицеров», приглашали моряков к ним присоединиться, но приглашению их никто не последовал, и они, обещая прийти снова, вернулись в свои казармы».

В рапорте комиссии за начальника кронштадтского жандармского управления подполковника Кистарева тот же факт характеризуется так:

«Нижние чины 2-го кронштадтского крепостного батальона, с фельдфебелем во главе, идут по помещениям флотских экипажей, с намерением вызвать их на общий военный митинг».

Рапорт коменданта крепости главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа
11 февраля 1906 г. № 32.

«Среди морских офицеров, к сожалению, явилось желание толковать события 26—27 октября не как военный мятеж, а как простой разгул нижних чинов флота, принявший значительные размеры благодаря участию в нем хулиганов. Такое стремление отразилось на произведенных морскими офицерами дознаниях, а также, к сожалению, и на самом следствии, для которого дознания служили важным материалом».

Исполняющему должность морского прокурора, которому надлежало руководить следствием, мною было своевременно сделано напоминание о соблюдении самой строгой объективности в освещении дела и получении заверения в исполнении моего напоминания».

Всеподданнейший доклад по главному военно-морскому судному управлению о смягчении наказаний матросам, осужденным за беспорядки (26 октября 1905 г.)

«На суде установлено с полной достоверностью, что нижние чины военно-сухопутного ведомства, преимущественно кронштадтской крепостной артиллерии, участвовали в беспорядках в той же мере, как и нижние чины флота, учиняя поджоги, грабежи и кражи, стреляя друг в друга и в частных лиц; что в отдельных группах матросов находились нижние чины различных частей военно-сухопутного ведомства, являвшиеся в некоторых случаях, руководителями матросов и подстрекавшие последних к совершению преступлений».

Главной причиной неравномерности наказаний, наложенных военным и морским судами на сухопутных и морских чинов, надлежит признать то обстоятельство, что при направлении возникшего о беспорядках судебного дела морское начальство, стремясь к раскрытию истинных условий происшествия, держалось того взгляда, что беспорядки эти, несмотря на различное по времени и месту их проявление, составляют, по существу своему, одно воинское преступление—явное восстание в числе более 8 чел., почему все матросы были преданы суду совместно, по обвинению в преступном деянии, предусмотренном ст. 109 военно-морского устава о наказаниях. Военно-сухопутное же ведомство такого взгляда, видимо, не держалось и все проявления беспорядков, учиненных нижними чинами сего ведомства, рассматривало как отдельные, не имеющие взаимной связи преступления».

Результатом такого разделения дел явилось, с одной стороны, предъявление к виновным по первым двум делам обвинения в менее тяжких воинских преступлениях (неповиновение и ропот), а с другой—непривлечение к законной ответственности большей части виновных в учинении уличных беспорядков».

Характерен и следующий факт, взятый из показаний начальника кронштадтского жандармского управления. Лицо это подчинено в обыкновенное время, в качестве начальника жандармской команды порта, только главному командиру, коменданту; же оно не подчинено вовсе. Как только было объявлено военное положение, генерал Беляев тотчас же воспретил начальнику жандармского управления являться с докладами к главному командиру, и это продолжалось до прибытия в Кронштадт генерал-адъютанта Зарубаева, объединившего всю власть в своих руках. Тогда главный командир приказал делать доклады себе. С отъездом генерал-адъютанта Зарубаева опять вошло в силу распоряжение коменданта.

Все вышеизложенные факты и данные рисуют общую картину взаимоотношений высших представителей военного и морского ведомства в таком ненормальном виде, что устранение подобных присвоенных недоразумений и трений, происходящих вследствие вкоренившегося уже в условиях кронштадтской жизни антагонизма между военным и морским ведомствами, может быть достигнуто

только полным объединением всей административной власти по городу и крепости в лице одного начальника; сделать же это можно: или созданием новой должности, объединяющей самих представителей обоих ведомств, или категорическим разрешением вопроса, чьи интересы, морские или сухопутные, должны главенствовать в Кронштадте, с передачей тогда главенствующему ведомству всех без исключения функций распорядительной власти и со-ответственным уменьшением местных интересов и ранга высшего представителя другого ведомства.

Объединение власти в настоящее время уже достигнуто и притом первым путем, т. е. созданием должности генерал-губернатора, могущего, в силу своего высшего служебного положения, быть беспристрастным по отношению интересов обоих ведомств, но так как должность эта названа временною, то очевидно наступит момент для возникновения настоящего вопроса вновь, и едино-властия придется достигать уже другим способом, указанным выше.

Не считая себя в праве высказываться, каким именно путем может быть достигнуто в Кронштадте сужение интересов одного из заинтересованных ведомств, что должно принадлежать компетенции учреждения, ведающего вопросами государственной обороны, комиссия считает, однако, необходимым, указать, что существовавшее двоевластие, неустранимое, по ее мнению, никакими другими мерами, есть такое зло, сфера влияния которого не только местная, но и грозящая безопасности государства.

Причины беспорядков

Как общий вывод из всего изложенного уже выше и представляющего результат произведенного комиссией расследования, можно указать на следующие обстоятельства, послужившие причинами всех бывших беспорядков.

а) Чрезвычайно настойчивая, энергичная и прекрасно организованная агитация, сильная удачно выбранным, близким и понятным сердцу простого народа, лозунгом: «земля и воля».

Настойчивость этой агитации характеризуется последовательным созданием нескольких местных комитетов и военных организаций; энергия—распространением массы брошюр и прокламаций, не останавливаясь, для успеха пропаганды, перед пожертвованием личной свободы и женской чести; прекрасная организация—полной осведомленностью о действиях властей, что мешало своевременности арестов и мер противодействия.

б) Общая темнота народной массы, весьма склонной к восприятию без всякой критики учений, сулящих близкое улучшение быта и материального благосостояния.

в) Благоприятные условия для распространения пропаганды, заключающиеся в легкости общения между войсками гарнизона, рабочими, населением и революционизированными уже матросами, а также в обстановке службы инженерных войск, находящихся

на работе в одиночку или небольшими командами, без возможности постоянного контроля со стороны офицерского состава.

г) Дезорганизация флотских экипажей, не занятых на берегу службою, лишенных внутреннего порядка, не имевших офицеров и начальствующих нижних чинов, служивших местом сбора порочных элементов и являвшихся поэтому очагом революционной пропаганды для всего флота.

д) Присылка в Кронштадт взамен людей отправленного во Владивосток 6-го батальона крепостной артиллерии около 2 тыс. нижних чинов срока службы 1901 г., задержанных при увольнении в запас вследствие войны. Набранные из всех крепостей западной границы, они представляли из себя наихудший элемент. С прибытием их, в кронштадтской артиллерии явилась целая масса людей не только неблагонадежных, но, что еще хуже, принесших с собою распушенности и сильно распространенные на западе революционные идеи. Тогда же сразу изменились отношения между моряками и сухопутными: существовавшая всегда вражда, проявлявшаяся беспрестанными драками и грандиозными побоищами, исчезла и начались дружба и брожение на почве общих революционных интересов.

е) Многочисленный и хорошо организованный революционный элемент кронштадтских флотских экипажей был еще усилен присылкою матросов, замешанных в беспорядках в С-Петербурге, Либаве, Севастополе и на Каспийском море.

ж) Большой процент в частях гарнизона и особенно в морских командах нижних чинов из местного фабричного населения, сильно распропагандированного и связанного различными революционными организациями. Эти люди не только агитировали сами, но и поддерживали, в силу родственных отношений, связи с соседними фабриками и заводами и находились в курсе всех политических событий, затеваемых бунтов и забастовок.

з) Масса нижних чинов, находящихся в командировках вне части и притом некоторые даже целые годы; это вырывает их из-под надзора не только непосредственного, но часто и всякого другого начальства, ставит иногда в условия, благоприятные для восприятия пропаганды, и дает возможность возвращаться опять в части не только не годными для службы, но и вредными в нравственном отношении для всего остального состава.

и) Недостаток офицеров, особенно в крепостной артиллерии, обусловленный не только их штатным числом по отношению к количеству нижних чинов, но и массой различных поручений и командировок, отвлекающих их от своего прямого дела—воспитания и обучения вверенных им чинов.

к) Малое влияние офицеров на солдатскую массу и недостаточная авторитетность их, происходящая в значительной степени от неподготовленности к толковому и правильному объяснению нижним чинам вопросов, выдвигаемых сложными условиями настоящего политического момента.

Качественная сторона офицерского состава, оказавшегося вообще не на высоте своего призвания.

состав и заставившей производить в Кронштадте фортификационные и другие крупные работы, отелекавшие из частей массу людей и ставившие их в условия, благоприятствующие пропаганде.

м) Недостаток энергии и авторитетности в действиях высших представителей местной власти, что происходило отчасти от разделения этой власти между комендантом и главным командиром и вытекавших отсюда взаимных пререканий и недоразумений.

н) Крупные недостатки в организации крепостной артиллерии, разбросанной по фортам и батареям на пространстве 200 кв. верст, имеющей миллионное имущество и управляемой, при совершенно ничтожном количестве офицеров и нижних чинов, находящихся к тому же в некомплект, одним человеком — начальником артиллерии.

Нужно вообще удивляться, что крепостная артиллерия при такой организации и столь малом присмотре офицеров так незначительно реагировала на все старания революционеров развратить и эту часть гарнизона, состав людей которой также полунинтеллигентный, развитой и имеющий в своей среде много фабричных и мастеровых из Петербурга и его окрестностей.

о) Не менее значительные недостатки и в организации инженерных войск крепости, из которых саперная рота, помимо своего прямого назначения, должна обслуживать еще и железную дорогу в 46 верст на острове и на обоих берегах. Такая двойная задача мешает специальным занятиям, требует от людей массы излишнего труда и нарушает правильность внутреннего порядка.

п) Понимание революционерами значения Кронштадта, как чрезвычайно сильного опорного пункта, ключа к завладению столицей и центрального пункта для флота, если он находится на стороне революции.

р) Легкость захвата отдельных и батарей и фортов, занимаемых самыми незначительными караулами, легкость их обороны в случае захвата и полная возможность изолирования частей крепости благодаря доступности перерыва воздушной телефонной сети.

с) Наличие некоторых экономических причин, как, например, недостаток шаровар, и вообще неисправности в обмундировании крепостной артиллерии, выдача в той же артиллерии в пищу солонины и некоторые другие более легкие поводы. Надо оговориться, однако, что эти причины могли иметь место только до беспорядков 1905 г.

т) Доказанные многими фактами и показаниями: различие во взглядах сухопутного и морского начальства на различные виды нарушения обязанностей службы и дисциплины, попустительство и мягкость наказаний за эти проступки при совершении их матросами на берегу и, как конечный результат, слабость кары, постигшей виновников беспорядков 1905 г.

у) Слабость надзора со стороны наружной и жандармской полиции, объясняемая недостаточностью ее для такого крупного и важного в политическом отношении пункта, как город и крепость Кронштадт.

ф) Заканчивая перечисление обстоятельств, являющихся в той или иной мере причиной беспорядков, возникавших в среде кронштадтского гарнизона и флотских экипажей, нельзя упускать также из виду, что беспорядки эти, помимо изложенных причин, были также в значительной степени и отзвуком тех волнений, которые, как результат неудачной войны, ряда неурожаев и политической пропаганды, прошли тогда широкой полосой по всей России и разразились особенно сильными ударами в тех местах, где имел пребывание флот, представляющий удобную почву для агитации и наиболее сильное оружие в руках революционеров.

Меры для устранения беспорядков в будущем

Подробное ознакомление со всеми условиями жизни Кронштадтской крепости, с внутренним бытом ее гарнизона и флотских экипажей, изучение обстоятельств всех происходивших там беспорядков и исследование причин, вызвавших их, дает ныне комиссии возможность высказаться с своей стороны о тех мерах, которые могли бы предотвратить повторение каких-либо беспорядков в будущем.

Меры эти распадаются на три категории: I) организационные, II) административные и III) воспитательные.

I

В основу всех организационных мер надо поставить, как коренной принцип, слова государя императора в обращении на параде 25 июня 1906 г. к войскам кронштадтского гарнизона, что «Кронштадт есть оплот столицы» * 42. Эти высочайшие слова точно определяют не только значение крепости, но и ту меру забот и внимания, которую ей следует уделять, чтобы она могла выполнять указанную ей задачу, так как столица есть центр государства и средоточие всех нитей ее политической жизни, и поэтому на защиту ее должно быть обращено всегда особое, чрезвычайное внимание. Этот взгляд имеет, конечно, тем большее значение для России, в управлении которой проведена строгая централизация, вследствие чего захват столицы грозит полной беспомощностью провинции.

Заботы о Кронштадте, как об оплоте столицы, не стояли однако до последнего времени на уровне не только идеала, но даже и посредственной необходимости, и если Кронштадту уделялось некоторое внимание, то больше как месту постройки многомиллионных морских фортов, стоянке и центральному пункту нашего Балтийского флота и резиденции его главного командира, чем как крепости, составляющей ключ к завладению столицей **. До начала этого года крепость считалась даже во 2-м классе и

* По донесению генерал-лейтенанта Адлерберга.

** Подтверждением тому служит такой факт: когда после июльских беспорядков были потребованы от крепостной артиллерии сведения о числе орудий, могущих в случае надобности открыть немедленно огонь, то таковых оказалось только 31.

только после беспорядков 1905 г. ее перевели в 1-й, но это отразилось до сих пор больше на окладах и рангах администрации крепости, чем на ее активной силе.

1. Необходимо принять и притом немедленно самые энергичные меры к постановке гарнизона и всех учреждений Кронштадта в положение, соответствующее первоклассной крепости не только по названию, но и фактически.

2. Ввиду придания генерал-губернаторству только временной меры, необходимо теперь же выработать новую систему управления городом и крепостью, поставив, как отправную точку, полное единовластие одного из ведомств, интересы которого будут признаны в Кронштадте главенствующими во всех без исключения вопросах административного и общего характера.

3. Нужна коренная реформа всех условий пребывания нижних чинов флота на берегу: реорганизация экипажей и их высших соединений, изменение системы обеспечения экипажей постоянным офицерским составом, увеличение этого состава, и постановка его в надлежащее положение, обеспечение соответствующим кадром начальствующих лиц из нижних чинов, и наконец, ограждение экипажей от практикуемого ныне списывания в них с судов порочных нижних чинов*.

4. Новая организация крепостной артиллерии, установлением деления ее, сообразно местным условиям обороны, по проекту, разрабатываемому уже специалистами по поручению августейшего генерал-инспектора артиллерии.

5. Создание в крепости особой ж.-д. роты и реорганизация существующих частей инженерных войск на условиях, отвечающих требованиям их специальной службы и гарантирующих поддержание строгого внутреннего порядка.

6. Увеличение гарнизона крепости созданием необходимого числа новых частей крепостной пехоты или разворачиванием существующих, так как нынешний состав, даже при условии постоянного пребывания в крепости полевых войск, недостаточен, и большой караульный наряд ложится на части тяжелым бременем, нарушая правильный ход их жизни и обучения.

7. Выселение из собственно крепостного района на острове Котлине, т. е. из местности за крепостной стеной, всех частных лиц, проживающих на огородах и в Косном селении, и перенос туда из города всех наиболее жизненных органов управления крепости. Это прекратит тесное общение и постоянное соприкосновение солдат с городским населением и сделает наблюдение над гарнизоном более удобным.

Кроме того это устранил в некоторой степени опасность, представляемую лабораторией морского ведомства.

8. Принятие немедленных мер к возможному устранению таких крупных неустroйств крепости, которые могут грозить не толь-

* Надо думать, что некоторые из отрицательных сторон существующего положения об экипажах исчезнут при новой их организации, проводимой уже ныне в жизнь. (Приказ по морскому министерству с г. № 579.)

ко ее жизненным нервам, но и самому существованию, как то: установление каких-либо приспособлений для целесообразной охраны отдельных укреплений и для гарантии их от внезапного захвата, переделка на подземную весьма несовершенной и слабой по работе воздушной телефонной сети и перенос куда-нибудь в более удобное и безопасное место лаборатории морского ведомства, представляющей грандиозный склад взрывчатых веществ, находящийся в самом центре крепости.

9. Усиление состава наружной и охранной полиции в городе и в крепости.

II

Меры административного характера представляются в исполнении наиболее легкими и заключаются в следующем:

1. Немедленный пересмотр караульного наряда для смягчения его тяжести и согласования с наличием гарнизона.

2. Разработка новой системы окарауливания морских укреплений с целью предотвращения возможности внезапного захвата; организация правильного и целесообразного наблюдения за отправлением караулами своих обязанностей и принятие мер к устранению отрицательного влияния караульной службы на укреплении на нижних чинов.

3. Разработка вопроса о возможном сокращении казенных работ и об уменьшении чрезвычайной их тяжести.

4. Уменьшение числа командированных из частей офицеров и нижних чинов и установление постоянного наблюдения начальства, чтобы за командируемыми нижними чинами был строгий надзор и люди не теряли связи с частью, для чего самые командировки были бы непродолжительными.

5. Возможное устранение случаев соприкосновения нижних чинов и матросов с посторонними лицами: в порту, на форту, на работах и пр.

6. Уничтожение возбуждающей справедливое нареканья разницы в праве на суточные деньги чинов постоянных и временных караулов.

7. Принятие мер к временному уменьшению в Кронштадте, впредь до установления нормального порядка, числа находящихся на берегу матросов, достигавшего зимой в минувшие годы 20 тыс. чел.

8. Внушение всем начальствующим лицам о необходимости заботы и более внимательного отношения ко всем нуждам солдата и его интересам.

III

Меры воспитательного характера, для предупреждения возможности будущих беспорядков, имеют общее значение и не носят, конечно, чего-либо исключительного, присущего только Кронштадту, но так как гарнизон крепости и особенно матросы дали наиболее яркие проявления отсутствия и дисциплины, то казалось

бы, что это указывает на особое внимание, которое необходимо уделить здесь следующим мерам: 1) установлению духовного влияния офицеров на солдатскую среду, 2) неуклонному поддержанию в частях дисциплины и воинского порядка, укрепляющих в людях сознание долга и чести, и 3) нравственному противодействию агитационной деятельности революционных элементов.

1. Отсутствие духовной связи между нижними чинами и офицерами, замечавшееся вообще в войсках кронштадтского гарнизона и во флоте, не осталось, конечно, без влияния и на причины бывших беспорядков.

Значение указанного обстоятельства для правильного воспитания нижних чинов, особенно в настоящее время при исключительности политических условий и настроения крестьянской массы, из которой пополняется армия, настолько громадно, что оставлять его в том же положении, в каком оно находится ныне, не представляется уже ни малейшей возможности.

На развитие в офицерах, особенно же младших, истинного взгляда на серьезность и значение этого вопроса и на пути, которыми эта связь может быть достигнута, необходимо обратить не только внимание начальствующих лиц, призывом их, как руководителей, к совместной и дружной работе с более молодыми элементами, но сделать к этому подготовку предметом школьного изучения в стенах военных и юнкерских училищ.

В расписании занятий необходимо уделить в настоящий момент большее время на так называемую словесность, устраняя в ней всякую долбежку и делая изучение ее глубже и осмысленнее, так как она должна явиться теперь как бы уроками служебного долга; необходимо, чтобы новые, внушаемые в казарме, взгляды проникли в душу солдата, заменили там ложные воззрения, принесенные с собою на службу, и вообще встряхнули бы весь внутренний мир его, выработав из него твердого человека с непоколебимыми уже убеждениями. Желательно поставить это дело так, чтобы молодой офицер не ограничивался перед уроком только просмотриванием солдатского учебника, а, влагая в свое дело душу, готовился к этому уроку с любовью и горячею верою в пользу его. Он должен вполне овладеть своим предметом, знать характер каждого из своих учеников, а также класс населения, из которого он происходит.

2. Необходимо внушать всем начальникам, что строгое выполнение всех требований устава внутренней службы или, что то же, установление в части твердого внутреннего порядка есть, как показал уже опыт, прочная гарантия от возможности занесения в часть каких бы то ни было революционных начал; что педантичное исполнение караульной службы—это лучшая воспитательная школа солдата для укоренения в нем прочного взгляда на непоколебимость и святость исполнения служебного долга; здоровая, построенная на правильных основаниях дисциплина есть звено, связующее всю армию в единый крепкий организм, где все за одного и один за всех. И, наконец, строй—помощник воспитания, вторая опора дисциплины массы.

Отсутствие надлежащего внимания ко всем этим весьма важным элементам воспитания принесло в Кронштадте очень печальные плоды.

Необходимо не только устранить это, но и особенно настойчивой деятельностью в ближайшие же месяцы исправить и навестить утерянное, так как нынешний состав людей, тронутый уже революционной пропагандой, представляет собою все-таки наибольшую опасность и требует поэтому в действительности наибольших забот и тщательного перевоспитания.

3. На борьбу с пропагандой, на борьбу не одними только полицейскими мерами сыска и пресечения, а мерами нравственного и просвещающего противодействия, надо обратить самое серьезное внимание, так как только она одна, при современном настроении людей, поступающих на укомплектование армии, может парализовать растлевающее влияние преступной агитации, подтачивающей самые основные устои военной службы.

Необходимо, чтобы каждый офицер был широко ознакомлен с вопросами, волнующими солдатскую и крестьянскую среду, но должны быть приняты лишь меры, чтобы освещение этих вопросов было для него всегда правильное, сообразное истинным интересам государства; для этого необходимы популярные брошюры, статьи в военных журналах и даже периодические лекции, устраиваемые специально назначенными для сего в округах лицами.

От офицеров не должно скрывать содержание находимых в частях прокламаций, а, напротив, необходимо всех их знакомить с ними, делая эти прокламации предметом немедленных бесед с нижними чинами⁴³.

Независимо от этого, на прокламационную деятельность революционных элементов, принявшую за последнее время новые, достигающие больших результатов формы, необходимо отвечать также соответствующими и столь же целесообразными контрмерами.

Прокламации, распространяемые в войсках, могут быть разделены по своему характеру на старые и новые.

Старые—это те, которые попадались до конца 1905 г.; они отличались неясностью слога и, в большинстве случаев, печати, трактуя в чуждых солдату книжных фразах о бедности, гнете и благах социального переворота. Можно сказать с уверенностью, что доступность их солдатскому пониманию была более чем сомнительна.

Не то новые прокламации, появившиеся с 1906 г.,—они написаны ясным и простым языком и говорят солдату и крестьянину о предметах близких, доступных не только его уму, но и сердцу. Влияние таких брошюр и прокламаций, конечно, сильно и потому крайне вредно.

Из брошюр этого последнего направления можно указать: Солдатскую памятку Л. Толстого, где на основании заповеди «не убий» и текстов евангелия проповедуется нарушение долга присяги в случаях вызова войск для содействия гражданским властям; «Обращение к армии и флоту» и особенно «Эй, вы братцы, пора вам за ум взяться!», в которой рекомендуется избиение

офицеров, как заинтересованных в сохранении существующего порядка вещей и потому мешающих армии стать на сторону революционеров, добывающих народу землю и волю¹⁴.

Против сильного влияния таких книжек и прокламаций недостаточно одних лишь устных бесед начальников; необходимо также и печатное слово, столь же понятное и внушающее к себе доверие, но не слащавым языком, подделанным под речь простолудина, так как среди солдат встречаются уже все чаще и чаще очень разумные, влияющие на окружающих и понимающие всякую фальшь, а умом, деловитостью, прямою и ясностью доводов опровергающие взгляды агитаторов и революционеров. Слово это должно попадать в солдатскую среду также через брошюры или газеты; они должны освещать широко всю внутреннюю жизнь государства, не чуждаться вопросов, волнующих деревню, и, проводя в массу правильные взгляды, избегать какой-либо партийной или агитационной окраски, что дает повод к критике их агитаторами революции и что замечается до известной степени в газетах, распространяемых среди солдат ныне.

Ввиду нахождения в рядах армии массы инородческого элемента необходимо изъять из этих газет всякие нападки на инородцев, так как это сеет среди нижних чинов только раздоры и насмешки, а в ответ на них—затаенную злобу.

В заключение настоящего отчета комиссия считает себя обязанной высказать на основании произведенного расследования, личных впечатлений и обмена мнений с начальствующими лицами и чинами жандармского надзора, следующее: сколь успешный исход подавления первых двух восстаний является результатом не только принятых заранее мер, составления диспозиции и пр., что ввиду предшествующей обстановки представлялось совершенно естественным, но до известной степени успех этот был достигнут так скоро и без всяких почти потерь для умиротворяющих войск лишь потому, что восстания были плохо организованы, не пользовались сочувствием в массе чинов восставших частей, не обладали соответствующим количеством оружия, обманулись в своих ожиданиях на присоединение крепостных артиллеристов и, что самое главное, не имели авторитетных руководителей, могущих создать стройность действия, упорство сопротивления и, конечно, большую трудность подавления. Но так как внутреннее настроение и внешние условия жизни нижних чинов кронштадтского гарнизона и флотских экипажей не дают и в настоящее время полной уверенности в невозможности новых беспорядков, хотя бы даже в самом ближайшем будущем, то необходимы немедленные меры и коренные реформы, изменяющие всю обстановку и весь режим местной сухопутной и морской жизни. Только тогда можно быть уверенным, что Кронштадт перестанет быть гнездом смуты, обратится вновь в грозную твердыню, и верный гарнизон

его, единный по духу и цели, лишь желанием смыть позор прошлых восстаний и загладить их славными подвигами на пользу государя и родины.

Председатель комиссии
генерал-от-инфантерии Водар.
контр-адмирал Мола с.

Члены комиссии
подполковник Барсов.
подполковник Матиас.

18 декабря 1906 г.
С.-Петербург.

Штаб ЦВО. Военно-судебное отд. 1906 г.

Доклад Аллины (Педер, Ида, Сармус) на Таммерфорсской конференции (июль 1906 г.)

Территориальное расположение районов Кронштадтской военной [организации]. Матросский район: Экипажный флот, машинная школа и телеграфная рота.—Крепостной район: Артиллерия, крепостная пехота, минеры, саперы, инженерная ком[анда], учебная ком[анда]. Летучий район,—все наезжающие войска. В частности там перебивали: Енисейский, Двинский, Финляндский, Онежский, Беломорский, Московский [полки].

Госпитальный район. Работой в нем заведывал фельдшерский кружок. Организационная схема: низшей организационной ячейкой являлся ротный комитет. Ротные комитеты выбирали батальонный комитет, батальонные—полковой. Руководящим коллективом являлся общегородской комитет. Общегородской комитет составлялся из выборных представителей всех частей гарнизона.

Общегородской комитет выделил из своего состава исполнительный комитет. В состав ИК вошел представитель общепролетарской организации. Функция ИК в мирное время была техническая подготовка к вооруженному восстанию. В момент восстания руководство должно было перейти исключительно к ИК в расширенном его составе.

Связи имелись со всем гарнизоном. Определенные организационные ячейки, опирающиеся на известное количество организованных солдат, имелись: во всех ротах крепостной пехоты, Енисейском, Двинском, Финляндском полках, в артиллерии, в минных, саперных ротах; в инженерных учебных командах. Во флоте: на «Адмирале Грейге», «Александре II», «Кронштадте», «Тереке», «Диане», «Дону», «Громобое», «Герцоге Эдинбургском», «Океане», «Славе».—Распространялись все издания Петербургской военной организации и разные брошюры. За 6 месяцев распространяли: 1 200 брошюр; 2 400 экз. «Казармы», листов разных—10 тыс. экз.

Летом устраивались митинги, на которых побывало до 500 солдат и матросов. Кружковые занятия велись систематически. Митинги устраивались и в казармах.

Протоколы I конференции военных и боевых организаций
РСДРП, СПб 1907 г.

Прокламация о федеративном социал-демократическом совете о волнениях в войсках.

Российская социал-демократическая рабочая партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам.

Грозное Кронштадтское восстание подавлено.

Восставшие матросы и артиллеристы сдались, выдали оружие, арестованы. Теперь наступит кровавая расправа со стороны правительства. Пойдут военные суды, расстрелы, каторга... Но не радуется правительство эта победа. Как ни слепо оно, и для него, наконец, становится ясно, что последний оплот царизма—войско—все более и более расшатывается, расшатывается как преступной политикой самого правительства, умеющего только мучить и раздражать солдат, так и могучими волнами революции. Правда, кронштадтское восстание тем отличается от потемкинского, что благодаря присоединению хулиганов оно выродилось в безобразный разгром и грабеж, но начато оно было сознательными матросами, и, что особенно важно, в нем впервые произошло соединение разных родов оружия: к матросам примкнули артиллеристы.

Итак, знаменитая дисциплина русской армии исчезает. Мера терпения солдатского переполнилась. Армия все более и более перестает быть послушным орудием в руках правительства. Но до сих пор разложение армии знаменует лишь разложение правительства, отмирание всего старого бюрократического строя. И половинчатая, трусливая политика либералов привела бы лишь к тому, что это разложение охватило бы весь общественный организм. Только очистительное пламя революции, всенародного восстания может раз навсегда покончить со всеми остатками гниющего самодержавия, только оно дает тот идейный энтузиазм, при котором немыслимы будут никакие хулиганские примеси, никакие грабежи и погромы.

Поэтому теперь наша задача, задача социал-демократов и всех сознательных революционеров, заключается в том, чтоб эти отдельные, разрозненные военные бунты, которые правительство еще в состоянии усмирять, превратить в массовый переход войск на сторону революционного народа. И этот переход решит судьбу революции. Так бывало во всех европейских революциях, так будет и у нас. Только тогда, когда к вооруженному восстанию пролетариата и всех демократических элементов страны примкнет часть войск, мы добьемся не виттевских конституций, а полного низвержения царской власти и провозглашения демократической республики.

Да здравствует революция и будущая революционная армия!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социализм!

С.-Петербургский федеративный
социал-демократический совет.

Ноябрь 1905 г.
Тип[ография] Пет[ербургского] ком[итета].

Сб. «1905 г. в Петербурге», вып. I, Гиз, 1925 г.

Прокламация Петербургского комитета РСДРП к солдатам и матросам о кронштадтском восстании.

Российская социал-демократическая рабочая партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам и матросам.

В Кронштадте восстали матросы и солдаты. Они поддерживали восставших рабочих, они требовали лучших порядков. Начальство вызвало к ним петербургских солдат, и они стреляли в своих же братьев-кронштадтцев. Восстание подавлено, и теперь начальство по приказу царя будет судить и расстреливать сотни таких же матросов и солдат, как вы, петербургские солдаты и матросы, за то, что они стояли за народ, что они не хотели больше выносить издевательства и притеснений начальства.

Кто же выступил на защиту кронштадтцев? Петербургские рабочие. Они снова объявили забастовку, требуя у правительства отмены военного суда над кронштадтцами. Вы видите, солдаты и матросы, что у нас, рабочих, и у вас одно общее дело и один враг—правительство. Всем нам плохо живется, все мы должны добиваться лучших порядков.

Довольно над нами командовали царь и его чиновники. Рабочий класс и его партия—социал-демократы—хотят установить народное правление—демократическую республику.

А царь и его чиновники да генералы цепко держатся за свою власть и хотят весь народ потопить в крови. Но вы, солдаты и матросы, их последняя надежда. Как только вы подниметесь и перейдете на сторону народа, конец будет их власти над нами. Теперь мы, петербургские рабочие, забастовали только для того, чтобы вступить за наших товарищей—кронштадтцев. Помните же это, солдаты и матросы, поддержите и вы своих товарищей, и когда ваше начальство пошлет вас против нас, рабочих социал-демократов, не будьте иудами, отказывайтесь убивать своих братьев, которые за вас же заступились.

Честь и слава нашим кронштадтским товарищам.

Долой военные суды!

Долой царя и его шайку!

Да здравствует революция!

Да здравствует народное правление!

Петербургский комитет РСДРП.

Ноябрь 1905 г.

Тип[ография] Пет[ербургского] ком[итета].

Сб. «1905 г. в Петербурге», вып. I, Гиз, 1925 г.

Прокламация военно-революционной организации Петербургской группы РСДРП.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

За что солдаты будут расстреливать кронштадтских матросов.

Роты, стройся! Раздай боевые патроны... Нас ведут. Куда? Опять стрелять в безоружный народ, в женщин, стариков и де-

тей? Нет, мы выходим за город, идем полем. Еще ночь, свет только занимается, холодно, дрожь пробирает. Вдали виден вал, видны люди около него. Прибавь шаг! Подходим ближе и ближе. Стой! Взводы стройся влево! Прямо, пальба ротами!

Звякнули винтовки, щелкнули затворы. Еще сигнал: рота-а-а...

Что это, в кого мы целим, что за люди в серых солдатских шинелях стоят длинной-длинной шеренгой вдоль вала. Как их много, их сотни здесь... Бледные, с измученными лицами, глядят они на нас с молчаливым укором. Сейчас раздастся команда, и их не станет. Кто же они? Кронштадтские матросы.

Мы их расстреляем, за что, подумали мы об этом? Нет, мы не думали, мы ведь и тогда не рассуждали, когда стреляли в безоружный народ.

А народ уже больше года ведет последний смертный бой с [своими] угнетателями, с правительством. Стонет мужик на нищенском наделе, убивается рабочий за фабричным станком. Терпи и молчи. На Руси никто не смеет говорить о своих тяготах и нуждах. Плати подати, служи годами солдатом и молчи; на то начальство есть, чтобы рассуждать. Каждый год недород, а то и голод, а тут царь затеял войну с Японией, в корень разорил русский народ. И решил народ добиваться свободы говорить, писать, объединяться, чтобы лучше жизнь себе устроить, и пошел он 9 января к царю просить дать ему эти свободы. Пошел с иконами, с крестами. И встретил царь свой народ картечью да ружейными залпами.

Стреляли в безоружный народ вы, солдаты, стреляли в своих братьев, которые добивались того, чтобы всем лучше жилось: не только мужику да рабочему, но и солдату, чтобы меньше он служил, чтобы лучше его кормили, одевали...

Но начальство обмануло вас, скрыло от вас правду о том, чего добивается народ. Но правды кровью не зальешь.

Только и осталось у правительства надежды, что на солдат. Но и солдаты, наконец, стали понимать, за что борется народ. И встали сперва матросы на «Потемкине» за народ. Их было мало, и они не сладили с правительством. И правительство думало, что можно теперь стрелять в народ спокойно, что больше не поднимутся солдаты.

В Кронштадте давно уже задумали матросы думу о том, как помочь народу, как помочь и своим солдатским нуждам. И готовились они подняться на правительство. Но часть их, не стерпев насилий и притеснений начальства, поднялась, не сговорившись со всеми, и встали матросы и пошли на начальство. А оно попряталось и разбежалось со страху, как крысы по норам. Сами спрятались, а выпустили переодетых городских, сыщиков да хулиганов на город. Разбивайте, мол, жгите, грабьте, пусть думают, что это матросы делают. И часть матросов мало сознательных попала на удочку начальства, поддалась полиции и сама стала громить и тем мешала другим матросам делать их святое дело, бороться за народ. Но и эти матросы только громили, а никого не грабили, не убивали. Грабили одни хулиганы да полиция.

Точно пожар разлился по городу, так дружно встали матросы на борьбу. Целых 14 тыс. поднялось. Знать у всех, а не у одного только, накопело на сердце.

И вот теперь царь обещает сократить вам службу на год, улучшить пищу, одежду. Обещает потому, что боится, что и другие солдаты, поняв правду, подымутся так, как поднялись матросы в Кронштадте. Матросы добились для вас лучшей доли,—а вы их идете расстреливать!

Еще не поздно, еще курок не спущен. Солдаты, одумайтесь! Не будьте палачами своих товарищей, не будьте палачами своих братьев—народа. Поймите, что и народ и матросы борются за вашу лучшую долю, поймите, что обманывает вас начальство, скрывая правду от вас. Поймите это! И когда скомандуют вам: «пли»,—не стрелять в народ, не стрелять в своих товарищей матросов. Если все как один откажутся стрелять, то начальство, наше правительство—останется одно, и вы с народом добьетесь тогда лучшей жизни.

Поймите же это, солдаты, и не стреляйте!

Военно-революционная организация при С.-петербургской группе Российской социал-демократической рабочей партии.

1 ноября 1905 г.

Архив Революции, Отдел печати, № 7500.

Прокламация Исполнительного комитета солдатской организации РСДРП г. Кронштадта

Российская Социал-демократическая рабочая партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам.

Братцы! Пожар восстания охватил всю Россию. К вспыхнувшей ж.-д. стачке присоединяется фабричный, заводский люд, ремесленники, приказчики. Вся страна, как один человек, восстает против произвола и насилия, которые душат нас. Царское правительство ненавистно всем. Рабочие в городах, крестьяне в деревнях вступили в открытую борьбу с ненавистным самодержавием. Царское правительство было сильно до тех пор, пока народ был темен и забит, пока войска были в повиновении. Теперь и во флоте и в армии ропот и недовольство, матросы и солдаты присоединяются к народу. Братцы! Солдаты—тот же рабочий, тот же крестьянин. Нас заставляют стрелять в народ, в наших братьев и сестер, в наших жен и детей. Народ борется, умирает в борьбе за свободу, а мы, дети того же народа, являемся его палачами.

Солдаты! Одумайтесь и прислушайтесь к тому, что делается кругом, и решите, куда вам идти: с царем против всего народа или со всем народом против царя!

Много уже наших товарищей-солдат в разных городах не один раз поднималось против насилия начальников и за свободу народа, против царских опричников. Вспомните Белостокский полк, с красными знаменами, с революционными песнями прохо-

дядий перед полковыми офицерами; вспомните великое восстание матросов броненосца «Потемкин». Недавно в Витебске солдаты, отправленные «на усмирение Финляндии», выкинули красное знамя и потребовали возвратить их обратно. Везде и всюду просыпается солдат и поднимается на борьбу с врагами народа—с царским самодержавием, с чиновниками. Вспомните, солдаты, что вам по окончании службы придется вернуться к народу; вы вернетесь в деревню к крестьянам, вы вернетесь в семьи рабочих—и как вас встретят там? Если вы боролись вместе с ним, он вас встретит как братьев, если вы выступали против него—он вас проклянет.

Солдаты! Вы не должны быть слепым орудием в руках царя—врага народа. Рабочий и крестьянин видит в солдате брата! Рабочие и крестьяне ждут, что скажет солдат, что скажет теперь армия и флот. Армия—сила, громадная сила, и если армия пристанет к народу,—кто его победит?

Братцы! нас в казармах приучают умирать без страха за царя, и солдаты умирали, как рабы, на полях Манчжурии; но как только мы заявляем о своих нуждах, царь приказывает расстрелять нас, как собак.

Солдаты! Наши начальники говорят в казармах, что из-за забастовщиков запасные не отпущены в срок. Неверно, товарищи! Царь и его холопы—наше начальство, боятся, что, придя к народу, мы узнаем правду. Боятся, что мы пойдем тогда, почему борется народ и, пойдем вместе с ним. Боятся, что у царского правительства не будет тогда слепых слуг для его зверств. Боятся, что новобранцы не будут верить царю и начальникам, и тогда без вас некому будет расстреливать их. Вот почему солдат не отпускают в запас. Но мы уйдем к народу, как уже много наших ушло, но пойдем к нему не с голыми руками, а возьмем с собой свое оружие, которым будем защищать своих братьев и отцов. Товарищи, царское правительство хочет нас задержать, оно боится нас выпустить теперь и хочет нас двинуть против народа.

Проснитесь же, солдаты, и подымитесь на нашего общего врага. Солдаты! Не выдывать! Тот, кто выдаст,—предатель, изменник и враг народа.

Братцы, не стрелять в народ, а объединяться с народом, сплотиться с рабочими и общими усилиями, дружным напором слоим мы царское самодержавие.

Долой самодержавие!

Да здравствует вооруженное восстание!

Да здравствует демократическая республика!

Исполнительный комитет солдатской организации г. Кронштадта РСДРП.

Архив Революции, Отдел печати № 9043.

Из протокола экстренного заседания Петербургского совета рабочих депутатов 1 ноября 1905 г.

...Затем собрание переходит ко 2-му вопросу. Председатель просит знающих что-нибудь о происшедших в Кронштадте собы-

тиях сделать фактические сообщения. Одним из присутствовавших в Кронштадте во время бунта сделано следующее сообщение:

«В последнее время среди матросов и солдат было сильное брожение на почве своих мелких требований—улучшения пищи и обмундировки, сокращения срока службы и т. п. Обыкновенно в таких случаях являлся командир, опрашивал солдат, обещая похлопотать об улучшении, произносил речи о терпении и, потребовав себе «ура», уезжал. «Ура» кричали хотя редко и нехотя, а иногда, например, в 4-м и 7-м флотских экипажах вместе с редким «ура» слышались довольно резкие замечания: «ладно, дожدهмся—ура», «подожди еще» и т. п. Революционная работа среди войск в Кронштадте началась сравнительно недавно,—с лета работают там социал-демократы и в последнее время социал-революционеры.

Организация только налаживалась, и в последнее время приходилось употреблять много усилий, чтобы удержать матросов от преждевременных выступлений без определенного плана. В воскресенье 23 октября был митинг, на котором присутствовало тысячи три солдат и матросов; говорили ораторы с.д. и с.-р., но больше беспартийных революционеров⁴⁵. Митинг очень поднял настроение. 26-го по городу прошел слух, что в 3-м артиллерийском батальоне неспокойно; солдаты волнуются и предъявляют начальству свои обычные требования. К вечеру недовольство перешло в бунт, и за это было арестовано человек 90—100 и в вагоне отправлены на форты. По дороге они разбивали вагоны и кричали: «Братцы, нас убивают, помогите!» Их освободили солдаты и матросы, при этом сопровождавшие их солдаты-конвойные отказались стрелять, и только офицер стрелял и убил 3 матросов и 1 солдата. Тогда вышли другие артиллеристы, и начался бунт.

Около 8 час. вечера бунт принял крупные размеры. Меня известили об этом, и я пошел в ту часть города, где помещался 3-й артиллерийский батальон.

Проходя мимо 7-го флотского экипажа, я услышал там страшный крик и пальбу. Оказалось, что туда прибежал матрос с криком: «Чего вы здесь сидите. Наши восстали...» Это вызвало среди экипажа сильное возбуждение, все выбежали во двор и стали совещаться.

Сознательные матросы старались сдержать возбужденную массу, указывая на то, что, может быть, слух неверен, не следует еще выходить, но в ответ получали: «Ага, теперь вы уже назад идете, когда дошло до дела, а раньше сами же нам листки давали и говорили совсем другое. Если не пойдете с нами, мы вас заколем». Затем обратились к командиру с требованием выдать им оружие; тот дал оружие и холостые патроны; потребовали боевых,—командир выдал.

700 чел. вооружились и пошли к 4-му экипажу. Там произошло то же самое. Командир, на требование выдать им оружие, бросил им ключи и, крикнувши: «Братцы, мы больше не увидимся, прощайте!»—убежал. Вооружившись, матросы вышли, соединились с 7-м экипажем и пошли по направлению к 3-му артиллерийскому батальону, а невооруженные остались у экипажей. По дороге встретили провокатора-солдата, который направил их по другой улице, где они встретили пулемет, растерялись и бросились бежать в разные части города. Артиллеристы присоединились к матросам, но тоже бродили, разрозненные, по разным улицам.

Все движение вспыхнуло так неожиданно, что охватить его и направить не было никакой возможности. Между тем хулиганы, организованные еще Иоанном Кронштадтским и его богородицами, вместе с переодетой полицией начали громить казенные винные лавки, уговаривая матросов пристать к ним. Конечно наиболее бессознательные и слабые не устояли, перепились и бесцельно стреляли в воздух, а хулиганы грабили.

Сознательные матросы страшно мучились, но остановить хулиганов не могли. Между прочим у них еще была надежда направить движение по надлежащему руслу. Они снесли по телеграфу с Константиновским фортом и 27-го утром получили от него гарантии, что он присоединится к ним, восставшим, и не впустит судов из Петербурга. При этом Константиновский Форт звал к себе матросов. Те направились туда, но не нашли шлюпки, а

на пути по постоянному мосту встретили солдат. Эта проволочка очевидно заставила Константиновский форт думать, что восстание не удалось, и он пропустил войска из Петербурга. Следует добавить, что весь этот день Кронштадт был вне распространения * властей; они выехали в море и провели там весь день и всю ночь.

Некоторые из делегатов сделали небольшие дополнения. Один товарищ социал-демократ сказал, что работа в Кронштадте велась уже давно, хотя понемногу, «кустарнически»; с мая же значительно укрепилась. Случались небольшие волнения среди войск, и большей частью требования их удовлетворялись; например, позволено было передать заведывание пищевым довольствием выборным от солдат и т. д. О восстании давно уже говорили, выработали даже известный план. Но затем последовали большие аресты, очень отразившиеся на работе. В последнее время она опять налаживалась, главным образом среди 4-го и 7-го эскадронов **. Здесь были очень сознательные матросы: в своих резолюциях кроме экономических требований они выставляли требование демократической республики, всеобщего избирательного права и т. д. Крепостной батальон даже представлял свои резолюции начальству. Но, конечно, в данный момент военная организация была еще слишком слаба, и восстание не могло удался. Следует все-таки очень строго разделять восставших матросов от тех хулиганов, которые обратили восстание в разбой и мародерство. Правительству выгодно было такое смешение, чтобы дискредитировать в глазах населения все движение матросов, но мы знаем, что это не так. Теперь суду предано около 1 200 чел. Признанные зачинщиками будут расстреляны, а эти зачинщики и есть наши истинные товарищи, борцы за свободу. Мы должны отозваться как-нибудь на их казнь, тем более, что это были солдаты, впервые выступившие, и, если мы их поддержим, переход войск на сторону народа будет обеспечен.

Один из юристов, выступивший защитником в деле матросов «Потемкина», поделился с собранием своими впечатлениями. Указав на то, что кронштадтский бунт не единичный факт этого рода, что были бунты в Севастополе, Одессе, Либаве и пр., он отмечает, что из войск первыми восстали матросы, и дает этому следующее объяснение: большая продолжительность службы, сравнительно с сухопутными войсками,—7 лет, и потому матрос доступен более продолжительному воздействию организованных партий; факты показывают, что ядро повстанцев составляют именно старые моряки.

Во флот принимаются с большим образовательным цензом, так как морская служба требует более развитых работников; самая служба у матросов более разнообразна, дальние плавания знакомят его с разными условиями жизни и расширяют кругозор. Наконец, слишком большая разница в положении морских офицеров и солдат, гораздо большая, чем в сухопутных войсках,—все это, вместе взятое, делает матроса более отзывчивым

* Так в газетном тексте. Следует читать—«вне с феры действия». (Прим. ед.)

** Так в газетном тексте. Следует читать—«экипажей». (Прим. ред.)

к пропаганде. Во всех восстаниях и бунтах есть одни и те же общие черты—желание улучшить свое положение, заставить лучше обращаться с собой и т. п. Политические требования—народное представительство, уравнивание прав. Недостатка в сознательности среди матросов нет; недостатка в разъяснениях—пропаганде и агитации—тоже нет. Но есть огромный недостаток, на который необходимо неотложно обратить внимание,—недостаток в организации. И Кронштадт особенно это подчеркивает. И потому главным лозунгом теперь должно быть: организация, организация и организация.

Председатель просит тех депутатов, на заводах которых были митинги и резолюции по поводу кронштадтских событий, сообщить об этом.

Депутат Орудийного завода. Собрание единодушно высказывалось, что готово идти на все, чтобы защитить товарищей матросов. Пусть все рабочие Петербурга, все граждане восстанут на защиту матросов.

Депутат Александровского механического завода. У нас был митинг; с нетерпением все ждут постановления Совета рабочих депутатов.

Металлический завод на Выборгской стороне. Резолюция наша—отмена смертной казни, военного положения, военного суда. Как люди партийные, решили подчиниться Федеративному комитету и Совету рабочих депутатов в форме выражения протеста, но забастовка нежелательна.

Балтийский завод. При обсуждении 8-часового рабочего дня рабочие говорили: «Какие там экономические требования, когда столько народа расстреливают. На забастовку согласны».

Франко-русский завод. За забастовку.

Путиловский завод. Забастовка пройдет, если и на других забастуют.

Резолюция, принятая на заводе Пульмана:

«Мы, рабочие завода Пульмана, на собрании в заводе 31 октября постановили вынести следующую резолюцию:

Крайне возмущенные решением правительства по отношению к матросам города Кронштадта, заявившим свои справедливые требования, требуем немедленной отмены смертной казни и назначения немедленного следствия, с участием представителей от населения: мы требуем немедленного освобождения матросов,— в противном случае заявляем политическую забастовку».

Депутаты Выборгского района в числе 32 чел., на собрании 31 октября, обсудив известие о предполагаемой правительством кровавой расправе с восставшими в Кронштадте матросами, постановили:

«Восставшие матросы—наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их, как своих братьев борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и от имени избравших нас заводов заявляем свою готовность поддержать свой протест политической

забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить забастовочный день митинги протеста на всех заводах и фабриках. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету рабочих депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций; окончательно же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета рабочих депутатов».

Депутаты-рабочие гильзового отдела С.-петербургского патронного завода в своем собрании постановили единогласно: «требовать отмены смертной казни и предания народному гражданскому суду наших товарищей—всех воинских чинов гор. Кронштадта, замешанных в последних событиях».

Резолюция, единогласно принятая рабочими Семяниковского завода на митинге 1 ноября:

«Мы, рабочие Семяниковского завода, собравшись на митинг 1 ноября, глубоко возмущенные отношением правительства к восставшим в Кронштадте матросам, выражаем самый решительный протест против применения военного суда и смертной казни и требуем гласного расследования кронштадтских событий».

Мы считаем несовместимым с лживыми заявлениями правительства введение военного положения в Польше. Мы готовы активно поддержать свой протест, общие формы которого предлагаем выработать Совету рабочих депутатов».

Резолюция рабочих Ново-адмиралтейского порта, вынесенная на собрании 1 ноября:

Мы, собравшиеся рабочие Ново-адмиралтейского порта, обсудив гнусное намерение самодержавного правительства расстрелять наших славных товарищей, матросов и солдат, поднявших знамя восстания наравне со всем русским пролетариатом против гнета произвола царского насилия, требуем немедленного освобождения славных борцов за свободу; в противном же случае мы не отвечаем за последствия и готовы на все, чтобы не допустить казни и отомстить за товарищей, восставших за освобождение измученной правительством родины».

1 ноября на Выборгской стороне, на механическом заводе Борановского, отработав 8 час., согласно решению Совета рабочих депутатов, рабочие устроили собрание, на котором единогласно была принята следующая резолюция, предложенная оратором, социалистом-революционером:

«Мы приветствуем наших братьев-матросов и солдат, поднявшихся против ненавистного всем самодержавия. Мы зовем всех пробудившихся военных к последнему, всеобщему натиску для превращения в прах гнилых остатков отжившего полицейского строя; зовем их на борьбу в рядах пролетариата и трудового крестьянства за права народа, за улучшение нашего экономического положения, за передачу всей земли в руки трудящихся».

Мы протестуем против предания военно-полевому суду, состоящему из царских палачей, кронштадтских борцов за волю народа, и под руководством Петербургского совета рабочих депутатов приемем все меры для противодействия зверскому приговору. Долой самодержавие!

Да здравствует воля народа и народный суд!»

По окончании собрания рабочие разошлись с пением «Марсельезы».

Рабочие С.-петербургского оружейного завода в полном составе, на общем собрании своем 31 октября 1905 г. обсудив дошедшее до них известие о том, что правительство готовится предать смертной казни несколько сот восставших кронштадтских матросов, постановили:

«Признавая, что восстание матросов в Кронштадте было вызвано самим же правительством, долгие годы угнетавшим матросов и солдат наравне с рабочими и остальным народом, мы протестуем против намерения предать смертной казни наших товарищей матросов, требуем, чтобы правительство немедленно объявило пред лицом всего народа, что оно отказывается от намеченной кровавой расправы, и заявляем с своей стороны, что в противном случае мы не отвечаем за последствия и готовы на все, чтобы не допустить казни и отомстить за товарищей матросов, восставших за освобождение измученной правительством родины».

Приглашаем остальных рабочих Петербурга и всей России присоединиться к этой нашей резолюции, а газеты просим ее перепечатать».

Резолюция рабочих завода Лесснера:

«Считая кронштадтское восстание событием колоссальной важности и значения, как грозный признак скорой и неминуемой смерти самодержавия, которое лишается своего последнего оплота—войска, мы, рабочие завода Лесснера, горячо приветствуем товарищей борцов, энергично протестуем против комедии военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы активно поддержать свой протест по первому призыву наших социал-демократических организаций. Напоминаем другим войскам, что они—наши братья, и что правильно понятые ими их интересы и идеалы являются и нашими интересами и идеалами; мы зовем их вместе с нами бороться против самодержавного правительства за демократическую республику и народную милицию под красными знаменами РСДРП».

Председатель открывает прения по вопросу о форме протеста: Председатель. Кронштадтский бунт—это протест против плохой пищи, долгой службы и пр., но также и протест против попиранья человеческой личности матросов и солдат. И за это их расстреливают. В Севастополе, когда ожидали казни матросов, весь город был страшно возбужден, никто не спал. Такое же возбуждение чувствуется сейчас у нас, и мы должны протестовать, но протестовать не словесными резолюциями, как либеральные союзы. У нас нет оружия, чтобы выступить в открытый бой, но

у нас есть другое могучее средство—грозно скрестить на груди руки и сказать правительству: руки прочь. Мы должны отстоять жизнь матросов, мы должны добиться над ними суда присяжных, а не «кровавой бойни». Наша нравственная обязанность—протестовать против этой дикой расправы, которая готовится над нашими товарищами матросами, и этот протест должен вылиться в одной форме—политической забастовке.

Патронный завод решил двухдневную забастовку.

Московский район. Забастовка пройдет.

Петербургская сторона. Если Совет рабочих депутатов постановил забастовку,—она пройдет.

Выборгская сторона. Если Совет постановит,—пройдет.

Центральная электрическая станция вполне подчиняется Совету рабочих депутатов.

Железнодорожный стачечный комитет. На всех дорогах Петербургского узла можно ручаться за забастовку, но за Николаевскую трудно ответить.

Рабочие печатного дела. Забастовка пройдет.

Приказчики. Не пройдет.

Союз фармацевтов. Может не пройти, так как не подготовлены.

Союз часовщиков. Может быть, пройдет. Еще не обсуждали.

Конторщики. Пройдет.

Портные. Вряд ли пройдет.

Союз мастеров и техников. За организованных можно ручаться, что пройдет.

Исполнительный комитет заявляет, что он пришел к заключению, что политическая забастовка необходима, но необходимо знать, как отнесутся депутаты...

После долгих и подробных обсуждений постановлена забастовка.

Исполнительный комитет предложил резолюцию.

Резолюция

«1. Царское правительство продолжает шагать по трупам, оно предаст полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

2. Совет рабочих депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга, посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши. Завтра, 2 ноября, в 12 час. дня, рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами:

1. Долой полевые суды!

2. Долой смертную казнь!

3. Долой военное положение в Польше и во всей России!»

Резолюция была принята с добавлением, что она распространяется и на газеты. За исключением «Известий Совета рабочих депутатов», ни одна газета не выходит. На собрании принят следующий текст обращения к солдатам:

«Солдаты петербургского гарнизона!

Мы, делегаты Совета рабочих депутатов всего Петербурга, объявляем политическую забастовку 2 ноября.

Наше требование: освободить немедленно кронштадтских матросов и солдат от военно-полевого суда и от смертной казни.

Солдаты и матросы! Рабочие поднимаются за ваших братьев, которых хочет замучить царское правительство.

Подадим же друг другу руки и спасем наших братьев-матросов, которым грозит смерть».

*«Известия Петербургского совета рабочих депутатов»
3 ноября 1905 г., № 5.*

Статьи и письма участников кронштадтского восстания

Кронштадтское восстание

Лишь только дошли до Кронштадта известия о Свеаборге, начались толки, вспоминали об октябрьском восстании, говорили: «Надо поддержать,—захватим обе крепости, эскадра присоединится, тогда все побережье будет в наших руках...». Но в силах было сомнение: матросы обезоружены, рабочие неготовы,—с голыми руками на улицу не выйдешь. Однако кто погорячей—косились за такие слова: «Сколько еще готовиться? Люди уж борются. Не поддержать, так Свеаборг пропадет». Ну и решили начать. Настроение было напряженное, ждали; хотя оповестили далеко не всех, но лишь раздались первые призывы, двинулись все. Темень, беспорядок; сговорившиеся бросились в офицерские квартиры, кое-кто из начальства пришли уговаривать то лаской, то угрозами, чтобы не дать из казармы выйти. Но с ними живо, в несколько выстрелов, разделались и повалили на улицу; ринулись к арсеналу за оружием итти.

В это время кто говорит, восставшая эскадра пришла, кто—форты присоединились; а енисейцы—братоубийцы, так вдоль улиц и жарят. Счастье, что темно было, а то много бы народу перебили. Кое-кто из матросов и вольных пробовали из револьверов отстреливаться, но это при темноте было совершенно бесполезно. К кучке енисейцев подошли рабочие и говорят: «Что ж вы, братцы, в народ стреляете». Один солдат повернулся и уложил выстрелом рабочего. Большая часть матросов двинулась к арсеналу, ворвалась в него: но начальство предупредило,—патронов не нашли; а пехота все наседает. Пришлось к экипажам податься; после этого дело было явно проиграно.

В то время, когда моряки боролись в городе, минеры с частью сапер, покончив с офицерами, двинулись к форту «Константин», который соединен с островом Котлином железной дорогой. Поезд подали сразу, провода были обрезаны, и когда восставшие ворвались на форт, артиллеристы спали, ничего не подозревая; со-

противления они не оказали, но и присоединиться не захотели. Их посадили в казематы. Восставшие выкинули флаг с надписью «Земля и воля». Взялись за пушки, дали сигнальный выстрел, но защищаться из них было невозможно,—с одних артиллеристы сняли замки, другие стреляют только в сторону моря. Однако когда появилась пехота, ее сразу отогнали ружейным огнем.

Форт приступом взять оказалось невозможно, и начальство распорядилось поставить полевую артиллерию у Цитадельных ворот и совместно с батареями обстреливать форт «Константин». После недолгой канонады на укреплении появился белый флаг: солдаты кинулись, но их встретили огнем; оказалось, что флаг подняли арестованные артиллеристы. Пользуясь перерывом артиллерийского огня, часть восставших уехали на пароходике «Понтонер» и высадились около Кронштадта; большая часть из них была арестована. Оставшиеся минеры продолжали защищаться, но скоро сдались, не имея возможности отвечать на артиллерийский огонь. К 8 час. утра, можно сказать, все было закончено, лишь на Красной улице лежали еще три трупа,—два матроса и один рабочий,—да по городу, превращенному в военный лагерь, бродили патрули. А там начались аресты и военных и штатских, расстрелы по суду (7 матросов) и просто кучками, «домашним образом». Царские палачи отправляли на тот свет своих пленников.

Очевидец.

«Казарма», орган воен. организ. при Петербургском комитете, РСДРП, № 6 от 12 августа 1906 г.

«Енисейцы» о восстании

Матросы теперь очень злы на кронштадтских солдат, что мы не только их не поддержали, но даже умилили. Правда, у нас, в Енисейском полку, много черной сотни, но есть и сознательные, и их большинство в некоторых ротах, так что можно было бы рассчитывать на поддержку. Но беда в том, что о восстании мы ничего не знали, а уже, как вывели—шум, стрельба, кого-то убивают; тут трудно вести агитацию; если есть время, можно перетянуть колеблющихся, а раз началось столкновение, дело кончено—солдат стал как машина: знай щелкает затвором. И особенно ночью, когда ничего толком не разберешь, остановить стрельбу почти невозможно. Как никто ничего не знал о готовящемся восстании, можно судить по тому, что на некоторых фортах о ночных событиях узнали только утром, а артиллеристы были настроены очень хорошо и кое-где наверно поддерживали бы. Надо знать, что солдаты еще плохо разбирают и не поймут усмирять только в том случае, когда будут знать, в чем дело,—а для этого надо пошире связи заводить. Мы просим вас об этом напечатать.

Замученные нравственными и физическими страданиями, мы, томящиеся в казематах кронштадтских тюрем рабочие, матросы и солдаты, обращаемся ко всем гражданам честной России.

«Казарма», орган воен. организ. при Петербургском комитете РСДРП, № 8 от 5 октября 1906 г.

Воззвание политических заключенных в Кронштадте

Граждане! Знайте, что нас, заключенных и обвиняемых в пропаганде в войсках и восстании, подвергают систематическим (постоянным) пыткам. Нас заперли в холодных, сырых сараях цейхгаузов, где нам приходится спать вповалку на холодных и голых нарах. Заплесневшие стены издают нестерпимый запах, в набитых людьми помещениях нечем дышать,—нет воздуха, нет света. Нас лишили прогулок, мы все больны, но к физическим мукам присоединяется нравственная пытка. Над нами издеваются караульные солдаты, офицеры ежеминутно грозят расстрелами. И в этой атмосфере кровавых ужасов некому и не на кого жаловаться. Вся тюремная обстановка рассчитана на то, чтобы внушить заключенным неотвязную, назойливую мысль о смертной казни, о полевом суде. Тюремная военно-морская администрация старается выместить всю злобу на нас; все время своих посещений она посвящает описанию ожидающих нас ужасов. Одному из заключенных не давали спать в течение нескольких дней, чтобы добыть нужное показание. Эти пытки нестерпимы, они измучили нас. Среди призраков казненных, среди систематического запугивания, мы каждую минуту ждем казни, и многие поэтому предпочитают самоубийство тяжелому, как кошмар, существованию. 11 августа повесился в темном карцере талантливый, горячо любимый нами товарищ, матрос Арнольд. Среди нас живут душевнорасстроженные люди, которых мы насильно удерживаем от трагического конца. Но мы сами душевнобольные. Вот что делается в тюремных застенках.

Граждане! Передавайте всем о наших муках. Протестуйте, требуйте гласного расследования [преступных] издевательств над нами.

Заключенные.

«Казарма», орган воен. организ. при Петербургском комитете РСДРП, № 7 от 3 ноября 1906 г.

Письмо кронштадтской электро-технической роты к товарищам солдатам и матросам

Товарищи! Нам пришлось узнать от одного офицера, что будто бы появилось в печати сообщение, что в момент кронштадтского восстания мы остались верными слугами по долгу присяги. Это ложь. С 14 ноября 1905 г. и по сие время мы шли по одному пути с минерами, саперами и матросами. О времени, назначенном для кронштадтского вооруженного выступления, мы не были извещены, да и известить нас трудно: с июля месяца текущего года мы изолированы; газет читать совершенно не приходится; посетителей к нам не пропускают, и если пропустят, то приходится разговаривать через канаву.

В подавлении восстания участия мы не принимали, и от нас взяли только 10 чел. для переписи оставшихся в бараках минеров и саперов, да и то начальствующие лица выбирали сами по своему усмотрению.

С 19 на 20 июля мы все спали и узнали о том, что вспыхнуло восстание, в 4 часа ночи; тогда стали выскакивать из барачных,

наши бараки уже охранялись нашими же вооруженными орами. Сначала мы полагали, что у нас будет обыск или что арестуют нас, но нам сказали, чтобы мы не волновались и ложились спать.

Нам было не до сна.

Мы начали лазить по-одиночке на бараки, но ничего не видели, и около 5 час. увидели белый флаг на форте «Константин». Тогда мы поняли, что минеры и саперы сдались. Более малодушные из наших товарищей упали духом, но мы пытались поддерживать боевое настроение и только, когда дошла до нас весть, что семь минеров по приказу главнокомандующего будут убиты, — все впали в отчаяние.

Спасти товарищей-героев не было никакой возможности. У нас не было патронов, и чересчур мы малочисленны.

Товарищи! Печальнее всего было то, что мы вынуждены были рыть могилы для своих братьев, но мы были под давлением других частей, да и не все, а только человек 10. Между нами были люди сознательные, и некоторые плакали.

Товарищи! Относительно всего вышесказанного просим вас высказать свое мнение, и если найдете нас виновными, то судите, мы против вашего суда ничего не имеем.

Объясним вам еще, как произошла выдача двух штатских, которые не сдались вместе с остальными, а спрятались под наш сарай на форте «Константин».

Гнусным предателем явился машинист парового катера. Он ночью услышал шорох под полом и, убедившись, что кто-то там скрывается, стал караулить, а когда к нему пришли еще два таких же предателя, то он им сказал, что кто-то есть под полом, и они решили доложить обо всем этом начальству. Один из них в 11 час. утра пошел за обедом и выполнил позорное дело.

Штабс-капитан Антулаев взял с собой еще 2 рабов в указанное предателем место. Когда пришли на «Константин», то сорвали одну доску и увидели, что там действительно кто-то есть; тогда Антулаев сказал: «Вылезай, иначе буду стрелять». Вышел один из штатских. Офицер показал ему револьвер и сказал: «Этот гостинец видел?» На это получил ответ: «Мы сами эти гостинцы имели».

Дальнейший осмотр не обнаружил никого больше. Тогда Полтораченко и Гузенко обратились к офицеру за разрешением самим полезть и поискать. Разрешение было дано. Был найден другой штатский. Исполнив свое предательское, гнусное дело, доблестные воины Полтораченко и Гузенко обратились к Антулаеву с вопросом о награде; что ответил Антулаев, мы не знаем, а мы клеймим позором участников этого гнусного дела.

Солдаты электро-технической роты.

«Солдатская мысль», издание военно-револ. организ. Петербурга, военного округа, № 1, сентябрь 1906 г.

III. СВЕАБОРГ

1905 г.

Записка начальника штаба 22-го армейского корпуса о событиях в Гельсингфорсе с 17 по 23 октября 1905 г.

Составлена по поручению командира 22-го армейского корпуса в штабе этого корпуса.
Не подлежит оглашению.

17 октября после обедни в городе распространился слух о готовящейся забастовке. Слух этот возбудил некоторое беспокойство и усиленное движение по улицам: все спешили запастись провизией. Опасаясь бездействия водопровода, жители стали заготавливать воду, набирая ее из водопроводов, что вызвало быстрое опорожнение последних и временное бездействие водопроводной сети. Вечером, совершенно частным образом, стало известно, что на состоявшемся в тот день народном митинге решено было забастовать всем рабочим, не исключая и железнодорожных, с целью, как говорили, выразить сочувствие русским рабочим*.

Решение это ни в ком из военных ни опасения, ни подозрения не вызвало, тем более, что никаких извещений от гражданских властей по этому поводу не получалось, между тем как этот день был единственный, когда можно было значительно ослабить последствия готовящихся беспорядков: стоило лишь занять войсками железнодорожный вокзал и правительственную телеграфную станцию и поддержать патрулями тех полицейских, которые оказались верными своему долгу**. Но об этом не было со стороны гражданских властей даже намека***.

Проявить же какую-нибудь инициативу военные власти не могли, как вследствие полной своей неосведомленности относительно истинного положения дел, так и вследствие своего особого положения в крае вообще и в Гельсингфорсе в частности. Исключительные в отношении войск полномочия финляндского генерал-

* По свидетельству главного директора финляндских ж. д. генерал-майора Драчевского служавшие на Петербургской станции, отказавшиеся накануне примкнуть к русским забастовщикам, на другой день, а именно 16-го, исполнили это по требованию особых, присланных из Гельсингфорса эмиссаров.

** Которых, как оказалось впоследствии, было 1½; всех было в Гельсингфорсе 360 человек.

*** По слухам, в этот день, все гражданские власти были на обеде у генерал-губернатора и оставались до позднего времени, наслаждаясь самым веселым времяпровождением.

губернатора, о которых князь Оболенский неоднократно говорил и куществование которых подтверждалось отношением штаба Петербургского военного округа к и. д. начальника штаба Финляндского военного округа, с одной стороны, а с другой стороны, то обстоятельство, что главные лица гражданской администрации, бывшие таковыми и при покойном генерал-адъютанте Бобрикове, привыкли смотреть на генерал-губернатора как на главного распорядителя всеми, не только гражданскими, но и военными средствами страны, и потому не только не считались с военными властями, в смысле значения их во внутренней политике, но даже самые правила устава гарнизонной службы, устанавливающие отношения между гражданскими и военными властями, совершенно игнорировали⁴⁶. Войска переводились и вызывались в определенном количестве по усмотрению гражданских властей, которые нередко устанавливали и ту или иную готовность войск в гарнизоне, вопреки устава.

За последние шесть месяцев до настоящего события, в Гельсингфорсе никогда общественный порядок не нарушался, а между тем войска вызывались чуть ли не каждую неделю, как говорилось, на всякий случай. Не считая себя в праве запрещать многочисленные народные сходки и митинги и в то же время совершенно не доверяя не только народу, который, надо сказать, всегда вел себя на этих сходках безукоризненно, но и своим агентам и своей полиции, гражданские власти каждый раз вызывали войска, роль которых заключалась только в присутствовании при сходках. Такое употребление войск не могло не ослабить их престижа в глазах населения, а военному начальству, не могло не вселить убеждения, что гражданские власти всегда все преувеличивают.

Последнее убеждение еще больше укрепилось после того, как гражданскими властями были сообщены еще 1½ месяца тому назад достоверные сведения о готовящемся немедленно нападении на военные склады и продовольственные магазины, которое, однако, не состоялось, или о том, что в такой-то день назначен общий мятеж в Гельсингфорсе, которого, однако, не было. Последнее сведение вызвало, как известно, даже распоряжение высшего начальства об усилении войск и о присылке эскадры, которая, однако, постояв на рейде, ушла, ибо никакого возмущения не было.

18 октября (вторник), в 11 час. утра, командир корпуса с начальником штаба был приглашен к генерал-губернатору на совещание*. На совещании генерал-губернатор сообщил о забастовке, объясняя ее исключительно сочувствием русскому движению, объявил о состоявшемся манифесте 17-го числа и высказал мнение, что теперь, получая этим манифестом полную конституцию, финляндцы вряд ли устроят серьезный беспорядок, но что было бы лучше, если бы в манифесте было упомянуто о Финляндии. Про полицию было при этом сказано, «что большая ее часть тоже забастовала».

* В это время забастовка еще не была полной, и командир корпуса мог приехать на извозчике.

Генерал-губернатор просил выслать ему, установленную особой инструкцией охрану. При этом князь Оболенский просил, чтобы караул и казаки возможно незаметно с наступлением темноты вошли в дом и сменялись в 6 час. вечера и в 11 час. утра, чтобы не раздражать публику. Других распоряжений по гарнизону генерал-губернатором в этот день сделано не было.

В 3 часа 40 мин. пополудни была получена записка чиновника особых поручений при генерал-губернаторе коллежского советника Дидрихса следующего содержания: «У дома генерал-губернатора собирается большая толпа, которая ведет себя пока спокойно. Настроение ее не из надежных. Могут потребоваться немедленно войска. Докладываю об этом на случай вашему превосходительству».

Записку эту принес помощник полицмейстера поручик Говоров, который передал при этом, что хотя его и пропустила толпа, но отнеслась враждебно и с угрозами. Получив эту записку, командир корпуса лично приказал бывшему у него командиру казачьего дивизиона полковнику Петрову выслать для охранения генерал-губернаторского дома полусотню в казармы гвардейского финского батальона, куда казаки прибыли в 5 час. пополудни. Из донесений полковника Петрова видно, что командиру полусотни было указано, что его полусотня назначается для охраны генерал-губернатора и его дома и что ей надлежит находиться в гвардейских казармах до особого приказания.

При этом гражданскими властями было сообщено, что если понадобится содействие сотни, то к командиру полусотни будет из дома генерал-губернатора выслан переодетый в гражданское платье полицейский, каковые, по словам помощника полицмейстера, находились в доме генерал-губернатора, и через них должна была поддерживаться связь с полусотней.

Затем командиром полусотни высылались разъезды из двух казаков при уряднике по Фабианской и Казарменным улицам, чтобы следить за толпой, собравшейся около дома генерал-губернатора. Сверх того командиром полусотни были к вечеру посланы в дом генерал-губернатора 4 казака при уряднике для посылок. Из них двое были возвращены назад полковником Львовским (нюландским губернатором).

Ко всему сказанному надо добавить, во-первых, что вместе с казаками в гвардейских казармах стояли в полной боевой готовности три роты*, а во-вторых, что у генерал-губернаторского дома находилось: у ворот с Фабианской улицы дневальный, а у подъезда с Эспланадной улицы парные часовые. Мало того, что этих часовых и дневального никто не тревожил, но в то время когда князь Оболенский, как выяснилось впоследствии, считал себя отрезанным от всего мира, парные часовые сменялись, и толпа свободно пропускала смену, которая приходила и уходила на городскую гауптвахту.

Все изложенное точно устанавливает, что в день 18 октября,

* От гвардейских казарм до дома генерал-губернатора 385 шагов.

начина с 5 часов, со стороны военного начальства были приняты все меры для охраны порядка по требованию гражданских властей, и что связь между войсками и генерал-губернатором не прерывалась ни на минуту.

Если же войска бездействовали, то потому, что того желал генерал-губернатор, а еще больше нюландский губернатор полковник Львовский, приславший в 5 час. дня нижеследующую записку начальнику штаба корпуса (полученную последним в 5 часов 20 мин. дня).

Экстренно.

Начальнику штаба 22-го армейского корпуса.
Вследствие крайне напряженного состояния населения, могущего ежеминутно потребовать вмешательства вооруженной силы, прошу распоряжения вашего превосходительства об отдаче приказа войскам гарнизона быть в полной готовности, дабы по первому требованию они могли выйти из казарм и прибыть елико возможно скорее на указанные места, о чем последует уведомление.

Нюландский губернатор полковник Львовский.

18 октября 1905 г. 5 час. дня.

Распоряжение было сделано, но уведомления не последовало. Теперь является вопрос: могли ли войска по собственной инициативе приступить к каким-либо активным действиям? Ответ во всяком случае получается отрицательный.

В состав толпы, бывшей 18-го числа у дома генерал-губернатора, входило множество лиц, составляющих публику, т. е. тут были женщины, барыни, молодежь и даже дети с няньками. Снаружи эта толпа не только не казалась грозною, но по своему духу прямо-таки была ничтожной, как это и доказал следующий случай.

Около 5 час. дня, когда казаки переходили в гвардейские казармы, кто-то в толпе, заметив их издали, крикнул: «казаки». Надо было видеть, что тут произошло. Вся толпа мгновенно распалась в паническом ужасе: кто бросался в ближайшие дома, кто норовил проползти в отдушины погребов, кто кидался в ближайший сквер и т. д. Толстые железные решетки, окружавшие садик, были изломаны и исковерканы. В результате более 30 чел. искалечены, а две дамы задавлены на смерть. Думается, что если бы кто-нибудь, власть имеющий, приказал решительно такой толпе разойтись, то она бы и не подумала сопротивляться. Но, повидимому, никому и в голову не приходило это сделать.

Грозной толпа эта представлялась только тем, кто в это время находился внутри генерал-губернаторского дома, где, очевидно, под влиянием самого ужасного, ничем необъяснимого страха происходили явления, совершенно невероятные, если бы их не подтверждали делопроизводитель канцелярии полковник Ниве*, бывший там чиновник канцелярии генерал-губернатора Г. Крохин**.

* Его описание имеется отлитографированным в канцелярии генерал-губернатора.

** Г. Крохин составил описание-дневник событий для напечатания в одном из временных петербургских изданий и выдержки оттуда читал начальнику штаба корпуса.

и другие очевидцы, которые так рассказывают про события в доме генерал-губернатора с 3½ до 7 час. вечера.

«Для обсуждения вопроса о положении края, в зависимости от новых прав, предоставленных манифестом 17 октября верноподданым всего Российского государства, созвано было генерал-губернатором экстренное полное собрание сената, которое, ввиду забастовки сенатских чиновников и закрытия самого здания сената, назначено было генерал-губернатором в своем доме. Спустя некоторое время после начала заседания и заслушивания в нем высочайшего манифеста к генерал-губернаторскому дому разом нахлынула около половины четвертого огромная толпа.

Большая часть этой толпы только что была на сходке на ж.-д. площади* (о которой было своевременно донесено генерал-губернатору) и, пользуясь почти полным отсутствием полиции, которую повсеместно, во всем городе принудили разоружиться, снять форму и забастовать**, совершенно беспрепятственно выполнила задуманное.

Явившийся в дом генерал-губернатора гельсингфорский полицмейстер подполковник Ав-Энегельм, будучи весьма взволнован, доложил нюландскому губернатору, что толпа желает немедленного принятия от лица ее генерал-губернатором депутации из пяти человек, причем настроение толпы таково, что, по его мнению, это требование исполнить необходимо, иначе он, полицмейстер, не ручается за последствия***. Тогда нюландский губернатор приказал полицмейстеру лично выйти к толпе и предупредить ее, что генерал-губернатор в настоящее время занят и принять депутации не может. Подполковник Ав-Энегельм весьма рсхотно исполнил это приказание, но когда была отворена для его выхода наружная дверь, то толпа силою удержала ее открытою (а парные часовые стояли), и депутация под предводительством магистра Гуммероса**** самовольно проникла внутрь

* На этой сходке было решено потребовать отставки и удаления из края генерал-губернатора, отставки всех сенаторов и удаления из Финляндии всех русских чиновников.

** Часу в двенадцатом утра особые кучки обходили всех постовых полицейских, убеждая их забастовать с 2 часов дня. Такое предложение было сделано и постовым городовым дома генерал-губернатора, но последние отказались, о чем тотчас же было доложено находившемуся там нюландскому губернатору. Как выяснилось позднее, в назначенный для забастовки полиции час каждый полицейский был окружен кучкой людей, снят с поста, обезоружен и переодет. Большинство тут же было завербовано в образовавшуюся муниципальную полицию. Оставшиеся верными до 80 чел. обратились к помощнику директора канцелярии г. Ганскау с просьбой довести до сведения генерал-губернатора, что они готовы служить верою и правдою, что они ручаются за свою способность охранять и поддерживать порядок около дома генерал-губернатора. Князь Оболенский услуги эти отклонил (рассказал М. Ф. Ганскау).

*** В местных газетах по этому поводу было напечатано, что когда толпа собралась у генерал-губернаторского дома, то в ней кричали: «У кого хватит смелости пойти к генерал-губернатору и объявить ему наше решение», и что смелая депутация образовалась не сразу.

**** В июне 1904 г. (после смерти генерал-адъютанта Бобрикова) был выслан из пределов Финляндии и содержался по распоряжению министра внутренних дел в Петропавловской крепости как член преступной, тайной организации, имевшей целью распространение революции в Финляндии.

генерал-губернаторского дома. Гуммерос с крайне дерзким видом подошел вплотную к нюландскому губернатору и нахально спросил его: «Кто вы такой?» А затем, по получении ответа, предъявил от имени народа требование быть немедленно принятым генерал-губернатором. На предложение подождать окончания заседания Гуммерос, смотря на часы, ответил: «Народ не может ждать», и вышел передать толпе сообщение губернатора с такими словами: «Мы уходим, но мы тотчас возвратимся».

Обратясь с крыльца к толпе, Гуммерос передал ей заявление губернатора, начав так: «Незаконный губернатор сказал...» Толпа настаивала на первоначальном решении, что и сообщили вновь возвратившиеся депутаты. По докладе об этом генерал-губернатору последний решил принять депутацию, и она была отправлена в верхний этаж. Принятый князем Оболенским Гуммерос от имени народа предъявил ему требования об уходе в отставку вместе со всеми сенаторами. Когда же генерал-губернатор сказал Гуммеросу: «Ведь это будет уже объявление войны...», — последний несколько смутился и сказал: «Да, это война, но без оружия»*.

Другой очевидец** так рассказывал про это: «Около 4 часа дня я отправился в дом генерал-губернатора, причем, чтобы избежать необходимости проходить через большую толпу, пошел с Фабианской ул. У ворот генерал-губернаторского дома стоял дневальный; его окружало человек 10 финнов, которые подсмеивались над ним. Когда я подошел, он стукнул в калитку; калитку открыл изнутри полицейский, бывший в гражданском платье; несколько таких же переодетых полицейских стояли на дворе. Беспрепятственно я дошел до приемной в доме генерал-губернатора. Там находились чиновники особых поручений: действительный статский советник Семенов, граф Берг, Дидрихс, губернатор полковник Львовский и дежурный адъютант поручик Палтов.

Дейст. стат. сов. Семенов удивлялся, почему не вызовут войска, чтобы разогнать толпу и оградить генерал-губернатора от оскорблений, причем предлагал свои услуги, чтобы сходить за войсками, но полковник Львовский и чиновник Дидрихс утверждали, что этого не нужно, что войска не помогут делу, а только раздражат толпу. Когда депутация, во главе с Гуммеросом, вошла к генерал-губернатору и стала заявлять требования на шведском языке, то их сначала переводил г. Семенов, а затем стал переводить граф Берг.

Между прочим Гуммерос грубо обратился к генерал-губернатору с вопросом: «Где сенаторы?» Князь Оболенский, указав на дверь, за которой заседал сенат, сказал, что сенаторы находятся у него в доме и он, как хозяин, не допустит, чтобы им была причинена какая-нибудь неприятность, «конечно, если только вы не прибегнете к насилию», прибавил генерал-губернатор. По-

* Из записки полковника Ниве.

** Г. Крохин.

Следние слова послужили как бы толчком для Гуммероса; он быстро направился к указанным дверям и ударом кулака раскрыв их и вошел в гостиную. Князь Оболенский беспомощно оперся руками о стол и, растерянно глядя, произнес: «Что же войска?» — «Войска готовы, ваше сиятельство», — сказал Дидрихс, — прикажете вызвать?». После небольшого раздумья последовал отрицательный ответ».

Когда Гуммерос вошел к сенаторам и предъявил им требование, то сенатор Лапп с достоинством отказался, сказав, что они назначены высочайшею волею и требованиям толпы не подчиняются. Впоследствии, видя, что генерал-губернатор окончательно отказался, они согласились подать в отставку. Далее в записке полковника Ниве читаем: «Тем временем внизу появилась другая депутация, которая рекомендовала себя депутациею от соединенного собрания конституционалистов и рабочих». Депутация эта, несмотря на то, что в состав ее входил бывший адъютант генерал-губернатора графа Гейдена барон фон Котен, держала себя в приемной (рядом с которой, в гостиной, находилось все семейство князя Оболенского) настолько шумно и непринужденно, что находившийся в доме сенатор Неовиус вынужден был обратиться к ней с предостережением.

Депутация эта требовала немедленной отмены диктатуры и других «незаконных» постановлений, перечисленных в большой петиции, немедленного удаления всех русских чиновников и замены их лицами, облеченными доверием народа, немедленного ухода министра статс-секретаря, генерал-губернатора и сенаторов; передачи осужденного военным судом убийцы жандармского полковника Крамаренко — Прокопе местному суду, возвращения высланных из края Вестлина и Эриксона и, наконец, немедленного созыва чрезвычайного сейма для решения только двух вопросов: а) о всеобщей, равной подаче голосов, с преобразованием управления краем на современных демократических началах, с ответственным перед сеймом правительством, и б) об урегулировании бюджетного вопроса.

Если эти требования не будут удовлетворены, заявили депутаты, мы слагаем с себя ответственность за последствия, и забастовка, как разрастающаяся лавина, будет продолжаться. Генерал-губернатор, отвечая, что издание в империи манифеста 17 октября само собой вызывает необходимость предоставления однопородных льгот и для Финляндии, о чем он и будет всеподданнейше ходатайствовать вместе с сенатом, изъявил готовность просить о созыве сейма; относительно же ухода своего в отставку заявил, что и сам с удовольствием покинул бы пост, если бы такова была воля его величества. Депутаты требовали немедленного отъезда генерал-губернатора в Петербург для исходатайствования высочайшего соизволения на все их требования, причем один из них (известный агитатор адвокат Ионас Кастрен, один из ранее высланных) сказал: «У вас есть под парами «Элекен». Вы можете сейчас ехать».

Очевидец же*, рассказывая про вышеизложенный эпизод, говорит, что вторая депутация вела себя перед князем Оболенским мало сказать—непринужденно, но прямо возмутительно дерзко. Члены этой депутации разваливались в креслах, кричали, говорили князю грубости, доходявшие до издевательства, махали руками перед самым лицом князя. Князь старался обращать все это в шутку и свои ответные речи пересыпал словами: «извините, господа», «простите, господа». «Генерал-губернатор,—рассказывал очевидец,—являл собою в эту минуту вид человека, которого бьют и бьют больно, но который не хочет показать, что ему больно, и смеется сквозь слезы». В восьмом часу вечера, после того как сенаторы, явившись народу на балконе генерал-губернаторского дома, объявили, что они подали в отставку, толпа, окружавшая дом, разошлась с пением финского гимна «Вортланд».

О том, что толпа разошлась, командиру корпуса стало известно лишь из донесения казачьего разъезда, который, проезжая мимо толпы, слышал там крики: «Рабочие, по домам!» И так, описанный эпизод окончился без кровопролития, ужасный призрак которого рисовало расстроенное воображение финляндского генерал-губернатора и его окружающих. Но унижение, которое пришлось испытать князю Оболенскому в этот день, еще не кончилось. Ему предстояло проглотить еще одну пилюлю и, быть может, горчайшую: ему пришлось услышать от прибывшей к нему на другой день депутации шведоманской конституционной партии, во главе с г. Михелином, упрек, что напрасно он принимал накануне депутации, которые никоим образом не являлись выразителями желаний финского народа, а были просто «депутациями улицы...»**.

Все, что выше сказано про события в генерал-губернаторском доме, стало известно военным властям лишь много спустя из рассказов очевидцев. Сам же князь Оболенский ни слова об этом не говорил корпусному командиру. В то время военные и не подозревали возмутительного поведения депутатов, не допуская даже самой возможности такого поведения со стороны культурных финляндцев, как всегда последних рекомендовал князь Оболенский.

В 8 час. 10 мин. вечера охранный взвод казаков прибыл в дом генерал-губернатора, где уже находилась прибывшая ранее учебная команда 1-го Финляндского стрелкового полка, в составе офицера, двух унтер-офицеров, фельдшера, горниста и 36 стрелков. По приказанию самого генерал-губернатора учебная команда разместилась в двух комнатах нижнего этажа (гостиной и столовой генерал-губернатора), причем князем Оболенским было указано, в случае нападения на дом, расставить стрелков у всех окон нижнего этажа, по 2 стрелка у каждого окна, за косяками, и приказано, сверх того, поставить пост у ворот. К числу принятых корпусным командиром в этот день мер по усилению гар-

* Г. Крохин.

** Из местных газет.

низона на две роты 2-го Финляндского стрелкового полка. Для передачи соответствующего приказа начальника тысьбинского гарнизона были высланы конные артиллеристы от 3-й батареи, постоянно квартирующей в городе Гельсингфорсе.

Вечер 18-го и ночь с 18-го на 19-е прошли совершенно спокойно; сборищ нигде не было, и город, совершенно темный, казался вымершим. Желая лично проверить принятые в гарнизоне меры предосторожности и осмотреть роты, командир корпуса 19 октября с 9 час. утра начал обход казарм, начиная с нюландских. Сделав некоторые указания, дав господам офицерам соответствующие наставления и оставшись всем виденным доволен, командир корпуса уже оканчивал обход помещений в гвардейских финских казармах, как было получено письмом с просьбой командиру корпуса и начальнику штаба пожаловать к генерал-губернатору на совещание.

Надо еще сказать, что для встречи тысьбинского отряда в этот день утром была выслана охотничья команда 1-го Финляндского стрелкового полка под начальством офицера. Князя Оболенского нашли крайне расстроенным и растерянным. Он прежде всего объявил командиру корпуса, что он в плену (правильнее было бы сказать, под домашним арестом) и что его не выпускают. Сообщение это ошеломило и командира корпуса и начальника штаба, так как в это время у наружных дверей генерал-губернаторского дома стояли два парных часовых, а весь нижний этаж дома был занят войсками: 38 отборных унтер-офицеров и стрелков под начальством офицера и столько же казаков, тоже под начальством офицера, составляли охрану князя Оболенского.

Ясно, что этот плен был добровольный, основанный на соглашении с самозванной полицией, окружавшей дом в числе человек двадцати. Сказанное предположение подтвердилось в разговорах князя, который заявил, что он не желает прибегать к помощи войск, опасаясь привлечь к своему дому толпу и произвести кровопролитие.

Генерал-губернатор сообщил, что полицмейстер (подполковник Ав-Энегельм) бежал, а чины полиции забастовали, что городские уполномоченные (т. е. гласные думы) избрали полицмейстером отставного полковника Гордие, бывшего в Гельсингфорсе полицмейстером до назначения генерал-губернатором генерал-адъютанта Бобрикова. Полковник же Гордие собрал полицию преимущественно из студентов. Эти полицейские в качестве отличия имели на левом рукаве белую повязку⁴⁷. Одновременно во всей Финляндии были схвачены жандармы, обезоружены и раздеты.

Генерал-губернатор говорил, что все это произошло одновременно, почти в 5 минут, и что помешать этому было невозможно, что волей-неволей он должен был признать эту полицию, потому что не оставаться же городу без охраны. Впрочем генерал-губернатор поставил вопрос, могли ли военные власти захватить силой дом полицейского управления, арестовать всех полицейских и заменить их своими чинами? На это начальник

штаба высказал, что сделать это уже поздно, потому что, по имевшимся сведениям, самозванная полиция считает в своих рядах 2 тыс. человек, вооруженных револьверами браунинга, а командир корпуса имеет свободных 1500 нижних чинов, из которых около 1/3 запасных, мало надежных для целей охранения города, в качестве полицейских.

Затем генерал-губернатор предложил сосредоточить все войска на острове Скатудеме, покинув город и предоставив на произвол судьбы все казармы, все склады и все войсковое имущество. Только человеку, совершенно незнакомому с военным бытом и войсковым хозяйством, могла притти в голову такая странная мысль. Тем не менее командир корпуса возражал и говорил, что сделать это невозможно хотя бы потому, что он не имеет права бросить имущество без особого разрешения. На это князь отвечал, что может дать такое разрешение именем его величества.

На просьбу дать такое разрешение письменно генерал-губернатор сперва быстро согласился, но потом старался замять разговор, говоря: «неужели вы мне не верите, я вас всегда выручу», и т. п. Затем князь Оболенский заявил, что ему донесли, что накануне ночью из казарм упраздненного гвардейского финского батальона были вывезены какие-то грузы, повидимому, оружие, и что поэтому, нежелательно, чтобы полковник Мексмонтан и его офицеры ходили в военной форме. «Ведь русские солдаты, — говорил он, — не могут знать, что это финские офицеры и что их не надо слушаться, а случится необходимость стрелять, полковник Мексмонтан и его офицеры могут сыграть плохую шутку»⁴⁸.

Затем князь Оболенский предложил корпусному командиру позвать к себе полковника Мексмонтана и предложить ему и его офицерам снять мундиры, а затем об этом донести августейшему главнокомандующему. Такое предложение показалось всем прямо таки изумительным. Барон Зальца спокойно отвечал, что это было бы с его стороны беспримерным превышением власти, так как право носить военную форму дается офицерам высочайшей волей.

После этого пошли разговоры более легкого характера, причем говорили, что новая полиция замечательно хорошо ведет себя; лица, бывшие накануне вечером у князя, не могли нахвалиться ею, вспоминая, как каждого из них эта полиция встречала с фонарями и провожала до дому, старательно освещая всякую на улице неровность. Во время разговора адъютант князя Оболенского поручик Палтов доложил, что сейчас явился агент, который был на Сенатской площади, когда туда прискакал конный финн и объявил какому-то лицу, что артиллерия, следовавшая из Тюсьбю, подходит к так называемому длинному мосту, и спрашивал приказа взорвать этот мост. Ответ последовал: «Взорвать, когда артиллерия вступит на мост».

Выслушав доклад, командир корпуса, с разрешения князя Оболенского, вызвал из состава казачьего конвоя генерал-губернатора разъезд и послал его на рысях навстречу тюсьбинскому отряду с приказанием ему не идти на мост, а свернуть не доходя

моста, следовать на Телевское шоссе, по которому затем идти в казармы. После этого командир корпуса вернулся домой. Между тем в полиции произошли перемены; полицмейстер Гордие*, как говорили, имел неосторожность принять в состав полиции слишком много лиц, принадлежавших к партии социал-демократов. Когда последние увидели себя в большинстве, то прогнали Гордие и выбрали своего, известного социалиста Кока, бывшего штабс-капитана упраздненного 8-го Выборгского финского стрелкового батальона, а самую полицию переименовали в национальную гвардию⁴⁹.

Едва командир корпуса вернулся домой, как пришел командир финляндского артиллерийского полка полковник Вахарловский с фейерверкером 3-й батареи, который доложил, что, будучи послан накануне в Тюсьбю с приказанием, он следовал обратно вместе с отрядом. Когда отряд подошел к р. Ванде, то был встречен огромной толпой народа, которая не пропускает отряд. Он же, фейерверкер, проехал потому, что сказал, что он сам из 3-й батареи, которая квартирует в Гельсингфорсе. Командир корпуса поручил полковнику Вахарловскому немедленно сообщить начальнику отряда его, корпусного командира, приказание идти в Гельсингфорс во что бы то ни стало.

Опасаясь однако, что посланный может и не пройти через толпу, командир корпуса решил выслать в тыл толпе полусотню казаков. Вместе с тем решено было просить генерал-губернатора командировать с казаками лицо, знающее местные языки, для необходимого предупреждения толпы. Прежде, однако, чем эти мероприятия осуществились, пришло от начальника тюсьбинского отряда донесение, что отряд благополучно прибыл в Гельсингфорс и расположился в абоских казармах. Недоразумение объяснялось тем, что вышеназванный фейерверкер не состоял при отряде, а, следуя отдельно, заметив огромную толпу и увидав затем, что отряд остановился, вообразил, что его остановили, поспешил уехать в свою часть и там все рассказал.

Явившись вслед за тем, начальник отряда, командир батареи подполковник Гамолицкий доложил следующее:

«До селения Гельсинги, отстоящего от д. Тюсьбю в 15 верстах, отряд проследовал, не замечая на пути ничего подозрительного; у с. Гельсинги я получил донесение от командира роты, шедшей во главе отряда, что им замечены были верхами два человека в штатском платье с белыми повязками на рукаве, которые, остановившись на короткое время на дороге, очевидно, рассматривали движение колонны, а затем, повернув, быстро ускакали обратно по направлению к городу».

Для точного выяснения цели и намерений замеченных всадников, а также для исследования пути были высланы от батареи три разведчика, которые, преследовав до станции Мальм, донесли, что ничего подозрительного нигде не заметили. В 12½ час. дня отряд прибыл на ст. Мальм, где и остановился на получасовой отдых.

* Партии конституционалистов.

и спокойствие, существующие в городе, вступающим отрядом нарушены не будут. Приказания же начальника, какие бы по обстоятельствам ни последовали, вам, как бывшему военному, известно, я (должен уважать и исполнять точно, что и буду делать. На этом переговоры с депутатами окончились. Полковники Гадолин и Прокопе весьма вежливо простились и уехали в экипаже в город.

Находясь приблизительно в 200 шагах от Сернеса (рабочая часть города), я получил донесение из походной заставы, что на улице Сернеса собирается толпа, которая заявила дозору, что артиллерии она в город не пропустит. Продолжая движение, я заметил, что походная застава остановилась на дороге и поджидает подхода всего отряда. Когда я подъезжал к заставе, то начальник ее доложил, что впереди на улице собралась толпа с целью не допустить отряд в город. Выждав подхода всего отряда, я вызвал командира роты и командира 1-й батареи, ознакомил их с положением отряда и приказал усилить дозоры по сторонам артиллерии и сосредоточенно всем отрядом продолжать движение вперед.

При входе в улицу Сернеса оказалось большое собрание народа, расположившегося по обеим сторонам улицы. Сама же улица была свободна. Отряд беспрепятственно вступил в город и далее следовал без всяких задержек. Перед поворотом в предместье Теле отряд был встречен казачьим разъездом, высланным для сопровождения отряда в абоские казармы, куда отряд и прибыл в 3¼ ч. пополудни.

Вечер прошел тихо. Порядок везде был полный. Войска сохраняли готовность и исправно несли службу.

20 октября (четверг). В 1 час. 20 мин. пополудни в предместьи Теле, около казачьих казарм, стали собираться рабочие в огромном количестве. Наружные дневальные слышали в толпе разговоры, что теперь хорошо бы напасть на казармы. Немедленно была сделана тревога и сообщено в ближайшие казармы 1-го Финляндского стрелкового полка, откуда и начальнику бригады генерал-майору Сахновскому. По приказанию последнего во всех частях была усилена боевая готовность, а на части, квартирующие в абоских казармах, была возложена ближайшая разведка.

Высланные дозоры, между прочим, донесли, что недалеко от казачьих казарм один из домов оказался ярко освещенным, причем окна были задрапированы белой материей с красным крестом. Толпа рабочих разошлась только под утро, ни в чем не нарушив порядок. Последнее, повидимому, благодаря чинам национальной гвардии, которые доводили свою корректность до того, что время от времени подходили к дневальным и спрашивали: «Не плюнул ли кто на вас, не обругал ли кто вас?». Надо заметить, что с возникновением забастовки масса финнов свободно разговаривала по-русски, чего раньше никогда не было.

С утра 20-го в городе открылось несколько перевязочных пунктов. В главный перевязочный пункт была обращена первоклассная гостиница «Кемп». Это обстоятельство, в связи с начав-

и спокойствие, существующие в городе, вступающим отрядом нарушены не будут. Приказания же начальника, какие бы по обстоятельствам ни последовали, вам, как бывшему военному, известно, я (должен уважать и исполнять точно, что и буду делать. На этом переговоры с депутатами окончились. Полковники Гадолин и Прокопе весьма вежливо простились и уехали в экипаже в город.

Находясь приблизительно в 200 шагах от Сернеса (рабочая часть города), я получил донесение из походной заставы, что на улице Сернеса собирается толпа, которая заявила дозору, что артиллерии она в город не пропустит. Продолжая движение, я заметил, что походная застава остановилась на дороге и поджидает подхода всего отряда. Когда я подъезжал к заставе, то начальник ее доложил, что впереди на улице собралась толпа с целью не допустить отряд в город. Выждав подхода всего отряда, я вызвал командира роты и командира 1-й батареи, ознакомил их с положением отряда и приказал усилить дозоры по сторонам артиллерии и сосредоточенно всем отрядом продолжать движение вперед.

При входе в улицу Сернеса оказалось большое собрание народа, расположившегося по обеим сторонам улицы. Сама же улица была свободна. Отряд беспрепятственно вступил в город и далее следовал без всяких задержек. Перед поворотом в предместье Теле отряд был встречен казачьим разъездом, высланным для сопровождения отряда в абоские казармы, куда отряд и прибыл в 3¼ ч. пополудни.

Вечер прошел тихо. Порядок везде был полный. Войска сохраняли готовность и исправно несли службу.

20 октября (четверг). В 1 час. 20 мин. пополудни в предместьи Теле, около казачьих казарм, стали собираться рабочие в огромном количестве. Наружные дневальные слышали в толпе разговоры, что теперь хорошо бы напасть на казармы. Немедленно была сделана тревога и сообщено в ближайшие казармы 1-го Финляндского стрелкового полка, откуда и начальнику бригады генерал-майору Сахновскому. По приказанию последнего во всех частях была усилена боевая готовность, а на части, квартирующие в абоских казармах, была возложена ближайшая разведка.

Высланные дозоры, между прочим, донесли, что недалеко от казачьих казарм один из домов оказался ярко освещенным, причем окна были задрапированы белой материей с красным крестом. Толпа рабочих разошлась только под утро, ни в чем не нарушив порядок. Последнее, повидимому, благодаря чинам национальной гвардии, которые доводили свою корректность до того, что время от времени подходили к дневальным и спрашивали: «Не плюнул ли кто на вас, не обругал ли кто вас?». Надо заметить, что с возникновением забастовки масса финнов свободно разговаривала по-русски, чего раньше никогда не было.

С утра 20-го в городе открылось несколько перевязочных пунктов. В главный перевязочный пункт была обращена первоклассная гостиница «Кемп». Это обстоятельство, в связи с начав-

шейся организацией отрядов, которые в составе рот и цел батальонов стройно обучались в садах и на площадях, стало ф новать публику.

Слухи самые ужасные стали расти невероятно. В 11 час. утра к командиру корпуса прибыл полковник Шабельский и просил корпусного командира ехать с ним к генерал-губернатору.

На этот раз совещание было короткое. Опять генерал-губернатор, пугая возможностью, что войска будут окружены в своих казармах и принуждены к бездействию, что они будут лишены воды, и прочими ужасами, настаивал на выводе их из города на остров Скатуден. При этом князь Оболенский предложил такую комбинацию. Собрав все войска на Скатудене (где находится и русский собор) будто бы для церковного парада, оставить их там.

«Но пусть,—прибавил князь,—войска, следуя на парад, пройдут мимо моего дома, и я пристроюсь к их рядам». Тогда только командир корпуса понял, что генерал-губернатор хочет бежать и, чтобы объяснить впоследствии свой поступок, увлекает и все войска из города. Относительно прохождения батальона мимо генерал-губернаторского дома и принятия особы генерал-губернатора командир корпуса сказал: «Это можно», а относительно перевода войск на Скатуден командир корпуса решительно отказался, сказав: «Если я это сделаю, то всякий в праве сказать, что барон Зальца трусил, не имея даже перед собой никакого противника».

Так как переход всех войск гельсингфорсского гарнизона на Скатуден составлял, повидимому, предмет страстного желания и настойчивого требования финляндского генерал-губернатора, то необходимо остановиться несколько подробнее на этом вопросе.

Скатуден, как видно из прилагаемого плана,—небольшой гористый (скалистый) остров, отделенный от Гельсингфорса узким протоком. Остров тесно застроен пятиэтажными домами с неширокими между ними мощеными булыжником улицами. Как видно из плана, почти третья часть острова занята казарменными постройками, принадлежащими Свеаборгскому порту, состоящему в ведении морского министерства, под начальством генерал-майора по адмиралтейству Клеопина. Никаких подчиненных отношений между портом и начальником сухопутных войск не существует. Когда возник вопрос о размещении в порту только трех рот (600 чел.), то штаб войск гвардии и Петербургского военного округа сообщил нижеследующее:

«По сношении с морским министром выяснилось, что морские казармы в Свеаборгском порту рассчитаны всего на 500 чел., причем там помещается Свеаборгская флотская рота, 150 чел., и команды миноносцев и крейсеров, 420 чел. Таким образом предложение разместить в казармах еще 600 чел. представляется очевидным недоразумением».

Тем не менее для охранения портовых сооружений во время беспорядков там были размещены рота Свеаборгского крепостного пехотного полка, учебная команда 1-го Финляндского стрел-

кового полка, 4 запяженных орудия Финляндского артиллерийского полка и взвод казаков.

Чтобы исполнить желание князя Оболенского, пришлось бы там же поместить еще: более 100 офицеров и классных чинов, 3500 нижних чинов, 813 лошадей, 12 орудий, около 100 повозок с боевыми припасами и полковой обоз.

Приняв во внимание сказанное о размерах Свеаборгского порта и посмотрев на план, легко видеть, что даже запрудив войсками сплошь все улицы и площади, нельзя было на Скатудене разместить всего отряда. Поставленные же таким образом на Скатудене войска должны были оставаться без пищи, которую ни готовить было негде, ни подвозить за отсутствием походных кухонь и перевозочных средств было нельзя, и без отдыха, так как не только негде было разбить палаток, но люди не могли бы даже, за неимением места, лечь прямо на мостовой*.

Ясно, что даже только с этой одной стороны к предложению князя Оболенского нельзя было отнестись сколько-нибудь серьезно. А между тем, как говорили чины генерал-губернаторской канцелярии, в нежелании увести войска на Скатуден князь Оболенский видел со стороны военных властей противодействие его планам. По слухам, орудия броненосца «Славы»** будто бы два раза наводились по городу, но каждый раз князь Оболенский останавливал стрельбу, боясь, что снаряды попадут в русские войска. Допуская возможность такой мысли, посмотрим, насколько размещение войск в городе оказывало влияние на возможность его бомбардирования.

Нет никакого сомнения, что десяток снарядов, брошенных в Гельсингфорс из орудий крупного калибра, произвели бы в городе такую панику, после которой все население, не исключая и пресловутой национальной гвардии, согласилось бы на любые требования. Такая бомбардировка не могла продолжаться более нескольких часов, на какое время все войска без особых затруднений могли бы быть выведены из города куда угодно и на что для войск потребовалось бы не более 3—4 часов. Следовательно войска никоим образом помешать бомбардировке не могли. Бомбардировку Гельсингфорса делали невозможной не войска, а русские жители.

В Гельсингфорсе их немало: мужская и женская гимназии, таковые же общежития, чиновники, врачи, священнослужители, рабочие, семейства нижних чинов и пр.,—всех надо считать тысячами. Чтобы их удалить из города, надо было несколько дней и огромные средства. Да, наконец, куда же их было выселять? Никаких соображений у гражданских властей относительно этого подготовлено не было, а генерал-губернатор на все вопросы по этому поводу неизменно указывал на Свеаборг: «Где мы всех, мол, устроим», говорил он***.

* А погода была дождливая, холодная.

** В то время, когда имел там пребывание князь Оболенский.

*** Надо заметить, что в то время Свеаборгская крепость не была подчинена генерал-лейтенанту барону Зальца.

Свеаборгский же комендант в отзыве от 24 октября за № 2718, после того как к нему в крепость прибыло не более 100 чел., писал в штаб корпуса: «Ввиду крайне ограниченного числа помещений считаю необходимым ограничить дальнейший наплыв жителей из Гельсингфорса в крепость и нахожу возможным дать в крепости приют лишь старикам, женщинам и детям, а также лицам, которые по каким-либо причинам могут опасаться преследования или мести со стороны местного населения».

Вернувшись от генерал-губернатора, командир корпуса назначил в этот день (20 октября) в 4 часа дня в помещении штаба корпуса собрание всех начальников частей. На этом собрании командир корпуса разобрал действия войск как во время тревоги предшествующей ночью, так и при переходе отряда из д. Тюсьбю в г. Гельсингфорс; сделал некоторые замечания и преподал соответствующие указания в дополнение еще ранее объявленной инструкции на случай общего возмущения. На этом совещании все начальники ручались за свои части и высказывали твердое убеждение в их способности обеспечить имущество и свободу действий войск.

В 10 час. вечера от командира порта была получена копия с телеграммы начальника практического отряда о том, что эскадра вышла из Ревеля и следует в Гельсингфорс. Ночь прошла совершенно спокойно.

21 октября (пятница). В 10½ ч. утра в русском Успенском соборе было назначено, по случаю высокочествовавшего дня восшествия на престол, богослужение, а затем церковный парад. В парад, как и всегда, были назначены: пеший взвод 6-го полевого жандармского эскадрона, рота 1-го Финляндского стрелкового полка при хоре музыки и по одному взводу от 3-й батареи Финляндского артиллерийского полка и 5-й сотни отдельного Оренбургского казачьего дивизиона.

В собор к началу богослужения прибыл генерал-губернатор в коляске без конвоя. На пути его проезда порядок образцово охранялся чинами национальной гвардии, начальник которой, г. Кок, встретил генерал-губернатора у собора. Все, видевшие это, подумали, что разговор о пленении генерал-губернатора в его доме — простая шутка, но в то же время были недовольны, что генерал-губернатор не взял с собой казачьего конвоя, находившегося на дворе генерал-губернаторского дома.

В этот день командир корпуса имел случай говорить с чиновником при генерал-губернаторе коллежским советником Дидрихсом. Последний говорил, что докладывал князю Оболенскому о необходимости взять конвой, о важности сделать это для поддержания престижа власти, но князь не согласился, говоря, что казаки могут возбудить неудовольствие народа (правильнее было сказать, национальной гвардии, которая, как говорили, ручалась за его безопасность).

По слухам, в доме генерал-губернатора был заказан завтрак, к которому были приглашены некоторые лица и в том числе киевский губернатор генерал-майор Ватаци. К завтраку ждали воз-

вращения князя, но он и все его семейство в Гельсингфорс больше не вернулись.

Командир корпуса прибыл в собор с начальником штаба. По пути был полный порядок, поддерживаемый чинами национальной гвардии; поперечные улицы были заграждены протянутыми веревками. Тотчас при входе в собор командиру корпуса доложил поручик Палтов просьбу генерал-губернатора пожаловать вместе со всеми начальниками частей в Свеаборгский порт на совещание. В эту минуту командиру корпуса стало ясно, что генерал-губернатор решил покинуть Гельсингфорс. По окончании молебна артиллерией был произведен установленный салют, а затем состоялся парад. Командир корпуса, обратясь к войскам, провозгласил «ура» во славу верховного вождя.

Восторженные клики и звуки народного гимна были на это ответом войск. После этого части прошли церемониальным маршем. Генерал-губернатор стоял на паперти. По окончании парада к командиру корпуса подошел г. Кок и извинился, что войскам придется возвращаться по необработанной еще базарной площади, — не успели еще убрать⁵⁰. На это командир корпуса заметил: «Вот это дьявольски любезно со стороны бунтовщиков». Войска следовали в казармы с музыкой. Народ с любопытством и почтением следовал за ними.

Затем командир корпуса и все бывшие на богослужении начальствующие лица проследовали в Свеаборгский порт. По въезде ворота были заперты и к ним поставлен караул от свеаборгской флотской роты. На состоявшемся затем совещании генерал-губернатор объявил, что он переезжает на броненосец «Славу», что он делает это для того, чтобы освободить войска от обязанности его защищать, и из опасения, что такая защита может вызвать кровопролитие, и опять стал убеждать командира корпуса вывести войска из Гельсингфорса, говоря, что Россия в Гельсингфорсе никаких интересов не имеет, что все там финское, о котором заботиться не стоит, что, по его мнению, единственной задачей войск является после его отъезда защита горсточки (?) русских людей; обещал немедленно озаботиться перевозкой и устройством их в Свеаборге, на это обещал отпустить необходимые суммы; обещал перевезти в Петербург и пр.*. После того как командир корпуса четвертый раз категорически отказался выполнить желание генерал-губернатора, совещание обратилось к другим вопросам.

Генерал-губернатор заявил, что по имеющимся у него точным сведениям массы рабочих, организованных в правильные отряды (роты и батальоны), вооруженные, чуть не снабженные пулеметами и горными орудиями, безостановочно прибывают в Гельсингфорс с севера по железной дороге, которая в руках бунтовщиков, и просил командира корпуса распорядиться о занятии ж.-д. станций войсками и взрыве ближайших железнодорожных мостов. Командир корпуса заявил, что занятие вокзала в Гельсингфорсе не достигнет цели, ибо рабочие станут выходить из вагонов на ближай-

* Ни одно из этих обещаний исполнено не было.

шей станции (5 км) и следовать в город пешком, и с своей стороны предложил занять сильным отрядом узел ж.-д. путей на станциях Рихимяки и Хювинге, для чего вызвать из Тавастгуса семь рот 2-го Финляндского стрелкового полка и батарею*.

Генерал-губернатор согласился с этим. Что же касается взрыва мостов, то командир корпуса просил письменного приказа, которое, однако, генерал-губернатором было отклонено. Затем командир корпуса предложил перевезти в Гельсингфорс роты 6-го Финляндского стрелкового полка, квартирующие как в г. Фридрихсгаме, так и в Кюмень-городе. Генерал-губернатор обещал немедленно распорядиться вызовом необходимых морских транспортных средств**. С своей стороны генерал-губернатор просил бывшую у его дома охрану передать для охраны его канцелярии, которая перешла также в Свеаборгский порт, и установить связь как с ним, так и с его канцелярией, куда он предполагал приезжать с броненосца для приема докладов. На этом окончилось совещание, и командир корпуса уехал домой, назначив в 7 час. вечера общее собрание начальников частей в штабе корпуса.

Между тем в этот день, как и в предшествующие, со всех сторон безостановочно шли самые тревожные известия и слухи, в особенности со стороны начальника жандармского управления генерал-майора Фрейберга, который, между прочим, сообщал, что казаков предполагают увлечь ложною демонстрацией за город и там забросать бомбами, что в окрестностях города финляндцы формируют свои самозванные войска, что в гвардейских финских казармах происходят какие-то сборища и т. п.

В 6 час. вечера к командиру корпуса явился Финляндского артиллерийского полка штабс-капитан Жадовин и доложил, что лично известные ему, вполне надежные местные жители, бывшие в тот день на рабочей сходке, слышали, что в наступающую ночь решено арестовать всех начальствующих лиц, как гражданских, так и военных; хотели стараться сделать это без кровопролития, но в то же время решили не останавливаться ни перед чем, были приготовлены фургоны, санитарные кареты и даже кандалы.

Бунтовщики рассчитывали, что войска, оставшиеся без начальства, не будут в состоянии действовать против них. По получении этого известия, достоверность которого подтверждалась многими данными, последовали от командира корпуса следующие распоряжения: 1) собрание начальников было отменено, 2) вызвана из Свеаборга рота Свеаборгского крепостного пехотного полка, 3) трем ротам 1-го Финляндского стрелкового полка, расквартированным в гвардейских финских казармах, было приказано следовать в абоские казармы, откуда вместе с двумя батареями Финляндского артиллерийского полка, с мерами охранения, идти: двум ротам и четырем орудиям в нюландские казармы, а одной роте с 4 орудиями—в Свеаборгский порт*** и 4) трем взводам 5-й сотни

* Мера эта и была приведена в исполнение.

** Исполнить чего, однако, и не подумал.

*** Откуда рота эта по замене ее ротой Свеаборгского крепостного пехотного полка должна была возвратиться в нюландские казармы.

отдельного Оренбургского казачьего дивизиона и 6-му полевому жандармскому эскадрону прибыть в штаб корпуса. Одновременно были назначены начальниками районов: абоских и артиллерийских казарм—командир 1-го Финляндского стрелкового полка полковник Тихонович, а нюландских казарм—командир артиллерийского полка полковник Вахарловский. Общее командование войсками возлагалось на начальника 1-й Финляндской стрелковой бригады генерал-майора Сахновского.

Начальникам районов было приказано поддерживать между собою связь и посылать по улицам дозоры. Для поддержания связи с генерал-губернатором был назначен старший адъютант корпусного штаба капитан Коновалов*.

В это время начальником штаба корпуса была получена записка от начальника отделения канцелярии генерал-губернатора полковника Ниве следующего содержания:

«По приказанию командира порта, на которого возложена оборона порта**, уведомляю ваше превосходительство для доклада командиру корпуса, что рота Свеаборгского полка, высланная комендантом, будет оставлена*** в распоряжении генерал-майора Клеопина. Уведомляю вместе с тем, что генерал-губернатор приказал мне остаться в распоряжении ген. Клеопина для исполнения обязанностей начальника штаба».

Командир батареи, направленной в Свеаборгский порт, полковник Гамолицкий в своем донесении говорит: «По прибытии батареи в порт, ее встретил там капитан 2-го ранга Макаров и другие лица, служащие в управлении порта. Командира порта не было. Мне помнится, что на мой вопрос, где могу я видеть командира порта, капитан 2-го ранга Макаров ответил, что он на броненосце «Слава», но скоро должен вернуться. Я стал осведомляться, какие части войск имеются на Скатудене и кто начальник отряда. Оказалось, что начальник отряда никому неизвестен, порт охраняется флотской ротой и 20 казаками**** и ожидается еще прибытие роты Свеаборгского крепостного пехотного полка. Распоряжения пока исходят от капитана 2-го ранга Макарова, который заявил, что им решено (?) два орудия поставить у северных ворот и два орудия у южных ворот порта. На такую комбинацию я не согласился и с своей стороны объяснил, что батарея прибыла не для защиты одного порта, а для защиты целого острова, и ввиду нерешительности капитана Макарова я вступил в командование отрядом до прибытия ген. Клеопина и стал делать соответствующие распоряжения, какие, по-моему, соответствовали обстоятельствам: приказал немедленно собрать флотскую роту и сделать ей расчет, так как мне было доложено, что рота расположена в казармах и расчет ей не сделан; пред-

* Командование отрядом на Скатудене корпусным командиром предполагалось возложить на командира батареи подполковника Гамолицкого.

** Оказалось, генерал-губернатором без всяких о том сношений корпусным командиром.

*** Опять-таки генерал-губернатором.

**** Из конвоя генерал-губернатора.

ставившемуся мне в роли начальника кавалерии* (?) адъютанту генерал-губернатора поручику Палтову предложил продолжать охрану острова разъездами от казаков, имея связь с караулом на главной гауптвахте, и отдал приказание о высылке от Свеаборгской крепостной роты заставы для охраны моста через проток и о занятии в случае тревоги позиции на скале у православного собора».

Вскоре после этого прибыл ген. Клеопин и объявил, что вступает в командование отрядом.

Мотивы, послужившие к вышеуказанному, распределению войск гарнизона, сводились к следующему.

Главная масса рабочих проживала в Гельсингфорсе в двух пунктах—в предместьях Теле и Сернес, из которых ведут дороги: из первого—мимо абоских казарм, из второго—близ нюландских казарм; таким образом сосредоточение войск в этих пунктах давало возможность преградить рабочим путь в город, если бы это потребовалось. Далее, главнейшие сходки происходили на Железнодорожной и Сенатской площадях, в студенческом и рабочем домах. Все эти пункты оказывались, так сказать, внутри расположения войск, что давало возможность последним выйти против толпы с двух сторон.

Из двух пунктов сосредоточения войск район нюландских казарм являлся важнейшим: здесь, кроме казарм 2-го батальона, находятся: штаб корпуса, офицерские квартиры, женское общежитие, интендантский продовольственный магазин и продовольственный склад 1-го Финляндского стрелкового полка; здесь же находится пристань для связи и сообщения с портом, Свеаборгом и эскадрой. Вот почему нюландский район был занят сильнее абоского. Что же касается Скатудена, то хотя его значение, по причине нахождения там порта, портовых сооружений, телеграфа, миноносцев и прочей флотилии, весьма велико, но, как остров, он находился в значительно более безопасном положении: доступ к порту возможен только через мост, к которому была своевременно выставлена сильная пехотная пропускная застава. Наконец оставление гвардейских финских казарм объясняется отсутствием там войскового русского имущества, недостатком офицеров при распределении войск в трех пунктах и присутствием там командира, офицеров и до 50 нижних чинов еще не окончательно расформированного л.-гв. 3-го стрелкового финского батальона.

С наступлением темноты из нюландских казарм была выделена особая дежурная часть, в составе двух орудий, 1½ роты стрелков и взвода казаков, которая заняла улицы, прилегавшие к названному району, и производила как подвижное охранение, так и разведку. В 11 час. вечера было получено уведомление от начальника телеграфа**, что им арестованы телеграммы во все города Финляндии, в которых объявлялось, что революция назначена в 2 часа ночи 22 октября.

* По распоряжению генерал-губернатора.

** Телеграф несколько раз переходил то в руки рабочих, то в руки правительственной партии.

Слух о всех принятых в войсках мерах быстро распространился по городу и произвел на всех сильное впечатление.

В двенадцатом часу ночи к начальнику штаба корпуса пришли полковник Мексмонтан и поручик Споре, сильно встревоженные.

Они говорили: «Что вы с нами делаете? зачем выводите роты из наших казарм? ведь на нас нападут» и т. п. На это начальник штаба заявил, что командир корпуса решил прекратить беспорядки самым энергичным образом, вплоть до бомбардирования города из орудий Свеаборга и эскадры. Весть эта ошеломляющим образом подействовала на полковника Мексмонтана, и он просил разрешения довести об этом до сведения тех лиц, которые в данную минуту держат в руках всю власть над городом. Получив разрешение, полковник Мексмонтан и поручик Споре ушли.

Между тем несомненная опасность побудила перевести хранившиеся на полковой гауптвахте ценности русского банка в количестве более 4 млн. руб. в Свеаборг, что и было благополучно исполнено, а на главный караул было возложено охранение моста на Скатуден.

В 12 час. ночи к начальнику штаба корпуса прибыл начальник национальной гвардии г. Кок. Начальник штаба корпуса потребовал от него: обеспечения от насилий русских, заблаговременного извещения войск о всех сходках и сборищах народа и обязательства, во-первых, не собираться народу вблизи казарм, а во-вторых, никому не приближаться к войсковым частям ближе ста шагов.

Согласившись на все это, г. Кок в то же время заверял, что он все сделает, чтобы не было беспорядков. Через часа полтора к генерал-майору Преженцову явился агент и, передав объявление, ниже помещаемое, сказал: «от г. капитана Кока в ответ на ваше заявление».

Объявление

От имени национальной гвардии, которая ныне исполняет должность полиции в городе Гельсингфорсе, утверждаем русским гражданам, проживающим здесь, что помянутая национальная гвардия обязана точно следить за порядком и в особенности заботиться о том, чтобы никто из русских не подвергался какой-нибудь опасности или невежливому обращению. В случае малейшего нарушения сего предписания в чем-либо пострадавших просят обращаться к центральной полиции в Гельсингфорсе, 3 ноября 1905 г.

Начальник национальной гвардии И о а н н К о к .

Во 2-м часу ночи к начальнику штаба пришел некто г. Мунк, бывший старший адъютант генерального штаба, штаба Финляндского военного округа и одно время сенмихельский губернатор. Он подтвердил опасность положения и просил передать командиру корпуса признательность всех благомыслящих жителей за принятые для ограждения порядка меры.

В тревожном состоянии прошла ночь, но наступивший день 22 октября (суббота) не принес успокоения: с утра стало известно,

что во всем городе идет ожесточенная борьба партий. Напряжение огромное, но еще, сохраняя присутствие духа, ни одна сторона не решается приступить к насилию. Войска неизменно сохраняли боевую готовность, тщательно неся дозорную службу. Орудия, бывшие ночью на улицах, были, однако, отправлены в казармы. В полдень наступил, можно сказать, критический момент.

Надо заметить, что революция была устроена шведоманской партией⁵¹ и была, конечно, направлена против русских. Какие цели желала достигнуть эта партия, до чего она бы дошла в своих сепаратистских стремлениях в отношении к русским, сказать трудно, но дело в том, что массы рабочих, прибывших в Гельсингфорс из других мест Финляндии, восстали против своих руководителей и сперва стали требовать особых прав в народном представительстве, а затем перешли к требованиям свержения всяких властей. Шведы страшно перепугались и решились обеспечить себя от опасности обращением к князю Оболенскому*. Узнав об этом, финны решили, что их противники достигнут успеха у генерал-губернатора, который прикажет войскам действовать оружием, и забегали к командиру корпуса, постоянно успокаивая его, что все будет благополучно, что рабочих не допустят до насилий.

Такое было положение вещей, когда в 2 часа 30 мин. дня командир корпуса получил следующее письмо от генерал-губернатора:

«Ввиду вновь поступающих тревожных известий о могущей быть опасности в городе от беспрепятственного прибытия в него по железной дороге революционных групп народа из других мест, прошу ваше превосходительство сообщить мне, какие меры приняты вами к прекращению сего движения, как это было установлено на совете 21 октября. Считаю необходимым добавить, что связь губернатора с магистратом еще пока не порвана, следовательно, я через гражданскую законную власть могу быть осведомленным о текущем положении, но такое положение, по заверению магистрата, пришедшим элементом может быть прервано каждую минуту, а потому связь ваша со мной должна быть установлена военным начальством.

Все эти обстоятельства вынуждают просить вас делать распоряжения на основании условий, которые указаны в законоположениях о моменте, когда гражданская власть бессильна и войска действуют по усмотрению военного начальства⁵². В настоящий момент ждать формальностей объявления военного положения нельзя,—оно объявлено действительностью, почему и буду всеми мерами содействовать вам во всем. Еще обращаю ваше внимание на необходимость защиты консулов». Письмо подписано: генерал-адъютант кн. Оболенский, и помечено 1½ часа дня**.

Вышеприведенное письмо генерал-губернатора, казалось бы, не допускает разного толкования относительно прав и полномочий, предоставляемых командиру корпуса, а между тем, прежде

* Таково было общее мнение в городе.

** Во исполнение последнего требования к квартирам консулов были отправлены ефрейторские караулы.

чем корпусный командир мог по этому письму что-нибудь сделать, через три часа после отправки этого письма, т. е. в исходе пятого часа дня, случилось следующее.

Генерал-губернатор был в Свеаборгском порту на Скатудене и сидел в кабинете, принимая доклады. Генерал-майор Клеопин решил сделать для своего отряда репетицию тревоги, о чем, конечно, предупредил князя Оболенского. Только что репетиция окончилась и части возвратились на свои места, как пришло донесение, что со стороны города к мосту надвигается огромная вооруженная толпа. Ударили тревогу, забили барабаны, генерал-губернатор быстро надел пальто и, поспешно выйдя из дому, направился к своему катеру, около которого приостановился.

Войска стали выступать для занятия своих мест; казачий разъезд на рысях двинулся на разведку. Навстречу казакам шел начальник лоцманского ведомства генерал-майор по адмиралтейству Шеман*. Увидев казаков, он стал посредине улицы и, разведя руки, грозно закричал на казаков: «стой». Те остановились; он приказал им не двигаться, а сам направился к генерал-губернатору и, подойдя к нему, сказал приблизительно следующее: «Я привез манифест от его величества⁵³. За мной шла толпа, желавшая скорей узнать манифест. Дойдя до моста, я попросил толпу дальше не идти, обещав доложить вам об ее ожидании. Несколько человек было двинулись дальше за мной, но их задержала толпа. Задержите тревогу». В этот момент к решетке ворот уже шла пехота и скакали казаки. Из свиты, окружавшей генерал-губернатора, несколько лиц закричали: «стой», в том числе и сам генерал-губернатор и генерал Шеман.

Генерал-губернатор поручил лейтенанту Гаду пойти к толпе и объяснить ей, что его, генерал-губернатора, здесь нет (?), что он находится на броненосце «Слава», что генерал Шеман едет к нему и что манифест он, генерал-губернатор, может объявить не иначе, как законным порядком, т. е. в торжественном заседании сената**.

Генерал-губернатор и Шеман уехали на броненосец, при этом генерал-губернатор приказал, чтобы войска отнюдь не выходили, чтобы не раздражать толпу, о чем командир корпуса получил такую записку от генерал-майора Клеопина:

«Генерал-лейтенанту барону Зальца.

Вследствие получения сейчас высочайшего манифеста, генерал-губернатор приказал скатуденскому отряду*** не выходить за пределы порта и даже в случае появления подозрительной толпы не предпринимать никаких действий без разрешения его сиятельства.

Генерал Клеопин».

И это писалось через три часа после того, как генерал-губернатор признал себя бессильным и даже свою власть над городом и свои полномочия передал командиру корпуса (?) и какое распоряжение не отменял!

* Видный представитель шведоманской партии.

** Донесение поручика Гада в штаб корпуса.

*** Никким образом генерал-губернатору не подчиненному (sic).

С этой минуты, по общему убеждению в городе, генерал Шеман получил преобладающее влияние на генерал-губернатора.

Около 6 час. дня к командиру корпуса явился г. Кок и просил устроить ему свидание с генерал-губернатором, так как его не допускают шведы. Командир корпуса командировал для этой цели капитана Коновалова, который и был принят князем Оболенским на броненосце около 6½ часов вечера. Генерал-губернатор разрешил Коку прибыть на броненосец в 8½ часов вечера, а затем обратился к капитану Коновалову и стал говорить о необходимости сосредоточить весь гарнизон на Скутудене, чтобы в случае открытия огня дать свободу действий и не подвергнуть опасности части гарнизона.

При этом генерал-губернатор прибавил: «Я уже целую неделю говорю генералу Преженцову об этом, но меня не слушают». На заявление капитана Коновалова, что в абоских казармах имеется многочисленное казенное имущество, князь Оболенский заметил, что можно оставить евреев (?) окарауливать*, а в случае разграбления имущества ответит финская казна**. При этом генерал-губернатор передал капитану Коновалову, что имеются сведения о свозе на берег не то горных орудий, не то пулеметов.

В этот день поздно вечером к командующему нюландским районом явился г. Кок и рассказал следующее: получив через капитана Коновалова разрешение генерал-губернатора прибыть в 8½ часов вечера на броненосец «Славу», Кок одновременно получил записку от генерала Шемана (на визитной карточке) о том, что он может приехать на лоцманском пароходе. Прибыв на пароход, он спросил пароходного мальчика, сколько ходу до «Славы», и получил ответ, что 12 минут. Когда пришел шкипер, то на тот же вопрос Кока грубо ответил: «7 часов».

«Целый час уже прошел,—говорил Кок,—а пароход не двигался». На новый вопрос Кока, отчего пароход не идет, шкипер ответил, что теперь туман. Не видя никакого тумана и опасаясь ловушки, Кок покинул пароход. Рассказывая это, Кок был крайне взволнован от такой шведской интриги и говорил, что если бы он не вернулся, то его партия подумала, что он арестован русскими, и легко могла бы произвести резню...

«О! это стоило бы ста голов...»—сказал Кок. Вечером на броненосец «Славу» доставлены были по вызову генерал-губернатора некоторые лица из числа бывших сенаторов, а также и некоторые члены прежних депутатий. Генерал-губернатор принял их в парадной форме и юратился к ним со следующей речью***: «Господа! Этот манифест нашего милостивого государя велик по своему значению. Благодаря ему финский народ получил все то, чего

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

** Между тем, как известно, на требование впоследствии высшего военного начальства о том, чтобы привлечь к материальной ответственности местные власти за ущерб, причиненный сердобольскому воинскому начальнику, подполковнику Ильтонову, князь Оболенский отвечал, что этого сделать не только нельзя, но можно опасаться, что местные власти обвинят самого Ильтонова.

*** Была напечатана в газете «Уси-Суаметар».

он желал в течение только что минувших лет, мало того, таким образомлучил гораздо более. Я пригласил вас обсудить, каким образом этот исторический документ может быть обнародован в такой обстановке, которой требует достоинство содержания манифеста и даятеля его. Говорили, что императорский сенат должен бы собраться где-либо втайне, спрятаться куда-либо для обнародования этого документа. На это я ни за что не соглашусь. Я мог здесь в эти дни вынести какие угодно унижения, прямо-таки оскорбительные ругательства, я мог это вынести, но я не позволю оскорблять достоинства его величества в России, я не позволю, чтобы манифест его величества обнародовали украдкой, чтобы его набрали те или другие наборщики, добровольно, по милости своей согласившись на это. Я безусловно требую, чтобы обнародование этого манифеста произошло в зале сената, при полном заседании сенаторов, при полном соблюдении ваших законов, о которых вы так много говорили,—чтобы его набрали в сенатской типографии; я желаю иметь ручательство в том, что не будет препятствий к обнародованию того документа, в котором его величество ручается для финского народа в таких благах затем, чтобы по обнародовании он не был разорван в клочки на улицах Гельсингфорса».

По окончании этой речи уже отпечатанные копии с манифеста были однако генерал-губернатором тут же розданы для распространения во всеобщее сведение*.

Надо при этом заметить, что копии с манифеста генерал-губернатор и не подумал послать корпусному командиру, так же как забыл сообщить генерал-лейтенанту барону Зальца о всем, что произошло в этот вечер.

Ночь с 22-го на 23-е прошла в сильном напряжении, войска находились в полной боевой готовности. Сведений от местных властей не получалось. Утро, воскресенье, как будто внесло некоторую надежду на восстановление спокойствия, а затем около полудня снова во множестве пошли тревожные слухи. Явилась мысль о необходимости русским выехать из Гельсингфорса, по крайней мере собраться в безопасное место.

В это время из абоских казарм сообщили, что накануне вечером туда кем-то (вероятно из типографии «Финляндской газеты») было доставлено несколько экземпляров успокоительного, в смысле безопасности, объявления русским людям от нюландского губернатора. Удивившись, что подобное объявление разослано нюландским губернатором без всякого сношения с командиром корпуса и что это объявление не было доставлено в штаб корпуса, командир корпуса решил обратиться за разъяснением к генерал-губернатору. В письме, написанном по этому поводу, было сказано:

«Мне было доложено, что среди русских жителей распространено объявление нюландского губернатора о том, что жители могут быть спокойны (?) под защитой войск. Имея в виду ваше настойчивое предложение об оставлении казарм и сосредоточении

* Из записки полковника Ниве.

пую для меня неизвестность, где русские живут, я до крайности затрудняюсь в осуществлении обещания полковника Львовского. С своей стороны прошу принять меры к устройству жителей в безопасном месте на случай артиллерийского огня по городу. Одновременно прошу о немедленном изготовлении русского парохода для перевозки в Петербург семейств военнослужащих лиц, в том числе и моего семейства».

На это письмо последовал в 7 час. вечера со стороны генерал-губернатора такой ответ: «Долженное вашему превосходительству справедливо, как справедливо и то, что русские семьи найдут защиту в войсках, т. е. не одного [только] городского гарнизона (?)»* в случае надобности, и вашему превосходительству для сего не надо знать, где живут по городу отдельные семьи, так как таковые в случае опасности будут губернатором предупреждены и направлены к местам охранения (?) или же увезены из города; такое обещание полковника Львовского есть [его] обязанность, которую он выполняет согласно тем обстоятельствам, которые постоянно меняются и ему известны. По вопросу об устранении жителей из города на случай артиллерийского огня: но таковой может быть открыт или с моего ведома и разрешения**, или вами вынужденно, т. е. при таких обстоятельствах, которых предвидеть нельзя, и которых, следовательно, и предупредить нельзя.

С моей точки зрения, более всех обеспечены покровительством войск семьи военнослужащих, почему, объявляя успокоительные известия другим, я для цели эвакуации сих семей еще не признаю необходимым вызывать морского транспорта***, но если бы некоторые семьи пожелали покинуть город, они могли бы временно перейти в крепость и уже оттуда быть эвакуированы. Желание же семьи вашего превосходительства при первой отправке транспорта в Петербург будет мною принято во внимание и вы предупреждены».

Это письмо лучше всяких других признаков показало командиру корпуса, что опасность миновала; тем не менее меры предосторожности в войсках были сохранены еще на ночь.

24 октября (понедельник). В три часа дня окончилась забастовка, и мало-помалу жизнь стала входить в общую колею. В этот же день, в 5 часов, на имя командира корпуса от директора канцелярии генерал-губернатора**** было получено отношение, где было сказано, что ввиду наступления успокоения как в г. Гельсингфорсе, так и по полученным сведениям в других пунктах расквартирования войск, дальнейшего действия в настоящее время со стороны войск гражданским властям не требуется*****.

* Вопрос о том, какие это войска, подчиненные корпусному командиру, которые могли бы защищать русских в Гельсингфорсе, так и остался не разъясненным.

** Как объяснить это, вспоминая предшествующее письмо?

*** Так в подлиннике. (Прим. ред.)

**** Это был первый случай, когда директор канцелярии непосредственно обращался с официальной бумагой к корпусному командиру.

***** Нельзя не обратить внимания на быстроту этого решения.

Свеаборгского порта генерал-майора Клеопина письмо следующего содержания:

«Милостивый государь, барон Антон Егорович. В состав сформированного 21-го сего октября под моим начальством для обороны острова Скатудена из Свеаборгского военного порта на случай (?) беспорядков в городе сводного отряда командированы были распоряжением вашего превосходительства одна батарея финляндского артиллерийского полка и взвод Оренбургского казачьего дивизиона. Все чины названных частей, как господа офицеры, так и рядовые, проявили во всех отношениях полное старание и неусыпную бдительность, выполняя непрерывно, в течение 4 суток [тяжелую службу, в состоянии полной боевой готовности. Считаю долгом засвидетельствовать о том перед вашим превосходительством и уведомить вас, что, отпуская артиллеристов и казаков, я выразил им от лица службы полную свою благодарность. Прошу, и пр.».

Письмо это ясно показало, что генерал-майор Клеопин со своей ротой и командой не считал себя подчиненным генерал-лейтенанту барону Зальца, как начальнику гарнизона, между тем как этот вопрос определенно разрешен § 1 устава гарнизонной службы, который гласит, что начальнику гарнизона в каждом городе подчиняются все расположенные там войска и все военнослужащие сухопутного и морского ведомств.

На сделанный по сему запрос: считает ли генерал-майор Клеопин, что вышеуказанное правило устава гарнизонной службы относится и к нему и ко вверенным ему частям, он, отзывом за № 2784, ответил, что им спрошено об этом указание главного морского штаба.

Начальник штаба генерал-майор Преженцов».

Составлено 27 октября 1905 г.

Исправлено и дополнено 27 ноября 1905 г.

Гор. Гельсингфорс.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, 1906 г.

Командир Свеаборгского порта главному морскому штабу

Гельсингфорс, 29 октября 1905 г.

Записка № 2465.

Имею честь сообщить главному морскому штабу, что 17-го сего октября я был приглашен к финляндскому генерал-губернатору на совещание по случаю ожидавшихся в городе беспорядков. На этом совещании генерал-губернатором признано необходимым, во избежание перерыва телеграфного кабеля, защитить имеемый при доме командира порта беспроводный телеграф и иметь связь с эскадрой, стоявшей в Ревеле, почему с наступлением сумерок были назначаемы для охраны телеграфа морские нижние чины на четыре поста. Искровой телеграф действовал исправно и имелись постоянные сношения с капитаном 1-го ранга Цивинским, а через него с Ревелем.

22-го числа ввиду получения сведений от командира 22-го

рану с телеграфа снял и действие искрового телеграфа перенес в порт, где таковой мною был устроен для практических занятий команды миноносцев.

18-го октября в городе началась полная забастовка, прекратилось ж.-д. сообщение, закрылись телефоны, почта и телеграф (последний действовал только одним проводом в Ревеле), прекратилось освещение, забастовали извозчики, трамваи, закрылись магазины, в городе забастовщиками были организованы санитарные отряды, открыты временные лазареты и приемные покои, организована собственная полиция, которая успешно выполняла свои функции.

Вследствие забастовки большая часть портовых мастеровых на работу не явилась, и мною было предоставлено мастеровым являться на работу только желающим.

19-го октября явилась к воротам порта депутация от рабочих с просьбою разрешить осмотреть мастерские, чтобы убедиться в том, что никто не работает. Просьба эта, конечно, была отклонена, тогда они просили прекратить работу и тех, которые работали добровольно, дабы не возбудить этим против них остальных забастовавших мастеровых. Ввиду того, что в порту производились незначительные работы и самое число мастеровых было ничтожно, я, не желая подвергать опасности остальных лиц, верных своему долгу, разрешил прекратить и эти работы, предупредив депутацию, что ни на электрической станции, ни на паровом отоплении работы прекращены мною ни в коем случае не будут.

20-го числа в городе общая забастовка продолжалась, происходили в разных частях города сходки за сходками. В этот день ко мне прибыл директор канцелярии финляндского генерал-губернатора полковник Зейн и передал распоряжение генерал-губернатора о вызове из Ревеля эскадры капитана 1-го ранга Цивинского, вследствие чего мною была отправлена начальнику отряда радиограмма следующего содержания: «Генерал-губернатор, признавая положение края чрезвычайно серьезным, считает необходимым немедленное прибытие эскадры в Гельсингфорс». На это капитан 1-го ранга Цивинский ответил, что не может покинуть ревельский рейд без приказа своего непосредственного начальства, но что содержание моей радиограммы передано главному командиру и ожидаются распоряжения. По сообщении этого генерал-губернатору, его сиятельство через чиновника особых поручений коллежского советника Дидерихса просил сообщить командующему отрядом, что он просит принять все меры к немедленному получению разрешения прибыть в Гельсингфорс, о чем я и сообщил капитану 1-го ранга Цивинскому. Того же 20-го числа вечером командующий отрядом сообщил, что он получил телеграмму с приказанием отряду идти в Гельсингфорс в распоряжение генерал-губернатора, куда и выходит с рассветом.

21-го октября в 3 часа дня эскадра капитана 1-го ранга Цивинского, в составе броненосцев: «Слава» и «Александр II», крейсера «Память Азова» и миноносца «Рябый» прибыла на гельсингфорсский рейд. На броненосце «Слава» в продолжение всего вре-

мени ожидавшихся беспорядков имел свои почас генерал-адъютант князь Оболенский, а днем пребывал в управлении порта.

О принятых мерах к охране порта мною донесено главному командиру рапортом от 24 октября за № 91; к числу этих мер следует причислить еще и то, что Свеаборгский порт по распоряжению коменданта Свеаборгской крепости был соединен собственным телефоном с крепостью, а также и с командиром 22-го армейского корпуса, находившимся в так называемых нюландских казармах.

22, 23 и 24 октября были днями крайне опасными в смысле возможности нападений, хотя порядок в городе, охраняемый многочисленной полицией, состоявшей из разных партий, все время соблюдался замечательный.

25-го октября после получения высочайшего манифеста о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае положение в городе сразу изменилось, забастовка окончилась, и город принял свою обычную физиономию, почему все войска, находившиеся в порту под моим начальством, по распоряжению подлежащих начальников были выведены, и только канцелярия финляндского генерал-губернатора осталась в здании порта.

Во все время забастовки и ожидавшихся беспорядков в порту я находился безотлучно в порту и имел ночлег на пароходе «Скаутен», стоявшем у пристани.

О всем вышеизложенном мною донесено главному командиру флота и портов Балтийского моря.

Генерал-майор Клеопин.

Гл. морск. штаб, д. 487, 1905 г.

Протоколы и постановление следственной комиссии по делу о беспорядках в Свеаборге в 1905 г.

Протокол № 1

1905 г., ноября 6-го дня, в г. Гельсингфорсе следственная комиссия по делу о служебных преступных деяниях чинов свеаборгского гарнизона допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 488, 490 и 493 статей XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е, причем свидетель показал:

Я, Александр Иванович Жнов, подполковник генерального штаба, и. д. начальника штаба Свеаборгской крепости, 40 лет, православный, под судом не был.

29 октября с. г., по возвращении из объезда по крепости, комендант вызвал меня к себе (около 6 ч. вечера) для прочтения о событиях в Кронштадте. Вскоре после моего прибытия к коменданту начальник крепостной жандармской команды принес воззвание к нижним чинам, приглашавшее их на следующий день в 3 час. дня на церковный плац для рассмотрения своих нужд (таких воззваний было собрано в разных местах крепости около 5—6 штук). Собранное немедленно комендантом совещание вырабатывало некоторые меры на случай могущих быть на следующий

днем ссоры, и комендант мне передаст приказание к нему ротным и батальонным командирам. О происходящем в крепости брожении было донесено в штаб округа шифрованной телеграммой.)

На следующий день, в воскресенье, после литургии комендант обратился с речью к нижним чинам, объяснил им текущие события, требовал от них спокойствия и терпения и предложил помолиться о скорейшем и благополучном устройстве земли русской. Во время молебна я слышал неясный шум, доносившийся извне. Выйдя из собора, я заметил на церковном плацу группы нижних чинов, человек 60—70, о чем-то разговаривающих, причем некоторые из них курили. Подойдя к ближайшей группе, я спросил, зачем они собрались. Выяснив из разговора, что это начало предложенного собрания, я вызвал командиров 9-й и 10-й рот крепостной артиллерии (в толпе преимущественно были артиллеристы), встреченных мною в соборе при возвращении в него, сообщил начальнику артиллерии генерал-майору Агееву и доложил коменданту.

По окончании молебна комендант, выйдя к построившимся бывшим в соборе командам, начал обходить с ближайшего фланга и здороваться с людьми. В это время к противоположному флангу, где стояли артиллеристы, подошла с разных сторон беспорядочная толпа нижних чинов, которая шумела и требовала, чтобы их товарищи расходились (толпа была из нижних чинов всего гарнизона). Приблизившись к коменданту, толпа как бы замаялась и по его окрику замолчала и на приветствие ответила обычным «здравия желаем, ваше превосходительство», но тотчас же шум возобновился с новой силой, и все старания ближайших начальников, а также и коменданта, приказывавшего замолчать, были тщетны, и толпа продолжала волноваться и шуметь. Тогда комендант, поручив генерал-майору Агееву собрать толпу в манеже, приказал командиру полка вызвать дежурную, а потом и 6-ю роту, находящиеся в центральной крепости, и сделал распоряжение о присылке одной роты с о-ва Александровского (роты были вызваны в караульной аммуниции с боевыми патронами).

Пока отдавались все эти распоряжения, а команды, бывшие в церкви и сохранившие порядок, по приказанию коменданта разводились по казармам (оставлена была только часть учебной команды полка), шумевшая толпа стала расходиться, присоединяясь к уходившим, бывшим в церкви командам.

Вызванные роты крепостного полка собрались на церковном плацу, и одна была выставлена заслоном со стороны артиллерийских казарм (6-я рота крепостного полка, явившаяся в беспорядке и с каким-то криком, была отправлена комендантом обратно).

Около 2 часов дня комендант, получив успокоительные известия от начальника артиллерии, приказал собрать роты крепостной артиллерии на церковном плацу. Роты вышли в порядке со всеми находящимися налицо офицерами. Выйдя к ним, комендант поздоровался по-ротному и обратился к ним с речью, подобной по содержанию с речью, сказанной им в соборе, и, поручив ближай-

шим начальникам разобрать нужды и желания нижних чинов, приказал с песнями разойтись по казармам. Роты разошлись в порядке, но песни ни одна рота не пела. Вызвав затем минную роту и проделав то же самое, комендант отпустил и ее. Вслед за тем были отпущены и роты крепостного пехотного полка, которые комендант поблагодарил за службу.

31 октября было собрано утром совещание из начальников частей, на котором обсуждалось происшедшее накануне событие и о случившемся была составлена шифрованная телеграмма начальнику штаба округа. При этом комендант приказал мне обо всем составить доклад августейшему главнокомандующему, с которым в этот день вечером я должен был выехать в Петербург.

Проект этого доклада я успел доложить коменданту только в 9-м часу вечера, вследствие чего я не мог выехать вечером, и мой отъезд был отложен комендантом на следующий день (тоже вечером).

В то время, когда я вносил в проект доклада указанное мне комендантом, его превосходительство вышел в залу гарнизонного собрания, находящуюся рядом с его квартирой. Вернувшись минут через пять, он сказал мне, что в собрании готовится какое-то заседание; спрошенный им там по этому поводу председатель распорядительного комитета артиллерии подполковник Ярошевский доложил, что офицеры гарнизона хотят собраться для обсуждения мер по охранению порядка в крепости и предполагают просить коменданта выслушать их доклад. Приказав подполковнику Ярошевскому, чтобы общего собрания офицеров не было, комендант сказал ему, что общее собрание будет назначено на 1 ноября. Тут же комендант поручил мне передать по телефону командиру крепостного полка, чтобы его офицеры в этот день на собрании не были, что мною и было исполнено.

Вернувшись от коменданта к себе на квартиру, я занялся работой по штабу. В 11-м часу (точно не помню) ко мне явился и. д. комендантского штаб-офицера капитан Селиванов и доложил, что в собрании почти все офицеры в сборе и обсуждают какой-то проект приказа*, причем артиллерии штабс-капитан Кузьмин громко заявляет, что если этот приказ не будет утвержден комендантом, то его можно разослать и без подписи коменданта. Узнав от капитана Селиванова, что на собрании присутствуют генерал-майоры Иванов и Агеев, полковники Головкин и Ногара, непосредственные начальники собравшихся офицеров, старшие меня по службе, я не считал необходимым докладывать коменданту о происходящем в гарнизонном собрании. Тем более, что вслед за этим я получил сведение от штабс-капитана Никифорова (и. д. строевого обер-офицера штаба), что и комендант прибыл в собрание, куда мною и было отправлено донесение о благополучии, полученное в этот вечер только от одной миной роты.

1 ноября, около 7 час. утра, меня потребовал к себе комендант. Явившись к нему на квартиру, я застал там начальника

* Самый приказ штаба ПВО не сохранился. Прим. ред.

телеграфной команды капитана Ивашкевича. Комендант передал мне, что он получил очень тревожные сведения, будто бы сходящая на Гельсингфорсском рейде эскадра предполагает, выбросив своих офицеров за борт, поддержать всеми средствами недо-вольных в крепости. «Поезжайте с утренним поездом и доложите обо всем начальнику штаба округа». При этом комендант сказал, что он вчера передал штабс-капитану Никифорову проект приказа, выработанный совместно с офицерами гарнизона, об упорядочении дела в крепости, который подлежит сегодня же отлитографировать.

На мой доклад о необычном выходе этого приказа комендант возразил, что теперь не время считаться с разными мелочами. Его превосходительство сказал: «Ко мне вчера явилась депутация от офицеров, которая настоятельно умоляла меня притти в собрание выслушать доклад офицеров, я хотел послать за вами, но депутация этому категорически воспротивилась. Вы не пользуетесь доверием офицеров». На это капитан Ивашкевич доложил: «Извините, ваше превосходительство, ни один из начальников частей этого не говорил».

Выслушав все это, я доложил коменданту, что обо всем случившемся я по долгу службы обязан донести начальнику штаба округа.

«Доложите всю правду,—сказал комендант.—Повторяю, я не мог поступить иначе, может быть, вчера я поставил на карту всю свою беспорочную 47-летнюю службу. Поезжайте с богом». И мы разошлись самым дружественным образом.

Сделав все нужные распоряжения по штабу крепости, я выехал по назначению. Перед отъездом я получил записку от коменданта, которой напоминалось мне доложить в Петербурге об эскадре и о выводе из крепости нижних чинов евреев.

Приехав в Петербург около 12 час. ночи, я хотел явиться с докладом к начальнику штаба округа, но не мог дозвониться с парадного подъезда. (На другой день я узнал, что там производится ремонт.)

Явившись к генерал-лейтенанту Мешетичу, я прочитал не под-писанный комендантом доклад последнего августейшему главнокомандующему (доклад не был подписан, так как ко времени моего отъезда черновик его не был еще перебелен, и я его перебелил сам уже в Петербурге) и мой рапорт от 1 ноября № 12. Генерал Мешетич приказал мне обо всем доложить августейшему главнокомандующему, что мною и было исполнено в присутствии великого князя Петра Николаевича, начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Палицына и генерал-майора Рауха. Получив приказание его императорского высочества ехать в этот же вечер обратно, я, получив указания от генерал-майора Рауха, уехал из Петербурга. Приехав в Гельсингфорс, я тотчас же явился для доклада к командиру 22-го армейского корпуса, как то приказал мне генерал-майор Раух, а по возвращении в крепость Свеаборг доложил обо всем коменданту крепости. Затем потекла моя обычная служба, причем меня поразил следующий факт: 4 ноября

штабс-капитан Никифоров доложил мне, что комендант передал ему для переписки письмо командиру 22-го армейского корпуса, которое не должно быть известно мне.

Настоящее показание записано мною собственноручно.

Подполковник Жнов.

Председатель комиссии генерал-лейтенант Ашеберг.

Члены: полковник Козелкин, подполковник Новицкий.

Протокол № 2

1905 г., ноября 7-го дня, в г. Гельсингфорсе. следственная комиссия по делу о служебных преступных деяниях чинов свеаборгского гарнизона допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 488, 490 и 493 статей XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е, причем свидетель показал:

Я, Нестор Никифорович Кайгородов, генерал-лейтенант, 65 лет, православный, под судом не был*.

...1 ноября с 9 час. утра я решился сам объехать все роты и команды крепости и опросить людей и поручил то же сделать ближайшим начальникам. Я еще 31-го числа собрал начальников частей у себя, совещался с ними о мерах успокоения и сохранения порядка. Решено было единогласно еще раз послать в Петербург в штаб округа телеграмму, которая была отредактирована так: «Начальнику штаба округа. Бывшее вчера волнение пока удалось успокоить. Считаю положение крайне серьезным, необходимо немедленно удалить из крепости запасных, прибывших в полк, а также задержанных на службе, прибывших в артиллерию из Усть-Двинска и Новогеоргиевска и ускорить увольнение в запас». Затем я решаюсь послать с докладом в Петербург начальника штаба крепости подполковника Жнова, поручив ему составить доклад о происшедшем в крепости и чтобы лично доложить и просить о скорейшем выводе запасных из крепости. После совещания со мною и вместе с начальниками частей, подполковник Жнов уходит от меня, чтобы шифровать телеграмму и составить доклад его высочеству августейшему главнокомандующему. Когда начальники частей ушли от меня, что было так около 2 час. дня, я узнал, уже не помню теперь от кого, что в то же время собирались в собрании военном группами и господа офицеры со своими штаб-офицерами, совещались о нуждах и положении людей и собирали сведения о том, что собственно хотят волнующиеся люди; тут присоединялись, кроме главного и общего желания запасных о скорейшем увольнении, заявления и о некоторых мелких, повидимому, но существенных желаниях людей.

Узнав, что господа офицеры хотели собраться в офицерском собрании, чтобы обменяться мыслями, посоветоваться младшим

* Показания Кайгородова нами даются лишь в части, освещающей вопрос об издании «незаконного» приказа по гарнизону. Остальная часть, содержащая мелочно-детальное описание действий крепостного начальства в октябрьские дни, здесь не воспроизводится. П р и м. р е д.

со старшими и выяснить настоящее положение дел в крепости, а назначил общее собрание господ офицеров гарнизона, членов офицерского собрания на вторник, 1 ноября, в 7 час. вечера, ввиду общей усталости и утомления всех от всего пережитого, благо все пока успокоилось.

Часов около 6 веч. 31 октября я прошел прямо из своей квартиры в примыкающий к ней общий зал офицерского собрания, чтобы пройти в вестибюль собрания, где висят нормальные электрические часы, чтобы проверить свои часы. Я увидел в зале собрания большой стол наших общих собраний, покрытый красным сукном и с канделябрами, и, не найдя никого в общем зале и в вестибюле, я пришел в библиотечную комнату собрания, где застал собравшихся под председательством генерала Агеева ротных, батальонных командиров крепостной артиллерии, которые совещались и резюмировали собранные как ротными командирами, так и младшими офицерами артиллерии сведения о желаниях и нуждах нижних чинов, им заявленных. Я лично сказал тут же генералу Агееву, что я назначил собрание господ офицеров на завтра, в 7 час. вечера, что сегодня все устали, да, вероятно, и он, так как он был у меня на докладе утром...

Уходя из собрания, я встретил, кажется, хозяина собрания штабс-капитана Бастамова и председателя комитета собрания подполковника Ярошевского, которым и отдал приказание убрать большой стол из зала и сказал, что общее собрание офицеров назначается мною на завтра и что я приказал в штабе крепости отдать об этом приказ и вместе с тем приказал известить по телефону и командира полка полковника Раевского, [с тем] чтобы он известил и своих офицеров, что сегодня общего офицерского собрания не будет, и затем ушел к себе на квартиру. Придя домой, я не мог отдохнуть, так как надо было исполнить кое-какие неотложные дела и написать письма; я проработал спокойно у себя дома, напился чаю и по обыкновению около 9 час. вечера или в начале 10-го сел с семьей ужинать в своей столовой, как через некоторое время, я полагаю так около пол-десятого вечера, мне пришел доложить вестовой, что пришли ко мне из собрания господа офицеры и просят меня к ним выйти. Я вышел и застал у себя в зале четырех человек: крепостного пехотного полка полковника Миронова, свеаборгской крепостной артиллерии капитанов Глушановского и Власова и прапорщика запаса артиллерии Сафонова, которые заявили мне, что общество офицеров гарнизона избрало их и просило притти ко мне, чтобы попросить меня притти в собрание, где собрались все уже офицеры гарнизона, все штаб-офицеры и начальники частей, что там находятся уже генерал Агеев, генерал Иванов и полковник Головкин и нет только командира полка полковника Раевского. Тогда я возразил этой депутации, что мною офицерское собрание назначено на завтра в 7 час., что я сообщил об этом и в штаб для отдачи приказания, и приказал уведомить об этом командира полка и его офицеров, что они живут довольно далеко от Госпитального острова и не могут прибыть своевременно в собрание, что я очень устал и просто не

в состоянии председательствовать в собрании. На это мне капитан Власов от лица остальных сказал: «Ваше превосходительство, время не терпит, положение критическое, дорог каждый час, общество все очень встревожено, семьи офицерские в ужасном волнении, все ждут, что решит собрание и комендант крепости, чтобы предотвратить могущее возобновиться волнение нижних чинов, да и всех господ офицеров». [Далее он заявил], что эскадра ненадежна, что с нее что-то сигнализируют в крепость, что матросы готовы взбунтоваться и просят и ждут поддержки наших людей. Что есть сведения, что и шведы, рабочая красная партия, заодно с ними, что крепость может быть захвачена мятежниками, что у нас полевые орудия и боевой комплект при ротах готовы выступить по тревоге, что у людей находятся еще на руках патроны, розданные в ожидании беспорядков в Гельсингфорсе на всякий случай, что время не ждет, надо действовать, что отлагать собрание до завтра невозможно, что все уже в сборе; затем, когда я все-таки отказывался идти, то меня со слезами на глазах начали умолять пойти на собрание [говоря], что гарнизон крепости и общество офицеров знают меня почти уже 15 лет, что я всегда пользовался общою любовью и уважением и что они не хотят, чтобы это, так сказать, частное, экспромптом собравшееся собрание общества офицеров гарнизона прошло без моего участия.

Тогда я согласился, но только сказал, чтобы известили командира полка полковника Раевского, чтобы он прибыл, и известили — кого нет из офицеров полка — по телефону, а также и начальника штаба подполковника Жнова, и что я могу притти не ранее, как через полчаса, т. е. в 10 часов...

Тогда мне сказали: «Полковника Раевского мы сейчас известим, но присутствие подполковника Жнова нежелательно, он не пользуется ни любовью, ни уважением господ офицеров гарнизона, держит себя крайне заносчиво и прочее другое, и если возможно, то лучше, если его не будет». Имея в виду, что подполковник Жнов должен был завтра ехать рано поездом в Петербург, что он переписывал в это время доклад, прочитанный вчерне мне вечером, часов около 8-ми, что это требовало времени (как секретный и неудобный для переписки писарями, я поручил ему переписать его самому), я не настаивал...

Офицеры ушли от меня в 9 ч. 40 мин. вечера. Я доужинал и ровно в 10 час. пошел в собрание. Когда я вошел, то застал всех гарнизонных офицеров в сборе; был поставлен небольшой столик, наскоро взятый из стоявших поблизости, и около него уже сидели начальники частей и оставалось только мое кресло. Поздоровавшись со всеми, я сел и открыл собрание. Тогда сначала полковник Миронов от лица офицеров, выработавших проект приказа по гарнизону, доложил мне, что из собранных господами офицерами сведений выяснилось и желательно, чтобы возможно скорее и не позже [чем] завтра утром можно было бы объявить нижним чинам, что то, что они просят, и что зависит от нас, может быть удовлетворено, и что это внесет сейчас же успокоение и спасет крепость. По крайней мере всем им так казалось. Тогда начали

при участии начальников частей, по пунктам разбирать, что возможно исполнить, что нет, в чем нужно изменение редакции. Обсуждение продолжалось до 2 час. ночи. Я чувствовал себя крайне утомленным. Была ужасная духота в собрании, так как на это чрезвычайное и экспромтное собрание собрались решительно почти все, кто только мог прийти и не был в служебном наряде или болен; были и чины штаба крепости, кап. Селиванов и штабс-капитан Никифоров, которому я потом и передал для окончательной редакции тот исправленный карандашом листок, на котором был составлен проект приказа, (так как я отверг первоначальный проект)... Главная моя цель была: успокоить общество офицеров, успокоить крепость, успокоить нижних чинов и внести так или иначе, без резких мер пока, арестов и немедленного расследования о происшедшем, успокоение в встревоженные и взволнованные умы гарнизона,—успокоение хотя на время и чтобы выиграть время; когда все успокоится и вздохнет свободнее, разъяснить, переменить и отдать уже в приказе все то, что можно было бы запретить. Я брал на себя ответственность и признавал это. Около 8 час. утра я потребовал к себе подполковника Жнова, чтобы он прочитал мне окончательно переписанный доклад мой великому князю августейшему главнокомандующему о случившемся в крепости, о том, что теперь в ней спокойно, но что я особенно и настойчиво ходатайствую о возможно скорейшем выводе из крепости запасных крепостного полка и, если возможно, для успокоения людей, выслуживших свой срок в 1904 г. и теперь задержанных более чем на год, [сообщив] хотя приблизительно, когда они могут быть уволены домой, о чем они все очень просили; о том, что мера эта для крепости необходима еще и потому, что [крепость] по недостатку места не может принять новобранцев призыва настоящего года, которые ожидаются в крепости в числе свыше 600 чел. в пехоту и 540 чел. в артиллерию. Подполковник Жнов ушел от меня около 8 час. утра, и затем я, надев парадную форму, поехал в город, чтобы представиться командиру 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанту барону Зальца и доложить ему лично о случившемся в крепости, так как я только что накануне получил телеграмму, о подчинении ему, и обеих крепостей Финляндии с их гарнизонами.

Я доложил генералу Зальца с полной правдивостью и откровенностью о всем происшедшем и, по его желанию, передал ему и литографированный уже экземпляр приказа по гарнизону, за который сознательно и несу ответственность, считая, что этим я достиг общего успокоения в обществе господ офицеров, нижних чинов и всех живущих в крепости семей...

Затем 3 ноября я получил от генерал-лейтенанта барона Зальца копию с телеграммы к нему его высочества великого князя главнокомандующего, что он меня отрешил от должности коменданта крепости и что завтра уже прибудет из Выборга генерал-майор Курганович для вступления в командование крепостью. Я с покорностью подчиняюсь воле божией и с твердым сознанием

своего долга, исполненного перед царем и родиной, [заявляю, что]* может быть, не соблюдая законных формальностей и отдав неправильно редактированное приказание по гарнизону, я без кровопролития и резких мер, арестов и насилия, спас погорячившееся, под влиянием общего возбуждения и почти паники, общество моих офицеров, от, может быть, еще более нелегальных поступков, а в нижних чинах вызвал общее ликование и общее искреннее, непритворное до слез соболезнование о постигшей меня [каре] на склоне моих дней и 47-летней и беспорочной и, по возможности могу сказать, бескорыстной и самоотверженной службы...

Положение мое в начале обсуждения проекта приказа, выработанного на совещаниях еще днем господами офицерами, было крайне тяжелое. Когда я категорически и твердо отверг предложенную редакцию начала его, то один из офицеров, насколько могу припомнить теперь, штабс-капитан Кузьмин, заведующий учебною командою крепостной артиллерии, взяв [листок] из рук полковника Миронова, читавшего вначале пункты проекта, сказал мне от имени выработавших его офицеров, «что если я не могу принять такой редакции, то они все равно сообщат ее нижним чинам». Тогда я вскочил со своего места и громким голосом сказал штабс-капитану Кузьмину: «Что вы такое говорите, подумайте, что вы делаете? Вы мне за это ответите». И предложил пока оставить вопрос о редакции вступления без обсуждения и перейти к разбору по порядку отдельных пунктов. Обсуждение по пунктам длилось почти три часа, и когда было закончено, то я предложил сделать другую редакцию начала приказа, но штабс-капитан Кузьмин и другие стоявшие за ним офицеры крайне волновались и заявили, что необходимо оставить проектированную, и опять штабс-капитан Кузьмин повторил, «что они все равно объявят ее или сделают известной нижним чинам». Тогда я, желая предотвратить такое уже крайне нелегальное действие сильно взволнованных и перво возбужденных офицеров, решил предоставить им тут же изменить и выработать другую, но они пожелали это сделать одни, говоря, что их стесняет присутствие старших, и на мой вопрос, почему, один из офицеров ответил: «Да ваше превосходительство хотели арестовать Кузьмина». Тогда я понял, что теперь арест и меры строгости несвоевременны, что мне необходимо сначала успокоить офицеров и нижних чинов возможно скорейшим объявлением выработанного приказа и признал, при данной обстановке и всеобщем возбуждении наиболее благоразумным и целесообразным принять лучше ответственность на себя за неправильную редакцию приказа. Я принял меры к тому, чтобы литография в артиллерийском управлении была заперта и никто из офицеров не мог в нее проникнуть, и отдал, кажется, приказание полковнику Нотару сообщить об этом по телефону генерал-майору Агееву. И действительно, когда я утвердил измененный проект приказа, то общество успокоилось и разошлось. Приказание на другой день вышло, люди

* В подлиннике—«когорым». Прим. ред.

успокоились, офицеры тоже, и в крепости у всех отлегло от сердца, спал как бы давивший се кошмар. Я же по совести и убеждению считал мой образ действий в данном случае за наилучший и ведущий к скорейшему водворению порядка. Сознавал, что беру на себя большую ответственность. Это было не бездействие власти, но сознательное ее действие, приводившее, по моему крайнему убеждению, к наилучшему, при данной обстановке результату.

Генерал-лейтенант Кайгородов.

Председатель комиссии генерал-лейтенант Ашеберг.

Члены: полковник Козелкин, подполковник Новицкий.

Протокол № 27

1905 г., ноября 10-го дня, в крепости Свеаборге следственная комиссия по делу о служебных преступных деяниях чинов свеаборгского гарнизона допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 488, 490 и 493 статей, XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е, причем свидетель показал:

Я, Виктор Николаевич Кузьмин, штабс-капитан, заведывающий учебною командою свеаборгской крепостной артиллерии, 30 лет, православный, под судом не был, предполагаю, что причинами, вызвавшими волнение и беспорядок среди нижних чинов гарнизона, могли быть нижеследующие, исключительно тяжелые условия жизни нижних чинов: 1) расположение казарм на отдельных небольших островах; 2) теснота и неудобство казарм; 3) запрещение одиночным людям бывать в городе; 4) прекращение продажи водки и пива в буфетах; 5) не только отсутствие развлечений, но даже стеснение в пользовании самыми невинными; как характерный пример этого могу привести случай, бывший нынешним летом: командир 1-й роты крепостной артиллерии в одно из воскресений отпустил партию нижних чинов человек в 15—20 за грибами на казенный остров Мелькэ. Когда люди приехали на остров, то инженерный надсмотрщик сообщил, что на острове нельзя высаживаться; нижние чины не послушали его, в результате строгое предписание вр. коменданта ген. Иванова с приказанием разобрать, кто виновен в нарушении приказа его превосходительства; 6) неувольнение нижних чинов в запас и полная неосведомленность их о том, когда этот желанный день наступит. Условия жизни в крепости особенно казались тяжелы, конечно, тем, кто прожил около 5 лет; 7) артиллеристы в частности могли быть недовольны плохой одеждой, которая давалась им для постоянной носки. Некоторые люди ходили буквально без штанов; 8) неудачная заготовка сапожного товара в этом году.

Вот те причины, которые, как мне кажется, сыграли значительную роль в создании того нервного настроения, которое разрешилось беспорядком в воскресенье 30 октября.

Может быть, на возникновение беспорядков имело влияние общение нижних чинов гарнизона с матросами и местными жителями финляндцами,

В воскресенье, 30 октября, я с прапорщиком Логановым вышел в 1-м часу гулять. Подходя к собору, я слышал, что нижние чины отвечают на чье-то приветствие. Около гауптвахты стояли строем ученики учебной команды; я поздоровался с ними и отправил их домой. Подойдя к собору, я увидел, что на шоссе стоят несколько маленьких команд, промежутки же между ними и вся дорога были сплошь усеяны нижними чинами; тут я заметил и артиллеристов и пехотинцев и минеров. Когда я подошел к лавкам, то комендант нервно ходил по шоссе и приказывал людям строиться в порядке, ему помогал генерал Агеев, тут же стоял совсем бледный подполковник Жнов, подполковник Ярошевский и другие офицеры, кто именно—не помню. Нижние чины приказа коменданта и генерала Агеева не исполняли, а отвечали дикими криками; что они кричали, разобрать было трудно. Одно могу сказать: кричали сотни голосов и некоторые из них как будто слова: «пойдем на плац». Комендант продолжал приказывать «строиться, итти в манеж». Под влиянием ли этих слов, или по какой-нибудь другой причине толпа разорвалась на две части, из которых одна повалила в казармы миной роты, а другая—к манежу. В этот момент комендант заметил меня и приказал привести учебную команду. Я повернулся и пошел по направлению к учебной команде; мне пришлось итти в густой толпе орущих нижних чинов; по отношению ко мне я никаких неприязненных действий не заметил, исключая того, что почти никто из нижних чинов не отдавал чести; делать за это замечания я не счел уместным. Когда я в толпе проходил мимо гауптвахты, то слышал крики десятков голосов: «давайте отоъем арестованных». Проходя далее, слышал крики: «побьемте шкуру». «Шкурой» они называли шедшего неподалеку сверхсрочного фейерверкера или фельдфебеля. Когда я пришел в помещение команды, ученики обедали. Я поторопил их и приказал строиться без ружей, так как предполагал, что комендант хочет говорить с командой. Команда строилась на дворе между своими помещениями и казармой 2-го батальона артиллерии,—из окон казармы смотрели нижние чины, а у трапа собралась даже маленькая толпа, из среды которой была сделана попытка острить на счет команды. Я подошел вплотную к этому трапу, и остроты прекратились. Затем я повел команду; на площади перед собранием я, заметив коменданта, остановил ее и повернул во фронт. Комендант подошел, поздоровался и сказал несколько слов, выражая надежду, что команда исполнит свой долг, как надлежит по присяге. После этого комендант отдал мне приказание взять ружья и раздать по 15 патронов, привести команду и расставить ее так, чтобы не допустить нижних чинов 1-го и 2-го батальонов артиллерии пройти на сборную площадь. Я тотчас же отвел команду в помещение, где люди взяли ружья и получили патроны; затем я построил команду и объяснил, для чего она вызвана. В это время кто-то из офицеров пришел и передал приказание коменданта остаться в помещении, но быть наготове; потом вечером учебная команда была назначена дежурной частью на случай тревоги на всю ночь. Я до

8½ час. вечера был с офицерами в помещении учебной команды и сам не видел последующих событий, но кое-что слышал от других. Так, например, подпоручик крепостной артиллерии Александр рассказывал, что пехотные солдаты, когда стояли цепью около площади собрания, кричали артиллеристам, что они стрелять в них не будут. Командир 2-й роты крепостной артиллерии рассказывал, что вечером по телефону в роту было передано приказание вывести 1-й батальон в ружье; когда дневальный у телефона, вольноопределяющийся, спросил, от кого это приказание,—ему не ответили. То же самое произошло в управлении артиллерии, как рассказывал об этом штабс-капитан Бастратов, адъютант крепостной артиллерии.

Вечером я пришел в собрание, где застал много офицеров; как и нужно было ожидать, темой разговоров исключительно служили события этого тревожного дня. Невольно проводилась параллель между началом беспорядков в Кронштадте и Свеаборге. Общий смысл разговоров был таков, что наша священная обязанность приложить все усилия, все старание к тому, чтобы не дать развиться брожению до тех грозных размеров, до каких оно дошло в Кронштадте. Во время беседы выяснилось, как все офицеры серьезно смотрят на свой долг перед царем и родиной сохранить в Свеаборге спокойствие, сохранить спокойным и грозным это русское гнездо в сердце Финляндии. Во время этой беседы приходили офицеры со списками заявленных нижними чинами во время сделанного по приказанию коменданта крепости опроса желаний. Разбирая эти желания, офицеры приходили к тому, что все эти пожелания выполнимы и законны. Постепенно из разговоров выяснилось, что все офицеры считают желательным собраться на следующий день и потолковать основательнее. На том приблизительно и кончились все разговоры. В понедельник, в 12-м часу, я пришел в собрание, где были уже некоторые офицеры и куда стали приходить другие. Должно быть, около 12 часов собралось человек 60 офицеров в читальной комнате; прежде всего офицеры просили старшего из присутствующих полковника Миронова принять председательство. После этого началось чтение несколькими офицерами поочередно списков желаний и просьб, заявленных нижними чинами, каждая из этих просьб обсуждалась и записывалась в окончательной редакции. По окончании этого я составил проект приказа по гарнизону, который подвергся со стороны многих присутствующих обсуждению и изменению. Первоначальной редакции я не помню, так как проект был мною набросан карандашом, после этого его несколько раз черкали и перечеркивали, и только после довольно долгого обсуждения он отлился в окончательную форму. После этого проект приказа был прочтен и утвержден, как мне помнится, единогласно. Впрочем, может быть, было незначительное меньшинство, которое не соглашалось с этой редакцией,—это я наверно не помню. Затем все разошлись, согласившись прийти в 8 час. Около 8 час. собрались в той же читальной комнате, я снова прочел проект, с которым опять все согласился. После этого поднялся

вопрос о том, как отдать этот приказ. После обсуждения пришли к тому, что надо доложить коменданту, что если даже приказ не будет отдан, то нижние чины, конечно, узнают, для чего собирались офицеры, так как в крепости секрет сохранить вообще невозможно, и поэтому офицерам придется сказать нижним чинам, что хотя комендант не согласился отдать этот приказ, но они будут еще об этом хлопотать. Это решение было принято, как мне помнится, если и не единогласно, то во всяком случае огромным большинством голосов. После этого было выбрано несколько человек, которые должны были пойти к коменданту и просить его в собрание. О сборе офицеров утром комендант знал, знал об этом и командир крепостной артиллерии генерал-майор Агеев, который был лично в читальной комнате и вместе со всеми обсуждал пункты. Генерал-майор Агеев даже сам пригласил на лестнице капитана крепостной артиллерии Глушановского пойти наверх, где тот до этого не был, это было при мне. Когда комендант вошел в зал, там были начальники частей и другие офицеры. Комендант крепости сначала отказался в данный момент обсуждать этот проект приказа, а затем согласился. Началось чтение проекта и обсуждение пунктов как комендантом, так и начальниками частей и другими офицерами. Во время этого чтения я уходил на продолжительное время вниз. Когда я пришел, то чтение приходило к концу. Комендант выразил несогласие отдать этот приказ. Полковнику Мионову нужно было доложить коменданту о том, что нижние чины все равно узнают об этом приказе, как об этом говорилось на собрании офицеров в читальне. Но полковник Мионов мялся и, видимо, не хотел говорить этого. Я немного подождал, а затем доложил об этом сам; думаю, что если бы это сказал не я, то сказал бы кто-нибудь другой. Комендант крепости, вероятно, не совсем точно поняв меня, сказал: «Вы, штабс-капитан Кузьмин, рискуете попасть под суд». Я на это ответил: «Ваше превосходительство, я передаю только решение всех офицеров, так как считал, что не имею нравственного права скрывать от вас то, что говорилось офицерами». После этого коменданту выяснили значение мною сказанного, и он предложил изменить редакцию приказа. Приказ был изменен без присутствия коменданта, так как ему доложили, что офицеры стесняются в присутствии начальства высказывать свои мнения. После того как составили новый проект приказа, пригласили коменданта, который согласился с новой редакцией и по инициативе штабс-капитана крепостного пехотного полка Никифорова подписал этот проект и сказал, чтобы он был отдан в приказании. После этого офицеры обступили коменданта и начали предлагать различные косвенные меры, которые могли бы, по их мнению, повести к успокоению нижних чинов, как например: просить о скорейшем уходе эскадры, поставить на сцене манежа труппой городских актеров пьесу «Изменил» и т. п.

Это показание написано мною собственноручно.

Штабс-капитан Кузьмин.

1905 г., ноября 12-го дня, в крепости Свеаборге, следственная комиссия по делу о служебных преступных деяниях чинов свеаборгского гарнизона допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с объявлением 488, 490 и 493 ст. XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е, причем свидетель показал:

Я, Аркадий Петрович Емельянов, подпоручик свеаборгской крепостной артиллерии, младший офицер, 21 год, православный, под судом не был. Приехав в крепость 23 августа, я с первых же дней услышал в разговорах с нижними чинами, что хозяйство ведется плохо; рассказывали мне историю с сапогами (товар был гнилой) и о пище. Вот подкладка, по моему мнению, всего того, что случилось в крепости.

30 октября (воскресенье) я был дома. Подошел час обеда, я с товарищем (подпоручиком Коханским) пошел обедать. Вестовые сказали, что никого из офицеров нет, все в ротях или на плацу, так как вызван на плац 1901-й год, с которыми будет говорить комендант. Пошел и я с товарищем, думая, что и наше присутствие необходимо. Пройдя мост, я увидел, что-то странное: пехота (потом узнал, что это учебная команда) стоит с ружьями посреди дороги и не пропускает одиночных нижних чинов на плац. Роты шли строем. Увидев меня, заведующий учебной командой штабс-капитан Кузьмин мне сказал, что мне необходимо быть в помещении учебной команды (я состоял там преподавателем), так как вышло приказание, чтобы нижние чины учебной команды (артиллеристы) были в боевой готовности и при офицерах. Мы, преподаватели, условились насчет дежурства, а так как мне пришлось следить во вторую очередь, я и отправился обедать. После обеда я пошел в команду и сменил подпоручика Чебыкина и подполковника Гостамова. Этим день и окончился. На другой день жизнь потекла своим обычным порядком, и я был на занятиях в учебной команде. Тут я узнал, что офицеры гарнизона собираются обсудить нужды нижних чинов, тем самым дать им скорейший путь к разъяснению. К этому я отнесся вполне сочувственно. И вот в 11 час., не докончив лекции, я вместе с другими преподавателями учебной команды отправился в собрание. Тут к 12 час. приблизительно собрались все офицеры гарнизона. У ротных командиров были списки нужд нижних чинов, так как было приказание, чтобы ротные командиры опросили нижних чинов. Выбрав председателя (старший из офицеров), мы начали обсуждать эти нужды. Каждая нужда была голосована и принималась лишь тогда, когда за нее было большинство голосов. В скором времени пришел к нам генерал Агеев, который и принял председательство. Но, просидев с нами $1\frac{1}{2}$ часа, он ушел. На этом же собрании был составлен проект приказа, который, конечно, так же голосовался и принял, наконец, свою окончательную редакцию. Со всем, что решалось на собрании, были все согласны и относились с большим вниманием, так как все понимали, что это есть единственное средство для умирот-

вления крепости. После этого часа в 8 был перерыв, после которого в 8 час. нужно было опять собраться, чтобы этот приказ утвердил комендант. Пообедав, я пошел в 8 час. опять в собрание. На этом вечернем собрании было решено, чтобы приказ по возможности не изменялся, и в случае, если комендант его не утвердит, разослать неподписанный в роты. Опять-таки это решение было сделано всем обществом офицеров. Кроме того, были выбраны депутаты, чтобы просить коменданта утвердить этот проект приказа, а также были вызваны начальники частей. Около 10 час. пришел комендант, которому и было прочитано решение общества офицеров. Выслушав приказ, комендант сказал, что он не может [его] подписать; председатель не говорил на это ничего. Тогда штабс-капитан Кузьмин, имея более других гражданского мужества, встал и заявил о решении общества офицеров; тогда комендант сказал, что мы все пострадаем, а особенно рискует Кузьмин. Поспорив на этот счет*, было все же решено, что проект приказа примет другую форму. Выслушав все нужды и признав их вполне основательными, комендант предложил изменить редакцию, что было и сделано. Но мы желали удалиться. Комендант удивлен был, почему мы удаляемся в читальную комнату и не желаем решать вместе с ним и начальниками частей, и обратился с вопросом к одному из близстоящих:—разве вы стесняетесь, когда мы здесь? На что и получил утвердительный ответ. Когда комендант и начальники частей ушли, мы приступили к редактированию этого проекта приказа. Редакция была сделана, и когда пригласили коменданта, то он приказ и подписал. После чего мы разошлись. Считаю своим долгом заметить, что, как я узнал в разговорах с нижними чинами, они, нижние чины, были очень озадачены, увидя пехоту с ружьями, когда у них было мирное настроение, а также [удивила их] и редакция вечернего (воскр. вечер) приказания «выбрать благонадежных людей».

Это показание писано мною лично.

Подпоручик Емельянов.

Протокол № 68

1905 г., ноября 12-го дня, в крепости Свеаборг следственная комиссия по делу о служебных преступных деяниях чинов свеаборгского гарнизона допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с объявлением 488, 490 и 493 ст. XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е, причем свидетель показал:

Я, Евгений Львович Коханский, подпоручик свеаборгской крепостной артиллерии, младший офицер, 19 лет, православный, под судом не был.

Утром 30 октября я узнал, что нижние чины сроков службы 1901 и 1902 гг. высланы из рот в церковь. К 12-ти час. из окна своей квартиры видел многих нижних чинов, идущих к собору,

* Так в подлиннике. Прим. ред.

мам. В 1 час дня вышел из квартиры, так как увидел роту сопровождении своих командиров, отправляющиеся на плац. этим заинтересовался. На плацу была выставлена рота пехоты с ружьями и также рота, не пропускающая отдельных нижних чинов на этот же плац, что вызывало у нижних чинов недоумение, которое и высказано было при посещении мною роты, для того чтобы узнать, что случилось, а в некоторых раздражение, как будто они (нижние чины)—какие-то бунтовщики. В понедельник было в 11 час. собрание офицеров для рассмотрения случившегося и также [вопроса] о том, что делать и как отнестись к этому событию. Так я понимал это собрание офицеров гарнизона. Сперва был выбран председатель без голосования, после чего началось чтение нужд нижних чинов. Найдя последние вполне справедливыми и возможными для удовлетворения, началась * разборка и составление решения. В конце заседания был составлен приказ, который и прочитан перед собранием. Цель приказа была, по моему мнению, в том, чтоб показать нижним чинам следующее: офицеры, рассмотрев нужды нижних чинов, нашли их вполне законными и потому удовлетворили их, тем показывая, что офицеры стоят на стороне нижних чинов, что они не враги их и готовы сделать все от них зависящее **, для чего собрались без разрешения коменданта, по своему желанию. В 8 час. вечера я был на втором собрании, где был прочитан приказ и произведено общее голосование, как поступить в случае отказа коменданта крепости. Единодушно было решено: коменданту дать приказ подписать без изменения его; в случае отказа, распространить среди нижних чинов. Комендант отказался подписать этот приказ, но после того как было заявлено, что офицеры могут изменить редакцию его, было дано на это согласие коменданта. Комендант вместе с начальниками частей удалились, после того как на вопрос, почему хотя офицеры удались в отдельную комнату для составления нового [проекта], было высказано, что офицеры стесняются и не могут говорить свободно перед высшим начальством. Приказ был составлен, комендант подписал, и я удалился. Новый приказ выражал ту же мысль что и *** составленный самими офицерами старый приказ и преследовал ту же цель, но только форма была иная.

Это показание писано мною лично.

Подпоручик Коханский.

Постановление № 2**** :

1905 г., ноября 20-го дня, в крепости Свеаборге следственная комиссия из производимого ею предварительного следствия п

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

** В подлиннике—«возможное». (Прим. ред.)

*** В подлиннике—«из которой и был составлен». (Прим. ред.)

**** «Постановление № 1», повторяемое в печатаемом постановлении, не помещаем. (Прим. ред.)

делу о беспорядках в свеаборгском гарнизоне нашла установленными следующие обстоятельства:

29 октября 1905 г., около 3 час. дня, в крепости Свеаборг появились анонимные письменные воззвания, приглашавшие нижних чинов гарнизона сойтись в воскресенье 30 октября, к 3 час. дня, на площади у крепостного собора для обсуждения их нужд. Для предупреждения сговора комендант крепости между прочим распорядился привести в собор к воскресному богослужению 30 октября нижних чинов преимущественно старших сроков службы, среди которых заметно было волнение вследствие задержания их на действительной службе. По окончании богослужения он сказал им соответствующую речь. Между тем около собора стали собираться беспорядочные группы нижних чинов, не бывших на богослужении и высказывавших желание сделать коменданту заявления. По выводе людей из церкви они построились, но когда комендант начал обход, то толпа нижних чинов смяла строй, заявляя с криками и шумом, чтобы комендант выслушал ее желания. На неоднократные приказания коменданта и сопровождавших его офицеров построиться люди эти строем не стали. При этом комендант объявил нижним чинам, что они будут опрошены, и офицеры об их нуждах доложат ему. После этого люди ушли с площади, но не в манеж, как приказал комендант, а разошлись по казармам.

Число участвовавших в этом беспорядке нижних чинов определяется лишь приблизительно: от 200 до 500; из них установлена личность только одного бомбардира-наводчика 10-й роты свеаборгской крепостной артиллерии Никиты Якушева. Командир этой роты штабс-капитан Абрамовский видел, как Якушев что-то кричал в толпе, но что именно, он не расслышал. В этот день по распоряжению коменданта офицеры произвели опросы нижних чинов, и вечером в беседе по поводу этих беспорядков в среде некоторых офицеров возникла мысль поскорее разоблачить заявленные нижними чинами желания и выработать ряд мер в предупреждение дальнейших возможных волнений, для чего между офицерами решено было собраться в 11 час. утра 31 октября в помещении гарнизонного офицерского собрания⁵⁴. С 11 час. утра до 5 час. дня состоялось собрание офицеров гарнизона, на что не было испрашено разрешения коменданта, как то требуется § 26 Положения об офицерских собраниях. На этом собрании, под председательством полковника Свеаборгского крепостного пехотного полка Миронова (временно, не более получаса, председательствовал зашедший в собрание генерал-майор Агеев), была произведена общая сводка просьб, заявленных нижними чинами: были обсуждены и выработаны соответствующие меры удовлетворения этих просьб, а также составлен проект приказа по гарнизону.

Вступление в этот проект приказа гласит:

«Офицеры гарнизона по собственному почину, без моего решения, собравшись 31 октября, обсуждали вопрос о беспорядках, бывших в крепости 30-го числа, о причинах, вызвавших их,

и о мерах, какие нужно принять для их прекращения. На этом собрании офицеры постановили...

Затем следуют 29 пунктов, касающихся преимущественно хозяйственного и внутреннего быта нижних чинов. Проект оканчивается словами:

«Выработав свои постановления, офицеры пригласили меня и начальников частей и заявили о своих решениях. Рассмотрев и обсудив этот доклад офицеров, я признал его справедливым, хотя и должен выразить свое неудовольствие по поводу того, что офицеры собрались без моего ведома. Соглашаясь с вышеизложенным мнением офицеров, я предписываю все постановленное офицерами привести немедленно в исполнение».

В 9-м часу вечера общее собрание офицеров гарнизона возобновилось. На этом собрании был возбужден вопрос, как поступить, если выработанный днем означенный проект приказа комендант не примет. Решено было в таком случае об этом сообщить в роты и объявить, что офицеры возобновят свое ходатайство перед комендантом. Затем выбрана была из среды собравшихся офицеров гарнизона депутация к коменданту, на которую возложено было доложить о состоявшемся общем собрании и просить его пожаловать в это собрание для совместного обсуждения выработанных офицерами мер. На заявление коменданта, что им назначено уже общее собрание офицеров по тем же вопросам вечером 1 ноября, депутация доложила, что ввиду крайне возбужденного состояния гарнизона и в предупреждение могущей возникнуть катастрофы, они убедительно просят удовлетворить их ходатайство теперь же. Комендант согласился и приказал пригласить начальников отдельных частей, которые в обоих предыдущих собраниях участия не принимали. В 10 час. вечера в общем гарнизонном собрании офицеров под председательством коменданта доложен был означенный проект приказа. По прочтении вступительной части приказа комендант категорически заявил, что ни в каком случае такого приказа не отдаст. Тогда штабс-капитан свеаборгской крепостной артиллерии Кузьмин доложил от имени общества офицеров, что если комендант не может принять такой редакции, то об этом все равно будет известно нижним чинам. Комендант на это заметил штабс-капитану Кузьмину: «Вы мне за это ответите». Отказываясь утвердить вступление проекта, комендант согласился обсудить пункты приказа. Когда обсуждение пунктов было окончено, комендант заявил, что теперь следует заняться окончательной редакцией, и вновь энергично повторил, что не допустит проектированной редакции вступления и конца приказа. На это штабс-капитан Кузьмин повторил вышеприведенный его доклад, прибавив: «Это надо сделать немедленно, иначе у нас может повториться Кронштадт». Тогда комендант предоставил офицерам выработать другую редакцию и удалился с начальниками частей, чтобы не стеснять офицеров в свободном обмене суждений. Окончательно выработанный офицерами проект был утвержден комендантом и выразился в приказании по гарнизону от 1 ноября за № 205.

В этом приказании между прочим говорится: «§ 22. Разрешить курить близ казарм и в общественном саду». «§ 28. Разрешить заводить на свой счет мундирную одежду, строго придерживаясь формы» (вопреки §§ 38 и 40 Устава внутренней службы).

Участниками в обоих собраниях, не разрешенных комендантом, были чины гарнизона:

I. Свеаборгской крепостной артиллерии: генерал-майор Агеев, полковники Товаров и Нотара, подполковники Семенкевич и Ярошевский, капитаны: Лукьевский, Глушановский, Власов, Орда, Филимонов, Ларионов, и Николаев, штабс-капитаны: Горюнов, Смирнов, Абрамовский, Кузьмин, Сушкевич, Кондырев, Бастратов, Цыцури, Никонов и Дудицкий, поручики: Бастамов, Мачигин и Карачков, подпоручики: Исаков, Родионов, Келлер, Александрович, Рукевич, Чебыкин, Коханский и Емельянов, прапорщики: Погожев, Сафонов, Логанов и Михайлов; Свеаборгского крепостного пехотного полка: полковник Миронов, подполковник Квитницкий, капитаны: Манакин и Григорьев, штабс-капитаны: Никольский, Соколов и Бушман, поручики: Орлов и Самсонов, подпоручики: Симон, Берт, Гаврилов, Колмаков и Петров и прапорщик Гурбатов 2-ой; Свеаборгской крепостной минной роты: капитан Двоглазов, штабс-капитаны: Орешко, Сахаров и Тимковский и подпоручик Гурдов; Свеаборгского крепостного военного телеграфа: подпоручик Якубовский.

Из этих чинов при редактировании и принятии вступительной части и конца проекта приказа присутствовали:

II. Свеаборгской крепостной артиллерии: подполковник Семенкевич, капитаны: Глушановский и Власов, штабс-капитаны: Кузьмин, Сушкевич, Кондырев, Бастратов, Цыцури, и Никонов, поручики: Мачигин и Карачков, подпоручики: Исаков, Родионов, Келлер, Александров, Чебыкин, Коханский и Емельянов и прапорщики: Погожев, Логанов, Сафонов и Михайлов; Свеаборгского крепостного пехотного полка: полковник Миронов, поручик Самсонов и подпоручик Петров.

В решении вопроса, как поступить, если комендант не примет проектированного приказа, участвовали:

III. Свеаборгской крепостной артиллерии штабс-капитаны: Смирнов, Абрамовский, Кузьмин и Никонов, поручики: Мачигин и Карачков, подпоручики: Исаков, Родионов, Келлер, Рукевич, Чебыкин, Коханский и Емельянов, прапорщики: Погожев, Сафонов, Логанов и Михайлов; Свеаборгского пехотного полка: полковник Миронов, поручик Самсонов и подпоручики: Гаврилов, Колмаков и Петров и Свеаборгской минной роты штабс-капитан Тимковский.

Около 9 час. утра 29 октября портной швальни свеаборгской крепостной артиллерии канонир Бейлин, зайдя в гельсингфорский местный военный лазарет, в разговоре с лазаретным служителем Коваленко высказал, что «в Свеаборге артиллеристы скопились бунтовать». В это время Бейлина видели в лазарете надзиратель Иванов и его помощник Никаноров. Сам Бейлин заявил, что не только ничего подобного никому не сообщал, но

даже в означенное время и не был в Гельсингфорсе; а портные Пасынков и Лаур утверждают, что до 9 час. утра того же числа Бейлин находился в Свеаборге.

По изложенным обстоятельствам могут быть усмотрены признаки преступных деяний:

а) со стороны коменданта Свеаборгской крепости генерал-лейтенанта Кайгородова,—предусмотренного 145 ст. XXII кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е;

б) со стороны командира свеаборгской крепостной артиллерии генерал-майора Агеева,—предусмотренного 147 ст. той же XXII кн.;

в) со стороны полковника Свеаборгского крепостного пехотного полка Миронова,—предусмотренного 145 ст. той же XXII кн. 55;

г) со стороны 58 офицерских чинов, участвовавших в собраниях 31 октября без разрешения коменданта (по вышеупомянутому списку I), предусмотренного ст. 9, XXIII кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е;

д) со стороны 25 офицерских чинов, участвовавших в редактировании и принятии вступительной части и конца проекта приказа (по вышеупомянутому списку II),—предусмотренного ст. 9 той же XXIII кн. 56;

е) со стороны 23 офицерских чинов, участвовавших в решении вопроса, как поступить, если комендант не примет проектированного приказа (по вышеупомянутому списку III),—предусмотренного 111 ст. XXII кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е 57;

ж) со стороны канонира свеаборгской крепостной артиллерии Бейлина (могущего подвергнуться обвинению в том, что, зная утром 29 октября о готовящемся сборище нижних чинов у крепостного собора, своевременно не донес о том подлежащему начальству),—предусмотренного 9 ст. XXIII кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е;

з) со стороны бомбардира-наводчика свеаборгской крепостной артиллерии Никиты Якушева,—предусмотренного 192 ст. XXII кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е 58;

Посему, и на основании 214 и 348 ст. XXIV кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е и имея в виду, что предварительное следствие по сему делу производится по распоряжению его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа,—следственная комиссия постановила: копию сего постановления препроводить начальнику штаба войск гвардии и Петербургского военного округа для доклада августейшему главнокомандующему и таковую же копию сообщить военному прокурору петербургского военно-окружного суда.

Председатель комиссии генерал-лейтенант Ашеберг.

Члены: полковник Козелкин, подполковник Новицкий.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. 6, 1906 г.

1906 г.

Записка департамента полиции о свеаборгском восстании 17 июля 1906 г.

17 июля 1906 г. в крепости Свеаборг возник военный мятеж, сопровождавшийся также значительными беспорядками в городе Гельсингфорсе. По этому делу в департаменте полиции имеются до настоящего времени следующие сведения.

Крепость Свеаборг расположена на цепи островов, раскинутых полукольцом против города Гельсингфорса и носящих, считая с востока на запад, следующие названия: Дегерэ, Лагерный, на котором расположены минная рота, батальон крепостного пехотного полка и около 5 рот артиллерии; затем: Михайловский, Александровский и Артиллерийский, составляющие главные форты крепости, а далее на северо-запад лежат группы островов Комендантского, с управлением коменданта и церковью, Инженерного, Стрелкового, Госпитального, Ключевого и Николаевского. В центре этого полукольца находятся острова Опасный и Договорный, на коих хранятся огнестрельные припасы. Со стороны материка, почти от центра Гельсингфорса, выдается в море по направлению к Александровскому форту полуостров Скатуден, на котором находятся казармы морского ведомства и рядом с ними здание тюрьмы; к востоку же от полуострова на рейде стояли минные крейсера и миноносцы.

В течение нескольких дней перед 17 июля в Гельсингфорс съехалось довольно значительное количество русских революционеров, занявшихся усиленно пропагандой среди местных войск и вошедших в оживленные сношения с руководителями так называемой Красной гвардии. Повидимому, означенная агитация имела в виду подготовку военного бунта в связи с такими же замыслами революционных организаций поднять войска одновременно в наиболее крупных центрах всей империи.

Вечером 17 июля среди нижних чинов минной роты на Лагерном острове возникли недоразумения с начальством, причем нижние чины, разобрав оружие, перешли к насильственному действию. Волнение это быстро передалось на другой конец острова в лагерь артиллеристов, которые кучками с криками бросились к расположению батальона крепостного пехотного полка. Командир батальона полковник Раевский, быстро собрав людей, отбил нападавших и затем, опасаясь, что они воспользуются находящимися на этом острове батареями, захватил последние. Видя это, артиллеристы на катерах переехали на главные форты Михайловского, Александровского и Артиллерийского островов, куда к ним вскоре прибыли на помощь часть нижних чинов артиллерии (с Комендантского острова и красногвардейцы, а также русские революционеры из города. Другая часть артиллеристов на том же острове напала на сарай, где были орудия и пулеметы, и перезвезла их на Инженерный остров. В это же время был захвачен катер, на котором подъезжал к Комендантскому острову полковник Нотара, причем последний был сперва ранен одним выстрелом.

лом, а после просьбы его отправить в госпиталь, был расстрелян и с привязанным к шее камнем брошен в воду. Таким образом в руках мятежников, во главе коих стояли штабс-капитан Цион и офицеры Коханский и Емельянов, оказались наиболее серьезные укрепления на Михайловском, Александровском, Артиллерийском и Инженерном островах, откуда бунтовщики начали обстреливать Комендантский и Лагерный острова. На последнем однако офицеры успели установить под закрытием одно полевое орудие и начали обстреливать Михайловский остров, на котором вскоре от неизвестной причины взорвался пороховой погреб. С своей стороны верные долгу части крепостного полка из орудий и ружей с Комендантского острова обстреливали мятежников, среди коих означенный взрыв и огонь крепостного полка причинили значительные потери. Между тем к Свеаборгу направилась крейсировавшая в Финском заливе эскадра с броненосцами «Слава» и «Цесаревич» во главе, причем командующему ею было передано на миноносце извещение коменданта крепости о возникшем бунте с просьбой обстрелять занятые мятежниками острова, не трогая Лагерного и Комендантского. Вслед за этим к эскадре приблизился захваченный восставшими пароход артиллерийского ведомства, на котором один из упомянутых изменивших присяге офицеров привез подложное отношение от имени того же коменданта с ходатайством обстрелять именно Лагерный и Комендантский острова. По обнаружении этого обмана упомянутый офицер и пароход захвачены чинами эскадры, которая и открыла огонь по занятым мятежниками фортам⁵⁹. Таким образом совместными действиями эскадры, крепостного полка, двух рот стрелкового полка, казаков и прибывших из Вильманстранда войск мятеж был к 20 июля подавлен, причем много раненых из участников восстания доставлены их единомышленниками в Гельсингфорс и скрыты в разных местах.

В это же время в этом городе происходили следующие события.

По агентурным указаниям, с начала восстания в крепости гельсингфорсская Красная гвардия уже была распределена следующим образом: один батальон под начальством бывшего фельдфебеля финских войск Лаптинена занимался порчей железнодорожного пути на линии Гельсингфорс—Петербург и взорвал мост у ст. Симола; другой батальон занял позицию около полотна железной дороги в парке Дюргарден и третий—стоял по Телеской дороге, между сахарным заводом и Дюргарденом, все же остальные люди Красной гвардии совершенно открыто возили и таскали оружие из города (рабочих домов) по Телеской дороге. В это же время происходили совещания местных революционеров в доме вольного пожарного общества, а русский революционный комитет, совместно с начальством Красной гвардии бывшим капитаном Коком (и, повидимому, Фразером), устраивал свои заседания в гостинице «Сосиете» и в доме рабочего общества. Главными членами означенного комитета, по негласным сведениям, еще не проверенным, состояли: бывшие члены Государ-

ственной думы Михайличенко, Аникин, Аладыин и Седельников, а также неуставленные еще Мельников, Берлин, фон-Фриккард, латыш студент Берзин и портной эстонец Янсон.

В этот же день с утра совершал постоянные поездки между городом и крепостью студент Ярошевский, сын подполковника крепостной артиллерии, получавший, видимо, указания от означенного комитета; отец же его, подполковник Ярошевский, был замечен филерами гуляющим и оживленно разговаривающим с известным наблюдению финляндским революционером поручиком бывших финских войск Георгом Прокопе.

В 7 час. утра 18 июля, т. е. после того как ночью в Свеаборгской крепости бунтовщики завладели главным укреплением, а штабс-капитаном Ционом (находящимся во временном отпуску в Гельсингфорсе*) было доставлено на форт достаточное подкрепление из Красной гвардии, над казармами свеаборгской флотской роты, расположенными на полуострове Скатуден, был поднят красный флаг с целью призыва матросов военных судов примкнуть к мятежу. Ввиду того, что мера эта не имела успеха, из казарм был открыт огонь из ружей и мелких орудий по минным крейсерам, которые ответили стрельбою по казармам из артиллерии и пулеметов; мичман же с крейсера «Фини» Де Ливрон смело направился в шлюпке к казармам и собственноручно сорвал красный флаг, но был убит бунтовщиками пятью пулями. Не выдержав огня с судов, мятежники покинули казармы и укрылись за тюрьмой, где уже их ожидал отряд Красной гвардии, и русские революционеры, которые угощением водкой и обещанием поддержки со стороны Красной гвардии склонили матросов продолжать беспорядки. По распоряжению Кока, из города было прислано еще до 200 чел. Тогда мятежники опять вернулись в казармы, вооружили прибывших красногвардейцев и около 2 час. дня в числе 300 чел. под начальством штабс-капитана Циона и двух неизвестных русских революционеров двинулись в город, но у моста их встретили казаки и две роты 2-го стрелкового полка, взявшие на изготовку. После этого бунтовщики разделились на две партии, из коих одна с ружьями повернула назад и на лодках скрылась на бывшие в руках мятежников форты, а другая, побросав оружие, бежала через мост в город, причем часть этих лиц в количестве 110 матросов и 11 частных задержаны войсками.

19 июля вечером помощником начальника финляндского жандармского управления ротмистром Лявданским лично было доложено корпусному командиру генерал-лейтенанту Зальца о заседаниях революционного комитета и роли штабс-капитана Циона, а также сообщено, где последний находился; тем не менее не только никто из членов революционного комитета и агитаторов, но даже и Цион арестованы не были**.

* На полях карандашом помечено: «Штабс-капитан Цион не в отпуску, а в отставке или в запасе».

** На полях помечено карандашом: «Барон Зальца не мог никого арестовать в Гельсингфорсе на дому. Даже генерал-губернатор мог бы сделать это лишь через прокурора финляндского сената. Жандармский ротмистр в Финляндии дол-

20 июля, когда стало известно, что бунт в Свеаборгской крепости подавлен, Красная гвардия объявила всеобщую стачку и пыталась создать ее вооруженной силой. Вследствие сего произошло столкновение между городской охранной милицией (Белой гвардией) и Красной гвардией, причем из охранной стражи убиты: бывшие офицеры финских войск штабс-капитан Калониус, поручик Окерман, архитектор Линдберг и несколько человек ранено, но подоспевшие войска отбросили Красную гвардию и обыскали ее канцелярию, где найдено 86 винтовок, ящик с патронами, 6 мешков переписки (недоступной ныне обозрению русскими властями), и арестовали 15 чел. Вслед затем в городе произведены в нескольких местах обыски, при коих взято оружие и динамит, оказавшийся в одном из домов на Эрикской улице в количестве нескольких ящиков, причем в этом помещении задержаны два красногвардейца и русский студент Игнатьев, назвавшийся сыном чиновника канцелярии Его величества.

21 июля, в 4 часа дня, по агентурным указаниям, в доме рабочего общества вновь состоялось под руководством капитана Кока совещание начальствующих лиц Красной гвардии, с участием депутата от кронштадтских моряков и представителя гельсингфорсской полиции констебля Лайне. Кок выразил свое неудовольствие многим командирам этой гвардии за то, что во время свеаборгского бунта они не могли во время собрать свои части и оставили без достаточной поддержки своих бунтовщиков посылкой им подкрепления и нападением на войска, расположенные в городе. Ввиду этого Коком отдано распоряжение по всей Красной гвардии съехаться всем командирам на совещание, назначенное им в понедельник, 24-го сего июля, в лесу около ст. Фридрихсберг, для обсуждения проекта о незаметном сосредоточении в городе Гельсингфорсе членов этой организации из всего края и о вооружении их для неожиданного нападения на русские войска*, причем предположено первоначально схватить стоящих у ворот казармы дневальных, у выходов устроить проволочные заграждения, а казармы поджечь при помощи керосина и взрывчатых веществ, когда же солдаты станут выскакивать, то расстреливать их из пулеметов и забрасывать ручными бомбами.

По негласным сведениям в шведоманских сепаратистских кругах в эти дни тоже происходили какие-то совещания, но когда выяснилось, что флот остался верным долгу присяги, а в Выборгской крепости все спокойно, означенные группы стали явно против революции, а потому у красногвардейцев и не оказалось достаточного количества оружия, большая часть коего находится в руках шведоманов.

24 июля 1906 г. Директор департамента полиции Трусевич.
ПВО, военно-судное отделение, д. № 27, 1906 г.

жен бы знать финские законы хотя бы настолько, чтоб не взводить на корпусного командира тяжкое обвинение в преступном бездействии власти. Ему следовало обратиться с докладом не к корпусному командиру, а к генерал-губернатору

* На полях помечено карандашом: «Надо надеяться, что барону Зальца это план сообщен для принятия надлежащих мер предосторожности».

17-го сего июля вечером начались беспорядки в крепости Свеаборге, выразившиеся столкновением минной роты и артиллеристов с пехотой. Во втором часу ночи распоряжением штаба 22-го армейского корпуса было послано в Свеаборг из Гельсингфорса подкрепление, состоящее из двух рот пехоты, которая была принята лично комендантом крепости, и дальнейшие подкрепления комендант не признал нужными. В продолжение ночи была слышна артиллерийская, пулеметная и ружейная стрельба, по временам затихавшая совсем. К утру 18-го острова Михайловский, Артиллерийский и Инженерный оказались в руках мятежников, а положение острова Александровского не было выяснено. Вследствие такого состояния крепости Свеаборг мною были 18 июля в 7-м часу утра приглашены начальники отрядов: капитан 1-го ранга Сарнавский и капитан 2-го ранга Шторре (прибывший вместо капитана 1-го ранга Князева) для обсуждения надвигавшегося вопроса о занятии всех батарей мятежниками.

В исходе 8-го часа утра дежурным по порту советником я был извещен о том, что часть команды Свеаборгского порта, находившаяся в казармах, разбирает ружья и выходит на двор, где производит по направлению к крепости выстрел вверх. Тотчас же, совместно с вышеуказанными лицами, я отправился на паровом катере в порт. Подойдя под корму минного крейсера «Финн»*, командир последнего доложил, что в порту поднят красный флаг и производится стрельба из ружей, почему крейсер открыл огонь по казарме и командир послал вельбот с мичманом Де Ливроном спустить красный флаг. В это время к пристани, ведущей к управлению, около которого находится мачта, подошли человек 8 или более штатских и матросов и видны были производящиеся выстрелы. Тотчас же посланный вельбот вернулся с тяжело раненым мичманом Де Ливроном.

Пристав к борту крейсера «Финн», до выяснения положения остался на нем.

Крейсера по мере появления мятежников, в числе которых было много штатских, на видимых пространствах обстреливались пулеметами, а окна третьего этажа казармы, где по временам появлялись люди, обстреливались из 75-мм и 57-мм орудий. Видя, что мое положение таково, что в порт попасть не могу, перешел на пароход «Скатуден», а все портовые катера и колесный пароход № 5 были отведены от берега. Все суда и катера Свеаборгского порта остались верными своему долгу и, разведя пары, были отданы в распоряжение старшего из начальников отрядов капитана 1-го ранга Сарнавского, которым катера и пароход «Буксир» были распределены по судам. Имея постоянное сношение с начальником отряда, вошел также в сношение с береговыми вла-

* Так в подлиннике (Прим. ред.)

сил о немедленной помощи пехотою. О присутствии в числе мятежников штатских через комендантское управление просил довести до сведения финляндского генерал-губернатора. После отправки третьего письма командиру корпуса с просьбою о подкреплении прибыл на пароход «Скатуден» командир 2-го Финляндского стрелкового полка полковник Жданко, как бывший заместителем отсутствовавшего командира корпуса, которому мною было выяснено положение мятежников и указан способ возможного их захвата. Для обсуждения совместного при этой операции действия сухопутных войск с крейсерами я отправился с полковником Жданко к капитану 1-го ранга Сарнавскому, в распоряжение же полковника Жданко мною были назначены капитан 2-го ранга Стронский и мичман Шульгин. В половине пятого дня подотроты роты 2-го Финляндского стрелкового полка и десять казаков вошли в порт с северной и южной стороны для осмотра всех помещений и захвата мятежников, оказавшихся в черте порта. Лица, находившиеся в казармах, по первому вызову немедленно вышли во двор без всякого оружия, а также из многих скрытых мест порта стали появляться нижние чины, заявлявшие, что они в мятеже не участвовали, а лишь скрывались от насилия со стороны руководителей мятежа. Руководители же в штатском платье и часть нижних чинов, которые видимо рассчитывали на присоединение к революционному движению минных крейсеров, заметив свою неудачу, прорвались в город, унеся с собою несколько винтовок и револьверов. В то же время я с пароходом «Скатуден», пристав к пристани, обошел порт, где повреждения в зданиях оказались незначительными. На дворе лежали разбитые патронные ящики и во многих местах были брошены ружья и аммуниция. Собрав всех задержанных в пределах порта нижних чинов в здание манежа и расставив по командам и переписав их, опросил о причине настоящего мятежа. Все единогласно показывали, что они, будучи захвачены врасплох, вооружены насильственно вожаками, но в перестрелках не участвовали. В то же время средний этаж казармы был очищен для помещения захваченных людей, и они были водворены туда и поставлен усиленный караул от армейской части. Все найденное оставленное оружие и аммуниция были собраны и помещены в 3-й этаж. В нижнем этаже расположилась занимающая караул пехотная часть.

При начале беспорядков при появлении в казарме командир роты команды миноносцев 20-го флотского экипажа лейтенант Басов был арестован мятежниками и помещен в карцер, туда же был под угрозой приведен мятежниками исполнявший в это время должность ротного командира свеаборгской флотской роты капитан Карпов и фельдфебель роты Черников; они были заперты на ключ и был приставлен часовой, а по выбытии агитаторов из пределов порта они были освобождены кондуктором минной команды Першиным, который до последнего времени, будучи дежурным по своей команде, несмотря на угрозы, оставался в роте. Так же поступил и дежурный советник по порту старший

береговой боцман Чайка, находившийся все время в дежурном комнате.

По освобождении лейтенанта Басова последний, прибыв на пристань, был принят шлюпкою на крейсер «Финн», откуда впоследствии в сопровождении 10 чел. вооруженных нижних чинов был отправлен на миноносцы для снятия некоторых машинных частей, дабы сделать их непригодными в случае захвата их мятежниками. Тогда же был усмотрен на пристани, с которой был ранен мичман Де Ливрон, труп матроса, убитого снарядом и признанного за матроса 2 ст. Савву Тауктчи, и отправлен в один из складов порта. Врач свеаборгской флотской роты коллежский советник Мартенс находился в приемном покое и мятежниками не был тронут. По занятии караулом порта стали из города добровольно являться нижние чины, частью приведенные патрулями, а частью пришедшие сами, многие из них были переодеты в штатское платье. Явление это продолжается и по настоящее время, причем выяснилось, что нетчиков в свеаборгской флотской роте состоит 23, а в роте миноносцев 14 человек. Производство дознания поручено капитану 2-го ранга Де Ливрону и в помощь ему дан мичман Коломийцев.

В настоящее время приводятся в известность все последовавшие от бывших беспорядков убытки казне.

Что же касается действия мятежников в Свеаборгской крепости, то 18 и 19 июля происходила очень частая перестрелка, оружейные, пулеметные и ружейные выстрелы между мятежниками и оставшимися верными батареями. Всякое сообщение с крепостью и принадлежащими ей островами было прервано. 19 июля эскадренный броненосец «Цесаревич» и крейсер 1-го ранга «Богатырь», по соглашению командира 22-го корпуса, прибывшего в Гельсингфорс 19-го утром, с начальником отряда крейсеров, приступили в 6 час. к бомбардировке Михайловской батареи. Стрельба была успешная, и Михайловская батарея отвечала слабо. Корректур стрельбы была организована при участии офицера генерального штаба и флотского офицера на башне дома командира порта вблизи искрового телеграфа, почему сношения с эскадрою были постоянные. К 8 час. вечера по распоряжению корпусного командира бомбардировка была приостановлена. После взрыва погребов огонь Михайловской батареи значительно ослаб, к вечеру на Александровской батарее был поднят парламентерский флаг. В продолжение ночи перестрелка была слышна лишь ружейная и пулеметная, в ту же ночь появились беглецы с Михайловской батареи вверенного мне порта, удалось захватить каперам** две шлюпки, в которых находилось 15 чел., в числе их одна женщина; по показанию прибывших, там же находились и члены Красной гвардии.

Утром 20 июля распоряжением командира корпуса крейсер «Финн» с капитаном 1-го ранга Сарнавским и крейсер «Казанец»

* В подлиннике—обладания ими. (Прим. ред.)

** Так в подлиннике. (Прим. ред.)

вышли в море к отряду капитана 1-го ранга Бострем для перего-
воров, причем никаких демонстративных действий со стороны
батареи не было, а по заявлению капитана 1-го ранга Сарнав-
ского на батарее Михайловской команда стояла между орудиями
во фронте, как бы для отдания почести, и на флагштоке был под-
нят флаг, по показаниям некоторых, белый, а по показаниям капи-
тана 1-го ранга Сарнавского, цвет флага за маловетрием он точно
определить не мог, и с этого времени всякая стрельба прекра-
тилась.

По спросе мною командира корпуса генерал-лейтенанта барона
Зальца—в час дня—все батареи находятся во власти коменданта
Свеаборгской крепости, и крепость объявлена в осадном положе-
нии, причем Михайловская батарея не сдавалась, а все находив-
шиеся в ней бежали, кто на гребных судах, а кто на захваченных
ими пароходах.

В 1½ часа дня пароход «Буксир» был отправлен в Свеаборг
с судебным следователем, назначенным августейшим главноко-
мандующим для производства следствия. Число убитых и раненых
командир корпуса определить не может.

Генерал-майор Клеопин.

*Дело управления Свеаборг. порта, 1906 г., весьма секр.
«О возмущении команд Свеаборг. порта».*

**Морской министр командиру Свеаборгского порта
ген. Клеопину**

Записка № 1189.

С.-Петербург 27 июля 1906 г.
Секретно.

Государь император 18 июля высочайше повелеть соизволил
предоставить командиру 22-го армейского корпуса в отношении
как возникших, так и имеющих возникнуть в пределах Великого
княжества Финляндского военно-судных дел, касающихся чинов
военно-сухопутного, а равно и морского ведомств, право:

1) предавать виновных суду с применением наказаний, опре-
деленных для военного времени (91 ст. XXII кн. Св. в. п. 1869 г.,
изд. 3-е);

2) утверждать приговоры суда по сим делам (1098¹ ст. XXIV
кн. Св. в. п. 1869 г., изд. 3-е) и

3) не давать направления в кассационном порядке по данным
по сим делам жалобам и протестам (ст. 1401 XXIV кн. Св. в. п.
1869 г., изд. 3-е).

О таковом высочайшем повелении сообщаю вашему превосхо-
дительству для сведения.

Морской министр вице-адмирал Бирилев.

*Дело управления Свеаборг. порта, 1906 г., весьма секр.
«О возмущении команд Свеаборг. порта».*

**И. д. коменданта Свеаборгской крепости командиру 22-го ар-
мейского корпуса ген. Зальца**

Рапорт № 2776.

Свеаборг, 2 августа 1906 г.

17 июля, около 10½ часов вечера, со стороны островов Лагер-
ного, Инженерного и Артиллерийского раздались ружейные вы-
стрелы и крики «ура». Говорят даже, что одновременно с этим
с Михайловского острова были даны 3 холостых пушечных вы-
стрела, как бы в виде сигнала. По приказанию коменданта кре-
пости, переданному лично начальником штаба, на Госпитальном
острове, где квартировали три роты крепостного полка, была про-
бита тревога, после чего 5-я рота и присоединившаяся к ней на
пути 4-я рота были начальником штаба приведены к дому ко-
менданта. Роты не успели еще подойти, как с Инженерного и
Артиллерийского островов стали раздаваться частые ружейные
выстрелы, причем были ранены несколько нижних чинов (на
островах Инженерном и Артиллерийском находились 2-я рота кре-
постной артиллерии, нестроевая рота и команды рабочая и спе-
циальная). Тотчас часть 5-й роты была рассыпана в цепь у крыль-
ца комендантской квартиры и получила приказание немедленно
открыть огонь, следствием чего на островах Инженерном и Артил-
лерийском на время как бы все затихло. Есть основание предпо-
лагать, что бунтовщики имели намерение меня арестовать.

Через некоторое время из кустов на Комендантском острове
стали раздаваться голоса: «Братцы, что вы стреляете, мы свои»,
«Идите к нам» и т. п.

Им было приказано перестать кричать и подойти ближе, а
то будет открыт огонь. Ввиду неисполнения этого приказа
был вызван взвод крепостной пехоты, который и прогнал их вы-
стрелами. В это же время на Лагерном острове три роты крепост-
ной артиллерии (6, 8 и 9-я), расположенные лагерем на этом
острове, разобрали винтовки и, не обращая внимания на убежде-
ния некоторых фельдфебелей и фейерверкеров, переправились
на лодках на Михайловский остров, где и присоединились к
взбунтовавшимся двум ротам крепостной артиллерии, стоявшим
там лагерем (7-й и 10-й ротам).

Пытавшиеся перейти на этот остров две роты крепостной ар-
тиллерии с Александровского острова были задержаны огнем 2-й
роты крепостной пехоты, обстреливавшей дамбу, ведущую с Але-
ксандровского острова на Михайловский, и в течение всего 18-го
числа не принимали участия в мятеже.

На рассвете 18 июля (к этому времени защитникам централь-
ной крепости были подвезены из Гельсингфорса на Комендант-
ский остров 5-я и 6-я роты 2-го Финляндского стрелкового полка)
мятежники с Артиллерийского и Инженерного островов открыли
по Комендантскому острову огонь из 9-фунтовых полевых орудий
и из пулеметов. Около 2 часов дня по Комендантскому острову
был открыт огонь с Михайловского острова, причем первый же
снаряд попал в собор. Огонь продолжался почти целый день и
был направлен главным образом против дома, где помещается

квартира коменданта и штаб крепости. С открытием огня с Михайловского острова роты крепостного полка на Лагерном острове, занимавшие 1-ю батарею и расположенные у пристани «Пастушка», в свою очередь начали обстреливать Михайловский остров сильным ружейным огнем, чем и привлекли огонь, направленный на Комендантский остров, на себя. Эти роты в продолжение всего дня сильно обстреливали подступы к кухне на Михайловском острове, чем лишили мятежников возможности варить себе пищу.

В ночь на 19-е огонь на некоторое время стих, но утром 19-го возобновился еще с большей силой, причем частое попадание снарядов в красный флигель, где находится квартира коменданта, заставило меня перейти со штабом в казармы минной роты.

Около 12 часов дня 19 июля со стороны мятежников явились ко мне три нижних чина с письмом, написанным генерал-майором Агеевым, в котором предлагалось прекратить огонь и положить оружие в том случае, если минеры будут освобождены из-под ареста (минная рота была арестована 17-го утром, за неповиновение, приказ по гарнизону № 198) и если прибывшие на выручку стрелки будут возвращены в город; в противном случае мятежники угрожали открыть огонь со всех островов, ими занятых.

Собрав, на основании ст. 62 Положения об управлении крепостями, военный совет и выслушав мнения, я выбрал самое мужественное, высказанное полковником Жновым, и послал мятежникам приказание немедленно положить оружие перед мостом, после чего они будут арестованы. Вместе с приказанием было послано несколько экземпляров приказа от 18-го числа об объявлении крепости в осадном положении. Одновременно с этим было сделано распоряжение, чтобы все оставшиеся еще в Свеаборге семьи и частные лица, не имеющие прямого отношения к крепости, немедленно покинули крепость.

Около 2 часов пополудни, как бы в ответ на это приказание, мятежники открыли страшный огонь со всех занятых ими островов по центральной крепости и острову Лагерному из орудий крупного калибра (до 11-дюймовых мортир включительно) и 9-фунтовых, причем самый сильный огонь был направлен по Комендантскому острову.

Огонь этот продолжался до 5½ часов пополудни, когда на острове Михайловском произошел взрыв склада в 3600 пудов черного призматического пороха, приготовленного к отправке в С.-Петербург. Причина взрыва до сих пор не выяснена, возможно, что он вызван выстрелом из полевой батареи, сформированной на Лагерном острове командиром Свеаборгского крепостного пехотного полка при помощи оставшихся здесь артиллерийских офицеров.

Между 6 и 7 часами вечера* со стороны моря раздались

* Около этого времени по сухому пути через Дегерэ на Лагерный остров прибыл 2-й батальон 1-го Финляндского стрелкового полка и пулеметная рота.

выстрелы из орудий большого калибра; как оказалось, это были «Цесаревич» и «Богатырь», прибывшие на помощь защитникам крепости и открывшие огонь по островам Михайловскому и Александровскому, занятым мятежниками.

Уже сейчас же после взрыва огонь мятежников с острова Михайловского почти что прекратился, а с началом бомбардировки флотом островов Михайловского и Александровского стала утихать стрельба и с островов Инженерного и Артиллерийского, и к ночи огонь совсем прекратился, причем было получено известие, что на островах, занятых мятежниками, поднят белый флаг.

С рассветом 20 июля было приступлено к обезоруживанию мятежников и арестованию их. При занятии островов Инженерного и Артиллерийского произошла перестрелка, где бунтовщики, несмотря на поднятый ими белый флаг, стреляли из ружей, и пулеметов, причем был убит стрелок 5-й роты 2-го стрелкового полка.

Бежавшие на лодках мятежники, не желавшие вернуться несмотря на предупреждение, что по ним будет открыт огонь, были обстреляны с батарей островов Стрелкового и Николаевского и ружейным огнем с прочих островов, причем несколько небольших лодок было расстреляно.

Всего было арестовано около 900 артиллеристов и около 80 частных лиц (Красной гвардии, переодетых матросов и русских рабочих). Пропали без вести 31 человек; по всей вероятности они скрылись, но можно думать, что часть их убиты или потоплены.

При занятии островов найдено 19 трупов, из них семь, найденные на Михайловском острове, были обуглены.

Убыль защитников—всего 4 убитых и 17 раненых, из которых некоторые остались в строю. Кроме того убиты мятежниками свеаборгской крепостной артиллерии полковник Нотара и подпоручик Исаков, а той же артиллерии штабс-капитан Борк, окруженный мятежниками, угрожавшими ему смертью, застрелился сам. Несмотря на сильный артиллерийский огонь в течение 2½ суток повреждения крепостных строений незначительны. Больше всего пострадал так называемый красный флигель, где находится квартира коменданта и штаб крепости. Такая малая действительность огня может быть объяснена тем, что стрельба преимущественно велась из 9-фунтовых полевых орудий; падавшие же снаряды крупных калибров (включительно до 11-дюймовых мортир) и попадавшие в здания, к счастью не разрывались, вследствие чего не принесли большого вреда. Многие из них давали перелеты и угрожали Договорному острову, где находятся снаряженные мины и склад пироксилина.

Хотя ни одно из зданий окончательно не разрушено, все же Комендантский остров непосредственно после бомбардировки представлял подавляющую картину: почти все стекла в окнах выбиты, во многих зданиях вырваны куски из стен и углов величину в квадратный аршин. Встречаются пробитые и разрушенные двери, оконные рамы и крыши. На земле валялись груды стекла, осыпавшейся штукатурки, кирпичей и железных полос с крыш.

Во все время бомбардировки войска, защищавшие крепость, вели себя выше похвалы, что мною и отмечено в прилагаемых при-
казе по свеаборгскому гарнизону.

Приложение: Копии с приказов по свеаборгскому гарнизону от 17 минувшего июля за № 198 и от 30 июля за № 213.

И. д. коменданта крепости, генерал-майор Лайминг.

Начальник штаба, полковник Жнов.

Приложение 1

Приказ по свеаборгскому гарнизону № 198

17 июля 1906 г.

Свеаборгская крепостная минная рота, забыв присягу и долг солдата, вчера, 16 сего июля, заявила скопом незаконную жалобу из-за отмены выдачи денег на руки за винные порции, а сегодня, 17 июля, отказалась выйти на занятия, вследствие чего рота, как недостойная носить оружие, мною обезоружена. Фельдфебель смещен на младшего унтер-офицера, старшие унтер-офицеры — в ефрейторы, а остальные унтер-офицеры и ефрейторы в рядовые. Они должны были внедрить в [сознание] нижних чинов долг службы и не допустить нижних чинов до такого безобразия, не терпимого ни в одной армии.

Все технические занятия и работы в минной роте прекратить, с нижними чинами производить занятия как с новобранцами, разбив их на партии по числу наличных в роте младших офицеров, которым и быть прямыми их учителями, за неимением унтер-офицеров в роте, воспитывая в нижних чинах потерянный ими дух и требования воинской дисциплины.

Всю роту лишаю увольнения из района лагерного расположения на один месяц. Так как тяжкие технические

работы в роте производиться более не будут, то предписываю довольствие производить по обыкновенной раскладке, а полученную от этого экономиию записать в графу переходящих сумм.

О всем происшедшем и о степени виновности начальствующих лиц и офицеров в бездействии власти будет произведено следствие.

Спасибо Свеаборгскому крепостному пехотному полку, вызванные две роты которого исполнили свой солдатский долг.

Больно и тяжело идти против своего солдата, забывшего присягу, но я убежден, что и весь остальной гарнизон всегда и во всех случаях исполнит свой долг.

Так как судовые команды минной роты, сколько я видел, остались верными своему долгу, а потому наказанию не подлежат, то командиру минной роты представить мне по команде список всех унтер-офицеров и ефрейторов, бывших в этот день налицо в роте.

И. д. коменданта Свеаборгской крепости, генерал-майор Лайминг.

Приложение 2

Приказ по свеаборгскому гарнизону № 213

30 июля 1906 г.

2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10-я и нестроевые роты, лабораторная и рабочая команды крепостной артиллерии, забыв присягу и долг солдата, возмущались в ночь с 17 на 18 июля и, получив подкрепление от так называемой Красной гвардии, открыли огонь по островам Комендантскому, Госпитальному, Стрелковому и Лагерному. Верный присяге и долгу своему Свеаборгский крепостной пехотный полк мужественно принял на себя первые удары мятежников и с доблестью настоящих русских солдат защитил крепость от

захвата, находясь в продолжение 2½ суток под сильным огнем артиллерии, осыпaeмый снарядами, пулями и осколками от снарядов и от кирпичных зданий, причем по 22 июля включительно находился безотлучно, не раздеваясь, на своих позициях, оберегая честь и спокойствие крепости.

18 июля прибыли на подкрепление 5-я и 6-я роты 2-го Финляндского стрелкового полка, которые совместно с ротами крепостного пехотного полка (1, 3, 4 и 5-я) доблестно действовали в центральной крепости. Около 6 час.

Финляндского стрелкового полка с пулеметной ротой через Дегерэ на Лагерный и принимал участие в занятии островов Михайловского и Александровского.

Также верными долгу своему остались 1-я и 5-я роты крепостной артиллерии, которые вечером 19 июля открыли огонь по Инженерному острову, занятому мятежниками, и по лодкам, на которых хотели скрыться бежавшие с островов мятежники.

Крепостной военный телеграф действовал, пока было возможно, оставив центральную станцию лишь тогда, когда туда стали падать снаряды, и потом, по сдаче мятежников, быстро окончил работу по восстановлению телеграфного сообщения в крепости.

Крепостная минная рота судовыми своими средствами и в качестве гребцов способствовала быстрому занятию острова Михайловского, где находилось главное гнездо мятежников; минная рота и до сего времени принимает участие в обследовании ближайших к крепости островов.

Штаб крепости и пожарная команда, которая была собрана на случай пожара, выполнили свой долг честно, как подобает русскому солдату.

Доблесть оставшихся верными долгу уже оценена нашим державным вождем государем императором в телеграмме августейшего главнокомандующего, объявленной в приказе по войскам и крепостям, находящимся в Великом княжестве Финляндском, № 26.

Родина и крепость Свеаборг никогда не забудут своих верных сынов и доблестных ее защитников.

Земно кланяюсь от имени службы, от имени высочайше вверенной мне крепости, командиру Свеаборгского крепостного пехотного полка полковнику Раевскому за высоко доблестную его работу как самостоятельного руководителя обороны Лагерного острова, блестяще действовавшего по мятежникам и не позволявшего артиллеристам безнаказанно действовать при орудиях, и за отличное воспитание полка.

Также земно кланяюсь начальнику штаба крепости полковнику Жнову, моему ближайшему помощнику в деле обороны крепости; безупречному спокойствию, хладнокровию, неумоимости и распорядительности полковника Жнова центральная крепость обязана многим, и полковнику Жнову она обязана, что верным и правильным распределением гарнизона последний имел

Финляндского стрелкового полка с пулеметной ротой через Дегерэ на Лагерный и принимал участие в занятии островов Михайловского и Александровского.

Земно кланяюсь крепостному врачу коллежскому советнику Георгиевскому, двое суток неумоимо работавшему у раненых на перевязочном пункте, сначала в той части моей квартиры, которая особенно сильно обстреливалась мятежниками, а потом в более укрываемом месте. Перенесение перевязочного пункта было сделано блестяще под сильным огнем. Низко кланяюсь: командирам батальонов полка — полковнику Миронову, подполковнику Малиновскому, подполковнику Левинскому, подполковнику Аксенову и командиру пулеметной роты Разумихину, командирам рот крепостного пехотного полка капитанам: Федорову, Перфильеву, Выкову, Манакину, Прокофьеву, Саквичу, Григорьеву, Никифорову и штабс-капитану Максимову, начальнику учебной команды штабс-капитану Бушману, начальнику охотничьей команды поручику Мартсону, врачу Сомову, и всем гг. младшим офицерам, и в особенности, как я лично видел, подпоручикам Иванову и Молчанову, которые своим спокойствием и веселостью во время бомбардировки облегчали работу своим ротным командирам и прекрасно влияли на солдат.

Искренно благодарю командиров 1-го и 2-го батальонов крепостной артиллерии подполковника Семенкевича и подполковника Панкратьева за участие их при усмирении мятежников.

Искренно благодарю командиров 1-й и 5-й рот крепостной артиллерии капитана Мартынова и штабс-капитана Кондырева и младших офицеров этих рот, капитана Ларионова, сформировавшего полевую батарею на Лагерном острове, и младших офицеров этой батареи поручика Мачигина, подпоручиков Рукевича и Родионова, работавших за номером на этой батарее.

Сердечно благодарю начальника телеграфа капитана Ивашкевича и подпоручика Якубовского, энергично действовавших в целях сохранения и восстановления связи в крепости. Очень благодарю заведывающего хозяйством подполковника Квитницкого, под огнем снабжавшего крепость продовольствием, молодым офицерам минной роты подпоручикам Шестакову и Иванову выражаю мою глубокую благодарность за то, что под огнем мятежников неоднократно привозили донесения с

обратно.

Сердечно благодарю всех чинов штаба крепости и в особенности командированного к штабу поручика Васильева, бывшего во все время бомбардировки при начальнике штаба крепости, а также исполнявшего обязанности дежурного по караулам поручика Венцовского, прибывшего по приказанию моему с артиллерийским караулом для охраны меня до прибытия пехоты.

Всем нижним чинам, честно и му-

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. № 27, 1906 г.

Постановление следственной комиссии по делу о беспорядках в Свеаборге в 1906 г.*

1906 г., сентября 26 дня, в г. Гельсингфорсе следственная комиссия по делу о беспорядках в Свеаборгской крепости в июле 1906 г., рассмотрев следственный материал, нашла:

Впервые беспорядки в войсках Финляндии проявились в октябре 1905 г., вскоре вслед за общей политической забастовкой и переворотом в крае. Беспорядки эти в Свеаборгской крепости вызвали назначение особой комиссии под председательством генерал-лейтенанта барона фон-Ашеберга, которая, признав в различной степени виновными 59 офицеров (в том числе и коменданта крепости), обнаружила только двух виновных нижних чина. Ответственность виновных лиц выразилась в следующем: комендант крепости был удален от должности, а остальные офицеры понесли иные дисциплинарные взыскания.

Вновь назначенный комендант крепости, генерал-майор Лайминг, вступив в командование крепостью 16 ноября 1905 г., застал уже значительные улучшения в крепости в отношении одежды и пищи нижних чинов крепостной артиллерии. Состояние крепости после октябрьского беспорядка в ней признавалось в отношении нравственного состояния нижних чинов до начала настоящего года вполне удовлетворительным. Но с января месяца замечался постепенный упадок настроения, проявлялось недоверие нижних чинов к офицерам крепостной артиллерии, слишком далеко стоявшим от своих подчиненных; пьянство и более серьезные проступки нижних чинов участились; а наряду с этим с ранней весны обнаружилась в значительно усилившейся степени противоправительственная пропаганда и агитация среди войск и к лету достигла широкого развития. Вредная агитация среди нижних чинов, несомненно, получала большее развитие в частях с подорванным внутренним порядком и преимущественно там, где агитации могли содействовать офицеры, что именно имело место в свеаборгской крепостной артиллерии.

* Вверху помета Николая II: «Надо послать копии для прочтения августейшим генерал-инспекторам артиллерии и инженеров. Н и к о л а й. I/X, 1906 г.».

Еще в январе месяце в крепости определилась неблагоприятность поручиков Емельянова и Коханского, и комендант крепости, признавая, что эти молодые офицеры при беседах с ним «высказывали, видимо при поддержке некоторых старших офицеров, взгляды, не применимые в нашем отечестве», и, убедившись в вредном их направлении и влиянии на нижних чинов, готов был удалить их из службы, но смягчил свое решение ввиду заявленных этими офицерами просьб и данных заверений.

Деятельность той же артиллерии штабс-капитана Циона вызвала подозрения еще в период октябрьской забастовки; мер тогда никаких принято не было. Впоследствии же, когда командир 22-го армейского корпуса генерал-лейтенант барон Зальца признал пребывание этого офицера в гарнизонах крепости Свеаборга и Гельсингфорса вредным, штабс-капитан Цион был переведен в крепость Осовец, но продолжал до мятежа проживать в Гельсингфорсе и ближайших окрестностях, причем не найдено было достаточных оснований с формальной стороны к совершенному его удалению. Сведения о Ционе от начальника крепостной жандармской команды получались комендантом крепости совершенно необоснованные. На запрос же штаба корпуса сведений о Ционе от гельсингфорсского жандармского управления только через месяц (уже после мятежа) были сообщены департаментом полиции данные, с оговоркой, что они не проверены формальным дознанием.

Агитация и пропаганда среди нижних чинов вне казарм происходила в наибольшей мере в Гельсингфорсе, где снабжение нижних чинов нелегальной литературой, привлечение их на митинги и частные беседы, устраивавшиеся русскими революционерами, производилось совершенно безнаказанно; здесь-то именно, где увольняемые из крепости нижние чины выходили из-под надзора ближайших своих начальников, и был главный очаг зловредной пропаганды.

Сношения с гражданскими властями, как командиром корпуса, так равно и комендантом крепости и командиром Свеаборгского порта, не приводили к желательным результатам по оказанию администрации и полицией надлежащего содействия войскам к устранению вредной деятельности революционеров, и требования по недопуску полицией нижним чинам присутствовать на этих собраниях оставались неудовлетворенными.

Комендант крепости свидетельствует, что и в крепости борьба с пропагандой не давала благих результатов; он показывает: «Я чувствовал, что на законной почве (дознания, следствия) бороться с пропагандой трудно, я чувствовал, что единственно, что может хоть отчасти вылечить крепость от этого зла, это—новый беспорядок (не скрою, я его ожидал)» и т. д.⁶⁰

Личный состав офицеров крепости оставался в общем с октября 1905 г. почти неизменным: командир крепостной артиллерии генерал-майор Агеев, признанный не удовлетворяющим требованиям службы, был по ходатайству коменданта крепости оставлен в должности на ответственности последнего, свое ходатайство ко-

мёндант крепости основывал на уверенности, что он сам как артиллерист в состоянии будет привести крепостную артиллерию в порядок.

В конечном результате состояние крепости к лету было таково, что комендант ее, как свидетельствует, постоянно ожидал беспорядков и признавал положение тревожным.

Командир корпуса предписанием от 5 мая с. г. № 1552 указывал на свое заключение, что в частях свеаборгского гарнизона и преимущественно в крепостной артиллерии явно отсутствует исполнение служебного долга начальствующими лицами; что все проступки и вообще поведение в это время нижних чинов доказывают небрежность, доходящую до отсутствия правильного и должного надзора за ними их начальников всех степеней; при этом командир корпуса предлагал войти к нему с представлением о тех начальниках, которые выказывают себя особенно нерадивыми к службе.

Состав и расположение войск гельсингфорсского и свеаборгского гарнизонов к лету были следующие:

1. Гельсингфорсский гарнизон состоял только из двух батальонов 2-го Финляндского стрелкового полка, в относительно слабом составе, одной сотни отдельного Оренбургского казачьего дивизиона и 6-го полевого жандармского эскадрона. Из частей пехоты ежедневный караульный и по внутренней службе наряд достигал 2 рот; полагая же этот наряд на две смены, свободными от нарядов оставалось только 4 роты, выводившиеся еще притом в Фридрихсберг для производства стрельбы.

2. Свеаборгский гарнизон состоял из разбросанных по островам частей, из коих все кроме одного батальона пехоты размещались в лагерях:

а) в центральной крепости на Комендантском острове—одна рота Свеаборгского крепостного пехотного полка, специальная и лабораторная команды свеаборгской крепостной артиллерии и часть телеграфной команды;

на Госпитальном острове—три роты Свеаборгского крепостного пехотного полка;

на Стрелковом и Инженерном островах—по одной роте свеаборгской крепостной артиллерии;

на Артиллерийском острове—нестроевая и рабочая команды свеаборгской крепостной артиллерии;

б) на Ключевом и Николаевском островах—одна рота свеаборгской крепостной артиллерии;

в) на Александровском острове—одна рота Свеаборгского крепостного пехотного полка и две роты свеаборгской крепостной артиллерии;

г) на Михайловском острове—две роты свеаборгской крепостной артиллерии;

д) на Лагерном острове—пять рот Свеаборгского крепостного пехотного полка, три роты и учебная команда свеаборгской крепостной артиллерии, свеаборгская крепостная минная рота и часть телеграфной команды.

На островных участках в Свеаборге были коменданты островов и начальники лагерных сборов.

Все управление войсками, крепостями, военными управлениями и заведениями, находящимися в Финляндии, объединялось в лице командира 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанта барона Зальца, который одновременно с тем был и начальником гарнизона в Гельсингфорсе.

Выехав из Гельсингфорса 23 мая и до 19 июля проживая в Вильманстранде, генерал-лейтенант барон Зальца, по показанию генерал-майора Преженцова, приезжал в Гельсингфорс за это время несколько раз на 1-2-3 дня. Требования § 6 устава гарнизонной службы по назначению приказом по гарнизону заместителя и донесению командующему войсками не соблюдалось.

Председатель комиссии заявил, что генерал-лейтенант барон Зальца лично ему объяснил, что показание начальника штаба генерал-майора Преженцова неверно, так как он проживал не только в Вильманстранде, но и в Гельсингфорсе, причем объезжал полки, потому что возбуждены были вопросы о перемещении некоторых частей; пребывание в Вильманстранде представляло для него интерес в том отношении, что там сосредоточены были восемь стрелковых батальонов, четыре пулеметных роты, драгунский полк и одна сотня казаков, следить за занятием которых считал необходимым.

Заместителями начальника гарнизона в Гельсингфорсе должны были быть до 9 июля начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады генерал-майор Сахновский, а за уходом его по болезненному состоянию в отставку или командир Свеаборгского порта генерал-майор Клеопин или гельсингфорсский комендант генерал-майор Глебов, тоже ныне уволенный в отставку.

Кроме названных лиц в Гельсингфорсе при исполнении служебных обязанностей налицо ко времени беспорядков находились: генерального штаба подполковник Иуон, временно исправляющий обязанности начальника штаба корпуса, и полковник Жданко, командир 2-го Финляндского стрелкового полка.

В крепости Свеаборге комендант и штаб крепости оставались на Комендантском острове; многие же офицеры крепостной артиллерии жили не при своих частях в лагерях, а по островам крепости, если не по прямому разрешению, то всегда с ведома начальства и по освященному годами обычаю.

При таких условиях 13 июля в Гельсингфорсе возникла забастовка городской полиции, поводом к которой между прочим послужило распоряжение гражданского начальства об арестовании полицией лиц, виновных в противоправительственной агитации; такое распоряжение, потребованное командиром корпуса от нюландского губернатора, на основании изданного генерал-губернатором по представлению командира же корпуса постановления, констебли признавали незаконным⁶¹.

На другой день, 14 июля, местное жандармское управление сообщило в штаб корпуса, что давно волнующееся рабочее население города, собственно Красная гвардия, имеют намерение ночью произвести нападение на казармы; это побудило немед-

ленно принять меры охраны. Генерал-губернатор приглашал подполковника Иуона к себе для переговоров по поводу ожидавшихся беспорядков среди рабочих и для выяснения возможности устранить пребывание в городе матросов, которые, с прибытием в порт судов морских эскадр, проявляли распушенность. У генерал-губернатора в это время несли охранную службу добровольцы так называемой Белой гвардии. Командиру корпуса в этот день был отправлен доклад в Вильманstrand, и генерал-лейтенант барон Зальца приехал в Гельсингфорс 15 июля вечером. Последовавшие 17—20 июля в крепости Свеаборге и Свеаборгском порту события, в которых приняла участие и Красная гвардия, дают основание предполагать, что эти волнения рабочих имели некоторую связь с волнениями в крепости Свеаборге и порту⁶².

16 июля вечером свеаборгская минная рота заявила скопом жалобу на неполучение денег за винные порции, выдача которых на руки в период с 1 мая по 1 октября отменена была приказом по инженерному корпусу от 25 апреля с. г. № 8. В свеаборгской минной роте приказ этот был получен 27 мая, а распоряжение об этом было объявлено в приказе по роте 12 июля за № 193. Когда нижним чинам было отказано в удовлетворении их заявления, то они 17 июля отказались выходить на занятия до удовлетворения их требования.

Личным распоряжением коменданта крепости минная рота была обезоружена и оставлена под наблюдением двух рот крепостного пехотного полка. Предположенный отъезд свой в Петербург генерал-майор Лайминг отложил. О беспорядке в минной роте было донесено 17 июля командиру корпуса, вечером этого же дня генерал-лейтенант барон Зальца выехал в Вильманstrand.

Председатель комиссии заявил, что генерал-лейтенант барон Зальца дал ему такое объяснение своего отъезда: получив сведения, что в 4-м полку в Вильманstrandе два нижних чина умерли от дизентерии, он признал необходимым поспешить отъездом, дабы лично принять необходимые меры к прекращению болезни, и получил вместе с тем доклад начальника штаба Свеаборгской крепости полковника Жнова, что в крепости, повидимому, все вновь на время успокоилось; это последнее обстоятельство подтверждается в представленном начальником штаба корпуса отчете о деятельности штаба в период мятежа.

В этот же день, около 10½ час. вечера, в крепости Свеаборге вспыхнул вооруженный мятеж в крепостной артиллерии почти одновременно на Лагерном, Михайловском, Артиллерийском и Инженерном островах⁶³. По тревоге в центральной крепости были подняты четыре роты крепостного пехотного полка, причем две ранее изготовившиеся роты были приведены начальником штаба крепости полковником Жновым к дому коменданта, куда ранее был вызван караул с главной гауптвахты; в наряде была учебная команда крепостной артиллерии, люди караула до конца остались верными долгу и первоначально открыли огонь по мятежникам. Приведенные роты успели очистить Комендантский остров от мятежников.

В ночь с 17 на 18 июля около половины второго на Комендантский остров были подвезены из Гельсингфорса 2 роты, 5-я и 6-я, 2-го Финляндского стрелкового полка, приведенные лично командиром полка полковником Жданко.

В общем здесь к утру 18-го в распоряжении коменданта крепости оказалось сосредоточенными 6 рот пехоты, из которых одна оставалась на Госпитальном острове.

С этими силами комендант крепости, со штабом, упорно держался под сильным орудийным, пулеметным и ружейным огнем до конца мятежа 20 июля, выказав несомненное мужество и твердость. Тем не менее комендант крепости не имел в своем распоряжении ни полевой артиллерии, ни пулеметов, которые все были захвачены мятежниками, неоднократно просил штаб корпуса о высылке скорострельной батареи и пулеметов. Особенно тяжелое положение крепости было 19 июля, когда комендант настоятельно и неоднократно просил у штаба корпуса немедленной поддержки на Комендантский остров.

Приказом по свеаборгскому гарнизону от 18 июля крепость Свеаборг была объявлена на осадном положении с 12 часов ночи 17 июля, чем, по мнению командира корпуса и коменданта крепости, не изменялись их взаимные служебные отношения и подчиненность.

19-го, около 12 часов дня, к коменданту крепости явились со стороны мятежников три нижних чина с письмом, написанным генерал-майором Агеевым, который был захвачен мятежниками, с предложением условий прекращения мятежа и с угрозой при отказе открыть огонь из всех орудий.

На собранном по этому случаю военном совете комендантом крепости было принято самое мужественное мнение начальника штаба полковника Жнова: условия мятежников отвергнуты и им предложено положить оружие и сдаться арестованными. Ввиду же угрозы бомбардирования, сознавая весь ужас ее и необходимость иметь твердый гарнизон, комендант крепости предложил «всем лишним и кто боится оставить крепость».

Открытый по центральной крепости около 2 часов дня сильный орудийный огонь со всех занятых мятежниками островов продолжался до 5½ часов дня, когда на острове Михайловском произошел взрыв склада с 3482 пуд. дымного пороха, приготовленного к отправке в с.-петербургский склад огнестрельных припасов и сложенного в утюкованных ящиках в деревянном сарае. Причины взрыва остались невыясненными. После взрыва орудийный огонь стал заметно утихать, и мятежники большей частью переходили на Александровский остров.

В 6 часов вечера с подошедших судов «Цесаревич» и «Богатырь» был открыт огонь по Михайловскому острову, на котором, как говорили, оставалось мало людей, по преимуществу штатских. Стрельба судов продолжалась до сумерек; мятежники отвечали слабо.

По частным сведениям, с одного броненосца «Цесаревич» было

выпущено 44 12-дюймовых и 360 6-дюймовых снарядов. К вечеру 19 июля мятежниками был поднят белый флаг.

С рассветом 20-го было приступлено к занятию мятежных островов и обезоружению и арестованию мятежников, причем на Инженерном и Артиллерийском островах произошла **перестрелка**: несмотря на выкинутый белый флаг, мятежники открыли огонь из ружей и пулеметов.

Бежавшие на лодках мятежники, не желавшие сдаться, были 19-го вечером и 20-го утром обстреливаемы с батареей Стрелкового и Николаевского и ружейным огнем с Комендантского острова. Несколько небольших шлюпок были потоплены, несколько захвачены, несколько же прорвались и скрылись. Огонь по шлюпкам мятежников был прекращен 20 июля, около 12 часов дня, когда коменданту крепости было передано с Николаевского острова по телефону о получении словесного приказа от командира корпуса о прекращении такой стрельбы. Приказание это было передано на Николаевский остров лично подполковником Мининым, состоящим в прикомандировании к гельсингфорсскому комендантскому управлению, во вполне категорической форме и было принято как категорическое приказание о прекращении огня по шлюпкам с беглецами, так как, при объяснениях по этому поводу подполковника Минина с офицерами на Николаевском острове, первым были допущены выражения о бесчеловечности стрельбы по беглецам. С своей стороны командир корпуса заявил, что никакого приказа о прекращении огня по бегущим шлюпкам им отдано не было, причем выяснилось, что его указание о более разборчивой стрельбе по лодкам с Николаевского острова, вызванное слухами о ранении мальчика, сжавшего в лодке с женщиной, было не так передано подполковником Мининым, и что последний, по мнению командира корпуса, быть может, сказал более, чем ему было поручено.

Во время мятежа пароходы крепости «Выстрел», «Пушкарь» и «Марс» были захвачены мятежниками, и некоторые из них совершали рейсы в город.

В распоряжении коменданта оставался только моторный бензиновый катер и 1 артиллерийский пароход «Бомба», на котором и были подвезены в ночь на 18-е число 2 роты из Гельсингфорса. Связь центральной крепости с островами ее была случайная ввиду обстрела подступов к Александровскому и Лагерному островам и перерыва телефонного сообщения. Телеграф не действовал. Связь со штабом корпуса поддерживалась случайно. Ввиду недостатка пловучих средств штаб крепости неоднократно просил штаб корпуса о назначении миноносца для поддержания связи, прекращения рейсов мятежных пароходов, ходивших в город, и для захвата шлюпок с беглецами. Просьбы эти удовлетворены не были.

Положение частей войск на отдельных островах крепости было следующее:

а) На Лагерном острове, по показаниям офицеров, живших при артиллерийском лагере, 6, 8 и 9-я роты и учебная ко-

манда свеаборгской крепостной артиллерии с возникновением мятежа с ружьями, нестройными толпами, с криками и стрельбой бросились из лагеря к пристани. Выбежавшие из артиллерийского офицерского собрания офицеры не могли остановить это массовое движение людей, крайне возбужденных, которые на лодках переехали на Михайловский остров. С ними переехал и подпоручик Емельянов. Дежурным в артиллерийском лагере был в этот день штабс-капитан Сушкевич, которому удалось дать знать по телефону о случившемся в штаб крепости и коменданту Лагерного острова. Жившие на дачах на этом же острове офицеры немедленно явились в лагерь, но из своих людей нашли здесь лишь немногих; постепенно их все же собралось более ста человек. У всех оставшихся артиллеристов было отобрано по распоряжению начальника общего лагерного сбора на острове полковника Раевского оружие, а роты Свеаборгского крепостного пехотного полка заняли позицию против Михайловского острова.

Старшим из наличных артиллерийских офицеров был капитан Ларионов (командир 8-й роты), которому было известно отсутствие командира батальона полковника Семенкевича. Общих распоряжений капитаном Ларионовым не делалось. 18 июля полковник Раевский около 3 часов дня пригласил к себе всех артиллерийских офицеров и обратился с предложением устроить какую-либо батарею, с которой можно было бы открыть огонь по Михайловскому острову. Все артиллерийские офицеры, по заявлению полковника Раевского, отнеслись к этой мысли очень сочувственно, но затем капитан Ларионов по совещании со своими офицерами послал подпоручика Квитницкого доложить полковнику Раевскому, что к исполнению его требования не представляется никакой возможности.

Прибывший на Лагерный остров в ночь с 18-го на 19-е, полковник Семенкевич не признал такой доклад правильным и распорядился устройством батареи из 2 конных орудий, находившихся в ведении капитана Ларионова; к 4 часам дня батарея эта открыла огонь, причем при орудиях действовали за номеров подпоручики артиллерии Родионов и Рукевич, при помощи нескольких нижних чинов артиллерии и наскоро обученных нижних чинов охотничьей команды Свеаборгского крепостного пехотного полка.

Всего было выпущено 6 снарядов, так как с открытием огня с прибывших судов огонь этой батареи был приостановлен. В этот же день распоряжением полковника Раевского все артиллерийские нижние чины с Лагерного острова, сведенные в команду, были отправлены временно на остров Дегерэ.

К вечеру на Лагерный остров прибыл 1-й батальон 1-го Финляндского стрелкового полка с пулеметной ротой, направленные распоряжением командира корпуса из Гельсингфорса через остров Дегерэ. Эти части принимали участие 20 июля в занятии мятежных островов.

На Лагерном острове жили по дачам еще некоторые артиллерийские офицеры, части которых находились на других островах. Из них капитан Глушановский, штабс-капитан Кондырев и поручик

Бастамов изыскали способы прибыть к своим частям, а штабс-капитан Дудицкий и поручик Мачигин остались.

Свеаборгская минная рота непосредственно участия в мятеже не принимала, так как была обезоружена 17-го и оставалась под надзором двух рот крепостного пехотного полка. Но произведенное впоследствии дознание выяснило, что минная рота была в соглашении с крепостной артиллерией по участию с ней в явном восстании, имевшем целью завладение Свеаборгом, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «Земле и воле». Выяснилось также, что на стрельбище Лагерного острова собирались 15—16 июля многолюдные митинги нижних чинов, исключительно минеров, артиллеристов и телеграфистов (такой митинг предполагался и в ночь на 17-е), причем на этих митингах был выработан план действий, по которому минеры должны были заявить различные требования с целью отвлечения первоначально внимания начальства от приготовлений к восстанию на Михайловском острове.

19-го числа минеры перевозили части 1-го полка с Дегерэ на Лагерный остров, а 20-го— десант на остров Михайловский.

б) На Михайловском острове комендантом был командир 7-й роты капитан Власов, живший там почти безвыездно.

Капитан Власов, придя к своей роте ввиду возникшего беспорядка, пытался словом воздействовать на своих людей, но, по переправе на Михайловский остров нижних чинов с Лагерного, он, подавленный массой мятежников, под угрозой быть заколотым штыками, должен был уйти к себе и оставался все время мятежа на острове. При 10-й роте на острове находился подпоручик Коханский, принявший с ротой деятельное участие в восстании; командир роты жил на Лагерном острове.

В ночь с 17-го на 18-е на Михайловский остров приезжал штабс-капитан Цион в статском платье; сюда же прибыл отряд добровольцев (Красная гвардия).

Михайловский остров оказался центром восстания. После взрыва склада пороха большинство людей перешло на Александровский остров.

в) На Александровском острове комендантом и начальником лагерного сбора был командир 3-й роты капитан Глушановский; живя на даче на Лагерном острове, он прибыл к роте в 3 часа утра 18-го числа. Командиры 4-й роты свеаборгского крепостного артиллерийского и 2-й роты Свеаборгского крепостного пехотного полков находились при ротах.

Роты крепостной артиллерии хотя и были очень возбуждены, но держались весь день 18-го под влиянием своих командиров нейтрально и в них более или менее поддерживался порядок. 2-я рота Свеаборгского крепостного пехотного полка действовала первоначально огнем по дамбе, соединяющей остров Александровский с Михайловским, чем устраняла возможность свободного перехода мятежников с одного острова на другой, а также препятствовала мятежникам с Михайловского высаживаться на Александровский остров. 19-го утром капитан Глушановский оставил

остров, уехав с докладом к командиру крепостной артиллерии. После полудня остров Александровский перешел в руки мятежников вследствие того, что большая часть мятежников с Михайловского острова перешла на Александровский. Командир 2-й роты крепостного пехотного полка капитан Гуйтов, расстреляв большую часть своих патронов, сдал мятежникам оружие.

г) На Стрелковом и Николаевском островах роты свеаборгской крепостной артиллерии 5-я и 1-я оставались до конца верными долгу. Положение 5-й роты было более тяжелое, так как пулеметы с Инженерного острова могли обстреливать тыл батарей Стрелкового острова.

Комендантом Николаевского острова капитаном Мартыновым было признано бесполезным иметь 18 человек на острове Ключевом, поэтому люди эти еще рано утром 18-го были свезены к роте, а с ними сняты замки с полевых, плитки, кольца и швайбы с прочих орудий. Распоряжение это признано комендантом крепости правильным, ввиду относительного положения этого острова, не представлявшего возможности оказать содействие в борьбе с мятежниками.

Тыл Николаевского уязвим из Брунспарка, где замечалось движение Красной гвардии.

19 июля с усилением около 1 часу дня орудийного огня мятежников—причем несколько снарядов упало частью впереди, частью позади Николаевского острова—мысль об опасности расположения роты на форту, при наличии там же трех пороховых погребов, побудила капитана Мартынова свезти большую часть ее с острова на берег Брунспарка; на острове было оставлено при этом лишь 24 нижних чина без офицера. Решение это предварительно было одобрено командиром батальона подполковником Панкратьевым.

После этого перемещения роты подполковник Панкратьев и капитан Мартынов явились к командиру корпуса с докладом и с просьбой присылки им ружейных патронов.

Перевод роты с Николаевского острова в Брунспарк не встретил одобрения командира корпуса, и по приказанию его рота была вновь возвращена на форт.

Как со Стрелкового, так и с Николаевского островов стрельба из орудий по мятежникам комендантом не открывалась: положение Стрелкового острова и его батарей не давало возможности использовать их надлежащим образом, стрельба же с Николаевского острова по мятежным островам не сулила также успеха ввиду ограниченного числа орудий, которыми в этом направлении можно было воспользоваться.

д) На Артиллерийском острове 19 июля в квартире капитана Смирнова находились все арестованные офицеры крепостной артиллерии и все те офицеры, которые, оказавшись в районе мятежников, не нашли возможности оттуда уйти. А именно: генерал-майор Агеев, капитаны Глушановский, Филимонов и Смирнов, поручик Бастамов и подпоручики Чебыкин, Александров и Ивановский (последний Свеаборгского крепостного пехотного полка).

Всего было выпущено мятежниками как покрепости, так и по судам эскадры:

из полевых орудий разных калибров	492	снаряда
» 6-дюймовых пушек	131	»
» 11 » мортир	23	»
» винтовок и пулеметов	90 200	патронов

В течение описанного мятежа в крепости Свеаборге деятельность штаба корпуса и события в Гельсингфорсе представляются следующими.

После отъезда командира корпуса в Вильманstrand, 17 июля вечером, спустя около 2½ часов времени, со стороны крепости раздались орудийные и оружейные выстрелы, чему, однако, не было придано значения ввиду предполагавшегося ночного маневра в крепости. Но в 11 ч. 30 м. почти была принята в штабе корпуса неразборчивая телефонограмма, которою комендант крепости извещал о возникшем вооруженном восстании и просил оказания ему помощи.

Врем. и. д. начальника штаба корпуса (за нахождением генерал-майора Преженцева в отпуску) подполковник Иуон безотлагательно пригласил начальников частей гарнизона, командира 2-го полка полковника Жданко и командующего отдельным Оренбургским казачьим дивизионом есаула Колесникова, а командиру корпуса вдогонку на станцию Симола между 11 и 12 часами ночи 17-го была дана срочная телеграмма: «Свеаборге восстание».

На совещании с начальниками частей было решено один батальон стрелков вызвать на площадь у гауптвахты. Общее начальствоване над войсками гарнизона принял на себя полковник Жданко.

Затем в штаб Свеаборгской крепости подполковник Иуон сообщил по телефону, что в случае надобности могут быть высланы 2 роты.

Прибывшие в штаб корпуса начальник крепостного инженерного управления генерал-майор Иванов и свеаборгской крепостной артиллерии подполковник Ярошевский, очень взволнованные, не могли разъяснить происшедшего в крепости; им было поручено сделать распоряжение о задержке бывшего у пристани парохода «Бомба».

По получении из Свеаборга подтверждения просьбы о высылке коменданту двух рот в резерв таковые около 1 ч. 30 м. ночи были отправлены на пароходе «Бомба», причем полковник Жданко выразил желание лично сопровождать роты своего полка.

Командир порта наблюдал в бинокль происходившее в Свеаборге и первоначально сообщал сведения в штаб корпуса; для систематической передачи таких наблюдений в штаб корпуса к генерал-майору Клеопину был командирован особый офицер.

В городе ходили слухи о волнении в порту, но от командира порта генерал-майора Клеопина по телефону были получены вполне успокоительные сведения.

Тем не менее с гауптвахты сообщали о постоянном движении

одиночных частных лиц на Скаутсен, и слухи о волнении росли. Ходили также слухи о волнениях в гельсингфорском местном лазарете и Красной гвардии.

В гарнизоне Гельсингфорса из пехоты оставались свободными только 4 роты (2 были в карауле и 2—в Свеаборге). Обсудив предложение по имевшимся сведениям и придя к заключению, что без верной эскадры подавить восстание, руководимое, по слухам, офицерами, вряд ли возможно, подполковник Иуон по телефону просил генерал-майора Клеопина сделать распоряжение о высылке надежного отряда судов; генерал-майор Клеопин ответил, что может это сделать только по распоряжению генерал-губернатора. С своей же стороны генерал-губернатор хотя и отнесся с некоторым сомнением к предложению о вызове эскадры, опасаясь ненадежности моряков, ввиду проявленной ими за последнее время в городе распушенности, тем не менее согласился на предложение подполковника Иуона и дал соответствующие указания генерал-майору Клеопину.

Ввиду отсутствия в штабе корпуса пловучих средств для связи с Свеаборгом подполковник Иуон просил генерал-майора Клеопина (еще ночью) назначить в распоряжение штаба корпуса катер, но получил отказ.

Отправив командиру корпуса вторичную телеграмму, уже в Вильманstrand: «Приезжайте безотлагательно, крепости вооруженный мятеж», подполковник Иуон получил ответную в 6 ч. 25 м. утра с извещением, что командир корпуса выедет в 1 час дня. Затем подполковник Иуон озабочился подготовкой перевозочных средств для подкреплений из Вильманstrand. Получив же от командира корпуса в 9 ч. 30 м. утра телеграмму о решении выслать из Вильманstrand две пулеметные роты и, в случае нужды, две роты стрелков, подполковник Иуон тотчас же телеграфировал в Вильманstrand, что необходимо полное восстановление зимнего гарнизона и доносил о назначении для перевозки войск двух поездов в день, в 1 час дня и 8 часов вечера. На этих поездах 18 июля и были распоряжением командира корпуса предназначены к посадке в Вильманstrand два эшелона, по одному батальону (1-го Финляндского стрелкового полка) с пулеметной ротой в каждом.

На станции беспроводногo телеграфа у дома командира порта, ввиду важности сохранения телеграфной связи с Петербургом был выслан пост; караул на главной городской гауптвахте решено было усилить, а остальные роты увести в казармы.

Начальство лазарета на Андреевской улице (бывший Финский) просило выслать караул, так как служители явно взбунтовались и обещали перенести бунт в местный лазарет; так как больным опасность не угрожала, а бунтовщики скрылись, то караул послан не был.

Сведений о происходившем в порту в штабе не было. Около 5 часов утра 18-го подполковник Иуон запрашивал на квартиру генерал-майора Клеопина, откуда озабоченным голосом прислуга отвечала, что в порту неладно, что матросы хотят арестовать офицеров, а где именно генерал Клеопин,—неизвестно. В бунте

матросов уже не оставалось сомнения, неизвестным оставалось лишь размер его. Поэтому подполковник Иуон сообщил полковнику Жданко имевшиеся сведения для принятия мер по закрытию выходов из Скатудена, куда, однако, мятежные матросы и вооруженные частные лица с своей стороны никого не пропускали⁶⁴.

Около 6 часов утра из Свеаборга было получено донесение, что острова Михайловский, Артиллерийский и Инженерный в руках мятежников, а также пароход «Выстрел», что прочие пароходы «Опыт», «Успех» и «Свеаборг» неизвестно где и могут притти в город за провизией, почему признавалось желательным их задержать. По этому поводу подполковник Иуон обратился к гражданским властям с просьбой принять меры к удовлетворению этого ходатайства, для чего усилить полицейский надзор и обязать полицию давать сведения о пароходах на гауптвахту или в ближайšie казармы. По этому поводу около 10 часов утра приезжал в штаб корпуса полицеймейстер с объяснением, что полиция не может противодействовать закупке мятежниками продуктов.

Ввиду же получения сведений, что к берегу приближаются суда с видимо вооруженными людьми и что в коммерческой гавани пристал пароход также с вооруженными людьми, откуда пароход ушел к яхт-клубу, подполковник Иуон просил полковника Жданко выставить заставу в Брунспарк, что и было исполнено около 6 часов утра.

Около 7 часов утра было получено новое донесение из штаба крепости о событиях за ночь и переправе телеграфного и телефонного сообщения; при этом комендант крепости просил прислать скорострельную батарею.

Вслед за тем военному министру и в штаб войск гвардии Петербургского округа были посланы телеграммы за подписью генерал-майора Глебова.

Около 8 часов утра слышались выстрелы на Скатудене со стороны порта, и от вскоре прибывших в штаб корпуса двух флотских офицеров (капитаны 2-го ранга Макаров и Де Ливрон) были получены сведения об общем положении дел в порту; от этих офицеров было получено также сведение, что общее число матросов и вооруженных частных лиц в порту достигает до 300.

Что же касается действий находившихся в порту военных судов, то сведения в штабе были разноречивы. При посредстве телефона подполковнику Иуону удалось еще раз обменяться с начальником штаба крепости полковником Жновым сведениями о взаимном положении дел; это было последнее телефонное сообщение с крепостью.

В общем к 10 часам утра 18 июля положение, по данным штаба корпуса, было таково:

1. В Свеаборге во власти коменданта крепости—острова: Комендантский и Лагерный; нейтральными оставались острова: Стрелковый и Николаевский; положение Александровского оставалось невыясненным; Михайловский, Артиллерийский и Инженерный—в руках мятежников.

2. На Скатудене бунт матросов, занявших весь район портовых казарм; огонь судов направлен неизвестно куда.

3. В городе Гельсингфорсе волнение рабочих, бунт среди жителей местного военного лазарета, на окраинах сбор банд Красной гвардии, готовящихся портить железную дорогу (численность этих банд в окрестностях, по определению генерал-губернатора, могла доходить до 6 тысяч).

4. Во всех районах русские революционеры, принимая участие в военном мятеже, продолжают агитировать в пользу общего восстания, распространяя чудовищные слухи.

5. Население города пока относится к событиям почти безучастно.

6. Единства действий нет, и независимо друг от друга действуют:

а) по гражданской части—генерал-губернатор: в его ведении—губернатор, озабоченный сформированием отряда милиции для защиты от Красной гвардии, и полиция, только что совершенно обновленная в составе после бывшей забастовки и не признававшая возможным в должной мере содействовать военным властям;

б) по морской части—командир порта, никому не подчиненный, пребывание которого до часа дня не было в штабе корпуса известно;

в) комендант крепости Свеаборг—осажденный мятежниками и лишенный непрерывной связи с штабом корпуса;

г) штаб корпуса—в распоряжении которого, на время до 19-го числа, [было] всего 6 рот стрелков (из них 2 на карауле) и одна сотня, не отдыхавшие ночью и едва ли имевшие надежду воспользоваться отдыхом в течение предстоящих дня и ночи; артиллерии наготове нет. Из этих сил свободного в казармах резерва было всего 2 роты.

Озабочиваясь увеличением боевых средств гарнизона, подполковник Иуон пригласил остававшегося в городе капитана Финляндского артиллерийского полка Ранко обсудить вопрос о возможности изготовления к действию нескольких полевых орудий, из числа остававшихся на хранении незапряженных пушек. Капитан Ранко заявил, что если ему будут предоставлены лошади, то к вечеру он может изготовить к действию 2 орудия. Шесть лошадей было предоставлено на это от 2-го Финляндского стрелкового полка, и к вечеру капитан Ранко, объездив лошадей и подучив прислугу из числа нижних чинов, оставшихся в городе для охраны казарм и имущества, приготовил для действия два орудия и 80 снарядов к ним. Орудиям действовать не пришлось, и в Свеаборг они отправлены не были, хотя комендант крепости 18 и 19 июля неоднократно просил высылки орудий... *

В 12 часов дня подполковник Иуон был вызван к генерал-губернатору, который сообщил об ожидаемых крупных беспорядках на железной дороге и забастовке рабочих; при этом генерал-

* Описание событий в порту (см. рапорт ген. Клеопина № 2349, стр. 201—204) нами опускается. — Прим. ред.

Не придавая никакого значения в данной обстановке гельсингфорсской станции, подполковник Иуон высказал, что дать охрану недостаточности войск нельзя, но что всякий беспорядок на станции будет немедленно подавлен. Генерал-губернатор просил также распоряжения, чтобы казаки и стрелки не трогали понапрасну гражданских лиц, явно не вооруженных.

Возвратясь около 1 часу дня от генерал-губернатора, подполковник Иуон застал в штабе корпуса донесение генерал-майора Клеопина, написанное в 12 часов дня, следующего содержания: «Мятежники в количестве приблизительно 150 человек засели в казармах, крейсера обстреливанием их не позволяют им выйти. Считаю необходимым немедленно помочь войсками, чтобы вытеснить мятежников. Кроме того прошу выяснить положение в Свеаборге, [дабы] дать знать командующему отрядом [о возможности] своевременного прорваться в море. По прибытии войск в пределы порта крейсера обстреливать не будут. Сообщите обо всем генерал-губернатору. Нахожусь на пароходе «Скатуден», у северной набережной».

Тогда подполковник, Иуон послал полковнику Жданко просьбу о движении [войск] на Скатуден и [отправил] офицера на суда, чтобы вполне убедиться в положении вещей. Полковник Жданко на это сообщил, что выбить мятежников и захватить их без содействия судов вряд ли удастся и поэтому выехал для переговоров с генерал-майором Клеопиным и капитаном 1-го ранга Сарнавским, с которым условился о совместных действиях. Выход из Скатудена к этому времени был заперт заставами.

Едва полковник Жданко успел вернуться, как со стороны Скатудена мятежники сами повели наступление на заставы, причем до 30 человек в статском платье с ружьями успели прорваться по ж.-д. мосту на площадь против гауптвахты и, несмотря на то, что бывшие здесь казаки бросились за ними, большую часть скрылись в толпе, окружавшей площадь.

Вслед затем полковник Жданко лично повел наступление на Скатуден, а к 5 часам дня в штабе корпуса было получено сведение о захвате в казармах порта мятежных матросов и с ними нескольких статских.

В это время в штаб корпуса поступило второе, запоздавшее, донесение от генерал-майора Клеопина, написанное в 2 ч. 30 м. дня, о нахождении в порту большого числа статских членов Красной гвардии и с просьбой занять порт караулом; последнее и было затем исполнено полковником Жданко, выделившим для этого целую роту...

После занятия порта для дальнейших действий в Гельсингфорсе оставалось лишь 2 роты слабого состава.

Предвидя такое положение, подполковник Иуон еще в 3½ часа дня от себя дал командиру 3-го полка в г. Або телеграмму об отправке в Гельсингфорс 2 рот, для которых к 6 часам уже был подан поезд.

Войти в связь с крепостью в этот день штабу корпуса уже не

удалось; предполагавшаяся отправка в Свеаборг офицера на шлюпке не состоялась, так как ни одно частное судно идти туда с офицером не соглашалось. Ввиду этого к командиру порта был командирован из штаба корпуса штабс-капитан Шебаршин с просьбой войти в связь с крепостью при помощи судов можно рассчитывать, на какое содействие со стороны судов можно рассчитывать. Офицер этот вернулся вечером, не получив катера, а крейсерский отряд не нашел возможным установить связь с крепостью при помощи судов ночью; отряд этот обещал остаться на рейде, дал сведения о своей артиллерии, которой можно было воспользоваться, и просил доставить ему различные сведения о вооружении Свеаборгской крепости; сведения эти были доставлены.

Около 6 часов вечера была получена телеграмма генерал-майора Рауха, в которой изложено приказание главнокомандующего командиру корпуса—принять самые решительные меры для приведения к покорности, и предоставлена свобода действий.

Между тем в штабе корпуса было получено достоверное сведение о том, что железная дорога по обе стороны ст. Рихимяки испорчена; генерал-губернатор сообщил сведения о сборе в парке Дюргарден Красной гвардии, повидимому, безоружной (сведенье это было проверено), а также и о том, что на собрании рабочих общая забастовка не прошла.

Наконец к 8 часам вечера из штаба крепости на бензинке было доставлено донесение о положении в крепости.

Вечером была получена из Рихимяк следующая телеграмма командира корпуса: «Путь разобран, машинист не едет, распорядитесь. Возможно перевезти морем батальон третьего, также потребуйте из Тюсьбю», но подполковник Иуон, не рассчитывая на перевозку из г. Або морем и полагая, что воинский эшелон сам восстановит в случае нужды путь силой, ответил телеграммой: «Безусловно ожидаем вильманstrandцев». С этих пор подполковник Иуон при помощи коменданта станции Гельсингфорс капитана Кузина стал следить за движением эшелонов из Вильманстранда и Або.

Ночью поступили тревожные сведения о деятельности Красной гвардии у железной дороги; высылались казачьи разъезды и полурота стрелков; ввиду сведения о собрании революционеров в Брунспарке и высадке мятежников туда была послана застава, при приближении которой бунтовщики разбежались и частью ушли на лодках.

Просьбу губернатора о высылке казаков к деревне Мелькюля (в 12 верстах от города), где произошло нападение вооруженных революционеров на склад пироксилина, не признано было возможным исполнить при данной обстановке и неопределенности сообщений губернатором сведений.

Наблюдение за крепостью Свеаборг велось опять из дома командира порта офицером штаба.

Полученные благоприятные сведения о движении батальона с пулеметной ротой из Рихимяк значительно подняли дух истомленного гельсингфорсского гарнизона, из которого оставалось только

2 роты, предназначавшиеся 19 июля в караульный наряд, 6-я казачья сотня также действовала без отдыха и без своевременного корма вторые сутки.

Сведений об эскадре не было, и борьба за крепость могла бы затянуться, поэтому подполковник Иуон с капитаном Кузиным [сообразили [продолжать] дальнейший подвоз войск, который оказывался обеспеченным наличным подвижным составом*.

В среду, 19 июля, в 5½ часов утра в Гельсингфорс прибыл командир корпуса вместе с батальоном 1-го полка и 4 пулеметами.

После доклада командиру корпуса о положении дел была отправлена телеграмма главнокомандующему с изложением общего положения к утру 19-го и с просьбой прислать эскадру из надежных судов.

В ожидании прибытия судов было решено: отправить в 1 час дня 1-й батальон с пулеметами через остров Дегерэ на Лагерный, а вечером 1—2 роты с 2 пулеметами на Александровский остров, чтобы захватить его при содействии огнем с Лагерного, а затем перекрестным огнем обстрелять Михайловский остров, главное местопребывание мятежников; на Комендантский остров решено было послать 2 пулемета в помощь коменданту.

Между тем в этот же день комендант крепости, в подробном донесении своем, полученном в штабе корпуса в 7 часов утра, настоятельно просил подкреплений артиллерией, пулеметами и пехотой, причем донесение заканчивалось признанием своего положения тяжелым.

В 1 час дня из г. Або прибыл начальник штаба корпуса генерал-майор Преженцов явившись из отпуска; одновременно прибыли и 2 роты 3-го Финляндского стрелкового полка из г. Або, сделавшие, ввиду порчи пути, последний переход походом порядком, а также 2-й батальон 1-го полка со второй пулеметной ротой из Вильманстранда.

Ввиду больших сборищ народа у ж.-д. станции была назначена 1 рота, принявшая под свою охрану все станционные сооружения.

Около 2 часов дня была получена телеграмма о посылке к Свеаборгу отряда судов «Слава», «Богатырь» и «Цесаревич»; одновременно поступило от генерал-губернатора сведение о сборе в Гельсингфорс отрядов Красной гвардии из других городов.

Ознакомившись с положением дел, начальник штаба генерал-майор Преженцов пришел к заключению о необходимости немедленно перевести из Вильманстранда еще 2 стрелковых полка и батарею. Соображения его состояли в следующем: если надежда на прибывающую эскадру не оправдается и мятеж разрастется, то войска будут необходимы для его подавления; если же мятеж прекратится, то войска нужны будут для задержания мятежников, которые постараются на лодках переправиться на гельсингфорсский берег и скрыться от законного преследования; генерал-майор Преженцов признавал безусловно необходимым занять все побережье

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

полуострова сторожевыми постами, которые могли прервать всякую связь свеаборгских мятежников с гельсингфорскими революционерами и не дать уйти ни одному бунтовщику. Командир корпуса не одобрил этих предложений.

В 5 часов дня было получено донесение из Свеаборга; оно сообщало, что положение на Комендантском острове крайне тяжелое; подкрепление пулеметами и 2 ротами необходимо, в распоряжении коменданта только одно судно «Бомба», роты на Александровском острове сдались мятежникам; указывалось также на необходимость задержки мятежного парохода «Выстрел», для чего просилась немедленная высылка миноносца. Последнее повторялось комендантом крепости уже вторично, но просьба эта, сообщенная командиру порта по телефону, не была удовлетворена.

По прибытии военных судов стрельба их по Михайловскому острову корректировалась указаниями по беспроволочному телеграфу, на станции которого для этой цели находился офицер генерального штаба и флотский.

Вечером, после взрыва порохового погреба и обстрела* с судов, мятежники, повидимому, должны были оставить мысль о дальнейшем сопротивлении. Комендант крепости в своем донесении, между прочим, просил назначения миноносцев для обследования островов и захвата уезжающих с них шлюпок, равно об усилении гарнизона для караульной службы и уборки верков, свободных от мятежников.

Предназначенная ранее посылка подкреплений на Лагерный остров батальона стрелков с пулеметами состоялась; назначенные же в 8 часов вечера 2 роты и 2 пулемета к отправке на Комендантский остров отправлены не были, так как с парохода «Бомба», пришедшего за ними, бежали вольнонаемный рулевой и машинист; только утром 20 июля была отправлена в центральную крепость рота и 2 пулемета.

По поводу наряда катеров и миноносцев командир порта показал: 18 и 19 июля со стороны сухопутного начальства были случаи просьб паровых катеров, которые были назначаемы в их распоряжение для различных надобностей и в том числе для освещения местности у островов, для чего назначались и офицеры от порта. Только 18-го командир порта исполнить такое требование не признал возможным, так как катера были распределены по судам эскадры. В порту имеются баржи для перевозки войск, но просьб о назначении их не поступало.

20 июля утром прибыл в Гельсингфорс начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады свиты его величества генерал-майор Щербачев и по приказанию командира корпуса вступил в командование войсками, сосредоточенными в г. Гельсингфорсе. Подавление мятежа надо считать совершившимся в полдень 20 июля.

Мятеж в крепости окончился, но в Гельсингфорсе волнения усилились: Красная гвардия, среди которой находилось много бежавших вооруженных артиллеристов и матросов, по поступившим

* В подлиннике—«огня». (Прим. ред.)

сведениям, намеревалась проявить свою революционную активность*.

На войска выпала при этих условиях задача преграждения движения банд Красной гвардии в г. Гельсингфорс и охрана железной дороги.

Ввиду этого командир корпуса согласился на перевозку сотни казаков из Вильманстранда, откуда она и прибыла в Гельсингфорс 22 июля; ранее того, 22 июля, прибыли из лагеря одна батарея Финляндского артиллерийского полка под прикрытием одной роты 4-го Финляндского стрелкового полка и пеший взвод горной батареи.

В общем за мятеж были понесены следующие потери: убиты офицеры свеаборгской крепостной артиллерии—полковник Нотара, подпоручик Исаков и мичман флота Де Ливрон; кроме того не пожелавший отдаться в руки мятежников свеаборгской крепостной артиллерии поручик Борк застрелился сам.

Из нижних чинов		в крепости	в порту
1) в частях, оставшихся верными долгу:			
убито	4	—	
ранено	10	—	
2) В частях мятежных:			
убито	9	1	
ранено	25	—	
пропало без вести	14	4	

По вопросу о причинах возникновения в Свеаборгской крепости и в морских командах в г. Гельсингфорсе беспорядков в июле 1906 г. материал, собранный следственной комиссией, дает возможность сделать следующие выводы.

Исходя из того положения, что та войсковая часть, в которой господствует полный внутренний и внешний порядок и где офицерский состав на высоте своего положения, не даст увлечь себя на путь вооруженного восстания, следует признать, что только при дезорганизации части революционная пропаганда может довести ее до явного восстания.

В данном случае дезорганизация свеаборгской крепостной артиллерии и морских команд дала возможность революционерам путем усиленной пропаганды вызвать вооруженный мятеж. Революционная пропаганда сама по себе не могла бы вызвать в Свеаборгской крепости и на Скатудене мятеж, если бы почва для этого не была благоприятна. Хотя мятеж сам по себе имел политический характер, но все же только условия, в которые был поставлен свеаборгский гарнизон, дали возможность возникнуть ему.

Один из главных руководителей мятежа, подпоручик Емельянов, в своем показании говорит: «Причиной восстания были, во-первых, сочувственное отношение к разогнанной Думе, во-вторых, желание добиться лучшего положения себе в деревне, в-третьих, тягота военной службы» (дело № 46, т. 1, стр. 3).

* В подлиннике—«изправление». (Прим. ред.)

Из показания генерала Агеева (дело № 46, т. 1, стр. 17) видно, что мятежники во время бунта подняли красный флаг с надписью: «Земля и воля и Учредительное собрание».

Присоединение к мятежу так называемых красновардейцев, участие в восстании гражданских лиц и вообще весь характер мятежа не оставляет никаких сомнений, что это не был просто военный бунт, вызванный экономическими какими-либо условиями военного быта, а мятеж политического характера, организованный членами революционной организации подпоручиками Емельяновым и Коханским, при участии бывшего штабс-капитана свеаборгской крепостной артиллерии Циона и других, не обнаруженных по делу лиц, успевших скрыться.

Что же касается условий, которые дали возможность революционной пропаганде вызвать в Свеаборгской крепости и в Свеаборгском порту бунт, то условия эти, насколько это выяснилось во время производства следствия, следующие:

1. Борьба военного начальства с агитаторской деятельностью революционеров затруднялась целым рядом обстоятельств. Из показаний свидетелей видно, что войска забрасывались прокламациями, открыто призывавшими их к мятежу. Все попытки начальствующих лиц оградить войска от влияния подпольной литературы не могли принести плодотворных результатов, так как прокламации и издания антиправительственного направления в Финляндии распространяются совершенно свободно. В частности, особенно трудно было оградить войска свеаборгского гарнизона и матросов от соприкосновения с русскими революционерами, наехавшими в Финляндию, так как в Гельсингфорсе, куда нижних чинов приходилось увольнять по своим делам, они выходили из-под надзора своего прямого начальства. Надзор же за поведением нижних чинов в г. Гельсингфорсе со стороны комендантского управления не был действителен ввиду недостаточного состава этого управления (комендант, который одновременно и начальник местной бригады, начальник местного лазарета и конвойной команды, 2 адъютанта) и отсутствия возможности узнавать, к кому нижние чины в город ходят, с кем они говорят, кто их к себе приглашает и т. п. Содействие полиции к ограждению войск от пропаганды сводилось к нулю в силу чисто местных условий. К тому же незадолго до возникновения мятежа в Свеаборгской крепости в г. Гельсингфорсе вся полиция забастовала. Военным начальством, как это видно из объяснений генерала Лайминга и других лиц, принимались разнообразные меры для воспрепятствования нижним чинам посещать митинги, устраиваемые в Гельсингфорсе и его окрестностях, но меры эти при полной, допускаемой местными законами свободе митингов и политических собраний в Финляндии и отсутствии какого бы то ни было содействия со стороны гражданских властей, не могли привести к каким-либо действительным результатам.

2. Неудовлетворительный состав офицеров свеаборгской артиллерии в сильнейшей степени способствовал распространению между нижними чинами свеаборгского гарнизона неблагонадеж-

другой.

О том, насколько офицеры артиллерии крепости были не на высоте своего положения, свидетельствуют: а) следственное производство по поводу октябрьских беспорядков в Свеаборгской крепости в 1905 г., б) генерал-майор Лайминг и полковник Жнов, в) ряд фактов, указывающих на то, что во время мятежа большинство артиллерийских офицеров не только не проявило достаточной инициативы, но часто поступало вопреки прямого долга службы. Присутствие в офицерской среде артиллеристов-революционеров — Емельянова, Коханского и Циона, переведенного впоследствии за неблагонадежность в Осовецкую крепость, оказывавших самое вредное влияние на нижних чинов, а также отсутствия достаточного авторитета между нижними чинами у большинства остальных офицеров, несомненно, способствовало подготовке благоприятной почвы для всяких массовых беспорядков. Что же касается до минной роты, то там состав офицеров был недостаточный и слишком часто меняющийся, как свидетельствует командир роты полковник Черонов.

3. Бездействие власти со стороны начальствующих лиц, упоминаемых ниже, в период времени с октября 1905 г. по 17 июля 1906 г. оказало свое влияние. Следует отметить, что за бездействие власти старый комендант крепости генерал Кайгородов был удален от должности. С прибытием в крепость генерала Лайминга вредные последствия означенного бездействия власти не были устранены, так как принимаемые им деятельные меры имели такой мягкий характер, который не соответствовал наличной обстановке. Офицеры летом во многих случаях и при генерале Лайминге продолжали, как и раньше, жить на дачах на островах в пределах крепости, но не в пунктах расположения лагерем своих рот. По ходатайству генерала Лайминга на службе был оставлен начальником артиллерии генерал-майор Агеев, доказавший еще в октябре 1905 г. свою неспособность к энергичной работе над офицерским составом и об отчислении которого командиром 22-го армейского корпуса было возбуждено ходатайство. Комендант крепости генерал-майор Лайминг старался воздействовать на своих подчиненных путем убеждений и нравственных воздействий. Тактика эта при хорошем составе офицеров могла дать наилучшие результаты, но при плохом, как в данном случае, хороших результатов дать не могла, особенно если принять во внимание, что генерал Лайминг во главе крепости стал только с 16 ноября 1905 г. и получил крепость до известной степени дезорганизованной прежними беспорядками.

4. Во время октябрьских беспорядков в Свеаборгской крепости в 1905 г. требования нижних чинов были немедленно удовлетворены, а нижние чины, предъявившие начальству требования в антидисциплинарной форме, не были произведенным следствием обнаружены и остались безнаказанными. Это обстоятельство, по справедливому указанию генерала Лайминга, естественно, могло вызвать у нижних чинов ложное представление, что массовый бес-

порядок, оставаясь безнаказанным, влечет за собою исполнение тех требований, которые предъявляются нижними чинами в противозаконной форме своему начальству. Приказание по свеаборгскому гарнизону от 1 ноября 1905 г. (отданное комендантом Кайгородовым), в котором, согласно требованию нижних чинов, были разрешены некоторые вопросы в смысле, не соответствующем существующим законоположениям, отменено не было. Такое положение вещей, конечно, способствовало возникновению беспорядков, перешедших в мятеж.

Относительно тех условий, которые способствовали возникновению мятежа 18 июля 1906 г. в Свеаборгском порту, к вышеизложенным общим причинам следует добавить еще следующее: порт поставлен в особо неблагоприятные условия в отношении осуществления правильного надзора за морскими командами, а именно: а) в порту, в казенных помещениях живет большое количество мастеровых и рабочих; элемент этот в политическом отношении очень неблагонадежный; б) в Свеаборгский порт постоянно на разное время прибывают разные морские команды с экипажами Кронштадтского порта на укомплектование судов на время плавания и других надобностей, как, например, команды на станции беспроволочного телеграфа. Эти команды остаются почти без всякого начальства, так как командир свеаборгской роты как командир судна «Скатудо» летом находится в плавании; о разделении этих должностей командир порта входил с представлением, но ходатайство его не было вполне удовлетворено; остальные офицеры порта также в это время бывают в плавании; в) порт расположен на острове, который соединен с городом посредством 2 мостов; по вечерам летом нижние чины свободно сообщаются с городом на шлюпках, а зимой — по льду; внешняя охрана порта, состоящая из вольнонаемных служителей, является совершенно недостаточной.

Вот те главные условия, которые благоприятствовали возникновению беспорядков в Свеаборгской крепости и в Свеаборгском порту в июле 1906 г. и которые были использованы революционерами.

Переходя к вопросу о том, какие причины содействовали развитию мятежа и почему полное подавление его могло состояться только на третий день, следует отметить, что объяснить это можно: 1) отсутствием объединенной власти Финляндии, 2) прибытием в г. Гельсингфорс командира 22-го армейского корпуса только 19 июля утром из г. Вильманстранда, куда он уехал по делам службы вечером 17 того же июля, 3) малочисленностью гельсингфорсского гарнизона.

До утра 19 июля в г. Гельсингфорсе действовали и. о. начальника штаба 22-го армейского корпуса подполковник Иуон и командир 2-го Финляндского стрелкового полка полковник Жданко. Этим лицам начальник Свеаборгского порта не был подчинен, и потому сухопутные и морские военные власти действовали независимо; не было в наличии общей над ними, объединяющей их действия власти, т. е. отсутствовало одно из необходимейших условий успешных совместных военных действий.

Позднее сравнительно прибытие броненосцев «Богатырь» и «Цесаревич» можно объяснить только тем, что на месте беспорядков при самом их возникновении не было одной общей власти, сосредоточивающей в своих руках всю полноту прав и обязанностей как в отношении войска и флота, так и в отношении гражданского населения. Этим объясняется разрозненность действий гражданских властей, морских властей и военного начальства. Эта разрозненность действий бросается в глаза даже при беглом чтении обзора возникновения, развития и подавления описанного мятежа.

По вопросу о том, насколько настоящее положение в свеаборгском и гельсингфорсском гарнизонах можно признать обеспеченным от повторения беспорядков и какие меры следует предпринять для предупреждения беспорядков в будущем,—следственный материал дает возможность прийти к следующим выводам: настоящее положение следует признать совершенно необеспеченным от повторения беспорядков, так как главнейшей причиной беспорядков, как уже было указано, является дезорганизация и деморализация некоторых частей войск и морских команд, расположенных в крепости Свеаборге и в г. Гельсингфорсе.

До тех пор пока это зло не будет устранено, до тех пор можно ежедневно ожидать повторения беспорядков, так как, несомненно, революционерами будет вполне использовано то неудовлетворительное состояние, в котором находятся войска и флот в настоящее время. Надеяться на ослабление агитаторской деятельности в войсках очень трудно, если только войска останутся в том же положении, в котором они находятся теперь.

Главнейшую меру, которую следует принять для предупреждения беспорядков в будущем,—это возрождение и насаждение порядка (фактического, а не бумажного) в войсках путем проведения всех тех мероприятий, кои необходимы для обращения части дезорганизованной в часть организованную и благоустроенную. К этим мерам относятся: поднятие уровня офицерского состава, являющегося во многих случаях, как доказал свеаборгский мятеж, совершенно неудовлетворительным, а также и увеличение в ротах количества офицеров, улучшение качества унтер-офицерского состава; усиление надзора за нижними чинами в г. Гельсингфорсе, а также и улучшение быта нижних чинов с целью отнять у агитаторов возможность успешно возбуждать между нижними чинами неудовольствие на чисто экономические условия жизни частей войск. В заключение следует отметить, что 15 сентября, как значится и в местных газетах, абоский гофгерихт передал дело о финляндцах, участвовавших в свеаборгском мятеже, ратгаузскому суду в г. Гельсингфорсе, основываясь на том, что последние, по аналогии с приговором временного военного суда в Свеаборге, должны судиться не за попытку ниспровергнуть государственный строй России, а лишь за «явное восстание», каковое преступление подлежит ратгаузскому суду, т. е. суду первой инстанции. Таким образом финляндцы, участвовавшие в мятеже, сравнительно с нижними чинами и русскими гражданскими лицами понесут совершенно незначительные наказания. Такая относительная безнаказан-

ность может дать финляндцам основание к дальнейшему развитию и усилению их революционной деятельности в войсках.

До тех же пор пока состав офицеров и унтер-офицеров будет в частях войск неудовлетворительным, трудно рассчитывать, чтобы в самом ближайшем будущем революционеры, воспользовавшись указанными обстоятельствами, не вызвали в крепости Свеаборге и в г. Гельсингфорсе новых беспорядков, подавить которые будет еще труднее, так как на зиму в г. Гельсингфорс прибывают, по свидетельству генерал-майора Клеопина, около тысячи матросов, справиться с которыми, имея в виду существующее настроение нижних чинов флота, представляющее мало гарантии в смысле спокойствия, будет не легко.

Как на общую меру, желательно для успешного возрождения дезорганизованных частей армии и флота в Свеаборгской крепости и в Гельсингфорсе, а также для быстрого подавления всяких могущих возникнуть беспорядков в будущем, следует указать на необходимость объединения в Финляндии, в пределах возможного, гражданской, военной и военно-морской властей в одном лице. По этому вопросу, как видно из письменного объяснения начальника штаба 22-го армейского корпуса, местным военным начальством был возбужден вопрос, и в Петербурге была образована комиссия под председательством генерала-от-инфантерии Газенкампа; о результатах деятельности комиссии сведений не имеется.

По вопросу о тех фактах, которые могут вызвать ответственность начальствующих лиц офицерского звания как в порядке судебном, так и в порядке дисциплинарном, следствием собраны следующие данные:

1. 19 июля 1906 г. командир 1-го батальона свеаборгской крепостной артиллерии подполковник Панкратьев и командир 1-ой роты той же артиллерии капитан Мартынов, не желая, по их объяснениям, подвергать опасности означенную роту, расположенную на Николаевском острове, от выстрелов со стороны мятежников, а также от могущего произойти взрыва пороховых погребов, по обоюдному решению перевели упомянутую роту с Николаевского острова в Брунспарк, т. е. вывели роту из пределов крепости, оставив на Николаевском острове лишь караул из 23 человек под командой фейерверкера. Деяние это, удостоверенное подполковником Панкратьевым и капитаном Мартыновым, а также командиром 22-го армейского корпуса и другими свидетелями по делу, заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 141-й и 145-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

2. Командир 2-й роты Свеаборгского крепостного пехотного полка капитан Гуйтов, находясь во время мятежа с вверенной ему ротой на Александровском острове и поражая мятежников огнем, препятствуя им переходить по дамбе с Михайловского острова на Александровский, 19 июля 1906 г., когда к нему явился подпоручик Коханский (впоследствии казненный) и потребовал от имени мятежников сдать ружья, несмотря на то, что на каждого человека оставалось еще от 2 до 5 патронов, приказал своей роте сдать

протесты возмущившимся нижним чинам, с целью избежать кровопролития и имея в виду большое численное превосходство явившихся на Александровский остров мятежников; приказание это было исполнено, причем было сдано около 85 винтовок. В изложенных обстоятельствах, удостоверенных капитаном Гуйтовым и другими свидетелями, заключаются признаки деяния, предусмотренного 147-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

3. Командир 8-й роты свеаборгской крепостной артиллерии капитан Ларионов 18 июля 1906 г., получив от старшего из начальствующих лиц на Лагерном острове командира Свеаборгского крепостного пехотного полка полковника Раевского приказание организовать стрельбу с батарей Лагерного острова по мятежникам, признал невозможным организовать эту стрельбу, и только 19 того же июля уже по инициативе командира 2-го батальона названной артиллерии полковника Семенкевича, прибывшего в этот день на Лагерный остров, были установлены на последнем полевые орудия, находившиеся в ведении капитана Ларионова, и открыта стрельба по мятежному Михайловскому острову. В означенном деянии, удостоверенном капитаном Ларионовым, полковником Раевским, полковником Семенкевичем и другими свидетелями, заключаются признаки правонарушения, предусмотренного 104-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

4. Командир 6-й роты свеаборгской крепостной артиллерии штабс-капитан Сушкевич в ночь с 17 на 18 июля 1906 г., находясь в качестве дежурного по артиллерийскому лагерю на Лагерном острове, не только не принял никаких мер, чтобы остановить нижних чинов свеаборгской крепостной артиллерии, собирающихся с Лагерного острова переправиться на Михайловский остров, где был центр восстания, но на обращенный к нему вопрос фейерверкера Степанова: «Что делать?» ответил: «Веди людей в лодку и держи порядок,—как попало пойдете, потонете!», после чего группа артиллеристов во главе с фейерверкером Степановым переправилась на Михайловский остров, где и приняла участие в мятеже. В означенном деянии, удостоверенном самим штабс-капитаном Сушкевичем, заключаются признаки преступления, предусмотренного 7-м п. 144 и 145-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

5. Бывший штабс-капитан свеаборгской крепостной артиллерии Цион, переведенный в начале 1906 г. в Осовецкую крепостную артиллерию, уволенный ныне в запас армии и после подавления мятежа скрывшийся, как видно из показаний казненного подпоручика Коханского, 19 июля 1906 г. в статском платье приезжал на Михайловский остров и заявил подпоручику Коханскому, что город сочувствует мятежу и даст продовольствие. В означенном деянии штабс-капитана Циона заключаются признаки преступления, предусмотренного 112-й ст. (в редакции, объявленной в приказе по военн. вед. в 1905 г. за №373) и 110-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

6. Командир 10-й роты свеаборгской крепостной артиллерии штабс-капитан Дудицкий, рота которого была расположена на Михайловском острове, 17 июля 1906 г. находился на Лагерном

острове и, когда в ночь с 17 на 18 июля в свеаборгской крепости вспыхнул мятеж, не сделал никакой попытки присоединиться к своей роте, чтобы водворить в ней порядок, и все время мятежа оставался на Лагерном острове. В изложенном деянии, удостоверенном самим штабс-капитаном Дудицким, заключаются признаки преступления, предусмотренного 147-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

7. Подпоручик Свеаборгского крепостного пехотного полка Ивановский и свеаборгской крепостной артиллерии подпоручики Чебыкин и Александров с 17 по 19 июля 1906 г. просидели на Инженерном острове, в так называемом «малиннике» (помещение для холостых офицеров), скрываясь от мятежников и не пытаясь противодействовать им, а затем 19 того же июля перешли на Артиллерийский остров в квартиру штабс-капитана Смирнова, где мятежниками содержались под арестом генерал Агеев и несколько других офицеров. В означенном деянии, удостоверенном поименованными офицерами, а также другими свидетелями, заключаются признаки правонарушения, предусмотренного 147-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

8. Поручик свеаборгской крепостной артиллерии Мачигин, занимая должность помощника заведывающего специальной командой, расположенной на Комендантском острове, 17 июля 1906 г., когда вспыхнул мятеж, находился на Лагерном острове и затем во время мятежа, не сделав никакой попытки присоединиться к своей команде, остался все время на Лагерном острове. В означенных обстоятельствах, удостоверенных самим подпоручиком Мачигиным, заключаются признаки деяния, предусмотренного 147-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3.

9. Из отношения коменданта Свеаборгской крепости от 12 сентября 1906 г. за № 31 видно, что во время мятежа в Свеаборгской крепости 18-19 июля 1906 г. самовольно выехали из крепости и вернулись назад 20-го утром того же июля нижеследующие лица:

1) военный инженер, подполковник Глушков, который жил с своей семьей на Инженерном острове, занятом мятежниками, и 18 июля 1906 г., отпущенный мятежниками, уехал с семьей в город, 2) военный инженер капитан Карманов, 3) местный инженер Бурлаков (последний иногда приезжал в крепость), 4) свеаборгского крепостного военного телеграфа штабс-капитан Лодыш, 5) врач коллежский советник Ключев («наезжал» в крепость), 6) врач коллежский асессор Крицкий («наезжал» в крепость) и 7) артиллерийский чиновник Рудников. В этих деяниях поименованных лиц заключаются признаки правонарушения, предусмотренного 129-й ст. XXII кн. Св. воен. пост., изд. 3⁶⁵.

О действиях генерал-майора Агеева и капитана Глушановского имеется отдельное следственное дело, представленное военным следователем главному военному прокурору, ввиду чего следственная комиссия не входила в рассмотрение фактов, касающихся означенных лиц.

О вышеизложенных обстоятельствах следственная комиссия

на основании 348-й ст. XXIV кн. Св. воен. пост., изд. 3, постановила: через штаб войск гвардии и Петербургского военного округа довести до сведения августейшего главнокомандующего на распоряжение и препроводить копию с настоящего постановления военному прокурору петербургского военно-окружного суда, а также представить такую же копию военному министру для сведения.

Председатель комиссии генерал-от-инфантерии Гончаров.

Члены комиссии { военный следователь
полковник барон фон-Нолькен.
генерального штаба полковник Вейль.
капитан 2-го ранга Макаров.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, д. № 27, 1906 г.

Командир Свеаборгского порта капитану 2-го ранга Стронскому
[4] сентября 1906 г.

Препровождая вашему высокоблагородию утвержденный приговор о нижних чинах порта, осужденных за участие в мятеже, предлагаю вам согласно распоряжения командира 22-го армейского корпуса привести 5 сего сентября утром смертный приговор в исполнение в крепости Свеаборге на Лагерном острове.

В распоряжение ваше назначаются мичманы Шульгин и Билибин, а также паровой катер «Удача».

О назначении потребного числа нижних чинов для приведения приговора в исполнение и депутатов имеете сделать распоряжение через гг. ротных командиров.

По исполнении приговора имеете составить акт и представить его мне.

Вместе с ним предписано старшему врачу коллежскому советнику Маттенсу вступить в ваше распоряжение 5 сего сентября для удостоверения смерти казненных.

Все потребное для выполнения вышеуказанного имеете требовать от коллежского секретаря Терентьева.

Для последнего напутствования осужденных будут приняты меры к приглашению пастора и ксендза, в случае же безуспешности этого имеете предложить осужденным принять это напутствование от православного священника.

Что же касается исполнения приговора над осужденными к другим наказаниям, то таковое поручается лейтенанту Басову и мичману Граве; первому из них необходимо передать утвержденный приговор суда. Для переправы на Лагерный остров врача, пастора и ксендза (если последнего можно будет уведомить), а также и депутатов из нижних чинов имеете сделать распоряжение о прибытии в 4½ ч. утра в порт на пароход «Буксир», командиру которого и отдадите соответствующие приказания.

Командир Свеаборгского порта генерал-майор Клеопин.

Делопроизводитель С. Коргуев.

Дело управления Свеаборгским портом, 1906 г.
«О возмущении команд Свеаборгского порта».

Командир Свеаборгского порта главному командиру флота и портов и начальнику морской обороны Балтийского моря

Репорт № 2964.

7 сентября 1906 г.
Секретно.

В дополнение рапорта моего от 24 августа за № 2809 доношу, что 29 августа все нижние чины, указанные в представленном мною вашему превосходительству обвинительном акте были препровождены в Свеаборгскую крепость для суда. По прибытии нового председателя суда генерал-майора Никифорова 31 августа начался суд, который окончился 1 сего сентября. При сем представляю вашему превосходительству копию с приговора суда. По распоряжению командира 22-го армейского корпуса исполнение смертного приговора надлежало выполнить морским командам. Не имея в составе нижних чинов порта и временно прикомандированных к нему достаточного числа чинов, подготовленных для выполнения приговора, я по распоряжению корпусного командира обратился за содействием к начальнику отряда обороны капитану 1-го ранга Князеву. Последний всеми мерами отклонялся от этого, мотивируя тем, что это может вызвать беспорядки среди команд его отряда, и по этому поводу имел личный доклад у командира 22-го армейского корпуса. Затем, вследствие посланной им телеграммы в главный морской штаб, был отозван в «Гангэ» с приказанием ожидать дальнейших распоряжений.

Ввиду этого пришлось собрать всех имеемых налицо нижних чинов, в число которых попали и такие, которые не умели зарядить ружья. Приведение приговора в исполнение было поручено капитану 2-го ранга Стронскому и мичманам Билибину и Шульгину.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств пришлось сократить расстояние до осужденных до 10 шагов и стрелять из ружей, присланных крепостною артиллериею, так как своя команда разоружена. 5 сентября в 7 ч. 35 м. утра, смертный приговор был приведен в исполнение на Лагерном острове, а в 11 ч. дня лейтенантом Басовым и мичманом Граве был приведен в исполнение приговор над другими осужденными к лишению воинского звания и другим наказаниям. Все осужденные к лишению прав переданы коменданту Свеаборгской крепости, распоряжением которого они и будут отправлены по определению суда. Копию с протокола о приведении приговора в исполнение при сем представляю. 31 минувшего августа, вследствие рапорта производящего дознание капитана 2-го ранга Де Ливрона, вновь арестованы на гауптвахте 13 человек как подлежащие преданию суду.

Генерал-майор Клеопин.

Дело управления Свеаборгским портом, 1906 г.,
«О возмущении команд Свеаборгского порта».

Сведения о приговоренных по делу о беспорядках в Свеаборге

Звание, имя и фамилия осужденного	Сущность обвинения	Где и когда состоялся приговор	Когда приговор вошел в законную силу	Был ли смертный приговор действительно приведен в исполнение
О чинах свеаборгской крепостной артиллерии полпоручиках Аркадии Петровиче Емельянове, Евгении Львовиче Коханском, нестроевых старшего разряда Терентии Дегенчике, фейерверкере Василии Тихонове, Макаре Ивановиче, Петре Герасимове и Василии Виноградове.	По 110-й ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3-е для военного времени.	28/VII 1906 г. в крепости Свеаборге.	28/VII 1906 г.	Приговор приведен в исполнение.
Свеаборгской миной роты нестроевых младшего разряда Василии Шахенове, ефрейторе Михаиле Шишкове, рядовых Иване Соколове и Игнатии Черноусове.	По 110-й ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3-е для военного времени.	7/IX 1906 г. в крепости Свеаборге.	11/IX 1906 г.	Приговор приведен в исполнение.
О фельдшере 2-го Финляндского стрелкового полка кандидате на классную должность Иване Яковлеве, матросах свеаборгской флотской роты Максиме Кузине, Афанасии Неня, Ефиме Кульбакове, Якове Ягненков, Николае Роговицком, Вячеславе Муравьеве, Василии Назарове, Федоре Парфенове, Сергее Елизарове, Михаиле Цехоцком, Филиппе Ермохине, Федоре Николайчуке, Макаре Татарченко, фельдшере Федоре Соловьеве, баталере Максиме Большакове и комендере Степане Санцевиче.	По 110-й ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3-е для военного времени.	31/VIII 1906 г. в крепости Свеаборге.	4/IX 1906 г.	Приговор приведен в исполнение.
Об именуемом себя князем мешанином Владимиром Тимошенко, крепостной артиллерии фельдфебеле Степане Алексееве, нестроевых старшего разряда Алексее Маслове, Степане Романенко, нестроевых младшего разряда Павле Масенкове, канонире Григории Зубареве, Александре Прохорове, фейерверкере Иване Пухове, канонире Спиридоне Черкасове, фейерверкерах Александре Тимофееве, Лауре Лилиянке, бомбардире Гаврииле Кругове, Николае Ширяеве, канонире Федоре Филиппове, фейерверкере Гаврииле Кашеяране, Степане Сало, бомбардире Егоре Еськове, фейерверкере Никифоре Максимове, канонирах Николае Терентьеве и Петре Березовском.	По 110-й ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3-е для военного времени.	7/VIII 1906 г. в крепости Свеаборге и с 12 по 17/VIII в крепости Свеаборге.	9/VIII 1906 г. и 19/VIII 1906 г.	Всем назначено другим наказанием.
О крестьянах Порфирии Конокове, пот. поч. гр. Араме Тер-Мкртчянц, сыне ремесленника Константине Иванове, кронштадтской миной роты младших унтер-офицерах Тихоне Герасимове, Трофиме Дорошенкове, рядовых Петре Виноградове, Николае Рюмаеве, Федоре Сливченкове, Якове Теканове и Михаиле Филиппове.	По 110-й ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3-е для военного времени.	5/VIII 1906 г. в г. Кронштадте.	6/VIII 1906 г.	Приговор приведен в исполнение.

1.4. военно-судн. управление. Штаб, офицерская часть, св. 20. д. № 8.

Протокол о приведении в исполнение приговора временного военного суда над восставшими в крепости Свеаборг

I.

Мы, нижеподписавшиеся, подписями своими удостоверяем, что приговор временного военного суда в крепости Свеаборг от 4 сентября с. г. относительно приговоренных к расстрелянию бывших нижних чинов: 2-го Финляндского стрелкового полка Ивана Яковлева, свеаборгской флотской роты Максима Кузина, Афанасия Неня (он же Носаль), Ефима Кульбакова, Якова Ягненкова, Николая Роговицкого, Вячеслава Муравьева, Василия Назарова, Федора Парфенова, Сергея Елизарова, Михаила Цехоцкого, Филиппа Ермохина, команды миноносцев 20-го флотского экипажа Федора Николайчука, Макара Татарченко и команды минного крейсера «Уссурийца» Федора Соловьева, Максима Большакова и Степана Санцевича сего 5 сентября в 7 ч. 35 м. в крепости Свеаборг на Лагерном острове приведен в исполнение. Тела расстрелянных свидетельствовал врач свеаборгской флотской роты коллежский советник Мартенс.

При исполнении приговора присутствовал начальник свеаборгской крепостной команды жандармский подполковник Жилин.

Приговор приводил в исполнение капитан 2-го ранга Стронский.

Приговор читал мичман Ив. Билибин.
Крепость Свеаборг, Лагерный остров.
5 сентября 1906 г.

Дело управления Свеаборгским портом, 1906 г:
«О возмущении команд Свеаборгского порта».

Речь Мурского (Трилиссера) Тааммерфорской конференции (ноябрь 1906 г.)

Я должен начать с того, чтобы рассеять неправильное представление о восстании в Свеаборге как о выступлении, организованном и заранее predetermined. Свеаборгское восстание началось совершенно стихийно. К сожалению, ни время, имеющееся в моем распоряжении, ни место, которое может быть предоставлено докладу в протоколах конференции, а также сравнительно неполный материал, который удалось пока собрать об этом крупнейшем явлении последумского периода,—не дают мне возможности исчерпать тему моего доклада. Поэтому ограничусь изложением крупнейших сторон этого выдающегося события.

Свеаборгское восстание, как и все почти бывшие у нас, застало организацию совершенно врасплох. Незадолго до него, недели за две, организация приступила к практической работе в сфере непосредственной подготовки к восстанию. Центральной группой Финляндской военной организации был образован военно-боевой центр. В этот в.-б. ц. входили: представители Красной гвардии и специалисты члены ФО (среди них и т. Емельянов, офицер артиллерийского свеаборгского гарнизона). Туда же входил и представитель Центральной группы. Задачей этой коллегии являлась выработка плана действий в момент восстания (координация дей-

ствия армии и финского пролетариата). Военно-боевой центр не-медленно, хотя и не окончательно конституировавшись (Ц. гр. полагала изменить несколько состав, так как в последнем по слу-чайным условиям находились лица, которые как специалисты не внушали к себе доверия), приступил к работам. Была выделена разведочная комиссия, которая должна была собирать материал, сведения, изучать те условия, при которых восстание должно будет протекать. Ц. гр. пыталась разрешить другую проблему: объединение военных организаций, хотя бы соседних. На запрос ЦК об обещанном им созыве конференции военных организаций ФО получила ответ, что такая конференция, вероятно, скоро соберется. Это было в конце июня. В это же время эсеровская организация предложила нашей вступить в соглашение. Исходя из соображения, что с эсерами допустимы только боевые согла-шения при строго определенной боевой цели, при предваритель-ном учете их силы и влияния, ФО отклонила предложение эсеров (эсеры сравнительно недавно образовали свою организацию), предложив с своей стороны создание комиссии только инфор-мационного характера. Последняя была образована. Приблизитель-но недели через две после этих разговоров с эсерами последние приглашают нас на экстренное собрание. Выясняется, что при-ехал от эсеровской организации в Кронштадт представитель, который от имени Кронштадта заявил: «Так как Кронштадт под-нимается на-днях, то предлагаем Свеаборгу поддержать нас». Эсеры поддерживали это предложение. Представители ФО от-вергли это предложение, указавши на то, что такое выступление должно быть санкционировано партией, которая учитывая возмож-ность этого выступления, должна выработать общий план действий.

Что же касается Свеаборга, то подготовительные работы только начались, и если возможно вызвать там восстание, то нет никаких данных для планомерного его проведения. После долгих и острых дебатов была принята предложенная ФО РСДРП резо-люция, которая говорила о том, что и та и другая стороны энер-гично готовятся к выступлению, и Кронштадт, во всяком случае, не выступает раньше извещения о готовности Свеаборга поддер-жать это выступление. Такое же решение не выступать сейчас должны были принять и свеаборжцы, как нашей организации, так и эсеров или, вернее, организации капитана Циона (как анар-хиста, исключенного из ФО РСДРП и связавшегося потом с эсе-ровской группой в Гельсингфорсе).

Между тем в Свеаборге происходило следующее: 16 июля ми-неры, вернувшиеся из города с кладбища, где служили панихиду по погибшим в прошлом году на работах товарищам, устроили собрание, на котором решили предъявить коменданту требование вернуть не выдававшиеся им систематически винные деньги. Прибывший комендант грубо (как бы преднамеренно) обошелся с минерами и дошел даже до того, что срывал с некоторых унтер-офицеров нашивки. Минеры отвечали бранью и требовали удаления коменданта. Последний вызвал несколько рот пехоты, которые, окружив минеров, разоружили их и арестовали. С 16 по

вечер 17 июля минеров держали без пищи. Один из арестованных сумел как-то уйти и явился к артиллеристам. (Все это происхо-дило на Лагерном острове.) Сообщив о положении, в котором находятся арестованные товарищи, он от имени их просил артилле-ристов «выручить товарищей». Артиллеристы решили на вечер-ней проверке предъявить соответствующее требование. Когда же ротный командир сделал вид, что не обращает внимания на предъ-явление, артиллеристы решили прибегнуть к более действитель-ным мерам. Тем временем представители разных частей артил-лерии имели свое соглашение, на котором принято было решение не выступать раньше [возникновения] определенной ситуации в России в пользу широкого восстания. Но не успели представители сообщить по своим частям это решение, как 5-я рота (артилл.) на Лагерном острове с криками «к оружию, товарищи!» выбе-жала на улицу. Непосредственным импульсом к этому шагу, по-служила, как объясняют сами солдаты, стрельба спешно по прика-зу коменданта смобилизовавшейся пехоты по группе солдат, воз-вращавшихся с Михайловского острова,—делегатов частей, рас-положенных на Михайловском острове. «На Михайловский! На Михайловский! Здесь нас, как куропаток, расстреляют!» (артилле-ристы на Лагерном расположены были в палатках). Через каких-нибудь 20—30 минут уже ни одного артиллериста [не было] на Лагерном острове. Все, что можно было увезти с собой, артилле-ристы утащили (орудия, пулеметы, все почти шлюпки). Вся сол-датская организация быстро вмешалась и скоро стала во главе повстанцев. С этого же момента связывают свою судьбу, с судь-бою свеаборгского восстания тт. Емельянов и Коханский.

Укрепивши Михайловский остров, восставшие артиллеристы сделали несколько выстрелов из орудий, возвещавших о выступ-лении Свеаборга. Когда в городе распространился слух о том, что в Свеаборге «что-то» произошло, Ц. гр. немедленно приняла меры к тому, чтобы привести в состояние боевой готовности все части (суда: «Эмир Бухарский» и «Финн», флотскую казарму на Скатудене и др.). Удалось—так как было уже 12 часов ночи—вызвать представителей флотского комитета. Было условлено, что сейчас же по возвращении в казарму извещаются все члены коми-тета и те из членов матросской организации, которые входили в «боевую группу» флотской казармы, на которой (боевой группе) лежала обязанность инициативных действий в момент выступле-ния. У телефона установлены были дежурства членов флотского комитета. Ключ от арсенала в казарме должен был быть захвачен ночью же. Члены флотского комитета должны были снестись до утра с судовыми комитетами на «Эмире Бухарском» и «Финне». Было условлено, что как только восстанут на Скатудене мат-росы, последние троекратным залпом из винтовок дают сигнал к восстанию на судах. С пехотными частями не удалось связаться ночью. После этого Ц. гр. устроила совещание с представителями ф. п., входящими в Ц. гр. На этом совещании было решено про-кламировать пока забастовку рабочих в Гельсингфорсе и на же-лезной дороге.

часам к 4 утра (на 8 июля) на квартиру штаба явились т. Емельянов и артиллерист с Михайловского острова. Их послали восставшие к организации с запросом о дальнейших действиях и с предложением поднять суда и флотскую казарму для обеспечения возможности доставки провианта. На совещании, тут же устроенном, были приняты следующие решения: так как в восстании Свеаборга активное участие приняли 7 артиллерийских рот (из 10, остальные три пассивно) и об отступлении думать поздно, развить энергичные наступательные действия, парализуя ближайшие пункты к Михайловскому острову (Инженерный остров, Лагерный), которые могли бы мешать планомерности наступления, затем, поставив ультиматум, сосредоточить огонь на Комендантский остров, где засели правительственные войска с комендантом. Флоту, если б он показался в водах Гельсингфорса, раз нет определенных, от организаций полученных сведений о его переходе на сторону восстания, дать приблизиться на расстояние обстрела и открыть огонь, стараясь нанести повреждения, затем уже предложить присоединиться. К такому решению побуждало полное отсутствие проверенных сведений относительно поведения флота. Затем были распределены функции между членами Ф[инляндской] в[оенной] о[рганизации].

Снесшись по телефону с флотской казармой, условились в 8 часов утра подняться.

В отношении остального гарнизона было решено: поднимать настроение, призывая быть готовыми к выступлению по сигналу организации, и распространить восстание в гарнизоне по получении соответствующих директив от ЦК.

В 8 часов утра на флотской казарме был спущен правительственный флаг и поднято красное знамя. Произошло это так. Когда приближалось 8 часов, барабанщик по приказанию одного из членов флотского комитета забил тревогу. Матросы стали просыпаться. В это же время члены флотского комитета, рассеявшись по казарме, призывали к оружию. «Свеаборг восстал! Пора и нам! К оружию, товарищи! На двор все!» Больше половины матросов с криками «да здравствует революция!» высыпали на двор. «Кто не с нами, тот изменник! Смерть изменникам!»—призывали товарищи, и выстрелы в воздух из браунингов, сопровождавшие их слова, заставили и остальных матросов примкнуть. Когда в 8 часов к скатуденской казарме пришли члены организации, казарма была уже в руках восставших матросов.

Выстроившись, матросы дали три залпа из винтовок. То матросы приветствовали восставший Свеаборг и давали сигнал к выступлению товарищам на судах. И действительно на «Эмире Бухарском» и «Финне» можно было заметить появившиеся на палубе кучки матросов, оживленно о чем-то совещающихся. Но вслед за ними появились офицеры, которые с револьверами в руках заставили матросов сойти в трюм, где их заперли. Офицеры стали у пулеметов и открыли огонь по Скатудену. Затем к пулеметам были приставлены матросы, которые под наведенными на них револьверами стреляли. Между тем скатуденцы рас-

пределили караулы, заарестовали офицера; другого, который приказывал спустить красное знамя, убили.

В то же время из города извещенные рабочие пришли на Скатуден вооружаться.

Матросам была доставлена вольная одежда, в которую они сейчас же переоделись.

Началось братание рабочих и матросов. «Долой угнетателей!», «Да здравствуют рабочие!»—кричали матросы. Пока рабочие вооружались винтовками и револьверами из арсенала казармы, Скатуден был отрезан от города солдатами и казаками. Но несмотря на то, что солдаты держали ружья наперевес, в проходивших матросов и рабочих со стороны солдат не раздалось ни одного выстрела. Часть матросов, примкнувших под угрозой, осталась в казармах, остальные на шлюпках и баркасах переправились в город.

Город в тот момент представлял собою небывалое зрелище. Редкий из граждан финнов сидел дома. Все высыпали на улицу. Особое оживление царило среди рабочих. Их призывали к всеобщей забастовке. На стенах и столбах были расклеены воззвания, призывающие забастовать. Воззвания эти были подписаны... капитаном Коком*. Последнее обстоятельство значительно повлияло на дальнейшее движение финского пролетариата в эти дни. Какой бы популярностью ни пользовалось имя капитана Кока в рабочих массах, оно во всяком случае не могло явиться таким авторитетом, как имя партийного правления финской партии. И если бы последнее призвало к забастовке, забастовка несомненно была бы всеобщей. Однако надо отдать справедливость финскому пролетариату. В Гельсингфорсе около 250 рабочих, тогда еще красногвардейцев, вместе с несколькими матросами отправились на Михайловский остров, в поддержку артиллеристов (последние нуждались в стрелках). В других местах, как, например, вблизи Або, Вильманстранда, Рихимяках (в первых двух под давлением членов военной организации), рабочие портили полотно дороги, взорвали мост. Но все же приходится отметить отсутствие планомерности и в действиях финских рабочих, отсутствие, я бы сказал, боевой организации пролетариата. Красная гвардия показала себя организацией, более приспособленной к парадным выступлениям рабочих, нежели к непосредственному бою.

Интересно отметить, что небезучастной к совершающемуся осталась и финская буржуазия. Если финские рабочие героически шли умирать вместе с восставшими солдатами, финские буржуа старались всячески противодействовать рабочим. Боевые дружины финских капиталистов—Белая гвардия заняла трамвай и под угрозой расстрела заставляла ездить трамвайных служащих. В рабочих, пытавшихся остановить трамвай, белогвардейцы (не хуже

* Капитан Кок — начальник бывшей Красной гвардии, член финской с.-д. партии. На последнем конгрессе в г. Улеборге партия решила распустить Красную гвардию. Распускания Красной гвардии требовало между прочим русское правительство в лице финляндского генерал-губернатора. Сенат, представляющий финскую крупную буржуазию, с удовольствием это декретировал.

капитана Кока, поставив себе задачей изловить его во что бы то ни стало—«живым или мертвым». Но стоило «Белой гвардии» наткнуться на засаду из 8 или 10 матросов (которые, одевшись в вольное, делили судьбу красногвардейцев, скрывшихся в лесу, в предместьях Гельсингфорса), как матросы одним залпом из винтовок разогнали около 80 белогвардейцев, вооруженных «маузерами и браунингами». Потеряв в этой стычке человек 5* или 6 убитыми, «геройская» гвардия буржуазии поспешила сдать свое оружие полиции. Вскоре после этого в лес, где скрывались красногвардейцы и бежавшие из казарм матросы, были посланы солдаты и казаки, чтобы оцепить скрывшихся, но раньше чем цепь успела сомкнуться, беглецы благополучно прошли все в город. (Последние факты имели место уже на следующий день после взрыва порохового погреба на Михайловском острове.) Однако вернусь к событиям в Свеаборге.

Присоединение к восстанию флотской казармы ободряюще действовало на артиллеристов. Вообще же настроение у солдат финляндского гарнизона было в большинстве случаев благоприятное для восставших и для распространения восстания. 1-й батальон 4-го полка, прибывший в Гельсингфорс из Вильманстранда, узнавши, что его посылают на усмирение, вернулся с пристани в казармы. В Выборге товарищам из организации с большим трудом удалось удержать от выступления минеров и некоторые части крепостной пехоты. Военная организация ждала директив со стороны партии, без которых она не решалась распространять восстание на остальной гарнизон в Финляндии. Директивы отсутствовали. Положение в России оставалось для организации в высшей степени туманным. Ежедневно приходящие газеты служили единственным показателем положения дел за пределами Финляндии. При таких условиях движение финляндского гарнизона являлось изолированным и потому заранее обреченным на поражение. Между тем действия артиллеристов носили успешный характер. Взят был Инженерный остров, половина Лагерного. 18-го с пароходом, отвезшим Емельянова в город, артиллеристы захватили с собой провиант на один день. 19-го уже ощущался недостаток. Доставленного в этот день нами провианта было слишком мало. Доставка провианта из города вообще была невозможна. Всякая шлюпка или пароходик, хотя бы и с флагом красного креста, обстреливались как судами, так и с пунктов крепости, занятых правительственными войсками.

Большой урон терпели артиллеристы от стрелков, сосредоточившихся главным образом на Комендантском острове. Меткость их огня была такова, что, например, веревки (протянутые из кухни в казармы), по которым передавались котлы с обедом, пробивались пулями. Большинство орудийной прислуги было перебито. Озлобление артиллеристов на пехотинцев дошло до того, что когда кучка в несколько десятков пехотинцев пыталась несколько раз перебежать на Михайловский, выкидывая белый платок, бросая на землю ружья, артиллеристы всякий раз, как

только обнаруживали этих стрелков, открывали по ним огонь. На 3-й день восстания (20 июля) артиллеристы послали утром коменданту ультиматум: сдать крепость восставшим, или последние открывают бомбардировку Комендантского острова. Срок для ответа был дан до обеда. Ответа не последовало. Тогда артиллеристы, построивши линиями скорострельные орудия (6-дюймовые и пулеметы), открыли непрерывный огонь по Комендантскому острову. Когда заряжались скорострелки, действовали пулеметы, и наоборот. Солдаты потом рассказывали, что «никогда такого ада не видывали». «Жужжат пули, разрываются снаряды, и все время, хоть бы дали передохнуть...» Пехотинцы дрогнули. Приведенные из города части* стали требовать от коменданта немедленного их возвращения, среди черносотенной крепостной пехоты стали раздаваться голоса о сдаче крепости. Около 4 часов сряду продолжалась эта бомбардировка. Еще полчаса, и комендант был готов поднять белый флаг. Но вот на горизонте показались три** военных судна. Вот они приблизились и стали на виду у Михайловского острова (единственный момент, когда суда находились на расстоянии обстрела со стороны Михайловского острова). Среди артиллеристов почему-то разнесся слух, что это революционный флот пришел. Этому слуху способствовали уверения эсеров о их влиянии на флот и особенно, чуть ли не сильном влиянии на «Цесаревич», «Богатырь» и «Славу». Эти суда и явились. Товарищ Коханский (офицер Свеаборга, с.-д.) отправился на шлюпке вместе с несколькими артиллеристами к судам предложить им присоединиться. На «Цесаревиче» его приняли и арестовали. Затем броненосцы, ориентируясь в положении дел, ушли на расстояние 18 км и из 12-дюймовых дальнобойных орудий (прицелу помогали с Комендантского и Скатуденского островов) открыли огонь по Михайловскому острову. Удачно брошенным снарядом был взорван пороховой погреб, унесший около 100 человек артиллеристов, матросов и рабочих. Был ранен Емельянов. Изолированные, без провианта, потерявшие двух любимых руководителей офицеров, товарищей Коханского и Емельянова, бессильные против дальнобойных орудий судов (у артиллеристов не было дальнобойных орудий), артиллеристы после героического сопротивления сдались. Так пал Свеаборг.

Мурский.

Протоколы 1 конференции военных и боевых организаций РСДРП, СПб, 1907 г.

«Воспоминания о свеаборгском восстании»

Одна из лучших второклассных крепостей—Свеаборг—расположена на островах близ г. Гельсингфорса—столицы Финляндии. В крепости 10 батарей артиллерии и столько же рот пехоты.

* 2-й батальон 4-го полка и 1-й батальон 2-го.

** Только два — броненосец «Цесаревич» и крейсер «Богатырь».

(Прим. ред.)

Живут они, окруженные со всех сторон водой, скучно, однообразно, раз в неделю отправляясь в город на побывку. В городе стоят пехотные части и артиллеристы; есть войска и в других городах Финляндии—всего 25 тыс. Расквартированы они там для того, чтобы финляндский народ не вздумал пойти против русского самодержавного владыки. Условия жизни в Финляндии совсем другие, чем в России,—там свобода слова, собраний, печати, и солдаты видят перед собой ясный пример лучшего и справедливого устройства страны. Революционную работу среди тамошних войск начали 3 офицера и русские социал-демократы. Они образовали финляндскую военную социал-демократическую организацию и усиленно стали вести агитацию и пропаганду. Их работа имела большой успех, и организация среди солдат стала быстро расти. Причиной этого был наглый грабеж начальства. В крепости комендант обворовывал на провизии, на одежде, сокращал в свою пользу солдатское жалованье. В других частях обстояло не лучше. Вот что пишут солдаты в газету «Вестник казармы», которую печатала военная организация: «Товарищи солдаты! У нас в 5-м полку железная дисциплина. Мы заперты в грязных казармах под игом начальства, возим на себе дрова и воду. Они заставляют нас рыть землю в своих садах в праздничный и свободный день. Они запрещают нам читать правдивые книги и газеты. Когда мы больны, они не верят нам и не дают нам лекарства, какое надо; они запрещают нам говорить с вольными людьми и посещать даже финские собрания».

А вот что пишут из другого полка: «13 мая в 1-й роте 2-го Финляндского полка не обедали. Уже с утра были раздражены тем, что их подняли до 6 часов, не дали чаю напиться и погнали на стрельбу. День был ветреный, пыль ела глаза, стрельба шла плохо. Больше половины солдат были поставлены к прикладке. Три часа стояли солдаты, заморились вконец, в глазах боль невыносимая от пыли и ветра. Наконец заиграли сбор, кончилась пытка, можно идти обедать. Сели обедать. Принесли суп, разлили по бакам, расставили по столам. Но то, что находилось в баках, больше походило на мутную болотную водицу, чем на суп. Как солдаты ни были голодны, они не могли есть эту мутную воду.—Братцы, давайте полы мыть,—раздались голоса (была суббота).—Нет, ребята, лучше снесем эту воду ротному командиру на ванну,—кричали другие. Так и сделали, отнесли обеды ротному командиру; командир отослал к доктору. Доктор сунул нос в бак, понюхал, попробовал:—Суп хороший, только немного жидкий.—Но суп от этих слов доктора не показался солдатам лучше, чем был на самом деле, и есть они все-таки не стали... 10 июня были розданы тухлые порции: после обеда люди в судорогах падали на землю и корчились от боли. Весь двор покрылся белыми палатками, в которых лежали больные. 492 человека были зарегистрированы, а всех заболевших около 600 чел. Солдаты валились, как мухи. Командир, придя, сказал своим «братцам»: «ничего—повалаетесь». В то же время черносотенные офицеры, чтобы спасти свою благородную шкуру,

распространяли среди солдат, что их отравили посторонние лица или финны».

Немудрено, что от таких «порций», от такого обращения у солдат легко раскрывались глаза, и они всей душой стремились к крамольной заразе. Чтобы отвлечь солдат от крамолы, начальство задумывало устраивать «развлечения»: балы, спектакли, чтения. Но развлечения эти часто оканчивались печально. В Свеаборге показывали однажды в манеже живые картины, и в самый разгар вдруг раздался сильный удар в окно, против которого сидели комендант и офицеры; посыпались со звоном стекла, упали с треском обломки рам, с которыми вместе полетел к ногам офицеров порядочный осколок скалы. Комендантом [было] назначено следствие о крамольном движении, но и на этот раз ему пришлось остаться несолоно хлебавши.

По мере того как солдаты становились сознательнее, их отношения с начальством становились все хуже и хуже. В крепости «крамольниками» были артиллеристы, самые развитые и смелые. На парадах происходили, например, такие сцены. Сегодня комендант крепости, подойдя к параду, поздоровался сначала с пехотой: «Здорово, мои голубчики-пехотинцы». С минерами и телеграфистами, ходившими на собрания, поздоровался сухо. Подойдя к построенным командам артиллерии, бывшим в церкви, комендант поздоровался, отвернув нос; ему ответили 2—3 человека; тогда он заявил: «Вас я не могу похвалить». В ответ раздалось дружное: «Рады стараться». Комендант рассвирепел и стал, топая ногами, учить службе. Тут с левого фланга кто-то крикнул: «Пляши тише, не то резиновая нога отвалится» (у него искусственная нога). Комендант побледнел от злости, но сделать ничего не мог.

В июле начальство мало-по-малу начало переходить от «развлекательной» политики к устрашающей. Это окончательно обозлило солдат. Страсти разгорались. Вспышка в крепости могла вспыхнуть ежеминутно. К этому времени в крепости организовался крепостной комитет и его отделения по островам. Было два офицера социал-демократа—Емельянов и Коханский. Только благодаря влиянию этих офицеров восстание не вспыхнуло раньше: они всячески удерживали рвущихся в бой солдат.

После роспуска Думы стали ходить самые странные слухи—о восстании Кронштадта, о возмущении эскадры. Эти слухи ходили и среди начальства. Комендант Свеаборга, получив неверные сведения о флоте, решил загородить проход к крепости минами и послал минеров поставить их. Минеры отказались и, в свою очередь, предъявили начальству претензию. Комендант воспользовался случаем выловить крамольников, арестовал минеров (200 чел.), разжаловал фельдфебелей, собственноручно срывал нашивки, грозил расстрелом. В довершение всего целые сутки арестованным не давал есть. Волнение среди артиллеристов разрасталось. Сначала они, сговорившись, совершенно мирно предъя-

...или освобождение заключенных на вечерней поверке. Начальство не обратило внимания. Артиллеристы, разбросанные по островам, действовали уже не под руководством организации, а каждый на свой страх. В то время как крепостной комитет, под влиянием офицеров Емельянова и Коханского, уже ршил не прибегать к крайним мерам и хотел известить острова,—там загремела первая пушка, за ней вторая, третья. Послышались ружейные залпы. Восстание началось...

Артиллеристы освободили минеров, арестовали около 8 офицеров. Арестованный полковник Нотара был убит и сброшен в воду, так как он страшно ругался и грозился.

Два офицера социал-демократа, Емельянов и Коханский, взяли на себя руководство восстанием. По совещании с ними военной организацией было решено всеми мерами поддержать восставших. Конечно если бы восстание было частичным, восстанием только финляндских войск, то оно было бы осуждено на гибель,—его задавили бы войска, вызванные из России. Но организации обещали свою поддержку финские рабочие (Красная гвардия), и положение в России было таково, что давало надежду на восстание народа. В Петербурге, в Москве, во многих городах и в деревнях после роспуска Думы шли тревожные слухи и как будто собирались тучи народной грозы. При таких условиях, если бы удалось завладеть Свеаборгом, победившие солдаты были бы поддержаны русским народом, восставшим на защиту своих прав.

Итак, было решено сражаться до конца.

Самый главный остров, захваченный артиллеристами, был Михайловский, с 9-дюймовыми орудиями и 11 пулеметами. Верной правительству осталась лишь крепостная пехота, которая и заняла вместе с комендантом центральную крепость. Орудия—пушки и пулеметы—восставшие обратили к центральной крепости и открыли по ней сильнейший огонь, но вредили ей мало, ибо снаряды были учебные. Пехота, защищавшая коменданта, некоторое время колебалась, и часть даже сделала попытку перейти, но попала в перекрестный огонь и возвратилась.

Из города на помощь правительственным войскам послали на баржах солдат и батарею, которую скрыто от восставших установили на одном из островов, против порохового погреба на Михайловском острове.

В момент самого жаркого огня, когда комендант едва держался и уже держал совет о сдаче, был взорван пороховой погреб на Михайловском острове батареей, из которой стреляли офицеры. Произошло сильное смятение; Емельянов, взявший руководство восстанием, был ранен, огонь ослабел и почти притих.

Через час появилась эскадра. Думали, что это идет восставший флот, настроение поднялось, ждали сигнальных выстрелов. Флот подошел ближе и открыл огонь, очевидно там уже знали о восстании. Коханский на лодке отправился на броненосец «Цесаревич», чтобы от имени восставших требовать присоединения. Он был арестован.

Выстрелы с эскадры были боевыми снарядами и производили

страшное разрушение на островах. С Михайловского ни один снаряд не долетал до судов. Крепостные 9-дюймовые пушки не могли сравниться с 12-дюймовыми чудовищами. Все-таки обстреливаемая с 2 сторон крепость могла бы держаться, но не было провианта, доступ в город был отрезан, и надежды на помощь ниоткуда не было.

В тот же вечер острова подняли белый флаг.

29 июля, около полудня, по приговору военного «суда» были расстреляны семь свеаборжцев-артиллеристов: два офицера и пять фейерверкеров. Царское правительство убило этих лучших сынов России по всем правилам искусства, «по уставу», даже с барабанным боем, чтобы заглушить последние слова крамольников. Остальных арестованных (800 человек) разослали по тюрьмам, на каторгу, в дисциплинарные батальоны. Оправдано 30 человек.

Итак, свеаборгское восстание было «подавлено», красное знамя в крепости спущено, и десятки борцов нашли себе славную смерть на поле битвы.

Причины неудачи восстания ясны. Условия для восстания были очень невыгодны. Разбросанность островов, разобщенность от города и прежде всего неожиданность вспышки. В таких условиях нужна сильная организация и именно солдатская организация, чтобы в нужный момент сами солдаты могли выступить руководителями, ибо вольным в трудные моменты бывает невозможно проникнуть в казармы, и только руководители-солдаты, живущие постоянно там, могут остановить или раздуть возмущение солдатской массы. В Свеаборге была организация, были и солдаты-руководители, но в пехотных частях, в городе такой организации не было, и полки, лучшие по сознательности, молча смотрели на гибель дорогого для них дела, даже шли на усмирение...

«Солдатская жизнь»—орган Московской военной организации, № 1 от 1 марта 1907 г.

Прокламация военной организации РСДРП в Финляндии

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи солдаты!

200 человек из минной роты арестовали начальники крепости. Двух солдат артиллеристов убил комендант своей преступной рукой. Убил и скрылся. И не стерпели солдаты этого. Как один человек поднялись они за обиду своих товарищей. Солдаты Свеаборга решили уж раз навсегда избавить многострадальную свою родину от кровопийц чиновников и дворян. Свеаборжцы решили восстать вместе со всем русским народом—вместе с рабочими и крестьянством за всю землю и волю. И подняли солдаты гордое знамя восстания.

Михайловский остров уже в руках восставшего войска. Все батареи центральной крепости Свеаборга в руках солдат, борцов за свободу. Один подполковник убит восставшими солдатами. Один артиллерийский генерал взят в плен. Только на Лагерном

засели ваши кровопийцы-офицеры и строят злые замыслы, как подавить славную борьбу солдат за освобождение всей России.

Но нет! Не суждено исполниться этим замыслам!

Флот поднимается на поддержку свеаборжцев!

Теперь, товарищи, очередь за вами. Наступил момент, когда русский солдат должен смыть с себя позорное клеймо братоубийцы.

Восстаньте же как один человек!

Примкните к восставшим свеаборжцам—тогда мы победим!

Захватите власть в свои руки. Уничтожьте всех тех офицеров, кто пил вашу кровь и будет вам противодействовать. Действуйте вместе! Дружно!

Помните, что весь русский народ за вас!

Да здравствует всенародное вооруженное восстание!

Да здравствует единение армии, флота с народом!

Да здравствует Учредительное собрание! *

Центральная группа военной организации Российской социал-демократической партии в Финляндии.

18 июля 1906 г.

Прокламация военной организации РСДРП в Финляндии

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Письмо к товарищам солдатам и матросам от арестованных свеаборжцев.

Дорогие товарищи!

Мы, артиллеристы свеаборгского гарнизона, в количестве 1000 человек, посылаем вам свое товарищеское почтение.

Мы очень были обрадованы, когда узнали, что вы, товарищи, не упали духом, несмотря на сильные репрессии (правительственный гнет) в Свеаборге, которые в настоящее время могут произвести немалое впечатление в прочих частях войск. Мы знаем, что вы, товарищи, думаете о нас и стараетесь нам помочь. Но конечно это трудно... Ожидайте, товарищи, такого времени, когда исход был бы более благополучен в пользу народа и нас, а не так, как мы сделали...

Товарищи! Мы не упали духом. Дух у нас и сейчас велик. Мы принуждены были сдаться не потому, как думают многие, что дух у нас пал,—нет: нас победил флот. Флот, на который мы возлагали столько надежд, оказался для нас предателем. Дело шло у нас хорошо, и мы не думали сдаваться. Три острова были сорганизованы отлично—Инженерный, Александровский и Михай-

* Отпечатано в 3000 экз. в типографии военной организации РСДРП в Финляндии.

ловский,—они-то и начали действие. Комендант, видя свое плохое положение, вытребовал на помощь 2 роты 2-го Финляндского стрелкового полка. Эти роты были против нас. Но это ничего, мы бы их выгнали из крепости артиллерийским огнем. Мы открыли огонь из всех почти орудий, и дело клонилось к хорошему, но вдруг взорвался пороховой погреб, 3400 пудов пороха. Убило много борцов, но и это ничего... Затем разнесся слух, что пришел флот, два броненосца вместо ожидаемого одного. Мы были очень обрадованы, а пехота упала духом и уже хотела сдаваться. А флот, подойдя ближе, открыл огонь по Михайловскому и Александровскому островам. Сопротивление с нашей стороны конечно было немыслимо при таких условиях. Мы стали сдаваться.

Флот изменил потому, что на этих судах, на «Славе» и «Цесаревиче», мало было матросов: их заменяли кадеты. А свеаборгская пехота отличалась больше, чем семеновцы во главе с Риманом и Мином. Они стреляли в нас без промаха, стараясь как можно больше убить, и когда артиллерия сдалась, то обращение их с нами было самое подлое: наши сундучки были все взломаны, и вещи—сапоги, белье, деньги, одним словом, все хорошие вещи были расхищены пехотой. Вещи похищались пехотинцами в присутствии их офицеров, которые могли только сказать: «Да, у артиллеристов хорошие сапоги, у наших офицеров нет таких». Чайники поколоты штыками. В этом грабеже принимали участие и стрелки.

Товарищи! Мы ожидаем суда. Суд нам будет строгий, по словам коменданта, но мы не боимся этого суда. Мы знаем, что пострадаем за свободу и землю. У нас семь лучших товарищей перешли в лучший мир; они не хотели более смотреть на ложь, они хотели правды в России и были за это расстреляны. Мы все готовы разделить их судьбу: умереть за такое великое дело.

Товарищи солдаты и матросы! Стойте твердо за правду, следуйте нашему примеру! Соединяйтесь: в единении сила. Мы готовы послужить общему делу опять, если только останемся живы.

Арестованные.

Пусть товарищи солдаты и матросы со вниманием прочтут это письмо и убедятся, каково теперь настроение в лучшей, сознательной части нашей армии. Да, с каждым днем, с каждым часом становится яснее для солдата, кто истинный враг народа. Скоро, скоро поймут это все солдаты, без исключения, даже самые темные и забытые, и придет наконец время, когда вся армия и флот как один человек присоединятся к народу в его борьбе против ненавистных угнетателей. Близится этот великий радостный час, и с нетерпением ждет его передовой борец за свободу и лучшую жизнь—российский пролетариат (рабочий класс), а вместе с ним и сознательное крестьянство. Читайте же, солдаты и матросы, письмо артиллеристов и берите пример с этих героев!

Слава, великая слава свеаборгским артиллеристам и минерам, истинным детям своего народа*.

Центральная группа военной организации РСДРП в Финляндии.

8 августа 1906 г.

Прочитай, передай товарищу.

«Обращение русских моряков к финнам»

По поводу свеаборгских происшествий русские с социал-демократической окраской флотисты, находящиеся в финских водах, обратились к финляндцам со следующим воззванием:

Финские граждане!

У нас нет слов выразить свою симпатию и сочувствие тем финнам, которые героями пали или пострадали во время свеаборгского бунта.

Мы обратили внимание, что ввиду вышеозначенного бунта некоторые финляндцы стали относиться к нам недоверчиво, так как некоторые из нас изменили народному делу, начав стрелять в борющихся за свободу восставших в Свеаборге. То, что совершилось, мы не в силах исправить, но нет такой беды, чтобы в будущем нельзя было исправить.

Те из наших собратий, которые бомбардировали восставших, не были вполне организованы. Ввиду этого терроризму удалось с помощью водки привлечь их на свою сторону и [заставить] изменить своему собственному, как и общему народному делу. Но нарушающее [понимание долга] влияние водки послужит для будущего времени полезным уроком для трезво мыслящих солдат; [оно несомненно] действовало лучше, нежели многолетняя деятельность трезвенников.

Товарищи! Не унывайте, не презирайте нас! У нас, да и у вас общий враг. И кроме того знайте, что у нас повсюду враги, но мало друзей. Окажите нам дружбу! Это воодушевит и подкрепит нас в нашей великой борьбе, которой мы посвятили нашу жизнь.

Будьте уверены, что наши поражения—также и ваши, наша победа—также и ваша, так судьба связала нас и вас. Вы ведь знаете, что по дороге, ведущей к прогрессу и свободе, кроме вооруженной борьбы и пролития крови требуется и что-то другое; но мы также знаем, что российское террористическое правительство не обращает внимания на демонстрации, ибо оно презирает и топчет под ногами моральные меры [воздействия] и мнения народа, а в той борьбе, которую оно ведет***, не вооруженное и не привыкшее обращаться с оружием население бессильно.

Группа социал-демократических моряков
военного флота.

Финляндия, в августе месяце 1906 г.

Архив Революции и Внешней Политики, деп. пол., особ. отд., д. № 6, ч. 3.

* Отпечатано в 2000 экз. в типографии военной организации РСДРП в Финляндии.

** Перевод заметки, появившейся во всех местных финляндских газетах 18—19 августа н. ст. 1906 г. (Прим. ред.)

*** В подлиннике: «против той борьбы, которую оно оценивает».

Прокламация гельсингфорской группы военной организации РСДРП в Финляндии*

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам.

17 августа военный суд в Свеаборге приговорил к расстрелу 19 нижних чинов и 3 штатских за участие в военном восстании; к каторжным работам 66 нижних чинов; в дисциплинарный батальон 195; в военную тюрьму 298; 75 чел. к аресту и 30 чел. освободил от наказания. 19-го получено известие, что смертная казнь применена не будет.

Товарищи солдаты и матросы, знаете ли вы, кто эти осужденные и кто эти судьи? Это—два заклятых врага. Осужденные—это солдаты, это—дети народа, боровшиеся за то же, за что борется и весь народ,—за свободу, за землю, за народную власть, за счастье миллионов людей. Судьи—это офицеры, генералы. Их породил тот же народ, но породил, видно, не в добрый час! Они отошли от народа и, вместо того чтобы служить ему, сделались над ним господами. Они зажили на его счет, они заперли его в тюрьму, они из всей России тюрьму устроили, где народ сотни лет страдал, болел, мучился, бился, как рыба об лед. Они забрали себе всю землю, все богатства, всю власть, они обокрали народ! Народ стал беден, они—богаты. Они—сильны, богаты, счастливы, а народу дали особые права, которые несут с собой горе, скорбь, нищету, болезни и смерть прежде времени. Они обязали народ терпеть и молчать. Если же народ недоволен, его расстреливают. Да, они сильны, богаты, счастливы!

А разве русский народ не имеет права быть сильным, богатым, счастливым? Он хочет быть таким, он хочет вернуть себе все, отнятое у него: всю землю, все богатства, всю власть. Он хочет вырвать их из рук грабителей. Он это решил, и неизбежная, страшная борьба началась. Два заклятых врага сошлись в бою. Они, враги наши, ненавидят русский народ, а мы ненавидим их. Они, пользуясь темнотой солдат, расстреливают нас сотнями, но нас ведь теперь миллионы. Они хотели бы расстрелять весь народ, но кто их тогда кормить будет? Крестьяне захватывают земли—всех крестьян нужно казнить, рабочие требуют свободы—всех рабочих нужно казнить. Казнить нужно всех крестьян, всех рабочих, всех студентов, всех финнов, евреев, армян,—все недовольные, всем смертная казнь! Но всех казнить нельзя, и они расстреливают передовых бойцов. Они думают нас напугать расстрелами. Но мы ненавидим, мы презираем их! Мы не боимся их, мы обещаем им смерть!

Иногда иудин страх заползает к ним в душу, тогда они заменяют смертный приговор каторгой. Иногда они вспоминают, что

* Напечатано в сб. «1905 год». «Армия в первой революции» (Очерки и материалы). М.—Л. ГИЗ, 1927, стр. 87—98.

на них пойдут миллионы, они чувствуют тогда веревку у себя на шее и отменяют смертную казнь.

Напрасно! Вешайте нас, расстреливайте, мы, умирая, будем смеяться над вами.

Напрасно! Они убили тысячи и думают, что народ простит их, если они помилуют десятки. Нет, они сами за смерть заплатят смертью. Народ—страшная сила, но он не был организован, он не имел оружия. Теперь он организуется, он запасается оружием. Солдаты, дети народа, блуждавшие раньше во тьме, нашли теперь своих родителей, братьев, сестер, солдат стоит за народ. Мы—миллионы—с оружием в руках скоро двинемся на приступ, и твердыня зла, насилия, разбоя и грабежа падет, тогда все эти судьи, все палачи будут ползать перед нами на коленях, будут молить о пощаде, но народ раздавит их, как ядовитых змей.

Мы, социал-демократы, мы, дети рабочего класса, мы, дети народа, под красным знаменем поведем народ на последний, великий бой со злыми насильниками, мы готовим народ—рабочих, крестьян и солдат—к этому великому делу, мы отомстим злодеям за вас, расстрелянные, повешенные, убитые каторгой братья!

Собирайтесь, товарищи, с силой,—час решительного сражения близок, близок час народного суда!

Да здравствует вооруженная борьба за полновластное, все-народное Учредительное собрание!*

Гельсингфорсская группа военной организации РСДРП в Финляндии.

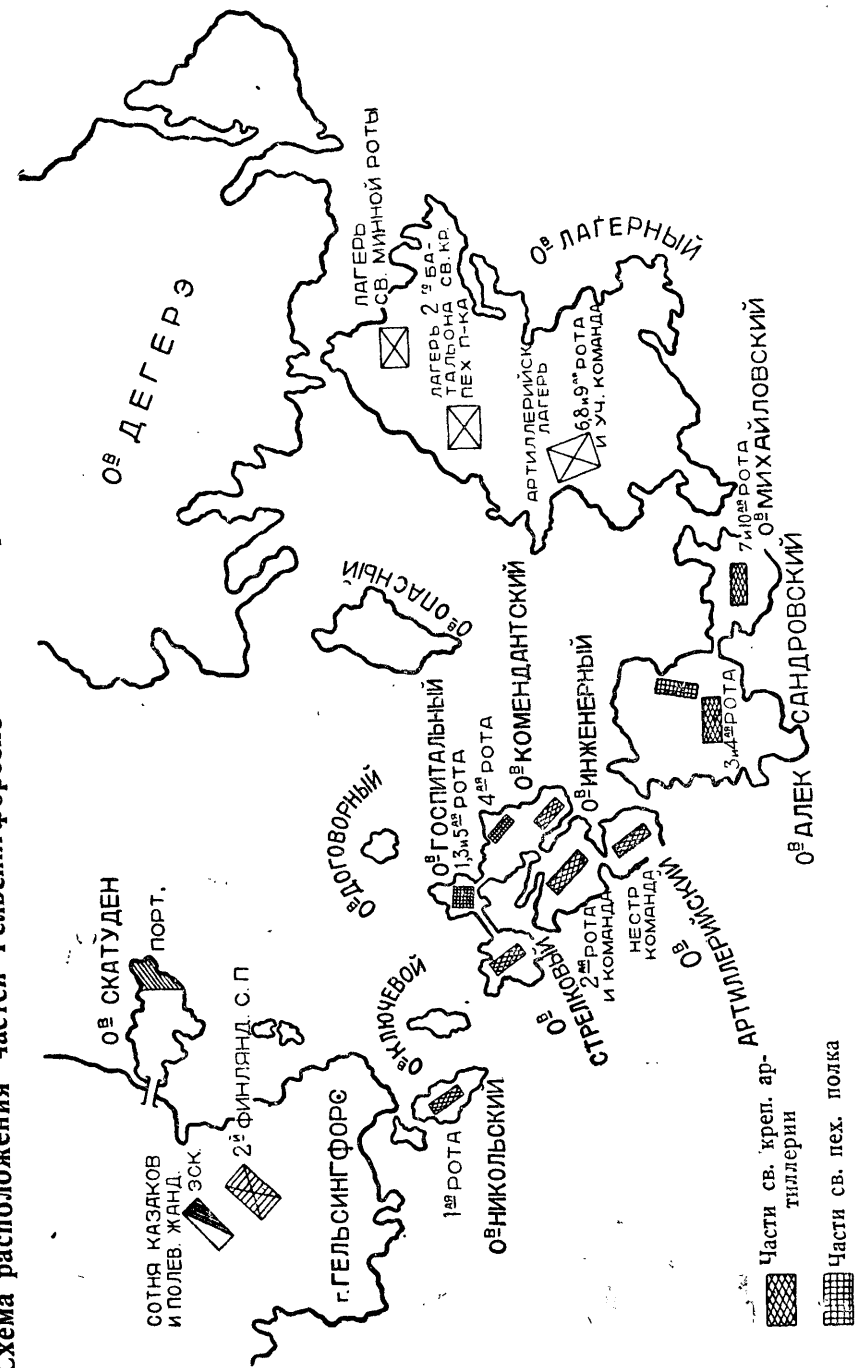
21 августа 1906 г.

Прочитав, передай товарищу.

Архив Революции и Внешней Политики, деп. пол., особ. отд., д. № 6, ч. 3.

* Отпечатано в 1 000 экз. в типографии военной организации РСДРП в Финляндии.

Схема расположения частей Гельсингфорского и Свеаборгского гарнизонов к 17 июля 1906 г.

IV. «ПАМЯТЬ АЗОВА»

Эстляндский генерал-губернатор главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа

Репорт № 88.

Ревель, 26 июля 1906 г.

Вашему императорскому высочеству доношу, что 20 сего июля я получил от лейтенанта Вердеревского из дер. Колки телеграмму о том, что команда на крейсере «Память Азова» взбунтовалась и убила 5 офицеров. По получении этой телеграммы мною немедленно был вызван директор маяков и лоции Балтийского моря и командир Ревельского порта контр-адмирал Вульф для выяснения способа обороны порта. При этом нами было решено не выдавать взбунтовавшимся ни угля, ни съестных припасов, ни воды, так как было известно, что они имели угля только на два дня, сухарей на три дня, немного капусты, и больше никаких продуктов на борту не имелось. Все шлюпки и их экипаж, которые пристанут в порту или окрестностях Ревеля, арестовывать и выжидать событий; всем каким бы то ни было судам и шлюпкам выход из порта воспретить, дабы воспрепятствовать сообщению крейсера с местными революционными организациями.

Для обороны порта мною были назначены четыре роты 146-го пехотного Царицынского полка, из которых 1-я и 2-я роты под командой капитана Ивицкого в самом порту. Жандармскому ротмистру Трохимовскому было приказано указать места, где должны расположиться роты; кроме того 3-я рота заняла побережье к востоку от порта до крайней опушки города, 14-я рота—к западу от порта до Батарейных казарм, двум взводам казаков было приказано наблюдать за правым и левым флангами расположения рот, охотничья команда 146-го пехотного Царицынского полка была придана двум фланговым ротам для производства разведок как на фронте, так и в тылу этих рот, так как можно было предполагать, что местные революционеры помогут взбунтовавшимся матросам с сухого пути. Начальником всей обороны был мною назначен временно командующий 146-м пехотным Царицынским полком полковник Тепфер. Всем остальным свободным от караульного наряда ротам гарнизона и полусотне казаков было приказано оставаться в своих помещениях в полной готовности на

случай взбунтования батареинных казарм. Устроен на горе Лаксберг. Кроме того было усилено наблюдение в порту, с вышки, принадлежащей морскому ведомству.

Войскам было приказано занять указанные места по получении о том моего особого приказания.

Остальным ротам 146-го пехотного Царицынского полка и полусотне казаков, квартирующим в Батарейных казармах, было приказано быть в совершенной готовности уйти из казарм по первому выстрелу с крейсера «Память Азова», так как можно было быть уверенным, что мятежный крейсер откроет огонь первым делом по казармам, где помещается часть гарнизона города.

Транспорту «Рига», занимавшемуся стрельбой по мишеням на рейде, мною было приказано через командира порта контр-адмирала Вульфа с получением приказания немедленно отправиться в Либаву, так как можно было быть уверенным, что в случае появления крейсера «Память Азова» на рейде транспорт «Рига» присоединится к нему.

Полиции было поручено самое энергичное наблюдение за всеми фабриками и теми местами, где можно было ожидать собрания революционеров.

Около 12 часов пополудни я получил от командира порта контр-адмирала Вульфа известие, что крейсер «Память Азова» вышел из бухты Папенвик и взял курс на остров Нарген.

В 12 ч. 20 м. пополудни транспорт «Рига» взял курс на запад и дал полный ход. В 12 ч. 50 м. я получил известие от командира порта, что крейсер «Память Азова» показался на горизонте, а от казачьего наблюдательного поста,—что к крейсеру «Память Азова» присоединился транспорт «Рига». Впоследствии оказалось, что принято ими за транспорт «Ригу» судно—коммерческий пароход, который появился в той же точке горизонта, где исчез транспорт «Рига», и шел навстречу крейсера «Память Азова».

Мятежный крейсер одно время повернул назад и снова скрылся за островом Наргеном. Затем в 3 ч. 30 м. он вновь появился и пошел по направлению к Ревелю.

Мною в это время было приказано войскам занять указанные ранее места, что немедленно было исполнено.

Впереди крейсера «Память Азова», около 4 часов дня, показалась идущая полным ходом номерная миноноска и, не уменьшая хода, вошла в порт. На палубе стоял офицер, почему она и была пропущена.

Оказалось, что это миноноска № 106, под командой лейтенанта Козлянинова, команда которой осталась верной долгу. Она прорвалась из Папенвикской бухты и ушла от крейсера «Память Азова» благодаря большому ходу.

К 5 часам крейсер подошел на рейд, где и остановился, не отдавая якоря.

В это время мимо него проходил с моря портовый паровой катер «Карлос», с вольнонаемной командой, буксируя баржу. Его окликнули с крейсера «Память Азова» и приказали подойти к

от крейсера, взял баржу и вошел в порт, где боцман доложил, что ему с крейсера передано письмо, адресованное частному лицу вне Ревеля, и сказано, чтобы на крейсер доставили провизию, иначе он будет бомбардировать город. Кроме того его спросили о положении дел в Кронштадте и Свеаборге, на что он ответил, что все и везде успокоилось. Тот же боцман добавил, что на крейсере что-то начинается, но что именно объяснить не мог.

Вслед за этим около 6 часов крейсер отдал якорь, в то же время на нем поднялся сильный крик, были слышны ружейные выстрелы, несколько человек выбросились за борт и поплыли к молу. На крейсере спустили небольшую шлюпку, и она погналась за одним из уплывающих. Взяв его на борт, шлюпка направилась к берегу, по направлению к Батарейным казармам, где была арестована вместе со всем экипажем царицынским постом. На шлюпке было 8 матросов и агитатор, именуемый себя Петровым.

На крейсере шум и перестрелка усиливались, и около 7 часов вечера был поднят сигнал: «Герплю бедствия, прошу помощи», а на корме махали белой простыней. На сигнал из порта ответили: «Ясно вижу». Вслед за этим была спущена с крейсера шлюпка, которая прибыла в порт; на ней оказалось 3 офицера: лейтенант Лосев, мичманы Крыжановский и Сакович, которые доложили, что мятеж на крейсере подавлен оставшеюся верной частью экипажа, и просили о наряде судов и конвоя для сопровождения арестованных мятежников и своза их на берег, хотя мятежники еще не все обезоружены, а часть их занимает боевую рубку, носовую часть судна и машинное отделение, но экипаж уверен, что быстро с ними справится.

Были отправлены на портовых судах и крейсере пограничной стражи «Беркут» две роты—1-я рота Царицынского полка и 8-я рота 145-го пехотного Новочеркасского полка, которые были вызваны из казарм. Эти роты привозили на судах арестованных на берег, откуда арестованные по мере прибытия были отправляемы по тюрьмам—в числе 225 человек.

Кроме явных мятежников офицеры из команды крейсера просили о свозе на берег части экипажа, которую они считают неблагонадежной, хотя и не принимавшей явного участия в мятеже. Их оказалось 82 человека.

К 1 ч. ночи все вышеназванные матросы были размещены по тюрьмам, а за переполнением тюрем 41 человек из числа неблагонадежных находится арестованными в казармах.

В промежуток времени между прибытием офицеров и подходом портовых судов к борту крейсера «Память Азова» со стороны моря подошла шлюпка с тремя штатскими лицами, которые спросили у матросов крейсера: «принимают ли г. Любадин и г. Козлов?» Матросы, догадавшись, что это вероятно агитаторы, ответили им: «принимают». И когда они поднялись по трапу, то их связали и отправили вместе с арестованными матросами на берег. Эти три лица оказались именующими себя: кандидатом прав Бельским, Ивановым и Костыревым; последний—отставной матрос, плававший

на крейсере «Память Азова». По сведениям жандармского надзора, Бельский очень юпасный агитатор-революционер; есть некоторые указания, дающие право предполагать, что он принимал выдающееся участие при возмущении в Москве и, несомненно, главный виновник настоящего мятежа. Он еврей. Иванов—агитатор, прибывший из Кронштадта, а Костырев—ревельский житель, мелкий торговец.

Ночью было доставлено на берег еще четыре арестованных матроса.

Всего арестовано 221 матрос вместе с неблагонадежными и 4 штатских. Вероятно, что некоторых из арестованных придется теперь же освободить, так как они ошибочно и второпях были задержаны.

На крейсере выяснились следующие обстоятельства возникновения мятежа: минный крейсер «Абрек», ходивший в Ревель за провизией, привез с собой несколько матросов с крейсера «Память Азова», между которыми, как оказалось, находился агитатор Петров, переодетый матросом. На крейсере заметил присутствие постороннего человека в прибывшей команде матрос Тильман, о чем и доложил старшему офицеру (Тильман убит), почему старшим офицером был произведен осмотр помещения, в котором разместились прибывшая команда на ночлег, причем им был обнаружен Петров, который притворился спящим; он был разбужен и арестован; при обыске у Петрова был отобран пистолет системы «Браунинг».

Заперт Петров был в ванной комнате, к дверям которой был представлен часовой. Через несколько минут (после 3 ч. утра 20 сего июля) на палубе раздались ружейные и револьверные выстрелы, направленные в офицеров крейсера. Первым был убит вахтенный начальник мичман Зборовский, а затем командир крейсера капитан 1-го ранга Лозинский, вышедший на выстрелы, был ранен в грудь штыком и пулей. За ним был ранен 2 пулями старший офицер капитан 2-го ранга Мазуров. Затем взбунтовавшиеся матросы, прячась по коечным сеткам, стали стрелять по появляющимся на верхней палубе офицерам, а через люки—в офицеров, вошедших в батарейную палубу.

Офицеры, видя безвыходное свое положение, решили попытаться покинуть крейсер на портовом таранном баркасе, который находился у борта крейсера и обслуживался 2 вольнонаемными матросами. На этот баркас по шторм-трапу спустились офицеры и был снесен раненый командир крейсера капитан 1-го ранга Лозинский. Впопыхах не заметили, что на баркас не сели 4 офицера: лейтенант Лосев, мичманы Крыжановский и Сакович и старший инженер-механик Благовещенский, которых считали убитыми. Как только баркас отвалил от крейсера, на него посыпались сначала пули, а позже и выстрелы из мелких орудий. Баркас продолжал уходить к берегу. Видя это, мятежники спустили катер с орудием на носу и пустились преследовать таранный баркас, все время обстреливая его из орудия. Одним из снарядов был убит капитан 1-го ранга Лозинский, мичману Пожеву оторвало обе ноги, и он скончался; флигель-адъютант капи-

тан 1-го ранга Дабич был ранен в икру правой ноги, мичман Унковский был тяжело ранен в грудь, кроме того были легко ранены лейтенанты Вердеревский и Селитренников. Старший офицер, капитан 2-го ранга Мазуров был оставлен на борту крейсера, так как его считали убитым.

Всех убитых офицеров 7 человек: капитан 1-го ранга Лозинский, лейтенант Захаров, лейтенант Македонский, мичман Зборовский, мичман Погожев, старший инженер-механик Максимов и младший врач Соколовский.

Ранены: флигель-адъютант капитан 1-го ранга Дабич легко, старший офицер, капитан 2-го ранга Мазуров в грудь и живот тяжело, мичман Унковский в грудь тяжело, лейтенанты Вердеревский и Селитренников пулями легко и священник иеромонах Клавдий Славинский пулей в плечо легко.

Не доходя 50 саженей до берега, баркас, получив 5 подводных пробоин, затонул на мелком месте. Бывшие на нем офицеры, кроме скончавшихся на баркасе капитана 1-го ранга Лозинского и мичмана Погожева, сошли в воду и вброд, а отчасти и вплавь достигли берега и скрылись в лесу, причем флигель-адъютанту капитану 1-го ранга Дабичу помогли: младшие инженер-механики поручики Высоцкий и Трофимов и мичман Павлинов. В лесу офицеры разбились на 2 группы: одна из групп, состоящая из флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Дабича, младших инженер-механиков поручиков Высоцкого и Трофимова и мичмана Павлинова, заблудилась в болотистом лесу, проблуждала весь день 20-го числа, там же провела ночь с 20 на 21 июля и только утром 21-го натолкнулась на эстонскую деребушку, где наняла подводу и на ней к 7 часам вечера доехала до ст. Разик. На ст. Разик флигель-адъютанту, капитану 1-го ранга Дабичу была сделана первая спешная перевязка. Вечером, в 10-м часу, они прибыли на поезде в Ревель. Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Дабич и старший офицер, капитан 2-го ранга Мазуров помещены в лечебницу «Диаконис», а остальные офицеры отправились на крейсер.

Все остальные офицеры, съехавшие на берег, довольно скоро достигли имения графа Стенбок-Фермора, откуда были доставлены в экипаже на ст. Разик, и в тот же день 20-го числа прибыли в г. Ревель, кроме мичмана Унковского, который остался в имении графа Стенбок-Фермора.

В это время крейсер «Память Азова» развел пары, снялся с якоря и стал у выхода из бухты с целью не выпустить минные крейсера и миноносцы, на которых порядок не был нарушен. В бухте находились: минный крейсер «Воевода», минный крейсер «Абрек», миноносцы: «Ретивый», «Послушный», № 102, № 106 и № 107. Миноноска № 106, которая имела пары, попыталась двинуться вперед, была обстрелена двумя 6-дюймовыми снарядами, не причинившими ей никакого вреда.

Командиры минных крейсеров, миноносцев и миноносок, кроме командира миноноски № 106, убедившись, что на крейсере «Память Азова» бунт, и боясь, что мятежники завладеют их судами, решили: вынудив орудий ударники и приведя машины в негод-

ность, высадить команды на берег, что и было исполнено, за исключением минного крейсера «Абрек», который выбросился на берег,—он снялся с мели и в настоящее время находится в Кронштадте. Командир же миноносца «Послушный», желая затопить судно, открыл кингстоны.

Высадившись на берег, они пошли к вышке пограничной стражи, где и собрались.

Увидев, что крейсер «Память Азова» ушел из бухты Папенвик, они вернулись на свои суда, привели их в исправность, причем минный крейсер «Абрек» снялся с мели, и решили идти в Гельсингфорс, но в это время они получили телеграмму контр-адмирала Вульфа, что на крейсере «Память Азова» возмущение подавлено и чтобы они шли в Ревель. «Абрек» же, снявшийся в Усть-Нарову раньше, не получив этого приказа, отправился в Усть-Нарову.

При этом считаю долгом доложить вашему императорскому высочеству, что гарнизон г. Ревеля оказал в высшей степени похвальное рвение к исполнению своего долга: так, например, через 3 минуты по получении приказа роты выступили из казарм. Нижние чины и находившиеся по каким бы то ни было случаям в отлучке от роты, узнав о тревоге, сами все прибыли в роту в казармы или присоединились к ним во время пути.

Все начальствующие лица и гг. офицеры оказались вполне на высоте своего долга.

О всех событиях на крейсере «Память Азова» очень трудно сделать окончательный вывод, так как гг. офицеры и нижние чины крейсера настолько потрясены происшедшим, что никак не смогут точно и связно рассказывать о событиях. Постоянно встречались в их показаниях противоречия, что сильно затрудняло расследование и требовало много времени.

В настоящее время происходит подробное расследование под руководством главного военного морского прокурора.

Временный эстляндский генерал-губернатор,

генерал-майор Ползиков.

и. д. адъютанта, подпоручик Быстряков.

Главный штаб военного м-ства, № 18, 1906 г.

Протоколы допросов свидетелей и обвиняемых по делу о восстании на крейсере «Память Азова»

Протокол № 2

1906 г., 24 июля, обер-аудитор штаба командующего отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами, коллежский советник Фелицын, согласно приказу названного командующего от 24 того же числа за № 43, допрашивал в качестве свидетеля, с соблюдением 551-й и 556-й ст. Военного морского судебного устава, без присяги, но с предупреждением о ней, нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Григорий Федорович Попов, флагманский врач, 52 лет от роду, православный. В ночь с 19 на 20 сего июля я в первом часу я увидел старшего офицера капитана 2-го ранга Мазурова, выходящим из своей каюты, и спросил его, куда он

идет. Он ответил: «по палубам». Минут через 10 он возвратился в кают-компанию, разбудил и взял с собою лейтенантов Захарова и Селитренникова и мичмана Крыжановского и снова ушел. Прошло не более 10—15 минут, в кают-компанию входит часовая и за ним кто-то в матросской белой рубашке, сзади двое часовых и вышеупомянутые гг. офицеры. Один из них, кажется мичман Крыжановский, показал мне браунинг и массу патронов, отобранных у арестованного, которого поместили в ванной комнате, но двери не закрыли. Через несколько времени старший офицер вошел в кают-компанию и заявил, что стащили ящик с патронами из-под часов. Бывшие в кают-компании гг. офицеры пошли в палубы и принесли оттуда много ружей, из которых тут же вытащили ударники и попрятали по каютам. В это время на верхней палубе раздается ряд выстрелов, то револьверных, то ружейных, и слышен голос командира: «вахтенного начальника убили». Стрельба стала усиливаться. Командир надорванным голосом вызвал гг. офицеров с ружьями наверх и кричит, что стреляет только один. Гг. офицеры пошли наверх, а я отправился в штабную канцелярию и оттуда прошел в каюту командира, который уже лежал на своей койке, и нашел у него штыковую рану в груди выше правого соска; кровотечение наружу было небольшое, рана прикрыта мокрым холодным полотенцем; раненый жаловался на боль в груди и жажду, я дал ему выпить немного воды и отправился в кают-компанию, где нашел убитым судового врача Соколового. Встретив писаря, я послал его в лазарет за перевязками и фельдшером, а сам снова поднялся в штабную канцелярию. В это время на паровом баркасе пары были подняты, и начальник отряда приказал выносить раненых, и я вместе с младшими механиками поручиками Высоцким и Тимофеевым вынесли раненого командира, спустили его на баркас и уложили под полубаком, затем я помог слезть раненым лейтенантам Вердеревскому и Селитренникову и начальнику отряда, и мы вместе с другими, севшими в баркас, задним ходом отошли от борта судна. Тотчас же началась по нас стрельба из ружей, а вскоре и из 47-миллиметровых пушек. Одним из первых попавших выстрелов был добит командир корабля капитан 1-го ранга Лозинский, которому разорвало грудью и живот, затем вскоре оторвало ноги мичману Погожеву, перебило штуртрос. Было много и других попаданий, так что баркас был пробит во многих местах и начал крениться на правую сторону. В это время мы увидели, что за нами была погоня на паровом катере. По счастью, мы успели дойти до мелкого места, и баркас остановился. Поддерживая начальника отряда в воде вместе с механиками и мичманом Павлиновым, мы вышли на берег, а в лесу рассеялись в разные стороны, боясь погони. В это время с парового катера была открыта стрельба по нас из ружей и 37-миллиметрового орудия, но без результата. 24 июля 1906 г.

Флагманский врач учебно-артиллерийского отряда статский советник Попов.

Обер-аудитор коллежский советник Фелицын.

Протокол № 3

1906 г., 24 июля, обер-аудитор штаба командующего отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами, коллежский советник Фелицын, согласно приказу названного командующего от 24 того же июля за № 43, допрашивал в качестве свидетеля, с соблюдением 551-й и 556-й ст. Военного морского судебного устава, без присяги, но с предупреждением о ней, нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Николай Яковлевич Павлинов, мичман, 20 лет, православный. По делу показываю:

В ночь с 19 на 20 июля с. г., около 2 ч. ночи, я был разбужен мичманом Крыжановским, который сказал, что на крейсере поймали агитатора и содержат его под арестом в кают-компании. Я тотчас же оделся и вышел в кают-компанию, где в это время находились: старший офицер капитан 2-го ранга Мазуров, лейтенанты Захаров и Селитренников, мичман Сакович и корпуса инженер-механиков флота поручик Высоцкий. Старший офицер приказал мне взять револьвер и быть в кают-компании. Минут через 10 в кают-компанию пришел командир капитан 1-го ранга Лозинский и, пройдя к арестованному, приказал снять с него фуражку с надписью «Учебно-артиллерийский отряд», раздеть его и приготовить для отправки на «Воеводу». В это время к командиру подошел караульный начальник и доложил, что от денежного ящика украдены ружейные патроны. Командир со старшим офицером сейчас же вышли наверх, и приблизительно в это же время последовал первый выстрел, которым был ранен вахтенный начальник мичман Зборовский, а затем уже начались частые выстрелы из винтовок.

По приказанию командира офицеры и кондукторы занялись переноской ружей из палуб в офицерское помещение. Я вынимал затворы у винтовок и клал их в свою каюту на койку под одеяло. Вскоре после этого электричество на крейсере потухло, и я вышел наверх, где находились начальник отряда флигель-адъютант Дабич и лейтенанты Вердеревский и Селитренников. По нас тотчас же был открыт ружейный огонь. Первыми пулями были ранены лейтенанты Вердеревский и Селитренников. Я помог лейтенанту Вердеревскому спуститься вниз. Начальник отряда в это время был на балконе и давал приказание стоявшему на бахшове таранному баркасу разводить пары. Для этого на баркас были посланы лейтенант Унковский и корпуса инженер-механиков поручик Высоцкий. Когда пары были подняты, начальник отряда приказал офицерам садиться на баркас. Я ушел в кают-компанию, где услышал стоны раненого старшего офицера. К нему подошел и. д. старшего врача коллежский ассесор Соколовский, который был тотчас же убит с верхней палубы через световой люк.

После этого я вышел на балкон, где помог передать на баркас смертельно раненого командира, раненых лейтенантов Вердеревского и Селитренникова и начальника отряда флигель-адъютанта Дабича, а затем сам сел. Как только мы отошли задним

ходом от крейсера, по нас открыли сначала ружейный, а затем орудийный огонь. Стреляли из 47-мм пушек Гочкиса. Некоторые снаряды рвались в баркасе. Одним из снарядов был убит раненый командир, ранены флигель-адъютант Дабич и тяжело лейтенант Унковский, мичману Погожеву оторвало обе ступни, он вскоре и умер.

Не доходя 1/2 кабельтова до берега, таранный баркас, имея подводные и надводные пробоины и крен на правый борт, стал на мель на глубине около 6 футов. Офицеры начали бросаться в воду, чтобы вплавь достичь берега. Я с поручиками корпуса инженер-механиков флота Высоцким и Трофимовым помогли выбраться за борт раненому начальнику отряда и доплыть до берега. Во все это время по нас, не переставая, стреляли с крейсера и с парового катера, вооруженного орудием и посланного для преследования офицеров.

Предполагая дальнейшую погоню, я с помощью поручиков Высоцкого и Трофимова увел поглубже в лес раненого флигель-адъютанта Дабича, где ему сделали первую перевязку раны. Для этого были употреблены чехлы с фуражек, мой китель, разорванный на полосы, и носовые платки. В лесу мы сразу сбились с дороги. Начальник отряда сам идти не мог и уже решил остаться в лесу, а нам предложил идти одним искать дорогу. Его приходилось силой поднимать и вести. Все время он был очень слаб, и всякое неловкое движение и толчки вызывали большие страдания раненого.

Пробыв в лесу всю эту ночь и следующий день без воды и пищи, мы только к вечеру дошли до озера, на берегу которого переночевали, и утром дошли до селения, где нам дали молока, хлеба и одежду. Там же получили две подводы. На одну положили уже совсем потерявшего силы начальника отряда. Я сел на эту же подводу, а на другой поместились поручик Высоцкий с больным поручиком Трофимовым. В 11 часов утра выехали на ст. Разик, где благодаря участию начальника станции раненому начальнику отряда местным врачом была сделана первая промывка раны. Около 9 часов вечера мы прибыли в Ревель, где были встречены командиром порта, который приказал флигель-адъютанта Дабича везти в общину «Диаконис». Довезя его, я с поручиками Высоцким и Трофимовым по приказанию командира порта явились на крейсер «Память Азова».

Мичман Павлинов.

Обер-аудитор коллежский советник Фелицын.

Протокол № 4

1906 г., 24 июля, обер-аудитор штаба командующего отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами, коллежский советник Фелицын, согласно приказу названного командующего от того же 24 июля за № 43, допрашивал в качестве свидетеля, с соблюдением 551-й и 556-й ст. Военного морского судебного устава, без присяги, но с предупреждением о ней, нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Михаил Владимирович Трофимов, поручик корпуса инженер-механиков флота, 25 лет, православный. По делу показываю:

Я лично не могу указать ни одного нижнего чина машинной команды, который бы вел преступную агитацию среди нижних чинов. Только в первой половине июля (числа я не помню), когда команда хотела воспрепятствовать аресту минера Исадского, выделились из машинной команды 2 человека—машинный содержатель унтер-офицер Селиков и машинный квартирмейстер Чернусов. Что они говорили на верхней палубе, сам я не слышал, так как по приказанию командира обходил машинное и кочегарные отделения, а узнал от вернувшихся в кают-компанию лейтенанта Селитренникова и инженер-механика поручика Высоцкого. Следил я немного за хозяином мастерской Бортниковым, но заметить чего-либо особенного не мог, разве только то, что он про себя кого-то ругал. 19-го числа днем мне очень часто приходилось быть в судовой мастерской, и я заметил, что он был злее обыкновенного, опять кого-то ругал и один раз, чертыхнувшись, сказал: «он с жиру бесится». В мастерскую входила и выходила команда все время. К кому относились его слова, я не мог понять. Занят он был, как я потом посмотрел, запаиванием бака для негативов для старшего инженер-механика Максимова. Вечером того же числа в носовой кочегарке шли работы у донки Бельвиля (по правому борту), где надо было снять паровой цилиндр. Работа шла до 1 часу ночи, может быть немного дольше. В начале этой работы был один я, а потом, около 12 часов, пришли старший инженер-механик Максимов и поручик Высоцкий. Работали здесь кочегарный квартирмейстер Бухарев, Маркин, Каркин, несколько кочегаров и машинный квартирмейстер Орлов. Видя, что работу скоро не окончить, старший инженер-механик приказал оставить ее до другого дня. Мы все разошлись, и я отправился спать. Приблизительно около 2 часов ночи я проснулся от ходьбы в кают-компанию, слышу звук разряжаемого револьвера и падение патронов. Быстро одевшись, я вхожу в кают-компанию и первого встречаю поручика Высоцкого, который сообщил мне об аресте частного лица в форме матроса, и лейтенанта Захарова и Селитренникова, сказавших, что у арестованного отобран револьвер и патроны. Вместе с поручиком Высоцким пошел в каюту старшего инженер-механика Максимова, разбудили его и рассказали ему о происшествии. Через несколько минут старший инженер-механик вышел в кают-компанию. Вскоре пришел в кормовое помещение командир корабля капитан 1-го ранга Лозинский, направляясь к арестованному субъекту. Почти все мы пошли за ним. На вопросы командира арестованный отвечал довольно грубо. Вдруг прибегает караульный начальник и докладывает командиру и старшему офицеру капитану 2-го ранга Мазурову, что из-под часов стащили ящик с патронами. Командир, старший офицер с офицерами бросились наверх, причем командир велел принести в кают-компанию оставшиеся ящики, что и было исполнено лейтенантом Селитренниковым с некоторыми офицерами и

кондукторами. В это же время лейтенант Захаров с кондукторами принес ружья и просил вынимать затворы и штыки. Несколько офицеров, между которыми были старший инженер-механик Максимов, мичман Крыжановский, поручик Высоцкий и я, стали вынимать затворы и штыки и разносили по разным каютам; из кондукторов помню здесь: Попова, Косыгина и Рудакова. Вдруг наверху раздался выстрел, крик, потом еще несколько выстрелов. Я пошел в каюту, взял свой револьвер. Через световой люк командир крикнул: «гг. офицеры, наверх с револьверами». Я вышел на верхнюю палубу через люк канцелярии штаба вместе с мичманом Крыжановским. Электричество на корабле было потушено. На верхней палубе лежал убитый мичман Зборовский. Вернулись в кормовую батарею; я вышел на адмиральский балкон с правого борта и посмотрел на миноносец, сначала приближавшийся к нам, а потом он повернул в сторону. Снова стал подниматься на верхнюю палубу, но не успел еще совсем выйти, как бывшие на палубе лейтенанты Вердеревский и Селитренников были ранены. Вернувшись в кормовую батарею, я вышел снова на адмиральский балкон по левому борту. Здесь было несколько офицеров и командующий отрядом флигель-адъютант Дабич. Кто-то сказал, что надо перенести раненого командира на таранный баркас. Вместе с мичманом Крыжановским я побежал в каюту командира, где у раненого застали флагманского доктора статского советника Попова. Втроем перенесли командира и передали на баркас. Также помог спустить раненых лейтенантов Вердеревского и Селитренникова. Туда же сошел и командующий отрядом флигель-адъютант Дабич. По приказанию командующего отрядом офицеры стали садиться на баркас, и малым задним ходом мы отвалили от корабля. Через несколько минут с палубы корабля раздалось ружейные выстрелы, сначала редкие, потом все чаще и чаще. Наконец стали стрелять из мелкой артиллерии. Было несколько попаданий подводных и надводных. Баркас стал медленно тонуть носом. Орудийными выстрелами был убит командир корабля капитан 1-го ранга Лозинский, тяжело ранены: лейтенант Унковский и мичман Погожев, ранен в ногу командующий отрядом флигель-адъютант Дабич. Дойдя до мелкого места, катер уткнулся носом в песок. За нами была устроена погоня с корабля на паровом катере, на котором успели установить 37-мм пушку, также стрелявшую нам вслед. Все поспешили выйти на берег. На катере остались командир корабля и умирающий мичман Погожев. Взяв под руки командующего отрядом, мы втроем—мичман Павлинов, поручик Высоцкий и я—пошли в глубь леса, избегая селений, так как не знали настроения рабочих кирпичного завода и тем более зная, что за нами отвалил от корабля катер, боясь погони по дорогам. На берегу были слышны выстрелы. Целый день шли по болоту в лесу, пока к вечеру не вышли на берег озера, за которым потом нашли мы деревушку. 21 июля около 10 часов утра, проведя ночь на болоте, пришли в деревушку, достали хлеба, молока и масла. Затем запрягли лошадей и шагом поехали на ст. Разик (39 верст). Ехали шагом, так как команду-

щего оставляли силы, нога начала пухнуть, и он уже сам не [мог] повернуться в телеге. Еще в лесу я сделал ему перевязку платками и чехлом от фуражки, промыть же рану в деревне командующий не дал. На станцию приехали в 7 часов вечера, где была сделана первая перевязка хирургом, ехавшим на станцию к поезду. Часов в 9 приехали в Ревель и перенесли командующего в экипаж. Встретить приехали командир порта контр-адмирал Вульф и генерал-губернатор.

По указанию контр-адмирала Вульфа командующего привезли в лазарет «Диаконис», откуда мы втроем—мичман Павлинов, поручик Высоцкий и я—вернулись сейчас же на корабль.

Инженер-механик поручик Трофимов.

Обер-аудитор, коллежский советник Фелицын.

Протокол № 58

30 июля 1906 г. мичман Поггенполь, согласно приказу командующего отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами, от 24 сего июля за № 43 допрашивал на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в качестве обвиняемых с соблюдением 525-й, 527-й и 531-й ст. Военного морского судебного устава нижепоименованных лиц, которые показали:

1. Канонир Кирилл Андреев, матрос 1-й статьи, 23 лет, православный, под судом не был.

Не признаю себя виновным в участии в мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в ночь на 20 июля. Прибавить к своему первому показанию ничего не могу.

Показание мне прочитано.

Канонир Андреев.

2. Веряский Василий Федоров, подшкипер 1-й статьи, 30 лет, православный. Судился 19 июля за кражу меди—приговор не вынесен.

Не признаю себя виновным в участии в мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в ночь на 20 июля. Во время усмирения, когда я узнал, в чем дело, встал к ученикам, так как не желал бунтовать. Прибавить к своему первому показанию ничего не могу.

Показание мне прочитано.

Подшкипер Веряский.

3. Потемкин, Василий Федоров, марсовой, 25 лет, православный, под судом не был.

Не признаю себя виновным в участии в мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в ночь на 20 июля. Во время бунта сидел у мусорного рукава с левой стороны в батарейной палубе с матросом Поленичка. Во время усмирения был на бушприте с фельдфебелем Старостиным, матросом Карпом Симоновым, старшим комендором и матросом Канониром, которого я уговаривал

не прыгать в воду. Был на шестерке № 1 и спасал Канонира, горниста Милашевского и старшего комендора Крючкова. Сперва вытащили из воды Канонира, потом Милашевского, а затем подошли к наружной стенке гавани. На стенке стоял командир миноносца № 113 и приказал спасенным выйти на миноносец. С ними вышел Смолявский. Тогда был замечен плывущий Крючков, и командир миноносца послал нас на шестерке за ним. Когда мы вернулись с Крючковым, то по приказанию командира миноносца поставили шестерку на бакштов и остались на миноносце ночевать. На другой день вернулись на крейсер, получив предварительно записку от командира миноносца. Больше ничего не могу прибавить к своему прежнему показанию.

Показание мне прочитано. Свидетель неграмотный.

Мичман Поггенполь.

Протокол № 64

1906 г., 30 июля, обер-аудитор штаба командующего отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами, коллежский советник Фелицын, согласно приказу названного командующего от 24 того же июля за № 46, допрашивал в бюро при ревельской губернской тюрьме с соблюдением 525-й, 527-й и 529-й ст. Военного морского судебного устава в качестве обвиняемых нижепоименованных, которые показали:

1. Зовут меня Владимир Иванов, слесарь, из мещан г. Курска, 26 лет, православный, холост, под судом не был, постоянного местожительства не имею. Виновным себя в подстрекательстве команды на крейсере 1-го ранга «Память Азова» к мятежу в ночь на 20 июля с. г. не признаю. 20 июля я встретил около памятника «Русалка» неизвестного мне человека, который хорошо говорил по-русски; мы сидели на скамейке и разговорились. Затем мы пошли на Бригитовку прогуляться. Я нахожусь без работы и приехал в г. Ревель приблизительно за неделю, числа около 15 июля, искать себе работы. До того я искал занятий в Кронштадте. По дороге в Бригитовку мы говорили о текущих делах. Идя обратно из Бригитовки, встретился нам человек, который спросил, где достать шлюпку ехать на «Память Азова». Мы пошли на Бригитовку, когда крейсер 1-го ранга «Память Азова», кажется, шел в Ревель или уже стоял на якоре, хорошо не знаю. Человек сообщил после, что ему нужно на «Память Азова» для получения долгов с матросов. Мы спросили его, нельзя ли и нам прокатиться с ним. Он согласился; тогда мы все трое пошли искать шлюпку и наняли у кого-то шлюпку, причем дали владельцу шлюпки 5 руб. Владелец шлюпки нас выпроводил из устья реки, а дальше мы поехали одни. Подъезжая к «Памяти Азова», мы знали, что на крейсере происходит бунт. Об этом нам сказал человек, который, как я теперь узнал, называется Косырев, при встрече с ним и разговоре. Я не принадлежу ни к какой политической партии и стою совершенно в стороне от политического движения в России; слышал про партию социал-демократов и социал-революционеров, но точного различия между этими партиями не знаю, а также мне неизвестны

цели этих партий. В Ревеле, пока я жил, я обрабатывал «Вольт» и к мастеровым за работою. Я жил в гостиницах Ревельской, Московской и еще третьей не помню названия, причем две ночи провел «так»; деньги хотя и были, но нужны были на будущее время. Раньше на «Памяти Азова» я никогда не был и никого там не знал. Больше показать ничего не могу.

Владимир Иванов.

Обер-аудитор коллежский советник Фелицын.

2. Зовут меня Максим Андреев Косырев, запасный старший гальванер, 27 лет, православный, холост, живу постоянно в г. Ревеле, под судом раньше не был. Я не признаю себя виновным в участии или подстрекательстве команды крейсера 1-го ранга «Память Азова» к мятежу на этом крейсере в ночь на 20 сего июля. Действительно я знал о том, что на этом крейсере идет бунт, но поехал для того, чтобы получить долг с матросов. Я был уверен, что деньги мои могут пропасть, так как и в случае ухода «Памяти Азова» из Ревеля и в случае подавления мятежа мне не пришлось бы получить свои долги. Посадят бунтовщиков по тюрьмам, и не найдешь своих денег. Я узнал о бунте на пристани, где собралась большая толпа народа и было много войска. Теперь я знаю фамилии тех двух лиц, которых я вез на крейсер, но раньше ни этих людей, ни их фамилий не знал. Шлюпки у пристани нельзя было оставить, так как было приказано никому шлюпки не давать. Долги у меня были: за Лобадиным, который был должен мне 10 руб., за Долговым—5 руб., за Никитиным—7 руб., за машинным квартирмейстером Черноусовым—3 руб., за Мартынюком, которому я дал товару больше чем на 50 руб., за гальв. квартирм. Колодиным—3 руб., за Кротковским—1 р. 70 к. и еще по мелочи за Корсаком 1 р. 80 к. Брали у меня в долг еще многие, за которыми я не записывал. Я раньше плавал на «Памяти Азова» с 12 марта 1905 г. по 20 апреля 1906 г.; а раньше был на «Владимире Мономахе», на войне не был, так как был списан по болезни. Ни к каким политическим партиям я не принадлежу; ни программ, ни целей политических партий я не знаю, я занимаюсь своим делом—торговлею. Больше показать ничего я не могу. Добавлю: начальство мое всегда отзывалось обо мне хорошо; у меня есть и аттестаты о моей службе. Мичман Крыжовский меня знает и может дать обо мне отзывы.

Показание мне прочитано. Аттестаты были отобраны у меня при моем аресте.

Максим Косырев.

Обер-аудитор коллежский советник А. Фелицын.

Гл. в.-м. суд. упр., д. № 182, 1906 г., лл. 91—95, 362, 366.

Протокол заседаний суда особой комиссии по делу о восстании на крейсере «Память Азова»

31 [июля] 1906 г. особая комиссия, назначенная приказом командующего отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами, от 30 июля за № 52, в составе:

председателя—командира эскадренной броненосца «Слава» капитана 1-го ранга Русина, членов: командующего крейсером 1-го ранга «Богатырь», капитана 2-го ранга Гирс 2-го, лейтенантов: Фролова 1-го, Любинского, Тимирева, Беренс 1-го и запасного лейтенанта Бутакова 5-го, при делопроизводителях: лейтенантах Баркове, Ключковском, слушала дело о мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в ночь с 19 на 20 июля⁶⁷.

Заседание суда особой комиссии началось в 12 ч. 45 м. 31 июля. Перед открытием заседания в зал суда были введены подсудимые: боцманмат Федор Рубайлов, строевые квартирмейстеры: Андрей Шилин, Никита Дерягин, артиллерийские квартирмейстеры 2-й статьи Трифон Костин, Иван Тугов, старший комендор Артамон Богданов, комендоры: Яков Вертиков, Алексей Крючков, Михаил Башаринов, Федор Шлюхин, Семен Крикунов, ученики комендоры: Афанасий Ширяев, Павел Пенкевич, Григорий Болдырев, Арсений Кудряшев, ученик класса артиллерийских квартирмейстеров Даниил Смолявский, гальванерн. квартирмейстеры: Петр Колодин, Антон Стафецкий, гальванер Василий Кузнецов, ученики гальванеры: Дмитрий Котихин, Ефим Потапов, Андрей Соломонов, телеграфный кварт. 2-й статьи Николай Баженов, марсовые: Афанасий Акульшин, Александр Катунин, Василий Потемкин, рулевой Алексей Мундштуков, ученик рулевой Федор Чирков, ученики сигнальщики: Петр Фалдеев, Иван Володин, Митрофан Меркулов, барабанщик квартирмейстер 2-й статьи Степан Козин, горнист Станислав Милашевский, матросы 1-й статьи: Иван Кротков, Дмитрий Перегудов, Иван Возняк, Яков Жаринов, Наум Павлюк, Николай Турцев, Дмитрий Горбунов, Гурьян Новоселов, Кирилл Канонир, матросы 2-й статьи: Федор Суховерков, Борис Барков, Степан Байбаков, Моисей Токарев, Тимофей Петров, Федор Бурашников, Дмитрий Иосюк, маляры: Иван Козлов, Павел Пелевин, ложник Михаил Векшин, Степан Канарейкин, плотник Порфирий Сигида, Захар Маладей, парусники: Василий Сиркин, Степан Ортин, кок Иван Гушин, подшкипер 1-й статьи Василий Веряскин, баталер 1-й статьи Степан Гаврилов, машинный содержатель 2-й статьи Иван Аникеев, юнга минно-артиллерист Николай Медведев, писарь 2-й статьи Петр Кулицкий, фельдшер 2-й статьи Илларион Архангельский, машинный квартирмейстер 2-й статьи Владимир Черноусов, машинисты 1-й статьи: Иван Бортников, Иван Черноусов, машинист 2-й статьи Филипп Плотников, кочегары 1-й статьи Игнатий Шевченко, Михаил Синяев, хозяин трюмных отсеков 2-й статьи Дмитрий Григорьев, минно-машинный квартирмейстер 2-й статьи Константин Долгов, минный машинист Логин Осадчий, фельдфебель Матвей Старостин, комендор Иван Пичковский, ученик комендор Никита Слободянюк, Петр Ворожко, телеграфист Климентий Плигунов, марсовой Гавриил Аношков, матросы 1-й статьи: Филипп Поперечный, Иван Александров, Степан Герасимов, матрос 2-й статьи Макар Назаров, машинный квартирмейстер Лев Калабин, самостоятельный машинист Герасим Орлов, машинист 2-й статьи Афанасий Корсак, кочегарный квартирмейстер 2-й статьи Яков Бухарев, кочегар 2-й статьи Семен Макаренко и име-

нующие себя: (неизвестного звания) Степан Петров, он же одесский мещанин Арсений Коптюх, сын купца Илья Исидоров Фундаминский (Бельский он же), мещанин г. Курска Владимир Иванов, крестьянин Рязанской губ. Михайловского у. Куньковской вол. (бывший матрос крейсера «Память Азова») Максим Андреев Косырев.

Председатель, объявляя судебное заседание открытым, объявил, что дело о мятеже будет слушаться при закрытых дверях, на основании 711-й ст. Военно-морского судебного устава⁶⁸.

Были вызваны по очереди обвиняемые, которым было предложено объявить суду свое имя, отчество и фамилию и звание.

Вместе с тем каждому было объяснено, в чем он обвиняется, и было предложено [ответить]—признает ли себя виновным. Все себя не признали виновными, кроме комендора Богданова, признавшего себя виновным в том, что под угрозой смерти сел на паровой катер для преследования таранного баркаса⁶⁹. Не стрелял. Телеграфный квартирмейстер Баженов—виновным признал себя только в том, что по приказанию артиллерийского квартирмейстера Лобадина вызывал Гельсингфорс и минный отряд. Котихин—признал себя виновным в том, что запирал каюты офицеров. Ширяев—признал себя виновным в том, что под угрозой смерти вступил в караул и стоял у каюты старшего офицера часовым. Пенкевич—признал себя виновным в том, что по приказанию артиллерийского квартирмейстера Лобадина стал часовым у телеграфной рубки. Соломонов—признал себя виновным в том, что под угрозой смерти стал часовым у каюты старшего офицера. Вертиков—признал себя виновным в том, что под угрозой смерти сел на паровой катер с винтовкой. Акульшин—признал себя виновным в том, что его заставили принимать участие при съемке с якоря. Кудряшев—признал себя виновным в том, что под угрозой смерти стал часовым у каюты лейтенанта Лосева. Стафецкий—признал себя виновным в том, что исполнял приказание Лобадина и пошел в рубку. Корсак—признал себя виновным в том, что сел на паровой катер по приказанию для преследования таранного баркаса. Суховерков—признал себя виновным в том, что стоял часовым у каюты старшего офицера. Плотников—признал себя виновным в том, что стоял на вахте в машине. Байбаков—признал себя виновным в том, что пошел к дальномеру определять расстояние до миноносцев, стоявших в бухте. Меркулов—признал себя виновным в том, что поднимал сигнал по приказанию Лобадина. Милашевский—признал себя виновным в том, что играл боевую тревогу. Плигунов—признал себя виновным в том, что пошел в боевую рубку. Старостин—признал себя виновным в том, что ходил на катере. Дерягин—признал себя виновным в том, что участвовал при подъеме шлюпок. Рубайлов—признал себя виновным в том, что участвовал при подъеме шлюпок. Мундштуков—признал себя виновным в том, что по приказанию Лобадина вел судно, с лоцманским учеником, приносил карты. Калабин—признал себя виновным в том, что участвовал в управлении машиной. Смолявский—признал себя виновным в том, что не убил вольного, не убил Ширяева, не

вернулся на судно со шлюпкой, но боялся. Бухарев признал себя виновным в том, что под угрозой смерти пустил пар. Орлов—признал себя виновным в том, что управлял машиной. Мещанин г. Одессы Арсений Иванов Коптюх признал себя виновным по ст. 129 и 131 улож. о наказаниях, а также в принадлежности к политической партии.

После предъявления обвинения подсудимым были введены в зал суда особой комиссии свидетели: полковник корпуса морской артиллерии Петров, статский советник Попов, лейтенант Лосев, мичманы: Крыжаповский и Сакович, корпуса инж.-механиков флота поручик Высоцкий и подпоручик Трофимов, артиллерийский содержатель титулярный советник Орлов и делопроизводитель штаба начальника учебно-артиллерийского отряда коллежский секретарь Курашев. Кроме них были введены артиллерийские кондукторы: Пленков, Янсон, Рудаков, Коновалов, Шевелев и минный кондуктор Шемберг, вольнонаемный повар Травников, писарь 3-й ст. Евстафьев, артиллерийские квартирмейстеры: Орехов, Точалович, Абрамоз, Наконечный, Бойчук, Морозов, Гагарин. Писаря: Баранов и Леханов, матрос Анисимов. Комендоры: Шевчук и Костылев. Матросы: Рукасов, Майоров-Терентьев, Чистихин, Сидоров, Антонов, Степанов, Поздняк, Шелемах. Минеры: Жарков, Соколов и Кияшко. Матросы: Тимофеев, Могильный, Малышев, Борис Евстафьев, Тысячный, Орлов, Бражкин, Курьят, трюмный Полесвой. Машинисты: Буланов, Шилкин. Матросы: Тиховодов, Яблонский, Шавель, Романов, Дубакин, строевой квартирмейстер Славинский. Матросы: Глухов, Лопатов, Самовенко, Горбылев, рулевой Александров и матрос Чепайкин.

Свидетелям было предложено председателем,—не состоят ли они в каких-либо отношениях с подсудимыми, на что свидетели ответили отрицательно.

Вслед за этим председатель предложил подсудимым заявить об отводе свидетелей. Отвода не последовало.

Свидетели были приведены к присяге, все по обряду православно вероисповедания, среди них были иноверны, выразившие согласие принять присягу по обряду православного вероисповедания.

После присяги председатель указал свидетелям на святость присяги, на необходимость излагать сущую правду в показаниях и на ответственность за ложное показание.

Всем свидетелям предложено было выйти из зала судебного заседания.

Начался опрос свидетелей.

Свидетель полковник Петров показал:

Недели через полторы после начала кампании надо было списать нижних чинов учеников на берег. Ко мне пришли артиллерийские кондукторы и просили, во избежание бунта, учеников не списывать. Настроение в команде было тревожное. Команда себя держала дерзко относительно кондукторов; это замечание относится до кадрового состава⁷⁰. Бунт ожидался. Наша команда дол-

жна была соединиться с «Цесаревичем» и «Славой». Для целей предстоящего бунта пользовались беспроволочным телеграфом. Поведение команды ухудшалось. При списании минера Исадского был бунт, в котором главным образом участвовал постоянный состав⁷¹. После этого 15 июля отряд перевели в бухту Папенвик, а 19-го произошел мятеж. 19 июля я был в Ревеле по распоряжению начальника учебно-артиллерийского отряда. Отваливая от трапа учебного судна «Рига», видел, как кто-то бросил кость в катер. Я об этом сказал на вахту. Когда арестовали армейскими частями бунтовщиков, отправился на крейсер «Память Азова». Около 10 часов вечера «вольные» были доставлены на корабль. Свидетель указал присутствующих штатских, кроме Коптюха. Их арестовали. Потом были разобраны затворы у пушек. «Вольные», подходя на шлюпке к судну, спрашивали артиллерийского квартирмейстера Лобади́на. Обвиняемый Косырев заявил, что, кроме Лобади́на, он спрашивал Колодина и Мартынюка, ибо желал получить свой долг, так как он поставлял команде разные вещи.

Был объявлен перерыв на четверть часа.

Заседание суда продолжалось.

Свидетель врач статский советник Попов показал:

Я находился в кают-компании. Около часу ночи старший офицер пошел по палубам осмотреть команду. Видел затем, как в кают-компанию ввели в рабочем платье «вольного», он был арестован в каюте. Потом старший офицер сказал, что у часового стащили ящик с патронами. Офицеры принесли ружья в кают-компанию. Принесли их до 30 штук. Затем началась стрельба и слышал крик: «убили вахтенного начальника». Крик был командира. Была стрельба усиленная, и скоро послышался крик раненого командира. Рана была штыковая. Начальник отряда приказал собрать раненых и увезти их на баркасе. Как только таранный баркас отвалил, пошла пальба по баркасу. Одним из выстрелов убило командира и оторвало ноги мичману Погожеву. Потом был ранен лейтенант Унковский. За нами гнались на паровом катере. Баркас, простреленный, погружался в воду и приткнулся к мелкому месту. Здоровые выпрыгнули и помогли выйти раненым. Указать виновников мятежа не могу.

Артиллерийский содержатель титулярный советник Орлов показал:

Видел на 20 июля ночью арестованного в ванной в форме матроса. Затем командир вызвал офицеров с револьверами наверх, видел, как паровой катер с вооруженными матросами пошел догонять таранный баркас. Студент Петров во время мятежа обыскивал с матросами офицеров. Петров приказал отвести офицеров по каютам. На следующий день нас уведомили, что ученики будут подавлять мятеж. Нас свезли на берег после подавления мятежа. Освободили нас ученики, занявшие кормовое помещение. Ученики стреляли по уходящей шлюпке с Петровым.

батарею наверх. Там я увидел лежащего на палубе Зборовского. Спустившись вниз в кормовую батарею, я столкнулся с капитаном 1-го ранга Дабичем и сообщил ему, что стреляют из-за прикрытия; тут же ко мне подошли с ружьями кондукторы Огурцов и Ракитин, причем первый сказал, что у него нет патронов и затвора. Но тут вышел командир и начал раздавать патроны, а я спустился вниз в кают-компанию и достал один из спрятанных затворов Огурцову. Затем я побежал на верхнюю палубу вместе с лейтенантом Селитренниковым и мичманом Саковичем. «Откуда стреляют?»—спросил я сигнальщиков, на что получил ответ: «не видно, прячутся, ваше благородие». В это время кто-то сообщил: командир и старший офицер ранены. Я с лейтенантом Селитренниковым обошли рубку, с левой стороны, причем я дал два выстрела из револьвера по направлению к кожухам труб. По нас открыли сильный огонь, и через несколько мгновений лейтенант Селитренников схватился за ногу; я помог ему спуститься в кормовую батарею. Пройдя на балкон, я нашел тут начальника отряда, мичмана Погожева, поручика Трофимова. Тут же решили воспользоваться таранным баркасом. Я спустился в кают-компанию и видел на диване раненого старшего офицера и около убитого доктора Соколовского. Когда я хотел подойти к дивану, старший офицер крикнул мне: «уходите, тут убьют»; я прошел опять в кормовую батарею. Тут подошел ко мне лейтенант Селитренников и сказал: «пойди, командир умирает». Я пошел в каюту командира ощупью,—было темно,—добрался до лежавшего на кровати командира. Последний, заметив меня, попросил папироску. В это время туда же пришли доктор Попов и поручик Трофимов. Мы вынесли командира на балкон и посадили на таранный баркас. Войдя в кормовую батарею, заметил лейтенанта Вердеревского раненого, сидящего. На мое предложение идти на таранный баркас он отвечал: «все равно, умру здесь». Я его также посадил на таранный баркас. Таким же образом усадил и Селитренникова. Потом я обратился к начальнику отряда, предлагая взойти на таранный баркас, последний согласился, причем тут много помогал Точалович. Следующими сели мичман Погожев, мичман Павлинов и флаг-капитан Римский-Корсаков. Я бросился вниз и сказал часовым у арестованного неизвестного, чтобы они принесли старшего офицера. Выйдя на балкон, я услышал, как с таранного баркаса звали меня и мичмана Саковича. Последний ехать на берег отказался. Я просил подождать на таранном баркасе, чтобы посадить старшего офицера, но оттуда ответили, что ждать нельзя, так как уже по ним начали стрелять с верхней палубы. Тогда я ответил, что не поеду. Таранный баркас отвалил и пошел задним ходом к берегу. Сверху по ним открыли адский огонь из ружей и затем из 47-мм пушек. Некоторое время я смотрел, как ложились снаряды около баркаса, а затем пошел в кормовую батарею. Кондуктор Огурцов и Ракитин встретили меня и просили спрятаться, я отказался и спустился в кают-компанию. Около арестованного Петрова все стояли часовые. При моем появлении они кинулись ко мне,

рыдая, и спрашивали, что делать; я им сказал, чтобы они остались на посту, и прошел в каюту старшего офицера. Он лежал на кровати. Я лег в его каюте на диване. Скоро пришел мичман Сакович и помогал старшему офицеру. Я задремал и был разбужен стрельбой по каютам и кают-компаниям из проходов. Стрелявшие, очевидно, боялись войти. Старший офицер крикнул им: «входите». Тогда вошли, насколько я помню, следующие: Лобадин, Аникеев, Осадчий, Кротков. У нас были отобраны револьверы и нас заперли, приставив часовых. В каюту к нам приходили: фельдшер, Кротков и оказывали помощь старшему офицеру. 20-го утром, часов около 7, каюту отперли и нас потребовали наверх. При этом были Аникеев, Осадчий, Жаринов, Кротков и другие. Я был без кителя, и мне Осадчий сказал: «оденьте китель, Николай Николаевич, а то неудобно». Я сказал, что не одену, так как могу ожидать, что с меня могут сорвать погоны. На это Осадчий сказал, что он ручается за нашу неприкосновенность. Выходя из батареи по трапу на верхнюю палубу, я встретил спускавшихся: Лобадина, лейтенанта Лосева и Курашева. Обращаясь к кому-то из них, Лобадин говорил: «мы вас не тронем, это будет лучше для нас и для России, конечно, если вы не будете сопротивляться, а то мы будем вынуждены вас уничтожить». На трапе мне сказали, что выходить не надо, и я вернулся в каюту. Около 12 часов нам принесли командный обед. В 3 часа повар Травников принес нам чай. Мы шли по морю, остановили финляндский пароход, послали на него шестерку. Кротков передавал нам по телефону, что есть известие с парохода, что Гельсингфорс во власти мятежников, что мы теперь идем в Гельсингфорс к «Цесаревичу» и «Славе» на соединение. За время нашего ареста в каюту приходили: фельдшер, санитар, Кротков, Аникеев, Осадчий, Жаринов, Лобадин, других не помню. Приходил писарь Евстафьев и помогал старшему офицеру. Утром приходил бывший вестовой Ковальчук, рыдал и потом покинул нас, боясь быть замеченным. Я с мичманом Саковичем, насколько было возможно, помогал старшему офицеру. Одно время ему стало хуже, и он просил священника. Раненый отец Клавдий поднялся и беседовал с ним. Около 6 часов вечера наверху поднялся невообразимый шум, беготня, крики и стрельба. Корабль буквально дрожал от топота ног, потом волна криков все приближалась, и наконец крики и выстрелы раздались в кают-компанию. Около нашей двери кто-то спрашивал прерывающимся голосом: «где офицеры,—здесь?» Из светового люка кричали фамилию Лосева. В дверь посыпались удары прикладом и лежавшей тут же двухпудовой гири. Через мгновение в двери образовалось отверстие, через которое мы увидели кондуктора Огурцова, квартирмейстера Ершова, писаря Анисимова и других. Нас звали выходить. Мы тут поняли, что тут идет борьба между постоянным и переменным составом. Анисимов мне помог вылезть из каюты и сказал: «идите воодушевить команду, а то революционеры отчаянно дерутся». Кто-то мне дал револьвер, и я пошел в батарейную палубу. В батарею стреляли с верхней палубы из люков, снизу отвечали (из отвечавших могу отметить Муханова и Григорьева).

Меня провели по правому борту, и я стал между машинным люком и выходным трапом (ближе к носу); тут окружили меня ученики и квартирмейстеры. Фельдфебель Бондарев советовал мне стать за 6-дюймовую тележку, дабы быть в безопасности от выстрелов. Многие советовали не подходить к люкам, так как сверху стреляли. Меня спрашивали, что делать; я потребовал горниста, но мне ответили, что он утонул. Кто-то мне сунул дудку; я просвистал, scomандовал смирно, а потом вместе с кондукторами и квартирмейстерами начал распоряжаться. У всех люков было по группе людей, которые стреляли в первого, показавшегося наверху. Минут через десять мне доложили, что на баке зажгли дрова; я предложил желающим ученикам идти тушить, мне ответили, что люди есть для тушения пожара, но из машины не качают. Тут же я просил кондукторов озаботиться расставить часовых у погребов и клинкетов. В это время передали, что машинная команда спускается в машину и кочегарки через кожухи. Туда побежали ученики с целью отобрать оружие. Я просвистал машинную команду, овладевают верхней палубой. Я бросился через кормовую батарею наверх и наткнулся первым делом на убитого Лобадина. Наверху была сумятица: бегали вооруженные люди, в штурманскую рубку запирали мятежников. Приказав сторожить их, я пошел по палубе к носу; у телеграфной рубки я видел Кроткова, припадавшего на одну ногу. Велел его арестовать. На юте для лейтенанта Лосева спустил вельбот, и он отвалил на берег. На верхней палубе деятельное участие в подавлении бунта принимали: по левому борту мичман Сакович, артиллерийский квартирмейстер Точалович, который все время был со мной, писарь Евстафьев и многие другие; так как переменного состава на верхней палубе было незначительное количество (большинство стояло по низам), я решил убрать часть кадровой команды на берег. Старший офицер приказал мне убрать кадровый состав на баркасах. По бокам от рубки до бортов я поставил две шеренги учеников, человек 30, для того, чтобы ют был в моих руках. Была дана дудка: «постоянный состав поротно во фронт». Я приказал поставить трапы, спустил гребной катер № 1. В это время к бакштову подошли два гребных портовых катера. На них я стал ссаживать главных бунтарей с конвоем. Были посажены: Баженов, Вертиков, Григорьев, Суховерков, — всего 6 человек. К правому трапу в это время подходил «Беркут», на «Беркуте» я спросил командира, есть ли у него караул, и, получив утвердительный ответ, посадил главных арестованных. В числе их были: Колодин, Осадчий и другие. На верхнюю палубу была посажена 3-я рота. Туда же были погружены раненые. Старший офицер сначала не хотел покидать корабля, но мы его уговорили и перенесли на «Беркут». За «Беркутом» подошел миноносец, на которого я посадил 1-ю роту и часть 4-й. При посадке 1-й роты мне ученики указали на Потапова. Он был одет в черное и имел при себе револьвер. Вскоре прибыл полковник Петров и принял деятельное участие в арестовании постоянного состава. На «Беркуте» и «Молодце» прибыло начальство, полицеймейстер; в мои

распоряжения не вмешивались, но мешали излишними распоряжениями. Следом за «Молодцом» пришел «Карлос». Как на том, так и на другом были солдаты, но по требованию нашему последние на палубу не выходили. Ввиду того, что ждали гардемаринский отряд на соединение, я поддерживал все время пары, для чего оставил необходимое число машинной команды⁷². При оставлении последней выбор команды я поручил квартирмейстеру Орлову, Бухареву и кондуктору Шенбергу. В это время мне доложили, что год кормой идет вольная шлюпка и спрашивает Лобадина; я приказал ответить, что Лобадин принимает, а сам сказал «Карлосу» отойти от трапа, дабы не смущать вольных. Ученик Тиховодов кричал на шлюпку: «Лобадин и Колодин принимают». Возвращавшийся с берега таранный баркас с конвоем захватил со шлюпки 3 вольных людей и подошел к трапу. При выходе их на трап я увидел бывшего матроса Косырева, двух штатских, один из них по типу актер—еврей⁷³. Их обыскали, и вещи я отослал в каюту полковника Петрова, а впоследствии передал жандармскому ротмистру. Их связали, посадили на таранный баркас и отправили под конвоем в полицейское управление. Штатских арестовал писарь Евстафьев. «Карлос» подошел к трапу, и на него были посажены остальные люди постоянного состава. Мы начали приводить судно в порядок. Вестовой Чепайкин рассказывал, что когда таранный баркас отваливал, то он выскочил из кормовой батареи по трапу на ют и здесь в него выстрелил маляр Козлов. На вопрос Чепайкина: «что ты в меня стреляешь?», Козлов сказал: «я думал, что это офицер». Рассказывали, что видели матроса Середу с ружьем, Бортникова, разговаривавшего с каким-то артиллерийским квартирмейстером, разговор шел о старшем механике. Видели квартирмейстера Шилина, стреляющего. Вестовой Кривокорытов показывал на Кузнецова как на деятельного участника. На подкипера Верякина показывали, что он был в комитете и что уничтожил дело в каюте лейтенанта Захарова, в котором было заключение суда над ними, составленное накануне.

Показание мичмана Саковича.

В 2 ч. ночи 20 июля был арестован неизвестный, назвавшийся студентом Петровым. Арестованный был помещен в ванной каюте и к нему были приставлены часовые. О случившемся было доложено начальнику отряда и командиру. Командир говорил с Петровым очень недолго. Арестованный держал себя спокойно и самоуверенно дерзко. Старшим офицером было отдано приказание переодеть его из матросской формы в какой-нибудь другой костюм. Мне было приказано обойти палубу. Обошел жилую. Везде полумрак, люди спали, было тихо. Офицеры и кондукторы выносили отсюда в кают-компанию винтовки, где вынимали из последних затворы, и то и другое прятали по каютам. Из жилой палубы прошел в носовое отделение, где увидел лейтенанта Захарова. Он просил передать старшему офицеру, что к люку, машинного арсенала надо приставить часового вследствие того, что ключ от него

ют-компаний, вышел в батарею, где, проходя на нос, встретил у левого машинного люка командира; командир что-то сказал мне. Не разобрав его последних слов и думая, что он спрашивает, знаю ли я про арест студента, я ответил утвердительно и прошел дальше. На самом же деле командир говорил о пропаже патронов (3 линейных), несколько минут назад унесенных во время остановки динамомашин от денежного сундука. Когда я вышел в батарею, динамо вновь работало, но большинство лампочек были выключены, и свет был только около командирского помещения. Здесь так же, как и в жилой палубе, все спали. В носовой части, у шпиль, я увидел старшего офицера, который пробовал включать лампочки, но это ему не удавалось, ибо выключатели были испорчены или выведена вся цепь. Передал старшему офицеру слова лейтенанта Захарова. Потом прошел на правый борт батареи. Из люка жилой палубы выскочил матрос Петров. Он был в черном. Увидев меня, он закружился, а затем стал пить воду. Пробежал мимо меня артиллерийский квартирмейстер Тугов и скрылся вниз. Против обоих этих лиц я ничего предпринять не мог, не имея при себе револьвера. Пошел вслед за старшим офицером на корму и только тогда узнал про пропажу патронов. Было 2 ч. 20 м. ночи. Отсюда спустился в жилую палубу и по примеру других вынес в кают-компанию три винтовки. Скоро началась стрельба и крики. Командир закричал: «офицеры, наверх с револьверами». Освещение прекратилось. Я выскочил наверх с писарем Евстафьевым. С бака из-за рубок сеток в нас стреляли. У среднего трапа лежал в крови мичман Зборовский. Спросил сигнальщиков, откуда стреляют; они ответили: «уйдите, вас убьют». Ранили лейтенанта Вердеревского. Было ясно, что стрельба производилась только в офицеров. Спустился вниз. В кормовой батарее были, кроме офицеров, кондукторы Огурцов и Ракитин и писаря штаба Евстафьев и Точалович. Кают-компания обстреливалась. Офицеры сели на таранный баркас, стоявший на бакштове, и отвалили задним ходом на берег. Я отказался идти на таранном баркасе. Когда таранный баркас отошел, мятежники открыли огонь из ружей и 47-мм пушек. Я пошел в кают-компанию. Часовые у каюты, где содержался Петров, спрашивали, что им делать, я им сказал: «стойте, пока можно». На стоны из каюты старшего офицера я зашел к нему и увидел его тяжело раненого, лежащего на койке. Старший офицер дал мне совет остаться в его каюте. Через некоторое время к нам в каюту пришли следующие лица: Котихин, Евстафьев, Кротков, Аникеев, Вертиков, Лобадин. Студент Петров подбирал ключи к нашей двери и отдавал какие-то приказания. По моей просьбе прислали фельдшера и санитаров. На вопрос, предложенный Аникееву старшим офицером: хотели ли они его убить или это вышло случайно, последний ответил, что командира, старшего офицера и некоторых других офицеров решено было убить. Мятежники сожалели, что убит доктор и мичман Зборовский. Вертиков спросил у меня бумаги для описи офицерских вещей. Кротков доказывал мне, что его участие в бунте незначительно. К каюте приставили часовых. Часовой Че-

чулин, когда нас просили выйти наверх, требовал, чтобы меня обыскали; студент Петров меня обыскал. Наверху я видел Лобадина, Веряскина, Гаврилова и Дерягина. Всех было человек до 50. Кроме меня вышли: Лосев, Курашев и Орлов. Нас решили они арестовать в каюте. Я и Крыжановский поместились со старшим офицером, мятежники согласились на это. При выходе наверх видел Григорьева, Влад. Черноусова, Жаринова. Чечулина сменили Ширяев и Соломонов. По моей просьбе они принесли для старшего офицера вина. Энергично распоряжался среди мятежников Осадчий. Утром «Азов» снялся с якоря и ушел в море. Около 11 ч. был обед; нам принесли командных шей, хлеба и воды. По пути встретили пароход, на который послали шестерку. Кротков после передавал нам по телефону, что пойдем в Свеаборг, где все в руках мятежников. Кротков вообще часто передавал нам известия по телефону. В 5 ч. стали на якорь на ревальском рейде. После 6 ч. началось подавление мятежа. Команда ворвалась в кают-компанию и нас освободили. Тут же Кириллов убил ученика Кузькина. Энергично действовали против мятежников кондукторы: Янсон, Огурцов, Ракитин, артиллерийский квартирмейстер Абрамов, Спасков, Кириллов, Точалович; писаря: Евстафьев, Качанов, Анисимов и другие. Писарь Евстафьев ранил Лобадина, который потом застрелился. Лейтенант Лосев отправился на берег с Орловым и Курашевым. Мятежников обезоружили, арестовали главарей и поставили кадровых по-ротно во фронт. Корабль был разбит на участки, в которых распоряжались кондукторы. Около 7 часов прибыли солдаты, но ученики просили их не пускать наверх. Главарей и кадровую команду начали свозить на берег. Около 8 ч. прибыли капитаны 2-го ранга Очаловский и Григорьев и полковник Петров, который и помогал нам приводить корабль в порядок. Кроме них еще прибыло много разных лиц, но они только мешали. На «Беркут» сдали больных и раненых. В начале 10-го часа сигнальщик доложил мне, что на корму держит какая-то частная шлюпка. Поведение этой шлюпки показалось мне подозрительным, и я решил во что бы то ни стало или принудить ее сдаться, или утопить. Часовому мною было приказано по второму окрику начать стрелять, и кроме того я выстроил на юте человек десять с ружьями.

Зная, что внезапная стрельба могла бы повлечь за собою панику, я обошел палубы и предупредил всех, чтобы не беспокоились, если откроем на юте огонь. Когда я вышел наверх, шлюпка была уже брошена, а лица, на ней сидевшие, находились уже на таранном баркасе. Таранный баркас подошел к трапу, и все они втроем перешли на судно. На судне мичман Крыжановский и квартирмейстер Рубайлов их связали, отобрали бумаги, и вместе с конвоем под начальством кондуктора Янсона они были отправлены на берег, где их сдали войскам. После своза бунтовщиков и большей части кадровой команды по приказанию, привезенному лейтенантом Лосевым с берега, были сданы ударники орудий. Ожидая с минуты на минуту минной атаки со стороны верных долгу, а равно мятежных миноносцев, мы открыли боевое освещение.

Ввиду того, что, по упорно державшемуся слуху, нам надо было ждать прихода взбунтовавшегося после бомбардировки крепости Свеаборг крейсера «Богатырь», таранные баркасы № 2 и 3 были поставлены под парами на бакштов. Решено было свозить людей на двух таранных баркасах, гребных катерах, шестерках и вельботах, дабы избавить их от верной гибели.

В 3 часа ночи нас атаковал шедший с моря без огней и не ответивший на наши сигналы («все благополучно и крейсер во власти офицеров») минный крейсер «Трухменец». Благодаря лишь счастливой случайности эта атака не кончилась катастрофой.

Дополнительное показание мичмана Саковича.

Чечулин стоял на часах у каюты старшего офицера. Он был в машинной куртке и вооружен. Не позволял он трогать вещей в каюте. Настаивал на том, чтобы меня обыскали. Держал себя злобно. Когда арестовывали команду, Чечулин куда-то скрылся (я не знал его фамилии); встретил только 2 дня спустя, признал и арестовал. Фельдфебелю Бондареву я отдавал приказание, когда постоянный состав выстраивали во фронт. Раньше видел его с мичманом Крыжановским и кондукторами, когда перевес клонился на сторону переменного состава. Считаю его сторонником подавления бунта. Ширяев стоял часовым у каюты старшего офицера.

Чечулин. Отрицаю, что стоял на часах.

Ширяев. Я стоял на часах, но не знаю, Чечулина ли я сменил. Со мною стоял Соломонов. Я принес бутылку вина старшему офицеру по распоряжению мичмана Саковича.

Соломонов. Я стоял вместе с Ширяевым и вместе с ним носил вино старшему офицеру.

Мичман Сакович. Они ли принесли, не помню. Но действительно те, которых я просил принести вина, исполнили это.

Показание артиллерийского квартирмейстера Архипа Орехова.

Утром 20 июля видел на баке, как вольный человек выбирал комитет⁷⁴. Первого предложил Лобадина, затем Гаврилова и Колодина. Остальных не помню. После этого было приказано орудия зарядить и сниматься с якоря. Подошли к «Абреку» и миноносцам. Котихин сделал выстрел по «Абреку», Лобадин управлял огнем. На собрании команды вольный в матросской форме говорил речь. После этого Лобадин спросил, что сделать со старшим офицером и Саковичем, вольный предложил команде на обсуждение. Лобадин предложил уничтожить их. Раздались голоса, что раньше надо пообедать. Котихин сказал: а их на закуску. Потом стреляли по встречному миноносцу из 47-мм орудия. Гальванер Кузнецов, одетый в черные брюки в забор, был 2-м номером у 6-дюймового орудия, но выстрела не последовало. В 7-м часу вечера Аникеев говорил Огурцову: что ты возмущаешь команду, — твоя жизнь на волоске. Его сшибали прикладами, он заносил руку, но не знаю, стрелял ли, и не могу сказать, был ли у него револьвер.

Показание вестового Чепайкина.

Во время стрельбы по таранному баркасу, на юте Козлов с винтовкой в руках хотел стрелять в меня и в буфетчика, приняв меня за офицера, как он объяснил мне. На ходу на мостике видел Гаврилова, Колодина, Лобадина и многих других. Слышал, как студент говорил, что нужно раздать команде книжки.

Показание вестового Шевчука.

Видел Козлова в грязном рабочем костюме с винтовкой в руках. Около 10¹/₂ часов утра видел на мостике Аникеева и Лобадина распоряжавшимися. Тут же распоряжался посторонний человек. Видел раненого Огурцова, распоряжавшегося подавлением мятежа.

Показание артиллерийского квартирмейстера Гагарина.

В начале мятежа слышал, как говорили: «патроны давайте»; зарядили винтовки, но никто наверх выходить не решался; пошли только за Лобадиным. Утром наверх вышел по приглашению Лобадина. Вольный говорил команде о бунтующихся крепостях, потом о Думе и затем, что приедут в Ревель в 10 часов 2 члена Государственной думы, которые подробнее расскажут⁷⁵. Видел, как Лобадин приказывал стрелять комендору Песчанскому, но тот не туда целил. Лобадин его прогнал и стрелял потом сам. Кто-то, вольный или Лобадин, сказал на сходке: не пора ли прикончить старшего офицера и мичмана Саковича. Затем Лобадин приказал: «вино наверх». Котихин сказал: «а старшего офицера и Саковича на закуску». На ходу видел на мостике Котихина и Кузнецова без оружия. Во время подавления мятежа видел Шилина, стрелявшим в люк в подавляющих бунт. В них хотел стрелять тоже Пенкевич и ругался, что ему паклей забили винтовку. После подавления мятежа, когда вольным разрешили приставать к борту, они поцеловались. Было тихо. Не могу сказать, качало ли шлюпку. Потом их принял таранный баркас. Относительно Тугова свидетель показал, что он вместе с Морозовым был назначен за старшего в батарее. Это приказание передали сверху, в машине за старшего назначили Орлова.

Тугов. Я заявил Лобадину, что не желаю быть старшим в батарее. Лобадин и Кузькин пригрозили пристрелить меня; я никаких распоряжений не исполнял.

Показание писаря Леханова.

Около 4 часов утра на верхней палубе видел Кроткова с винтовкой, кричавшего всем на палубе, что командир ранен. Днем слышал, как Котихин на замечание батюшки: «надо бросить бунтовать», сказал: «мы терпели 24 года, больше терпеть не будем». Болдырева видел с винтовкой около 8 часов утра у телеграфной рубки.

Видел Смолявского, смотревшего на шлюпку, повидимому, желавшего сесть на нее. Лобадин кричал: давай снаряды. На паровом катере видел Старостина. Видел мичмана Зборовского, плавающего в крови, и подавал ему помощь. Снес его в лазарет. Потом потребовали фельдшера к старшему офицеру. Часовой гнал меня от старшего офицера. Лобадин с Аникеевым пришли к старшему офицеру и потребовали оружие. Говорил с Ширяевым, что ни одно судно не присоединится, тот сказал: «да, верно, очень скверно». Болдырев увел его в телеграфную рубку. На баке стал на шпиль неизвестный, рядом сел Лобадин. Он объяснил, почему это все произошло. Прочел выборгское воззвание. Сказал, что придет один член Государственной думы и еще один товарищ, которые лучше его объяснят. Они должны были уже вчера прибыть. После некоторого времени—жидкое «ура». На шлюпке люди бросились друг к другу в объятия. Косырев сказал: «здравствуйте, товарищи». Объяснил потом, что [он] товарищ всем матросам, другой сказал: я—представитель г. Кронштадта. Когда свозили на берег батюшку и поваров, Гаврилов наказал Травникову зайти в какую-то лавочку и передать молодому человеку, с красным кантом, чтобы прислал шлюпку.

Введены обвиняемые машинист Чечулин, фельдфебель Бондарев, ученик рулевой Смирнов, которым было предложено объявить суду свое звание, имя, отчество и фамилию; вместе с тем каждому было объяснено, в чем он обвиняется, и было предложено, признает ли себя виновным?

Подсудимые виновными себя не признали.

(Машинист Чечулин предан суду приказом командующего отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами от 31 июля за № 54, так как был пропущен в приказе командующего за № 52).

Поручик корпуса инженер-механиков флота Трофимов. Никого из мятежников не заметил. Снес командира на таранный баркас и на нем уехал с крейсера.

Артиллерийский кондуктор Янсон. В начале мятежа, по приказанию командира, я с ним вместе сносил ружья в кают-компанию. Когда я 4-й раз пришел за ружьями, раньше командира, слышал крики: «по белым», я поэтому одел черное и то же посоветовал Левичеву, жившему в юдной со мной каюте. В каюту пришел машинист, которому Левичев открыл двери, говорящий: «выходите, все равно не упрячитесь», и на суде признал в машинисте этом Бортникова. Бортников хвалился, что «покончил» со старшим механиком. Заставлял переодеться в рабочее платье, но я не переоделся. В обеденное время, 20 июля, в кают-компанию приходил один матрос и извинялся, что плохой обед, командный, но все теперь товарищи и должны есть из одного котла, и сказал: «Совет решил вас потребовать после обеда». В матросе этом признал на суде Котихина. Наверху после обеда ви-

дел вместе: Гаврилова, Котихина, учен. гальв., которого назвали Болдыревым, и студента Петрова, последний был в тужурке.

Когда подходили к Ревелю, Аникеев собирался на берег и переодевался в штатское. В штатском же видел Гаврилова.

Главарями считаю Лобадина, Гаврилова, Аникеева и еще одного, которого называли Кузнецовым, Кузнецова признал на суде. Колодина тоже считать * главарем. Соломонова не... **

Препровождал на берег арестованных: Фундаминского, назвавшегося доктором медицины Бельским, Иванова и Косырева, которого видел раньше. Он приезжал на крейсер и продавал товар; не замечал, чтобы вел разговор с командой.

Студента Петрова видел на баке на сборище, спрашивающим мнение, как идти. Отвечал ему только Болдырев.

Видел плавающего горниста Милашевского на кругу по направлению к больверку. Считает, что он выбросился при самом начале подавления бунта.

Тугов. Не советовался о прекращении бунта?

Янсон. Он говорил, что надо чем-нибудь кончить.

Крючков. Видел ли свидетель, что я хотел убить старшего офицера?

Янсон. Слышал угрозу и ругань приказывающего стрелять, но кто не хотел стрелять, не знаю.

Аникеев. Почему главарь?

Янсон. Был вооружен, заботился о провизии, ходит с главарями: с Лобадиным и Гавриловым. Видел в вольном платье. Угрожал кондуктору Огурцову.

Аникеев. Револьвер был у меня для самозащиты, а потом не было у меня револьвера.

Янсон. Видел под платьем предмет, похожий на револьвер. Угрожая Огурцову, сунул руку за пазуху.

Аникеев. Я был в боевой рубке, где находился Лобадин, так как с меня потребовали справку, сколько угля.

Янсон. Внутренне уверен, что Аникеев в числе главарей.

Аникеев. Я взял вольное платье от молодого повара и по приказанию Лобадина и совету студента собирался на берег.

Тугов. Участвовал ли в чем во время мятежа?

Янсон. Не видел. Потом держался со мною и был очень убит. Все время держался с кондукторами и со мною.

Смолявский. Видел ли меня свидетель?

Янсон. Видел у борта сидевшего, закрыв лицо руками.

Артиллерийский кондуктор Рудаков. Около 3 часов Левичев разбудил и велел идти к старшему офицеру. Носили ружья в кают-компанию. Вынимали затворы; затворы и штыки складывали на один борт, а ружья на другой борт.

Побежал в палубу,—тогда потушили освещение. Сидел у носовой динамо, спрятавшись. Переоделся в матросское. Кузнецов сказал, что кондукторов требуют наверх. В боевой рубке много

* Так в подлиннике. (Прим. ред.)

** Пропуск в подлиннике. (Прим. ред.)

народу. Колодин был в черном, остальные не помню. Лобадин объявил, что пригласил нас для участия управлением кораблем, и сказал, что мы теперь не кондукторы, а товарищи. Студент начал читать телеграмму. Баженов, одетый в черное, прибежал и сказал, сперва надо воодушевить команду. Студент сейчас же ушел воодушевлять.

В батарею потом подходили к нам ученики и спрашивали, что делать; мы говорили, что надо всем соединиться в одно и овладеть крейсером.

Видел Котихина, стреляющим из орудия; прислуга была машинная команда. Стреляли по «Абреку»; потом управлял орудием Лобадин.

В рубке Лобадин предлагал переодеть кондукторов офицерами, так как на случай десанта им нужны офицеры.

Приходя к револьверному рейду, на баке было совещание [о том], где стать на рейде и как послать шлюпку за провизией. В это время «Рига» стала уходить.

Погнались, не могли догнать и повернули на рейд. На совещании были студент в лейтенантском кителе, Колодин, Гаврилов и Болдырев (свидетель признал его на суде). Они нас спрашивали совета, но мы ничего положительного не говорили. Гаврилов вытасил вперед Болдырева, сказав: «говори смело, не стесняйся».

Кузнецов был у комитета за старшего посыльного. Не заметил, был ли он вооружен. Он нам сказал, что свезут кондукторов на берег. Почти все кондукторы подошли к трапу, но свезли только священника и двух поваров. Кондукторы Огурцов и Лавриненко не приходили ужинать, а потом пришли и сказали, что все подготовлено к подавлению мятежа⁷⁶. Выйдя из кают-компании, я увидел Долгова с ружьем; он бежал и кричал, что всех кондукторов надо бить, так как Огурцов стреляет. Долгов был в тельной, а потом оделся в машинную куртку. В начале бунта видел его в носовом кубрике. Осадчего видел в кубрике у динамомашин с ружьем. Во время подавления мятежа раздавались крики «братцы» — учеников и «товарищи» — мятежников. Двое схватили Котихина, говоря, что он стрелял, обыскали его и вытащили из брюк револьвер казенного образца. Я слышал, как, хвалясь, Потапов говорил, что бил прикладом лейтенанта Захарова; у Потапова были забинтованы руки, так как он попортил их о мушку и прицел.

Котихин. При открытом затворе я хотел оборвать шнур. Потом по приказанию Лобадины произвел выстрел. Кроме того я нарочно заклинил патрон.

Рудаков. Это сделала прислуга из машинной команды.

Баженов. Я говорил по приказанию Лобадины: «Товарищи, надо воодушевить команду».

Относительно других подсудимых Рудаков показал:

Тугова мало знаю, но видел его днем с квартирмейстерами, которые впоследствии подавляли мятеж. Слободянюк не участвовал в подавлении, из боязни прыгнул в воду. Ученики говорят, что он хороший. Смолявский раньше еще до бунта раз плакал в каюте у Раkitина, так как написал письмо, что нужно соблюдать

присягу, а команда его за это поклотила. Кузнецов видел переодетым во все черное после обеда. Мне говорили, что Кузнецов при подавлении мятежа стрелял из револьвера в подавляющих, его столкнули за борт, он и оттуда стрелял. Один комендор класса квартирмейстеров говорил, что Богданов убил кондуктора Давыдова.

Минный кондуктор Шенберг. Видел Лобадины с револьвером в руках, спускавшимся с верхней палубы вслед за первым раздавшимся выстрелом.

Во время стрельбы по «Абреку» или «Воеводе» Соломонов был у дальномера. Я присутствовал при речи студента на судне, но не могу передать содержание. Он читал манифест трудовой группы. Главариами считаю студента Петрова (Коптюх), Гаврилова, Лобадины.

Коптюх. Какие я сделал распоряжения?

Шенберг. Отдельных распоряжений указать не могу, — только что после своей речи сказал команде: можно дать обедать. После этого предложил вопрос на обсуждение, давать ли водку команде. По прочтении манифеста, по предложению Баженова, команда прокричала «ура» за свободу и родину.

Баженов. Я сказал: «постоим за родину — ура!»

Показание поручика Высоцкого.

До 1 ч. 15 м. ночи был в кочегарке на работе. Потом пошел в каюту. Около 2 ч. со старшим офицером и другими офицерами пошли к таранному отделению, где нашли 3 матросов, спавших рядом на двух подушках. Матросов разбудили. Один из них назвался кочегаром. Я сказал старшему офицеру относительно подозрительного матроса, назвавшегося кочегаром и сказавшего свой № 122, что он кочегаром быть не может, так как слишком чист. Неизвестного обыскали, отобрали оружие (револьвер) и арестовали в ванной комнате. В кают-компанию офицеры и кондукторы вносили ружья. Стало известным, что стащили у часового ящик с патронами. Когда начались выстрелы, я услышал стон мичмана Зборовского. Офицеры с револьверами вышли на верхнюю палубу; как только я поднялся, было произведено несколько выстрелов по мне. На палубе было темно. С мостика сигнальщик мне сказал: «спрячьтесь, стреляют». Стреляли из сеток. Были ранены лейтенанты Селитренников и Вердеревский. Я спустился вниз, в кают-компанию, слышал стоны командира и старшего офицера. Капитан 1-го ранга Дабич приказал разводить пары на таранном баркасе. На баркас перенесли командира и других раненых офицеров и по приказанию командующего отрядом задним ходом начали отходить от крейсера. По таранному баркасу стреляли из ружей и затем из 47-мм пушек. Был убит командир, смертельно ранен мичман Погожев и ранен лейтенант Унковский. Приткнувшись к мелкому месту, вышли из баркаса и вынесли раненых. Участников бунта указать не могу. Была за нами погоня на паровом катере, на котором сидели вооруженные матросы. В числе раненых был и капитан 1-го ранга Дабич. В числе 3 спавших у таранного отделения был маляр Козлов.

Показание артиллерийского кондуктора Пленкова.

Около 2 ч. ночи 20 июля меня разбудили и заставили выйти наверх. После арестования вольного я с другими кондукторами таскал ружья в кают-компанию; когда раздались выстрелы, пошел в свою каюту. Была дудка: «кондукторам переодеться в рабочее платье». Потом кондукторов потребовали наверх в боевую рубку. Пошли наверх в рубку Лавриненко, Рудаков, Левичев и я. В рубке находились: студент, Лобадин, Колодин, Гаврилов, Аникеев, Котихин, Соломонов и другие. Не все матросы были в черном платье. Когда мы пришли, Лобадин сказал: «Помогите нам для [под]держания порядка, иначе будете под давлением». Студент начал читать манифест от Думы, в это время пришел Баженов и сказал: «товарищи, надо воодушевить команду». Студент пошел на бак и начал говорить команде. Перед обедом к нам пришел Котихин и сказал: «извините, товарищи, теперь вам пища такая же, как и нам». После обеда был совет, как идти в Ревель. На совете присутствовали те же и Болдырев. Во время ужина сидел в каюте. Когда стало тише, во время усмирения мятежа пошел в адмиральское помещение.

Показание кондуктора Шевелева.

Когда начался бунт 20 июля, носил ружья в кают-компанию. Утром же меня требовали в комитет, где советовались о постановке на якорь. Лобадин и Болдырев желали стать на якорь за островом Карлосом. Проходя по батарее, я видел гальванера Кузнецова, катившего тележку с 6-дюймовыми патронами. Перед ужином кондуктор Давыдов обходил учеников и говорил, как мы начнем подавлять мятеж. Кондуктор Огурцов и Янсон, как только поужинали, вышли наверх. Давыдов командовал: «Переменный состав, разбирай ружья». В меня на верхней палубе целился из ружья квартирмейстер Шилин, которого я признаю. Когда я уходил от Шилина, ранили Давыдова. При подавлении мятежа мы ворвались в кают-компанию и освободили офицеров. Кадровых поставили во фронт и обезоружили.

Слободянюка я видел во время бунта, он не бунтовался.

Показание лейтенанта Лосева.

Я, флаг-офицер, команды не знаю, кроме штабных писарей. Во время бунта узнал Лобадина и Колодина, с которыми мне пришлось разговаривать. Перед началом бунта был арестован agitator Петров. Его посадили в каюту ванной и приставили часовых. Когда началась пальба, ушел в свою каюту, так как стреляли по кают-компанию. Когда открыли огонь из пушек по таранному баркасу, хотел выбрасываться за борт. Затем решил переодеться в матросское платье и идти на бак. Надел форменку и тотчас же снял ее. Несмотря на огонь по кают-компанию, часовые, караулившие Петрова, своих постов не покидали, даже когда я говорил им уйти из кают-компания. Одного из часовых убили. Другой часовой, Литвинов, продолжал стоять на своем посту. Я хотел выпу-

стить Петрова для успокоения команды и затем очистить корабль от бунтовщиков при помощи переменного состава. Убедил часового отойти и покинуть свой пост. Петрову сказал, чтобы офицеров не убивали. В скором времени вызвали офицеров, потом потребовали меня и сказали: «вас не тронут», слышались голоса. Выйдя наверх, говорил с Лобадиным: «наши офицеры вам безвредны, свезите нас на берег». Лобадин ответил: «товарищи не согласны». Офицеров арестовали по каютам. Я сел в чиновничью каюту для разговоров с командой. Потом опять меня призывали наверх, и Лобадин предлагал мне идти на митинг: «вы у нас будете капитаном 2-го ранга, дайте нам совет, нас 8 человек комитета, в Ревеле ждем 2 человек: одного — начальника над студентами и другого — члена Государственной думы. Решим участь офицеров. Вас спасем, не выдадим». Мне дали право выходить из каюты. Я постепенно приговаривал учеников, а также всех верных долгу к подавлению мятежа. Ученики обращались ко мне за советом, я давал им совет. Нас подслушивали. Около 6 часов вечера пришел ученик и объявил о плане захвата судна. Я советовал бунтовщиков связать. В скором времени раздались крики и выстрелы. Я был в каюте чиновников и спрятался в шкаф. Лобадин кричал: «Лосев, выходи, выведем и прикончим». Тут же появились ученики и сообщили о захвате судна. Оставив подавление мятежа в руках мичманов Крыжановского и Саковича, на вельботе пошел к миноносцу и просил командира подойти к крейсеру, затем отправился на берег просить помощи. На катерах «Карлос» и «Молодец» находились уже 2 роты пехотного полка, которые потом конвоировали арестованных на берег. При подавлении мятежа на балконе находились: Качанов, Евстафьев, Анисимов, Баранов, кондукторы и несколько учеников с ружьями. Ученики стреляли по удалявшейся от судна шестерке. Я распоряжался стрельбой.

Свидетель признал ученика комендора Слободянюка, который выбросился за борт и приплыл на берег, спасаясь. Также признал свидетель и матроса Ворошкова, спасшегося на миноносце, до которого он добрался вплавь. Указанных матросов свидетель видел на другой день на шлюпке с брандтвахты.

Свидетель показал, что стрельба из ружей происходила по шестерке № 1, а по шестерке же № 2, спасавшей бросившихся в воду, стрельбы не было.

Дополнительное показание мичмана Крыжановского.

При подавлении мятежа, когда меня освободили, подошел фельдфебель Бондарев и просил меня стоять за тележкой с патронами для безопасности и находился все время около меня. Бондарева я видел в ночь на 20-е в носовом отделении, когда мы приходили туда и арестовали Петрова.

Показание кондуктора Коновалова.

Во время бунта видел Гаврилова, говорившего команде речь. За мной гнался Григорьев, вооруженный, с криком: «держи его,

бей его». Он перестал меня преследовать тогда, когда узнал, что я кондуктор. Студент говорил речь и подговаривал команду к дальнейшим мятежам. Нас требовали в комитет, который состоял из студента, Колодина, Лобади́на, Котихина, Болдырева, Гаврилова. По пути в Ревель стреляли в миноносец «Летучий». После ужина принимал участие в усмирении мятежа.

Показания вольного повара Травникова.

При начале мятежа спрятался в машинную мастерскую. Туда пришел скоро Бортников. Вскоре Бортников, говоря, что он желает убить старшего механика, взял рашпиль, стамеску и ушел. Через некоторое время он возвратился со взятыми инструментами и сказал: «убил». Рашпиль был в крови. Утром около 11 ч. студент на баке говорил, что надо старшего офицера и мичмана Саковича «прикончить». Желая «прикончить» предложил поднять руки вверх. От команды слышал, что Кротков колот командира штыком. Видел, как тела мичмана Зборовского, старшего механика и лейтенанта Захарова бросали за борт. Аникеев, Гаврилов и студент взяли у меня мое статское платье. На паровом катере, гнавшемся за таранным баркасом, находились: Старостин без ружья, которого заставили пойти, Аникеев, Кротков, Пелевин и человек десять других с ружьями. Главари мятежа: студент, Лобадин, Аникеев, Гаврилов, Акульшин, Кротков, Бортников и Баженов.

Свидетель от команды слышал, что Пелевин «боролся» с лейтенантом Захаровым.

Дополнительное показание мичмана Крыжановского.

Ученики конвойные мне передавали, что Баженов отдал Архангельскому кошелёк с деньгами, до 200 руб., так как бунтовщики грабили. Я арестовал Архангельского. Одному из конвойных Архангельский сказал, что, если бы конвойный был в лазарете, он его отравил бы.

Показание артиллерийского квартирмейстера Точаловича.

Видел, как Григорьев гнался за кондуктором Коноваловым с револьвером. На полубаке выбирали комитет, в котором состояли: Лобадин, Колодин, Кузькин и Ширяев. Видел Гаврилова и Аникеева в статском платье. Студент на корабле распоряжался. Когда кондукторы готовились к подавлению мятежа, Колодин кричал Лобадину: «Давыдов и Огурцов желают возмутить учеников». Студент на баке говорил о том, чтобы «кончить» старшего офицера и Саковича.

Показание матроса Анисимова.

Видел, как в начале бунта 3 матроса стреляли в командира. В числе стрелявших был Кротков. Этими выстрелами не был ранен командир, а поранили его, говорили, немного спустя; я захо-

дил в кают-компанию. Григорьев кричал: «надо добить офицеров», я и другие остановили его. Студент говорил: «надо покончить со старшим офицером и мичманом Саковичем». Свидетель показал, что когда спрашивал Кроткова: «Вы стреляли в командира?» — Кротков ответил: «Да, выпустил немного». Старостин не бунтовал.

Показание писаря Баранова.

Когда разбудили меня, я вышел на верхнюю палубу. Окликнули меня. Видел за машинным люком машинного содержателя Аникеева с винтовкой. Днём видел с револьвером Лобади́на, Кулицкого и Кроткова. Видел в лазарете мичмана Зборовского.

Кротков. Видел ли меня свидетель и где?

Свидетель. Кроткова видел в канцелярии с револьвером за форменкой.

Кулицкий. Видел ли свидетель у меня револьвер?

Свидетель. Револьвер видел до обеда в кармане Кулицкого.

Показание ученика сигнальщика Костылева.

Был на вахте с 12 до 4 часов. После первого выстрела видел на палубе Кроткова. Кротков целился в мичмана Зборовского. Выстрелил Кротков в вахтенного начальника мичмана Зборовского, который упал. Из адмиральского люка вышел командир и говорил: «Офицеры наверх!» Я пошел вниз. Убежал в жилую палубу и появился на мостике к съемке с якоря. Студент был на мостике с биноклем. Аникеева видел в вольной одежде.

Кротков. Кто ранил мичмана Зборовского?

Свидетель. Кротков ранил Зборовского, после чего ушел вниз.

Показание артиллерийского квартирмейстера Абрамова.

Пробило 2½ ч. ночи, когда появился Лобадин и сказал: «Лежи и молчи, офицеры нас бьют». Потом в 4-м часу вышел на бак. На баке студент выбрал комитет. Студент выбирал товарищей [для] комитета Лобади́на, Колодина, Аникеева, Гаврилова, Ширяева и Шилина. Сойдя с бака в батарейную палубу, видел там Григорьева, гнавшегося за кондуктором Коноваловым. «Чего же ты молчишь, если ты кондуктор?» Григорьев потом говорил, что пристрелил лейтенанта Захарова.

На баке Баженов около 12 ч. дня говорил: «Чего носы повесили, раз мы начали, должны и кончить».

В батарейной палубе Кулицкий связывал балласт для ног мичмана Зборовского, но балласт не был привязан. Тело плавало.

На баке Котихин говорил, когда приказали вынести вино: «старшего офицера и Саковича на закуску». Квартирмейстер Тугон ночью приходил ко мне и жаловался на убийство.

Болдырева в комитете не видел. Кудряшев был на мостике при дальномёре в 2 часа дня. Я арестовал Кудряшева по просьбе Тиховодова, говорившего, что Кудряшев был при бунте с ружьем.

Кудряшев. Я был в черном платье, так как желал спастись от преследования.

Показание свидетеля Наконечного.

При начале бунта Баженов кричал: «вставай, погибаем!» Лобадин и Колодин кричали: «забирай ружья и иди наверх!» Студент на корабле распоряжался и был одет в офицерскую форму. После остановки вольного парохода получили много газет, и студент сказал нам, что «Цесаревич», «Слава» и Свеаборг в руках мятежников. Колодин приказывал комитету переодеться в черное платье. Аникеев и Гаврилов были в штатском. За ужином решили подавить мятеж. Ученик Соломонов донес о наших приготовлениях. Давыдова убил комендор Богданов. С утра 20-го Болдырев и Пенкевич были караульными от мятежников. Писарь Кулицкий подстрекал команду к мятежным действиям, когда Лобадин приказал зарядить пушки. Баженов, когда говорил: «не надо падать духом», был с револьвером. После дудки комитета: «переодеться» Баженов переоделся в черное.

Слободянюк человек прекрасный и виновен только в том, что бросился в воду, желая спастись. В бунте он не мог принимать участия. Комендор Смолянский—не бунтовщик.

Были введены в зал суда особой комиссии дополнительные свидетели, а именно: артиллерийские кондукторы—Ракитин, Огурцов, Лавриненко, рулевой кондуктор Левичев, шкипер Попов, баталер Косыгин, ученики комендоров: Котов, Руденко, Шевчик, Таран, Тоцкий, Кусков, Зайченко, Дементьев, Ширинкин, Вьюнов, Стрельчук, Шелег, Литвинов, Селивестров, Кириленко, Песляков, Мыльников, Ковальчук, Олейник, Лебедев, Сюзов, Лаврищев, Третьяков, Сафонов, Петров, Улаев, Бедов, Хижненко, Ларин, Сюзин, Кузьмичев, Романовский, Гагин и Игнатов; артиллерийские квартирмейстеры: Гладышев, Носов, Митрофанов, Штырхуноз, Пономарев, Артишкин; комендоры: Щербик, Песчанский и Попов, Агапцов, Козлов и Свист, Черненко, Боровиков, Пруссаков, Карпов и Черный; ученики гальванеры: Капнин, Перминов, Лысов, Панфилов; гальванерные квартирмейстеры: Лебединский, Стрельцов, минный квартирмейстер Мисецкий, ученик сигнальщик Горбатенко, фонарщик Петренко, машинный квартирмейстер Сиднев, кок Колузов, матросы 1-й статьи: Лавренюк, Яровой, Долгин, сигнальщик Корблев, минные машинисты: Бурцев и Богоногов, рулевой Концедаль, машинисты: Птенцов, Гулин, кочегары: Карклин, Трегубович, Быков, Черный, Сергеев, фельдшер Альвер.

Свидетелям было предложено назвать суду свое звание, имя, отчество, фамилию, вероисповедание. Затем им предложено объявить, не состоят ли они в каких-либо отношениях с подсудимыми. На что свидетели ответили отрицательно. Вслед за этим председателем было предложено подсудимым заявить об отводе свидетелей. Отвода не последовало.

Свидетели были приведены к присяге все по обряду православ-

ного вероисповедания. Иноверцы выразили [желание] принять присягу по обряду православного вероисповедания.

После присяги председатель указал свидетелям на святость присяги, на необходимость излагать сущую правду в показаниях и на ответственность за ложное показание.

Всем свидетелям было предложено выйти из зала судебного заседания.

Опрос свидетелей продолжался.

Показание артиллерийского квартирмейстера Бойчука.

Слышал, как утром 20-го вольный вкратце говорил о бунте, что не предполагали начать его в эту ночь, но что вышло само собой. Вольный, Лобадин, Гаврилов и другие были в числе руководителей выборов комитета. Лобадин, Колодин, Гаврилов, Болдырев были наверно в числе комитета. Когда снялись с якоря, Лобадин сам пошел к орудиям стрелять по «Воеводе», так как комендоры стрелять не хотели. До обеда читал вольный бумагу, говорил, что Свеаборг в руках мятежников, говорил о Государственной думе, заметив: «теперь я скажу вам мимоходом, но приедут в Ревель два, те лучше расскажут». Затем он сказал Лобадину, что надо дать обед команде. Во время подавления мятежа я видел Богданова с револьвером на баке, Шилина в рабочем платье с винтовкой, стрелявшего в Шевелева и Шадрина. Болдырев стоял с револьвером у второго люка на верхней палубе. Днем видел Кулицкого на мостике в белой рубашке, в черных брюках среди бунтовщиков. Смолянский и Ворожков вообще были хорошего поведения. Во время бунта их не видел. Слободянюк желал подавить бунт. Поведения был хорошего. Тугова видел печальным, вообще он не дружил с постоянным составом.

Показание матроса Рукасова.

Видел на катере, гнавшемся за таранным баркасом, ученика Пенкевича с винтовкой. Утром на баке вольный собрал команду, приказывал заведывать теми частями, кто чем заведывал. Назначал старших вместе с Лобадиным. Болдырева тут выбрала в старшие команда. Тугова назначили в батарею. Я отправился с Лебедевым в погреб, которым заведывал. Погреб был открыт. Посидели, потом я полез в погреб. Туда затем спустились два неизвестных мне матроса с револьверами; я испугался и вылез. На ходу на мостике видел вольного в офицерской форме. В дальномой смотрел Кудряшев, в бинокль же—другой матрос в черных брюках в забор. Фамилии не знаю. (На суде свидетель признал Кузнецова и объяснил, что раньше называл его ошибочно Котихиным.) Слышал, как к концу ужина кондукторов Давыдова и Огурцова потребовали наверх. Лобадин или вольный сказал: «зачем стрелять,—арестовать», после этого видел Давыдова бегущим с револьвером. Двое сделали два выстрела в него; одного я заметил. (На суде свидетель признал в стрелявшем Богданова.) Он убил из револь-

вера Давыдова. Прибежал Колодин с револьвером в руке и спросил: «что тут делается? стреляй кондуктора» и указал на черного кондуктора, фамилии которого не знаю. Я прижал Колодину руки, ученик Стрельчук отнял револьвер: хотели было выбросить Колодина за борт. Ершов его связал. Кузнецов шел с револьвером, я схватил его за руку. Стрельчук отнял револьвер. Кузнецов был весь мокрый. Он сказал: «я сдаюсь», револьвер был заряжен, кажется, своими патронами и тоже мокрый, я взял его себе. Во время подавления мятежа видел, как вооруженный Крикунов бросился на кондуктора Лавриненко. Его ударил комендор прикладом, потом я хотел штыком.

Крикунов. Признаю, что у меня был револьвер, но незаряженный.

Показание матроса Антонова.

Старший офицер спускался с верхней палубы и кричал: «братья, ко мне». Я стал рядом со старшим офицером. Кто-то выстрелил сверху из машинного люка. Старший офицер упал. Я тотчас выскочил наверх; у машинного люка стоял Ширяев на верхней палубе с винтовкой в руках. Видел среди бунтовщиков содержателя с тремя нашивками, одетым во все черное. (На суде признал в нем Гаврилова.)

Кудряшев. Где я был во время подавления мятежа?

Антонов. Стоял на баке у ящика с патронами с винтовкой между мятежниками. Потом он ушел в батарейную палубу с ружьем же, когда бунт был уже почти подавлен. Тогда была команда: «кто против бунта,—вниз».

Показание ученика комендора Степанова.

Был назначен часовым в кают-компанию артиллерийским квартирмейстером Штырхуновым. В кают-компанию пришли Лобадин и вольный и взяли лейтенантский китель. Лобадин сказал: «нужно, чтобы у нас видели офицера на мостике». Аникеев с Ширяевым брились в офицерской каюте и одевались в вольное платье.

Показание ученика комендора Кияшко.

В начале мятежа слышал крик: «спасайтесь, погибаем». Утром видел Болдырева с винтовкой у телеграфной рубки. Перед обедом вызвали команду наверх. На шпигеле Лобадин и вольный говорили, что надо покончить со старшим офицером и мичманом Саковичем: «поднимите руки, кто согласен»; подошел Тугов и сказал Лобадину и вольному: «зачем лишать жизни, пусть живут». Те ничего не ответили. Огнем по миноносцу командовал Лобадин. При мне ученик Кудряшев говорил Колодину, что ученики сговариваются подавить бунт и собираются после ужина разобрать винтовки. Вызвали Лобадиного и студента и начали совещаться. Я побежал в низ и сказал ученикам, что бунтовщики узнали о нашем намерении. Видел, как Аникеев угрожал Огурцову и растегивал пиджак, что-

бы достать револьвер. Ученики схватили его и избili прикладами. Болдырева днем видел на мостике, все время он был с Лобадиным, Колодиным и другими мятежниками.

Показание ученика комендора Ивана Тимофеева.

Проснувшись, услышал шум у часового денежного сундука. Тащил что-то Пенкевич и еще какие-то матросы. Потухло освещение. Часовой плакал и объяснялся со старшим офицером. Слышал два выстрела и падение. Потом видел, как старшему офицеру помогали спуститься вниз. Утром видел лейтенанта Захарова мертвым у мусорного рукава. На баке Лобадин объяснял, что не думали делать бунта сегодня, но были вынуждены арестом человека, которого назвал студентом.

Потом говорил студент, что крепость и минный отряд взбунтовались; сказал, что должна быть дисциплина и что нужно избрать выборных. Предложил: Лобадиного, Гаврилова, Колодина, Болдырева, Ширяева, Котихина. Говорил много другого, выборщиков записывал в памятную книжку. Перед обедом собрали команду, студент стал на шпигель и говорил, о роспуске Государственной думы и что в Ревеле приедет на крейсер член Государственной думы и разъяснит подробнее, что происходило в Думе. Читал какую-то прокламацию и говорил, что Ревель забастует. Предлагал покончить со старшим офицером и мичманом Саковичем. Несколько человек согласились. На шпигеле сидел Лобадин, он велел выдать команде по полчарке вина перед обедом; стоявший рядом Котихин сказал: «а старшего офицера и Саковича на закуску». Котихин угощал командирскими папиросами, говоря, что сам взял их из каюты. Видел, как Кудряшев стрелял из 47-мм орудия по миноносцу. Перед самым ужином видел в батарейной палубе Аникеева в вольном платье. Он заряжал револьвер, клал его в карман и предлагал одну пачку патронов стоявшим тут же матросам. Один из них взял ее и положил на денежный сундук. Во время ужина унтер-офицеры и кондукторы стали ходить по столам и говорить, чтобы сейчас начинать. Аникеев подошел к кондуктору Огурцову и сказал: «ты что возмущаешь команду, берегись!» Давыдов закричал: «к винтовкам». Бросились на Аникеева, раздался выстрел и упал Давыдов.

Недели за две я слышал от Пенкевича, что он делает сбор в пользу какого-то комитета; он уговаривал давать сколько кто может, хотя бы 2—3 копейки.

Показание матроса Кирилла Могильного.

Стоял часовым у денежного сундука с часу ночи. Подбежали Пенкевич, Кузьмин и комендор Вертиков и спрашивали патронов. Патронов я не дал, и они ушли. Я доложил разводящему. Потом они пришли опять, у Пенкевича был револьвер, а у других винтовки. Потухло электричество. Пенкевич утащил ящик с патронами. Потом лейтенант Селитренников взял остальные 4 ящика.

Вызвали караул наверх. Слышны были выстрелы. Немного спустя спустился разводящий, раненый в руку, и один из караула, раненый в шею. Они стали около меня. Патроны нам не были розданы. Перед ужином сговаривались подавить мятеж. Во время ужина Огурцов, стал говорить нам: «не зевай»; заметил это Аникеев и угрожал ему. Мы бросились на Аникеева. Он подскочил к пирамиде с винтовками, но его избили прикладами мы. Револьвера у Аникеева не видел.

Вертиков. Знал ли меня свидетель в лицо и участвовал ли я в мятеже?

Могильный. Знал, он был выборным для посылки за провизией. Видел его только участвовавшим в краже патронов.

Пенкевич. Как свидетель мог видеть в темноте, что я украл патроны?

Могильный. Он был впереди всех в первый и во второй раз, за ним Кузьмин, поодаль Вертиков. Когда Пенкевич стал лезть наклонившись и я оборонялся штыком, тут потухло электричество.

Тугов. Я пришел к Могильному и говорил ему: зачем дал патроны и плакал.

Могильный. Нет, не приходил. Но когда я к нему обратился около 4 часов и просил сменить меня, Тугов сказал: «все равно стой, всем погибать придется».

Показания кондуктора Огурцова.

Меня разбудил старший боцман и сказал носить винтовки. Старший офицер будил команду. Послышался выстрел. Офицеры ушли наверх. Наверху ранили лейтенанта Вердеревского. Начальник отряда спросил про количество пара на таранном баркасе. Смертельно ранили командира, ранили лейтенанта Селитренникова, убили доктора. Проходя по жилой палубе, видел с револьвером Костина. Был в своей каюте. Требовали кондукторов переодеться в рабочее платье. Начали сниматься с якоря. Стреляли в «Воеводу». Лобадин пришел в батарейную к пушке. Кузнецов ему подкатил тележку с 6-дюймовыми патронами. Лобадин стрелял. Во время пути стреляли по миноносцу. Давыдов сказал мне: «нас с тобой убьют». На баке—Гаврилов, Аникеев, Болдырев и Лобадин. Шли без кормового флага. «Рига» ушла от нас. Студент был одет в офицерской форме. Хотели идти в Гельсингфорс, но, получив телеграфные сведения, отказались. Перед ужином я подговаривал учеников. Богданова просил содействовать, но он донес своим. После ужина я перешел на левый борт, постоял у столов. Я сказал ученикам взять ружья. Аникеев угрожал мне револьвером, на него бросился ученик Бабиц. Тут пошла общая свалка. Я был ранен. Пошел в офицерские каюты освободить офицеров. Пришел Евстафьев [и заявил]: «я ранил Лобадина». Скоро бунт мы усмирили. Подняли сигнал о помощи. Слободянюк поведения отличного, не бунтовал. Тугов не бунтовщик. Кузнецов катал тележку от элеватора.

Гаврилов. Кто приказывал переодеться в рабочее платье, не я ли?

Свидетель. Пленков сказал, что Гаврилов.

Добавочное показание свидетеля Абрамова.

Относительно Архангельского говорил конвойный Кашурка. Баженов передал Архангельскому деньги, 300 руб.; Кашурка раньше был в лазарете. Ему Архангельский сказал по дороге: «я бы тебя отравил, если бы знал, что ты будешь конвойным».

Подсудимый Фундаминский просил суд от имени Косырева вызвать в качестве свидетелей лодочников. Косырев указывает приблизительно место, где их можно найти. Суд постановляет призвать лодочников.

Дополнительное показание повара Травникова.

Гаврилов мне сказал на берегу зайти в лавочку, найти там человека в форменной фуражке и очках. Этот человек должен был прислать шлюпку на «Азов».

Показание кондуктора Лавриненко.

Меня разбудили около 2 часов ночи. В нашем отделении был слышан крик: «давай патроны!» Этот голос, как мне говорили, был Колодина. Нас потом заставили переодеться в рабочее платье. Кондукторов вызвали в боевую рубку, где заседал комитет. Лобадин нам давал назначения. Я пожелал с другими кондукторами быть арестованным в каюте. Студент давал объяснения. Вошел Баженов и сказал: «товарищи, команда пала духом, надо ее воодушевить». Студент и Лобадин пошли на бак. После Лобадин стрелял по «Воеводе». Кузнецов стоял 2-м номером у орудия и несколько раз дергал за шнур, чтобы произвести выстрел. Меркулов кричал: «поднимай боевой флаг!» После прихода в Ревель мы решили во время ужина начать усмирение. После подавления мятежа я арестовал Колодина, Кузнецова и Рубайлова, которого потом освободили по просьбе команды. Видел, как ученики «топтали Аникеева». Я арестовал также человека, целившегося в меня, арестовал Меркулова; потом из числа выданных командой назову Баженова. Я его видел в телеграфной рубке с револьвером.

Смоляевский—хороший человек. Веряскина путали с Гавриловым. Веряскин—не бунтовщик.

Показание машиниста Соколова.

Видел Владимира Черноусова с револьвером. Стоял на вахте я вместе с Плотниковым.

Показание кондуктора Левичева.

Лобадин мне предлагал принять на себя командование. Я отказался. Акульшин при уборке якоря исполнял свои обязанности

по распоряжению. Я часто видел в числе мятежников Колодина. Иван Черноусов передавал приказание по машинному телеграфу. Я видел Орлова на верхней палубе; он ругал бунтовщиков...

Показание старшего баталера Косыгина.

Слышал голос Долгова: «кондукторы что наделали, надо было их перерезать раньше». Павлюк ему ответил: «мы еще успеем». Котихина в лицо знаю. Котихин много говорил на баке среди матросов. Матрос Потемкин вместе с кондукторами хотел усмирять команду...

Показание артиллерийского квартирмейстера Носова.

Стафеев ходил с винтовкой на баке. Крючков говорил, что придут из Центрального комитета. Гаврилов предлагал ученикам выбрать депутатов в комитет, Ширяева и Котихина. Колодин распоряжался.

Показание ученика комендора Шевчука.

До бунта Болдырев читал «листочки».

Были введены свидетели Витхольм и Мавринский. Свидетелям было предложено председателем [ответить], не состоят ли они в каких-либо отношениях с подсудимыми, на что свидетели ответили отрицательно. Вслед за этим председатель предложил подсудимым [заявить] об отводе свидетелей. Отвода не последовало. Свидетели были приведены к присяге: Витхольм по обряду лютеранскому, а Мавринский по обряду православному. После присяги председатель указал свидетелям на святость присяги, на необходимость показывать сущую правду и на ответственность за ложное показание. Затем к присяге был приведен переводчик Ян Индреус...

Показание ученика комендора Шевчука.

Указав на подсудимых штатских кроме Коптюха, сказал, что у него спрашивали лодку с парусом. Показав на Фундаминского: дал мне 5 руб. золотой монетой и спросил, где меня можно найти после возвращения лодки. Мы сторговались по 60 коп. в час. Говорили, что едут кататься по морю.

Фундаминский. Я дал золотой для того, чтобы не подумал свидетель, что мы желаем угнать лодку...

Свидетель Мавринский не признал подсудимого Косырева. На вопрос одного из членов суда подсудимый Иванов ответил: «я на море на шлюпке первый раз».

Фундаминский. Мы случайно встретились с Косыревым, который желал ехать на «Азов».

Плигунов. Баженов около 12 часов ночи давал телеграмму, не знаю кому.

Баженов. Я не помню, что телеграфировал.

Прочитаны показания квартирмейстера Ершова и вестового старшего механика Огиенко. Свидетельские показания закончены.

Председатель предложил подсудимым, не имеют ли они чего заявить для пополнения судебного следствия.

Заявления не последовало.

Затем были оглашены документы, касающиеся дела о мятеже.

Председатель предложил подсудимым сказать каждому свое последнее слово в свое оправдание.

Когда подсудимые все сказали свое последнее слово, председатель объявил, что суд удаляется для совещаний.

Подсудимые были выведены из зала заседания.

5 августа, в 1 час пополудни, подсудимые были введены в зал судебного заседания, и председатель суда особой комиссией прочитал краткий приговор.

Гл. в.-м. суд. упр., д. № 11758, 1906 г. лл. 94—117.

Приговор суда особой комиссией по делу о восстании на крейсере «Память Азова»

1906 г. 4 августа. По указу его императорского величества суд особой комиссией в составе по приказу № 52 от 30 июля с. г. командующего отдельным отрядом судов назначенных для плавания с корабельными гардемаринами. Председатель: капитан 1-го ранга Русин. Члены: капитан 2-го ранга Гирс 2-й, лейтенанты: Фролов, Любинский, Тимирев, Беренс 1-й, Подгурский.

При делопроизводителях лейтенантах Баркове и Клочковском.

Выслушав дело о боцманмате Федоре Рубайлове, 27 лет, строевых квартирмейстерах Андрее Шилине, 26 лет, и Никите Дерягине, 26 лет, артиллерийских квартирмейстерах 2-й статьи Трифоне Костине, 26 лет, и Иване Тугове, 25 лет, старшем комендоре Артамоне Богданове, 28 лет, комендорах: Якове Вертикове, 24 лет, Алексее Крючкове, 26 лет, Михаиле Башаринове, 25 лет, Федоре Шлюхине, 25 лет, Семене Крикунове, 24 лет, учениках комендорах: Афанасии Ширяеве, 23 лет, Павле Пенкевиче, 23 лет, Григории Болдыреве, 23 лет, Арсении Кудряшеве, 22 лет, ученике класса артиллерийских квартирмейстеров Данииле Смолявском, 24 лет, гальванерных квартирмейстерах 1-й статьи Петре Колодине, 26 лет, и 2-й статьи Антоне Стафеевском, 26 лет, гальванере Василии Кузнецове, 26 лет, учениках гальванерах: Дмитрие Котихине, 24 лет, Ефиме Потапове, 25 лет, и Андрее Соломонове, 23 лет, телеграфном квартирмейстере 2-й статьи Николае Баженове, 25 лет, марсовых: Афанасий Акульшине, 24 лет, Александре Катунине, 25 лет, Василии Потемкине, 25 лет, рулевом Алексее Мундштукове, 26 лет, учениках рулевых: Федоре Чиркове, 24 лет, и Иване Смирнове, 22 лет, учениках сигнальщиков: Петре Фалееве, 23 лет, Иване Володине, 23 лет, Митрофане Меркулове, 22 лет, барабанщике квартирмейстере 2-й статьи Степане Козине, 27 лет, горнисте Станиславе Милашевском, 27 лет, матросах 1-й статьи Иване Кроткове, 23 лет, Дмитрие Пере-

гудове, 23 лет, Иване Возняке, 24 лет, Якове Жаринове, 25 лет, Науме Павлюка, 22 лет, Николае Турцеве, 24 лет, Дмитрие Горбунове, 24 лет, Гурьяне Новоселове, 23 лет, Кирилле Канонире, 23 лет, матросах 2-й статьи: Федоре Суховеркове, 23 лет, Борисе Баркове, 23 лет, Степане Байбакове, 23 лет, Моисее Токареве, 24 лет, Тимофее Петрове, 23 лет, Федоре Бурашникове, 26 лет, Дмитрие Иосюке, 23 лет, малярах: Иване Козлове, 27 лет, и Павле Пелевине, 24 лет, ложниках: Михаиле Векшине, 23 лет, и Степане Канарейкине, 26 лет, плотниках: Порфирии Сигиде, 23 лет, и Захаре Меландее, 23 лет, парусниках: Василии Сикине, 23 лет, и Степане Оргине, 23 лет, коке Иване Гушине, 24 лет, подшкипере 1-й статьи Василии Веряскине, 30 лет, баталере 1-й статьи Степане Гаврилове, 26 лет, машинном содержателе 2-й статьи Иване Аникееве, 24 лет, юнге минно-артиллерийском Николае Медведеве, 25 лет, писаре 2-й статьи Петре Кулицком, 23 лет, фельдшере 2-й статьи Илларионе Архангельском, 23 лет, машинном квартирмейстере 2-й статьи Владимире Черноусове, 23 лет, машинистах 1-й статьи Иване Бортникове, 24 лет, Иване Черноусове, 23 лет, машинисте 2-й статьи Филиппе Плотникове, 24 лет, кочегарах 1-й статьи Игнати Шевченко, 23 лет, и Михаиле Синяеве, 23 лет, хозяине трюмных отсеков 2-й статьи Дмитрие Григорьеве, 23 лет, минно-машинном квартирмейстере 2-й статьи Константине Долгове, 25 лет, минном машинисте Логине Осадчем, 26 лет, фельдфебелях: Данииле Бондареве, 26 лет, и Матвее Старостине, 26 лет, комендоре Иване Пичковском, 24 лет, учениках комендоров: Никите Слободянюке, 22 лет, и Петре Ворожко, 22 лет, телеграфисте Клементии Плигунове, 23 лет, марсовом Гаврииле Аношкове, 25 лет, матросах 1-й статьи Филиппе Поперечном, 24 лет, Иване Александрове, 23 лет, Степане Герасимове, 23 лет, матросе 2-й статьи Макаре Назарове, 23 лет, машинном квартирмейстере 1-й статьи Льве Калабине, 26 лет, самостоятельном машинисте Герасиме Орлове, 24 лет, машинисте 2-й статьи Афанасии Корсаке, 22 лет, кочегарном квартирмейстере 2-й статьи Якове Бухареве, 27 лет, кочегаре 2-й статьи Семене Макаренко, 22 лет, машинисте 2-й статьи Илье Чечулине, 23 лет, именующем себя мещанином Арсением Ивановым Коптюхом (он же Степан Никифоров Петров) (одесским), сыне купца Илье Исидорове Фундаминском (он же Арсений Вельский), мещанине г. Курска Владимире Иванове Иванове, крестьянине Рязанской губ., Михайловского уез., Куньковской вол. (бывшем гальванере 1-го ранга «Память Азова») Максиме Андрееве Косыреве, преданных суду по обвинению в мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в ночь на 20 июля, т. е. в преступном деянии, предусмотренном 109-й ст. Военно-морского устава о наказаниях и 100-й статьей Уголовного уложения, с применением к виновным наказаний, установленных для военного времени. Выслушав судебное следствие, суд признал виновными: 1) именующего себя Арсением Ивановичем Коптюх, он же Степан Никифоров Петров, он же по прозвищу Оскар, в том, что: а) прибыв, переодевшись матросом, в бухту Папенвик на минном крейсере «Абрек» 19 июля 1906 г., переехал на крейсер 1-го ранга «Па-

мять Азова», где устроил незаконное собрание в таранном отделении, б) по освобождении его из-под ареста принял руководство восставшей командой, в) организовал комитет из мятежных матросов для управления кораблем, г) говорил противоправительственные речи, возбуждавшие команду к насильственному изменению образа государственного правления, д) предлагал возмущившейся команде убить раненого старшего офицера крейсера, капитана 2-го ранга Мазурова и мичмана Саковича, е) переодевался в офицерскую форму; 2) гальванера квартирмейстера 1-й статьи Петра Колодина в том, что: а) был вторым, после убитого Лобадина, главным руководителем вооруженного мятежа на крейсере 1-го ранга «Память Азова»; 3) баталера 1-й статьи Степана Гаврилова в том, что: а) был одним из главных руководителей, б) был выбран в комитет для управления кораблем, в) говорил команде возбуждающие к продолжению мятежа речи, г) стрелял в артиллерийского кондуктора Давыдова и д) переодевался в партикулярное платье, чтобы ехать на берег с письмом от подсудимого, именующего себя Коптюхом; 4) машинного содержателя 2-й статьи Ивана Аникеева в том, что: а) при начале мятежа стоял за машинным люком с винтовкой, б) был также с винтовкой на паровом катере, в) гнался за спасавшимися офицерами, г) обезоруживал офицеров, оставшихся на корабле, д) с оружием в руках оказывал сопротивление при усмирении мятежа, е) выстрелом из револьвера ранил кондуктора Огурцова, ж) был выбран в комитет для управления крейсером; 5) старшего комендора Артамона Богданова в том, что: а) стрелял из 47-мм пушки Гочкиса по таранному баркасу, на котором спасались офицеры, б) принес и по своей инициативе установил 37-мм пушку на паровом катере, готовившемся у трапа для погони за таранным баркасом, в) пошел на нем и произвел 2 выстрела из означенной пушки, г) стрелял из 47-мм пушки по миноносцам, д) при усмирении мятежа на крейсере убил выстрелом кондуктора Давыдова; 6) артиллерийского квартирмейстера 2-й статьи Трифона Костина в том, что: а) стрелял из револьвера через запертую дверь в каюту старшего механика, б) открыл дверь в каюту и произвел еще выстрел в грудь раненого уже старшего механика подполковника Максимова; 7) телеграфного квартирмейстера 2-й статьи Николая Баженова в том, что а) будил команду в жилой палубе, бегая с револьвером в руках и крича «вставайте, погибаем!», б) пользовался радиографом, умышленно искажая смысл получаемых телеграмм для поддержания мятежного духа взбунтовавшейся команды, в) посылал ложные радиogramмы с мятежными целями, г) был избран в комитет для управления кораблем, д) вбежал в боевую рубку, где были главари мятежа, с фразой «товарищи, надо поддержать падающий дух команды», после чего агитатор, именующий себя Арсением Коптюхом, пройдя на бак, произнес со шпилья противоправительственную речь, е) при подавлении мятежа стрелял из револьвера в люк по усмирявшей мятежников команде; 8) хозяина трюмных отсеков Дмитрие Григорьеве в том, что: а) был избран в комитет для управления кораблем, б) хвалился тем, что прикончил лейтенанта

Захарова, в) гнался с оружием в руках за кондуктором Коноваловым, с намерением убить его, приняв его ошибочно за офицера, г) советовал мятежной команде добить оставшихся в живых офицеров; 9) гальванера Василия Кузнецова в том, что: а) состоял в комитете для управления кораблем, б) подавал беседки с патронами к 6-дюймовым орудиям для стрельбы по минному крейсеру «Абрек», в) при подавлении мятежа стрелял из револьвера в усмирявших, г) будучи столкнут за борт, продолжал стрелять из воды, держась за леер; 10) ученика гальванера матроса 1-й статьи Ефима Потапова в том, что: а) прикладом ружья бил по голове раненого лейтенанта Захарова, в чем впоследствии хвастался перед командой, показывая ободренные руки об мушку и прицел ружья, б) в начале бунта стоял с ружьем у каюты командира, в) при подавлении мятежа был арестован с оружием в руках; 11) ученика гальванера, матроса 1-й статьи Дмитрия Котихина в том, что: а) освободил арестованного в судовом карцере, прогнав часового, б) стрелял из 6-дюймового орудия по минному крейсеру «Абрек», в) состоял в комитете для управления кораблем, г) после предложения именуемого себя Коптюхом убить старшего офицера и мичмана Саковича, после дудки—«вино наверх»—крикнул: «а старшего офицера и Саковича на закуску», д) при подавлении мятежа стрелял в усмирявших; 12) матроса 1-й статьи Ивана Кроткова в том, что: а) при начале бунта стрелял в командира и вахтенного начальника, б) ходил на паровом катере, преследовавшем таранный баркас со спасавшимися офицерами, в) состоял в комитете по управлению кораблем, г) подговаривал, угрожая смертью, убивать кондукторов; 13) машиниста 1-й статьи Ивана Бортникова в том, что: а) зверски истязал раненого старшего механика подполковника Максимова, лежащего в каюте, ударяя его рашпилем по лицу, а затем похвалялся этим, насильно заставляя вестового старшего механика выслушивать от него подробный рассказ этого зверства, б) привязал груз к ногам убитого и выбросил тело за борт; 14) ученика комендора матроса 1-й статьи Павла Пенкевича в том, что: а) будучи вооружен перед началом бунта, в сопровождении 2 человек, отнял у часового, стоявшего у денежного сундука, ящик патронов, ходил на паровом катере с винтовкой в погоню за таранным баркасом, стрелял из 47-мм орудия по миноносцу «Летучий», б) состоял в комитете для управления кораблем, в) незадолго до бунта собирал с команды деньги на революционный комитет; 15) строевого квартирмейстера Андрея Шилина в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) стрелял из винтовки в кондуктора Шевелева и артиллерийского квартирмейстера Шадрина, в) при подавлении мятежа стрелял в усмирявших; 16) комендора Алексея Крюкова в том, что: а) стрелял с крейсера из 47-мм орудия по минному крейсеру «Воевода» и миноносцам и б) уговаривал остальных комендоров сделать то же, в) состоял в комитете для управления кораблем; 17) ученика комендора матроса 1-й статьи Арсения Кудряшева в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) стрелял по миноносцу «Летучий» из 47-мм пушки, в) донес бунтовщикам о готовящемся подавлении мятежа; 18) уче-

ника комендора матроса 1-й статьи Григория Болдырева в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) при начале подавления мятежа вызывал боевую дружину, в) стрелял в нижних чинов, подавлявших мятеж, г) до мятежа пропагандировал в команде против правительства; 19) маляра Ивана Козлова в том, что: а) при аресте называющего себя Коптюхом был усмотрен спящим с ним на одной койке, б) целился в нижнего чина, и, будучи остановлен последним, заявил, что предполагал, что это офицер, в) будучи маляром и заведующим малярной, допускал в ней незаконные собрания нижних чинов, не донося об этом по начальству; 20) писаря 2-й статьи Петра Кулицкого в том, что: а) привязывал груз к телу мичмана Зборовского, б) при стрельбе по миноносцам понуждал к стрельбе отказывающихся стрелять, в) был вооружен револьвером и противился подавлению мятежа, г) подкатывал беседки с 6-дюймовыми снарядами к пушке; 21) машинного квартирмейстера 2-й статьи Владимира Черноусова в том, что а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) распоряжался в машине с револьвером в руках, в) передавал приказания из походной рубки в машину по телефону; 22) ученика гальванера матроса 1-й статьи Андрея Соломонова в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) был вооружен винтовкой, в) донес гальванерному квартирмейстеру Колодину о готовящемся подавлении бунта; 23) комендора Якова Вертикова в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) был на катере с винтовкой в логоне за таранным баркасом, в) участвовал в отнятии у часового ящика с патронами перед началом бунта; 24) минного машиниста Логина Осадчего в том, что: а) состоял в комитете по управлению кораблем, б) при начале мятежа умышленно остановил динамомашину, вследствие чего на крейсере наступила полная темнота, способствовавшая планам мятежников, в) был вооружен револьвером; 25) маляра Павла Пелевина в том, что: а) участвовал в убийстве лейтенанта Захарова, б) был вооружен, в) состоял в комитете по управлению кораблем; 26) минно-машинного квартирмейстера Константина Долгова в том, что: а) призывал к избиению кондукторов, б) вооруженный винтовкой сопротивлялся подавлению мятежа; 27) комендора Семена Крикунова в том, что целился во время подавления мятежа из револьвера в кондуктора Лавриненко, но не выстрелил, так как ему помешали усмирявшие мятеж нижние чины; 28) артиллерийского юнгу Николая Медведева в том, что: а) в начале бунта выдал из арсенала несколько револьверов мятежникам, разбив дверь арсенала большим молотом, б) тогда же выгонял команду наверх для принятия участия в бунте; 29) ученика сигнальщика Митрофана Меркулова в том, что: а) по приказанию мятежников подымал сигналы другим судам о присоединении к мятежному крейсеру, б) намеревался поднять на кормовом флаштоке, по собственной инициативе, красный флаг вместо андреевского, но был остановлен другими нижними чинами; 30) марсового Афанасия Акульшина в том, что во время бунта исполнял приказания мятежников во время съемки с якоря и при спуске и подъеме гребных судов; 31) гальванерного квартирмейстера

2-й статьи Антона Стафеевского в том, что во время бунта был вооружен винтовкой и исполнял приказания мятежников; 32) комендора Михаила Башаринова в том, что в начале бунта был с револьвером на катере в погоне за таранным баркасом; 33) плотника Порфирия Сигиду в том, что, вооруженный винтовкой, принимал участие в мятеже; 34) матроса 2-й статьи Степана Байбакова в том, что по приказанию мятежников определял дальномером расстояние при стрельбе по судам; 35) матроса 1-й статьи Якова Жаринова в том, что, вооруженный винтовкой, принимал участие в мятеже; 36) матроса 1-й статьи Наума Павлюка в том, что принимал участие в мятеже; 37) матроса 1-й статьи Дмитрия Горбунова в том, что подстрекал нижних чинов к бунту и сам принимал в нем участие; 38) фельдшера 2-й статьи Иллариона Архангельского в том, что выразил сочувствие мятежникам в следующей фразе, сказанной матросу Кошурке, бывшему конвойным при арестованных нижних чинах на берегу при следовании их в тюрьму: «если бы знал, что ты будешь конвойным, отравил бы тебя, когда ты был в лазарете»; 39 и 40) матросов 2-й статьи Моисея Токарева и Тимофея Петрова в том, что принимали участие в бунте; 41) матроса 2-й статьи Федора Бурашникова в том, что,ходя по палубам с называющим себя мешанином Коптюхом, отвечая на вопрос последнего, сообщил, что в денежном сундуке находится 67 тыс. руб.; 42) подшкипера Василия Верякина в том, что принимал участие в мятеже; 43) машиниста 2-й статьи Илью Чечулина в том, что: а) принимал участие в мятеже и б) при вызове оставшихся на корабле офицеров навстречу настаивал, чтобы их обыскали; 44) машиниста 2-й статьи Афанасия Корсака в том, что был на паровом катере, посланном вдогонку за таранным баркасом с офицерами; 45) матроса 2-й статьи Федора Суховеркова в том, что принимал участие в мятеже; 46 и 47) учеников сигнальщиков Петра Фалеева и Ивана Володина в том, что поднимали сигналы по приказанию мятежников; 48, 49 и 50) машинного квартирмейстера самостоятельного управления Герасима Орлова, машинного квартирмейстера 1-й статьи Льва Калабина и кочегарного квартирмейстера 2-й статьи Якова Бухарева за то, что по приказанию мятежников развели пары и управляли машинами; 51) фельдфебеля Матвея Старостина в том, что по приказанию мятежников был на паровом катере, гнавшемся за таранным баркасом, на котором спасались офицеры; 52 и 53) матросов 1-й статьи Степана Герасимова и Семена Макаренко в том, что были на паровом катере по приказанию мятежников, гнавшемся за таранным баркасом, на котором спасались офицеры; 54) матроса 1-й статьи Кирилла Канонирова в том, что в своих вещах хранил прокламацию; 55) рулевого Алексея Мундштукова в том, что по приказанию мятежников на ходу крейсера стоял на руле и принес карты; 56 и 57) строевого квартирмейстера Никиту Дерягина в том, что по приказанию мятежников принимал участие и распоряжался при спуске шлюпок; боцманмат Федора Рубайлова в том, что по приказанию мятежников принимал участие при спуске шлюпок.

Обращаясь к применению законов о наказаниях, суд особой

комиссии нашел, что описанные выше в пункте 1-м действия именующего себя Арсением Ивановым Коптюхом (он же Степан Никифоров Петров) составляют преступные деяния, предусмотренные 100-й ст. Уголовного уложения и влекущие для него наказание— смертную казнь через повешение; действия всех поименованных выше нижних чинов, описанные в пунктах 2-м—57-м, составляют преступное деяние, предусмотренное 109-статьей Военно-морского устава о наказаниях и влекущее для виновных по законам военного времени также смертную казнь. Посему и руководствуясь 74-й ст. Военно-морского устава о наказаниях, суд приговорил: гальванерного квартирмейстера 1-й статьи Петра Колодина, баталера 1-й статьи Степана Гаврилова, машинного содержателя 2-й статьи Ивана Аникеева, старшего комендора Артамона Богданова, артиллерийского квартирмейстера 2-й статьи Трифона Костина, телеграфного квартирмейстера 2-й статьи Николая Баженова, хозяина трюмных отсеков Дмитрия Григорьева, гальванера Василия Кузнецова, учеников гальванеров: Ефима Потапова, Дмитрия Котихина, строевого квартирмейстера Андрея Шилина, учеников комендоров: Павла Пенкевича, Григория Болдырева, матроса 1-й статьи Ивана Кроткова, машиниста 1-й статьи Ивана Бортникова, комендора Алексея Крючкова и ученика комендора Арсения Кудряшева исключить из службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение; именующего себя мешанином Арсением Ивановым Коптюхом (он же Степан Никифоров Петров) лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение, ученика комендора Афанасия Ширяева, маляра Ивана Козлова, маляра Павла Пелевина, комендора Семена Крикунова, ученика сигнальщика Митрофана Меркулова исключить из службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 20 лет; комендора Якова Вертикова и минного машиниста Логина Осадчего исключить из службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 12 лет; машинного квартирмейстера 2-й статьи Владимира Черноусова, писаря 2-й статьи Петра Кулицкого, ученика гальванера Андрея Соломонова, минно-машинного квартирмейстера 2-й статьи Константина Долгова исключить из службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и сослать, в каторжные работы на 8 лет; минно-артиллерийского юнгу Николая Медведева исключить из службы, лишить воинского звания, всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 6 лет; матроса 1-й статьи Дмитрия Горбунова, фельдшера 2-й статьи Иллариона Архангельского и машиниста 2-й статьи Илью Чечулина исключить из службы, лишить воинского звания и всех особенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения на 2 года, а по отбытии наказания отдать их под особый надзор полиции на 4 года каждого; плотника Порфирия Сигиду, матроса 2-й статьи Федора Бурашникова отдать в дисциплинарные батальоны на 2 года с последствиями, в статье 48 Военно-морского устава о наказаниях указанными; подшкипера Василия Верякина, матроса 1-й статьи Якова Жаринова, матросов

линарные батальоны на 1 год, с последствиями, в ст. 48 Военно-морского устава о наказаниях указанными; гальванерного квартирмейстера 2-й статьи Антона Стафеецкого и комендора Михаила Башаринова к содержанию в военно-исправительной тюрьме морского ведомства на 4 месяца; матросов 2-й статьи Степана Байбакова и Наума Павлюка к содержанию в военно-исправительной тюрьме морского ведомства на 2 месяца; марсового Афанасия Акульшина понизить в матросы 2-й статьи в дисциплинарном порядке; строевого квартирмейстера Никиту Дерягина и боцман-мата Федора Рубайлова лишить унтер-офицерского звания в дисциплинарном порядке; фельдфебеля Матвея Старостина, машинного квартирмейстера 1-й статьи самостоятельного управления Герасима Орлова, машинного квартирмейстера 1-й статьи Льва Калабина, кочегарного квартирмейстера Якова Бухарева на 20 суток простым арестом; матроса 2-й статьи Федора Суховеркова, машиниста 2-й статьи Афанасия Корсака, учеников сигнальщиков: Петра Фалеева и Ивана Колодина, рулевого Алексея Мундштукова, матроса 2-й статьи Степана Герасимова, кочегара 2-й статьи Семена Макаренко простому аресту на 10 суток; матроса 1-й статьи Кирилла Канонирова на 30 суток смешанного ареста; подсудимых же: комендора Даниила Смолявского, артиллерийского квартирмейстера 2-й статьи Ивана Тугова, матроса 2-й статьи Дмитрия Иосюк, матросов 1-й статьи: Ивана Смирнова, Ивана Александрова и Филиппа Поперечного, фельдфебеля Даниила Бондарева, матросов 2-й статьи Макара Назарова и Гурьяна Новосенова, кока Ивана Гущина, телеграфиста Климентия Плигунова, марсового Гавриила Аношкова, комендора Ивана Пичковского, учеников-комендоров: Петра Ворошко и Никиту Слободянюка, горниста Станислава Милашевского, квартирмейстера барабанщика Степана Козина, марсового Василия Потемкина, парусника Степана Ортина, матроса 1-й статьи Николая Турцева, плотника Захара Маландея, кочегара Игнатия Шевченко, комендора Федора Шлюхина, ложника Степана Канарейкина, ложника Михаила Векшина, матросов 2-й статьи Ивана Возняка и Бориса Баркова, матроса 1-й статьи Дмитрия Перегудова, марсового Александра Катунина, машиниста 1-й статьи Ивана Черноусова, парусника Василия Сиркина, кочегара 1-й статьи Михаила Синяева, машиниста 2-й статьи Филиппа Плотникова и ученика рулевого Федора Чиркова по обвинению в том, что принимали участие в мятеже в ночь на 20 июля 1906 г. на крейсере «Память Азова», суд особой комиссии виновными по недоказанности обвинения не признал и на основании п. 1 ст. 825 Военно-морского судебного устава определил считать их по суду оправданными. Что же касается сына купца Ильи Исидоровича Фундаминского (он же Арсений Бельский), мещанина г. Курска Владимира Иванова Иванова, запасного гальванера Максима Андреева Косырева, то суд особой комиссии, не приступая к решению вопроса о вине или невиновности этих лиц в преступлении, предусмотренном ст. 100-й Уложения о наказаниях уголов. и исправ., находит, что судебное следствие не дало материала, на основании

которого можно было бы сделать вывод об учинении ими преступных действий, носящих характер насильственного посягательства на изменение установленного образа правления; полученные же на судебном следствии из показаний свидетелей и названных лиц указания на причастность этих лиц сообществу, составившему с упомянутой целью, могут лишь служить материалом для суждения о виновности в преступлении, предусмотренном ст. 102-й того же Уложения, подлежащем суду гражданского ведомства в порядке 1305-й ст. у. с. Вследствие сего, применительно к ст. 333-й кн. XVIII Военно-морского судебного устава суд особой комиссии положил: передать произведенное о них жандармским управлением дознание прокурору ревельского окружного суда⁷⁷. Вещественные к делу доказательства, указанные в отношении за № 1568, возвратить начальнику эстляндского губернского жандармского управления. Прокламации и нелегальные издания передать уничтожению, а прочие вещи препроводить командиру крейсера 1-го ранга «Память Азова» для возвращения по принадлежности. Приговор сей на основании ст. 1106 Военно-морского судебного устава представить командующему отдельным отрядом судов, назначенных в плавание с корабельными гардемаринами.

Члены: лейтенант Подгурский, лейтенант Беренс 1-й, лейтенант Тимирев, лейтенант Любинский, лейтенант Фролов, капитан 2-го ранга Гирс.

Председатель капитан 1-го ранга Русин.

На основании ст. 1090 Военно-морского судебного устава настоящий приговор суда особой комиссии утверждаю, с тем чтобы присужденным к смертной казни через повешение казнь эта была заменена расстрелянием.

Приговор этот предписываю привести в исполнение немедленно.

Капитан 1-го ранга Бострем.

5 августа 1906 г.

Гл. военно-морское суд. упр. 1906 г.

Мичман Крыжановский командиру крейсера 1-го ранга «Память Азова» *

Рапорт № 20.

Балтийский порт, 17 августа 1906 г.

Ввиду того, что 20 сего июля во время подавления мятежа на крейсере я оставался старшим, считаю своим долгом донести вашему высокоблагородию о нижепоименованных чинах, как об особо отличившихся.

Мичман Сакович. В то время как все офицеры сели на таранный баркас, я обратился к мичману Саковичу и предложил ему уехать, на что последний ответил, что не покинет корабля.

Сидя арестованным в каюте, все время помогал раненому старшему офицеру, не смотря на грубость часовых, выхлопотал для старшего офицера вина, фельдшера, священника и пр.

Артиллерийский кондуктор Ракитин. В начале бунта, ночью, таскал, по приказанию командира, ружья из батарейной и жилой

* На подлинном надпись: «Подлинный рапорт мичмана Крыжановского представить его превосходительству начальнику учебно-артиллерийского отряда (Подпись неразборчива) 18/VIII 1906 г.».

палуб, отнимал затворы, штыки и прятал по каютам. Дальше, вдвоем с кондуктором Огурцовым находился все время возле офицеров, помогал сажать раненых офицеров на таранный баркас. Имея возможность уехать,—на баркас не сел. По уходе баркаса предлагал спрятать меня от мятежников. Во время мятежа подговаривал все время учеников образумиться и при вспыхнувшей резне первый вместе с Огурцовым * пришел освобождать офицеров. Освободив офицеров, вместе со мной и Саковичем вышел в батарею, а затем наверх и распоряжался подавлением и арестами. Первые два дня не сходил с верхней палубы, водворяя порядок. Считаю своим долгом указать, что тотчас после овладения учениками верхней палубой, первым моим приказанием было: кондуктору Ракитину вступить на вахту.

Принимали участие в подавлении мятежа почти все кондукторы и квартирмейстеры, но ночью, когда все были уверены, что спасения для офицеров нет, среди последних находились только два кондуктора: Ракитин и Огурцов.

Мичман Крыжановский

Гл. в. морск. штаб, д. № 28959, 1906 г., л. 239.

Окружной генерал-квартирмейстер Петербургского военного округа Ревельскому временному военному генерал-губернатору.

Отношение № 1374.

Красное село, 31 июля 1906 г.

В. секретно.

По соглашению с морским министром, его императорское высочество главнокомандующий приказал вашему превосходительству по окончании суда над мятежными матросами крейсера «Память Азова» принять к руководству следующие указания:

1. Тех мятежников, которых суд приговорил к смертной казни, по конфирмации таковой капитаном 1-го ранга Бостремом,—растрелять на указанном морским министром острове Карлос.

Приговоренных доставить туда под сильным пехотным конвоем ночью, когда замрет городская уличная жизнь, а самый приговор привести в исполнение на рассвете.

Для расстреливания назначить матросов того же крейсера «Память Азова» из числа приговоренных к другим наказаниям **. Место казни должно быть оцеплено вышеупомянутым конвоем с трех сторон, силою, примерно, в батальон; причем если матросы, назначенные для приведения в исполнение приговора, отказались бы, то эта пехотная часть должна заставить выполнить возложенную на них задачу силою оружия.

Место казни тщательно оцепить и вообще принять все меры, чтобы ни на самом острове Карлос, ни поблизости не было никаких посторонних лиц.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или пре-

* На подлинном надпись: «Справка: артиллерийский кондуктор Егор Огурцов выс. прик. 7 VIII 1906 г. № 703 произведен в подпоручики по адмиралтейству. Делопроизводитель (подпись неразборчива)».

** Или других матросов по соглашению с контр-адмиралом Вульфом.

дать морю, по усмотрению морского начальства, с тем, чтобы необходимые для сего рабочие были назначены из числа матросов крейсера «Память Азова», присужденных к другим наказаниям.

Место погребения надлежит тщательно сравнивать.

Рассчитать время так, чтобы известие о смертном приговоре и приведение его в исполнение стало общеизвестным уже тогда, когда все кончено и все прочие осужденные уже отправлены в Кронштадт.

О том, когда и сколько матросов казнено, донести телеграммою.

2. Из состава эскадры капитана 1-го ранга Бострема, а в особенности из состава сохранивших верность присяге команды крейсера «Память Азова» никого ни к какому участию в экзекуции не привлекать.

3. Тех мятежников крейсера «Память Азова», которые будут приговорены к различным другим наказаниям, отправить немедленно по приведении смертной казни в исполнение на особом транспортном судне в Кронштадт под конвоем роты вверенных вам войск и сдать их там в распоряжение коменданта крепости.

Транспортное судно для этой цели должно быть прислано заблаговременно по распоряжению морского министерства. К какому именно времени (в зависимости от времени окончания суда над мятежниками) ваше превосходительство имеет условиться телеграммою с начальником главного морского штаба, а о времени прибытия в Ревель и отправления в Кронштадт транспортного судна донести телеграммой августейшему главнокомандующему, и предупредить телеграммою же кронштадтского коменданта для его распоряжений по встрече и приему осужденных к аресту в Кронштадте.

Для сведения и соображений ваших сообщается, что эскадра капитана 1-го ранга Бострема остается на ревельском рейде до окончания суда над мятежниками, затем непосредственно уйдет на 2—3 дня в море, после чего направится в Кронштадт и уже оттуда отбудет в продолжительное заграничное плавание.

Об изложенном по приказанию его императорского высочества главнокомандующего уведомляю для надлежащих распоряжений.

Начальнику главного морского штаба вместе с сим послана копия с настоящего отзыва для сведения.

Окружной генерал-квартирмейстер

свиты его величества, генерал-майор Раух.

Штаб ПВО, военно-судное отделение, 1906 г., д. 29.

Ревельский полицеймейстер командиру крейсера 1-го ранга «Память Азова» *

Письмо № 685. 8 августа 1906 г.

Милостивый государь г. капитан 1-го ранга,

Бывшие матросы с крейсера 1-го ранга «Память Азова», приговоренные к смертной казни, просили меня перед исполнением

* На полях помета: «Ротному командиру. К сведению и копию сего отправить в экипажи с вещами. 1906 г. авг. 7 дня. Лейтенант кн. Трубицкий».

приговора передать на вверенный вам крейсер их последнюю просьбу об остающихся их имуществе и деньгах:

1) бывший старший квартирмейстер Андрей Шилин сдал 102 руб. казначею ревельского полуэкипажа, расписка сдана смотрителю тюрьмы. Просит переслать эти деньги и оставшееся имущество в Тамбовскую губ., Моршанский у., Серповской вол., с. Алкужа, Федору Шилину. Из этих денег: 40 руб. жене, а 62 руб.—родителям;

2) старший комендор Алексей Крючков сдал ротному командиру В. В. Селитренникову 35 руб. Просит отослать их и его вещи в Тамбовскую губ., Моршанский у., с. Пегаево, в 1-ю часть Никите Арефьеву Крючкову;

3) ученик гальванер Ефим Потапов просит отослать вещи его и деньги (в чемодане № 554-й книжка кронштадтской сберегательной кассы на 20 руб.) в Пермскую губ., Камышловский у., Куровская вол., дер. Большая Пульникова, Гавриилу Родионову Потапову;

4) баталер Степан Гаврилов—на судне у денежного сундука шкатулка, в ней около 60 руб. денег, серебряные часы, три подсвечника, все это отослать в г. Казань, с. Верхний Услон, Матрене Тимофеевне Гавриловой (сестре);

5) гальванерный квартирмейстер Петр Колодин. Вещи: чемоданы № 484 малый и большой; в комнате гальванеров шкатулка, на крышке буквы М. и К. В тюрьме сданы 79 руб. Все вещи и деньги отослать в Тамбовскую губ., того же уезда, Лысогорской вол., с. Лысогорское, Мавре Колодиной;

6) машинный содержатель Иван Аникеев. Вещи его спросить у юнги Кристинина, в кладовой и в столе; отослать в город Елатьму, Тамбовской губ., с. Сабурово, Ивану Андреевичу Аникееву (отцу);

7) Иван Кротков, чемодан № 812. Шкатулка лежит в судовой канцелярии, штилеты—в судовом шкафчике. Просил все отослать в Рязанскую губ., Скопинский у., с. Градецкое, крестьянину Дмитрию Петровичу Оленину, для передачи Анастасии Савельевне Кротковой;

8) Трифон Костин, его № 648, а вещи лежат в большом чемодане за № 53 и в малом чемодане № 716,—в Саратовскую губ., Балашовского у., Мояровской волости, крестьянину Михаилу Костину. Его же вещи находятся еще в сундуке, который сдан в Кронштадте фельдфебелю 12-й роты;

9) Арсений Кудряшев. Чемодан № 118, его же вещи—в сундуке, в артиллерийском отряде в Кронштадте, в 11-й роте у фельдфебеля. Просил отослать в посад Порфеньев, Костромской губ., Николополомской вол., дер. Бердуново, Федору Кузьмичу Кудряшеву (отцу);

10) Болдырев Григорий. Вещи его в учебном артиллерийском отряде. Сундук на судне, шкатулку спросить у фельдфебеля Болдырева. Шкафчик спросить у ученика Лапенко. Отправить в Саратовскую губ., в тот же уезд, Сенинской вол., дер. Шабуерак;

11) Дмитрий Котихин. Вещи в артиллерийском отряде, в 11-й

роте, сданы за № 285. На судне шкатулка, спросить ученика Мухина. Адрес Котихина: Московская губ., Клинский у., Новинской вол., с. Новое, Матвею Антонову Котихину;

12) Богданов Андрей. 5 руб. находятся у ротного командира и вещи на судне, просил переслать на «Цесаревич» комендору Григорию Николаевичу Терехову;

13) Николай Баженов. Вещи и деньги и книги переслать на ст. Турчасово, Архангельской губ., Городецкий приход, дер. Подлесье, Татьяна Васильевне Баженовой—20 руб., которые были на судне;

14) Василий Кузнецов. Вещи и деньги и часы переслать в г. Пермь, Оханский у., Сосновской вол., с. Тараканово, Егору Николаевичу Кузнецову;

15) Иван Бортников. Вещи, деньги и карточки просил переслать в г. Кронштадт, Чеботаровская улица, д. Сидорова, кв. 15, Анисье Гавриловне Бортниковой. Если же там не найдется, то в г. Брянск, Мальцевская ул., Михаилу Петровичу Финаеву;

16) Дмитрий Григорьев. Вещи и оставшиеся деньги переслать на ст. Торбино, Николаевской ж. д., дер. Поджижье, кр. Григорию Макарову Григорьеву. Его деньги 25 руб. сданы ротному командиру Захарову. Серебряные часы, которые сданы в тюрьме, переданы будут казаку, который его расстреливал, по личному желанию.

17) Павел Пенкевич. Оставшиеся вещи и деньги отослать в г. Бердичев, на Песках, дом Пашковского, на имя Иосифа Пенкевича.

Полицеймейстер Цицрошин.

Канц. кр. «Память Азова», д. 1, 1906 г.

Воспоминания об «Оскаре» (Арсении Коптюхе), казненном 5 августа в Ревеле за участие в восстании на крейсере «Память Азова» 20 июля 1906 г.

Родился Оскар в Одессе в рабочей семье. Он изучил слесарное ремесло, чем и занимался до 17 лет. Лет 16 он познакомился с одним старым народовольцем, оказавшим на него большое влияние. Работая на заводе, в Николаеве, он вступил в РСДРП в 1903 г. и вскоре сделался профессиональным партийным работником. Работа его была разнообразна как по характеру, так по обстановке. Работал среди крестьян Херсонской губ., в пролетарской организации, в военной, в городах: Николаеве, Севастополе, Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Кронштадте, Ревеле и др. Он был несколько раз ранен, сидел в Петербурге в крестах, в Екатеринославе, откуда бежал, был выслан в Сибирь на поселение и опять-таки бежал. Скрывался несколько месяцев в Швейцарии. Но выдержал недолго и вернулся в Одессу. Познакомился я с ним в Петербурге. Он работал в боевой организации; принимал участие в самых рискованных предприятиях, большей частью в качестве организатора, так как был поразительно смел и никогда не терялся, ни при какой опасности. Вскоре после его приезда в Пе-

тербург нужно было взять с одного из петербургских вокзалов ящик с браунингами, за которыми, как предполагалось, уже следили. Оскар взялся получить его. Все шло благополучно, но когда он брал ящик, то заметил, что за ним действительно следят; он ускорил шаги, не оставляя ящика, за ним бросился жандарм. Оскар успел выхватить браунинг из кармана и завернуть за угол. Опасаясь погони, он вышел из-за угла и выстрелил в жандарма, но в этот момент сам был ранен в руку. Тогда, бросив ящик на посторонний багаж, он быстро пошел в глубь вокзала, на ходу перевязывая руку носовым платком, обошел кругом и вернулся на старое место. Жандарма уже не было. Тот, видимо, немного переждав и набравшись храбрости, погнался за ним. Ящик лежал на старом месте. Оскар взял его в здоровую руку и благополучно вышел из вокзала. В Ревель он приехал во второй половине мая и деятельно принялся за создание военной и боевой организации, посещал также кружки русских рабочих в качестве пропагандиста.

Среди солдат и матросов, особенно среди матросов, он пользовался громадной популярностью. В матросской куртке его трудно было выделить из кучки матросов, с которыми он проводил массу времени, уезжая с ними на маневры, ночуя с ними, гуляя с ними. Выросший на юге, он был как бы рожден для моря, он был одним из лучших пловцов в Ревеле и проплывал громадные расстояния на море.

Постоянная агитация сильно подняла настроение матросской массы; каждое воскресенье происходили митинги, на которые приходила масса народу. Об этих митингах знали все: они происходили открыто за городом, о них знали администрация и офицеры, но энергично противодействовать этому не решались. Оскар открыто выступал на этих митингах, на которых было особенно много матросов с «Памяти Азова» и «Риги»,—эти суда, самые большие, были и самые революционные по настроению.

Когда Дума была разогнана, настроение сразу повысилось. Матросы настаивали на восстании. Все время Оскар и другие товарищи из военной организации удерживали матросов, считая бесполезным выступление в Ревеле, без общего в России восстания. Более горячие настаивали на выступлении. В это время были получены директивы от [военного] к[омитета]—выступать. Как только директивы были получены, Оскар направился на «Память Азова» (судно стояло в 60 верстах от Ревеля).

На «Память Азова» он явился 19 июля днем, переодетый матросом. Вечером на судне было собрание судового комитета, на котором решили завладеть судном на следующее утро, когда все матросы и офицеры будут в сборе. Офицеры должны были быть сейчас же арестованы; крови решили по возможности не проливать. Случайно в ту же ночь присутствие Оскара на судне было открыто. Дежурный офицер, обходя судно, увидел спящими на одной койке двух матросов. Ему это показалось странным. Он разбудил их; Оскар сказал, что он матрос Петров. Офицер усомнился; Оскара арестовали. И это послужило неожиданным началом восстания. Началось волнение, матросы силой освободили

его. Благодаря этому вмешательству дежурного вместо бескровного захвата судна 7 офицеров были убиты, в том числе командир судна. Несколько офицеров успели сесть в шлюпку. Им в погоню стреляли: шлюпка пошла ко дну. Офицеры бросились вплавь и вброд к берегу... Скоро заметили, что на «Памяти Азова» неладно. Немедленно же отдали приказ команде «Риги» отплыть в Либау. И «Рига» ушла из гавани, ничего не зная о восстании на «Памяти Азова». Немедленно изолировали берег и поставили на всем берегу караульных. «Память Азова» приближалась к городу. Среди самих матросов не было единомышленников; вскоре они вступили в открытый раздор; разделились на 2 стороны: на одной стороне был выкинут красный флаг, на другой национальное знамя. Потом началась настоящая свалка между восставшими революционерами и решившимися на сдачу. Когда один из самых влиятельных матросов, будучи сам ранен, видя бесполезность дальнейших попыток, покончил с собой, когда дело было проиграно, Оскар бросился вплавь в море. За ним спустили лодку с 8 матросами, в которой они вместе с Оскаром подплыли к берегу, где все они были окружены солдатами и арестованы. Их повели через весь Ревель в Вышегородский замок. Оскар шел босиком, без куртки и шапки, весь мокрый. Вид у него был угрюмый, усталый, он шел с опущенной головой. Но Оскар оправился. Принял свой обычный, смелый и спокойный вид и всю дорогу до самого замка шел с гордо поднятой головой.

Его поведение во время следствия и на суде заставило даже врагов его относиться к нему с уважением и оценить в нем нравственную силу; матросы, настроенные против революционеров, давали показания, что никогда его не видели на «Памяти Азова». Желая снять с других ответственность, он брал на себя вину убийства всех офицеров. Он знал, что его ждет казнь, но, несмотря на это, оставался спокоен и зорко следил за всем порядком в замке, видимо, и в этот момент не оставляя мысли о свободе. Но за ними была усиленная охрана: у каждой камеры стояло по 2 солдата. Судили их в том же здании. Когда их вели через двор, ворота запирались, на дворе выстраивали отряд солдат и по пути 3 раза обыскивали. После каждого прихода надзирателя в камеру камера тщательно обыскивалась. Он ухитрился пропагандировать и свою стражу. Он послал товарищам из тюрьмы 3 письма, но дошло только 1. Он писал, чтобы они не беспокоились, что он останется верен до смерти, предупреждал некоторых, чтобы они покинули Ревель и шутливо кончал письмо словами: «Ваш до вешалки Оскар».

В ночь с 4-го на 5-е окончен был суд. В 3 часа ночи всех приговоренных вывели в Бак, называемый «губернаторский сад». Их было 17 матросов и Оскар. Одной общей веревкой перевязали их всех, а концы веревки привязали к двум деревьям. Исполнить казнь должны были солдаты Двинского полка. Но среди них началось волнение, истерики, солдаты роптали, отказывались, и тогда вместо них назначили 80 казаков.

Привели их совершенно пьяными. За 15 минут перед казнью

матросам разрешили написать письма родным. Написал письмо и Оскар. Перед самой казнью Оскар говорил казакам: «я прощаю вас, но придет время, и вам станет стыдно за эту казнь. Я прощаю вас, и у меня только одна просьба к вам: «цельтесь вернее»... После двух залпов казаки убежали. Не был убит один Оскар. К нему подскочил казачий офицер, в упор выстрелил в него 4 раза; тело Оскара безжизненно повисло. Трупы казненных сложены были на телегах. На них была наброшена рогожа. Так их везли к морю. С телег на землю капала кровь. Вероятно, в наидание жителям г. Ревеля кровавые пятна оставались еще долго. Трупы были брошены в море.

Товарищ.

«Казарма—орган петербургской, кронштадтской и финляндской военной организации РСДРП, № 13.

Письмо заключенного матроса с крейсера «Память Азова»

Дорогие товарищи! Хочу описать вам, как у нас произошло восстание на «Памяти Азова» и по какому случаю мы закованы в кандалы. В ночь на 20 июля приехал на «Память Азова» оратор в матросском костюме, чтобы начальство ничего не могло заподозреть. Он сообщил нам, что Свеаборг в руках товарищей, что и Кронштадт восстанет, поэтому мы решили сделать совещание, чтобы решить, начинать или нет восстание за землю и волю.

Наш судовой комитет решил, что восстания не следует начинать, пока не восстанут броненосцы «Слава» и «Цесаревич» и крейсер «Богатырь», потому что нам против них трудно бороться. Раньше мы сходились с ними и говорили, но они отвечали, что смотрят на «Память Азова», потому что у нас был судовой комитет, все шло от нас, и все от нас зависело. Поэтому мы не очень на них надеялись.

Во время совещания вдруг пришел старший офицер, переписал нас всех, а вольного оратора забрали в кают-компанию и посадили в ванную. Мы видели: дело плохо, ну и решили во что бы то ни стало, а выручить.

Офицеры наши, как забрали его, стали потихоньку убирать ружья, а потом с револьверами бегать по палубе—грозить нам.

Тут один матрос подошел к пирамиде посмотреть, сколько ружей осталось, а к нему сзади подскочил офицер с револьвером и схватил его сзади. Тот видит,—вот сейчас погибнуть должен, и сколько было сил стал с ним возиться. Когда он забрал офицера в руки, тот, ничего не говоря, сделал выстрел, но пуля прошла мимо. И тут же его положили. Началась перестрелка, и скоро мы забрали судно в свои руки. Но на беду ненадолго, всего на 18 часов. Нам изменили ученики и в 7 часов вечера 20-го стали убивать дорогих товарищей, истинных борцов за свободу, а остальных арестовали.

Чем кончилось дело, вы знаете. Пошло следствие, потом суд, 17 человек матросов-героев и одного вольного осудили к смертной казни, 12 человек в каторжные работы. Но это нас не должно ис-

пугать, товарищи, и мы верим, что те, которые на воле, доделают дело, добьются земли и воли.

Теперь, товарищи, я сообщу вам имена тех людей, которые достойны только одного презрения за доносы и провокаторство. Вот они: 1) кондуктор Огурцов. По его наговорам двое товарищей расстреляны. Он произведен в офицеры в награду за «доблестную и верную службу»; 2) квартирмейстер Костученко. Показал на суде, что строевой квартирмейстер Шилин убил офицера, а он никого не убивал. Шилина расстреляли; 3) квартирмейстер Ершов. Получил кондуктора. 4) Евстафьев; 5) артиллерийский квартирмейстер Точалович; 6) артиллерийский квартирмейстер Морозов (получил кондуктора); 7) машинный квартирмейстер Ситьнев; 8) минер Жарков; 9) минер Байков; 10) телеграфист Лигунов. Он помешал всему нашему делу. Из-за него расстрелян квартирмейстер Баженов; 11) кондуктор Ракитин; 12) кондуктор Рудаков; 13) квартирмейстер Долгодырин; 14) кондуктор Пленков; 15) артиллерийский квартирмейстер Гагарин; 16) артиллерийский квартирмейстер Носов.

Об остальных я писать не буду, потому что они могли сделать это только по своей темноте. Как нам известно, они уже поняли свою ошибку и раскаялись.

Дорогие товарищи! Мы, каторжники «Памяти Азова», просили все от нашего имени и от имени 18 расстрелянных товарищей оказать указанным провокаторам должное внимание. Пусть эти гнусные предатели не встречаются ни от кого ничего, кроме презрения. Сообщите о них на родину, чтобы и там знали, что они за люди.

Мы, 12 человек каторжников, чувствуем себя бодро, надеемся на будущее, надеемся, что народ победит и освободит нас из рук кровожадных палачей Николая Романова.

Матрос «Памяти Азова».

«Солдатская мысль» издание военно-револ. организ. Петербург. военного округа, № 1, сентября 1906 г.

Из писем заключенных в Ревеле матросов с крейсера «Память Азова»

Здравствуй, рабочая партия! Товарищи! Мы, азовцы, вздумали поддержать Россию, постоять за свободу и начали и сделали; но вышло наоборот: не только кондуктора и сверхсрочные унтер-офицера, а даже все ученики сделались изменниками. Перед государем и правительством они показали себя героями, а перед товарищами—душегубцами.

Я клянусь, что если меня не расстреляют, то посвящу свою жизнь на месть правительству. О, я видел, как на моих глазах убивали моих товарищей. Один сам себя убил. Это артиллерийский квартирмейстер Лобадин. А я, я невредим остался от многих пуль. Еще трижды проклинаю измену. Вот, товарищи, злоба и месть кипит в наших сердцах.

Матрос.

Товарищи! Мы очень желаем что-нибудь узнать о нашей многострадальной и дорогой нашей родине. Мы не боимся того, что нас ожидает. Наше дело—дело святое; дело уничтожения аспидов, кровожадных и безжалостных драконов, которые сосут столетиями кровь нашу и наших отцов и братьев. Они не щадят наших жертв; они привыкли смотреть на нас как на рабов; они бессовестно обирают нас; презирают нас хуже собак. Товарищи! С нами воспоминания о горькой судьбе, о голодных братьях, мечты о будущем и о новых подвигах.

Матросы.

Допросы у нас продолжаются. Надеюсь, что для нас сюрприз—неожиданность. Дух команды веселый, за себя не боимся. Мы не сомневаемся в строгости суда. Да низвергнется лава и пожрет карателей.

Прошу прислать по возможности все сведения о судьбе родины.

Заключенный.

Товарищи! Благодарим вас за сообщения. Нам интересно знать, что пишут про «Азов» и какие заявления делает начальство. Напишите нам про «Ригу», в каком положении команда. Потом сообщите, чем кончится в Петербурге, и т. п. Еще интересно знать, сколько погибло у нас офицеров, которые хотели уехать на баркасе: мы в него стреляли. Товарищи! Мы не падаем духом. Цлем вам привет.

Заключенные с «Азова».

«Казарма—орган военн. организ. при Петербургском комитете РСДРП № 7, от 3 сентября 1906 г.»

Дорогой брат Юзя! Уведомляю тебя, что я, благодаря бога, жив и здоров, чего и тебе от всевышнего творца желаю. Нахожусь я в тюрьме, за что, не знаю, терплю крайнюю нужду. Прошу, если возможно, прислать мне пару рублей денег. Ни суда, ни допроса не было и не знаю, когда будет. В тюрьме почти вся команда крейсера 1-го ранга «Память Азова». Жду от тебя помощи и скорого ответа. Уведоми Дуню. Коле я напишу сам.

Твой брат Павел Пенкевич.

Мой адрес: Г. Ревель, Ревельская губернская тюрьма, получить матросу П. Пенкевичу.

Товарищи! Печальная судьба России. Много жертв, много легло героев. Много томится в заключении, много неудач. Ничто не приводит к сознанию правительство, мы будем считать в их руках много темного народа и много темных солдат, которые слепо верят, что им говорят офицеры. Кто виноват? Я не могу винить неграмотного солдата, который хотя в деревне сознавал что-то для него непонятное, но когда пришел на службу, то его пере-

воспитали, ему внушили, что если допустить беспорядки, то откуда-то явится внешний враг и заберет Россию под иго татар. Вот недавно...* нашей двери стоял солдат...* хороший такой и разговаривает. Мы спросили его, что если здесь будут бастовать рабочие, то будете вы стрелять?—Он говорит, что если начальство прикажет, то, конечно, будем.—«Ну, а если нас осудят на расстрел, то и нас будете тоже?»—Он подумал и нашелся: «Вы,—говорит,—слушаете каких-то студентов. Из-за чего, говорит, все погибают? Из-за студентов. Их нужно всех бить, тогда никаких расстрелов не будет». Мы, конечно, по возможности объяснили ему нелепость [этого вывода] и спросили, читают у вас газеты. Он говорит: «Читают, да мало, но я,—говорит,—неграмотный».

Простите, не успели закончить.

Суд предполагается для нас сегодня или завтра.

Подробно объясним.

(Следует ряд подписей).

Гл. в.-м. суд. упр., д. № 11758, 1906 г.

* Пропуск в подлиннике. Вырвана часть страницы (Прим. ред.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Царским правительством неоднократно применялась высылка в Кронштадт политически неблагонадежных матросов, среди которых были и участники восстания в Либаве.

Восстание матросов в Либаве, вспыхнувшее 15/VI 1905 г., было вызвано отчасти тяжелыми материальными условиями, а также и отменой отпусков матросам, которые отслужили свой срок. Прибывшим Вяземским полком и кавалерией восстание было подавлено.

² В Кронштадт было переведено из крепостей Привислинского края около 2 тыс. нижних чинов артиллерии, преимущественно призванных на службу из запаса. С их прибытием исчез обычный антагонизм, существовавший между матросами и солдатами крепостных частей. Явление это было настолько своеобразно, что оно обратило на себя внимание начальства, которым было установлено, что объединение происходило на почве обсуждения «текущих политических событий и выработки мер к предъявлению требований улучшения быта нижних чинов и выработки условий службы».

³ Командиру батальона фельдфебелем от имени солдат было передано «прошение», в котором солдаты просили, «чтобы господа офицеры обращались с нижними чинами не грубо, что не получены заработанные деньги по постройке финской батареи за 1904—1905 гг., что не получены деньги за празднование 200-летия Кронштадта, чтобы прибавили жалованья, чтобы в среду и пятницу не варили постной пищи, и, наконец, чтобы меньше было работы, больше строевых занятий и уволить в запас 1902 год».

⁴ По данным обвинительного акта, прибывшие для усмирения солдаты отказались исполнить приказ офицера стрелять в толпу и взяли «к ногам».

Тогда некоторые офицеры произвели в толпу несколько выстрелов.

⁵ С 1905 г. военные власти ставят своей задачей борьбу с революционным движением путем контрпропаганды. В специально военных органах за 1905—1906 гг. нередко можно найти указания на необходимость вести борьбу с революционной пропагандой путем печати и «соответствующих разъяснений» текущих событий, «применительно к солдатскому пониманию» (напр. статьи В. Жерве: «Двухмесячный срок обучения молодых солдат в пехоте», «Русский инвалид» № 3, 4/I 1906 г. и др.).

⁶ Несколько позже подобное участие священников в контрреволюционной пропаганде было признано обязательным. Например командир гвардейского корпуса предписал священникам «в это тяжелое время иметь близкое духовное общение с солдатами», ибо «солдат, позабывший бога, нигде не годится» (Приказ по гвардейскому корпусу № 41, от 4/VII 1906 г.).

⁷ Комендант крепости генерал Беляев бомбардировал штаб Петербургского военного округа телеграммами о присылке свежих сил. «Город горит», телеграфировал Беляев 26/X, «во многих местах идет грабеж. Моряки почти все поголовно восстали. Из их казарм идет стрельба по сухопутным казармам; войска отстаиваются; присылка свежих сил войск совершенно необходима».

⁸ Известно о существовании осенью 1902 г. в Кронштадте двух кружков (в артиллерийском и учебно-минном отрядах), в которых занимались чтением нелегальной литературы и обсуждением политических вопросов. В конце 1902 г. оба кружка соединились. К началу 1903 г. кружок охватывал свыше

десяток матросов. Вскоре о существовании кружков стало известно полиции, которая и не замедлила принять меры к их ликвидации. При петербургском губернском жандармском управлении возникло дело «О пропаганде среди нижних чинов минного и артиллерийского учебных отрядов, школы машинных квартирмейстеров, гвардейского, 5-го и 16-го флотских экипажей».

⁹ Речь, повидимому, идет об арестах, произведенных 9—10 января 1906 г., когда было арестовано 7 человек, составлявших так называемый кронштадтский район РСДРП (большевиков) и развернувших большую пропагандистскую работу главным образом среди рабочих. Арестованы были тогда Д. Д. Гуров, Н. П. Остряков, М. П. Лапшин, С. Н. Колынин, Н. С. Колынин, В. В. Стенин и А. Г. Перенсон. Приговором петербургской судебной палаты, состоявшимся 13/X 1907 г., были присуждены к заключению в крепости: Остряков на 4 года, Гуров, Перенсон и С. Н. Колынин на 3 года.

¹⁰ По сообщению «отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице», «среди частей кронштадтского гарнизона функционировали военно-революционные организации, принадлежащие к партии РСДРП и эсеров, которые к весне 1906 г. объединились в одну военно-революционную организацию г. Кронштадта, выделив из себя комитет названной организации... Объединение состоялось в целях широкого ведения пропаганды в среде войск для подготовки вооруженного восстания, как ближайшей цели, преследуемой обеими партиями». Далее в этой же записке отмечается успех революционной пропаганды в Кронштадте, где 50% из числа воинских нижних чинов признаются «сознательными», т. е. революционерами. В экипажах процент сознательных матросов доходит до 80. Дальше автор—полковник Герасимов—особенно подробно останавливается на митингах, «которые устраиваются большей частью в казармах и притом почти ежедневно. На митинги допускаются также ораторы революционеры: вход таких ораторов в экипажи, казармы артиллеристов и сапер беспрепятственен». «Все митинги проводятся в критике действий правительства по отношению к Государственной думе и необходимости поддержать оружием требования последнего оратора,—призвать войска с оружием в руках явиться в Петергоф и требовать от государя императора выполнить все требования, выставленные Государственной думой».

¹¹ Аналогичные мысли встречаем в речи одного из защитников-офицеров: «Организация службы в экипажах очень несовершенна. Люди не знают своих офицеров; система комплектации и первоначальное образование матросов не создают между ними связи. Первоначальное воспитание лежит на офицерах по адмиралтейству, которые не пользуются престижем; иногда само начальство дискредитирует их». В заключение своей речи оратор отмечает, что «нижние чины предоставлены себе и поддались влиянию злонамеренных людей. Агитация сейчас же воспользовалась таким положением и первым делом подорвала доверие между нижними чинами и начальством. И этого нетрудно было достигнуть, потому что доверия к офицерам совершенно не было» («Право», № 13, 1906 г., стр. 1258.)

¹² Восстание в Свеаборге имело место 17 и 18/VII, на крейсере «Память Азова»—19/VII, на минных крейсерах «Эмир Бухарский», «Казанец» и учебных судах «Европа» и «Рига»—между 19 и 21/VII.

¹³ Матросы 2-й дивизии (11-го, 16-го и 20-го флотских экипажей) оделись по условию в темные фланелевые рубашки и носили белые чехлы с фуражек.

¹⁴ В Кронштадте с 16/VII находился 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка, вызванный туда «для предупреждения беспорядков. Остальные же батальоны полка вечером 19/VII несли «охранную службу» Петергофа, где в то время имел свое пребывание Николай II с семьей. Когда же началось восстание в Кронштадте 19/VII, л.-гв. Финляндский полк, поднятый ночью по тревоге, был направлен к Петергофской пристани для посадки на суда для переправы в Кронштадт, куда и отплыли баркасы с финляндцами в 4-м часу утра. 20/VII в 6 ч. 30 м. утра финляндцы выгрузились на Петербургской пристани Кронштадта.

¹⁵ Другие документы несколько иначе освещают этот эпизод, в котором главную роль, судя, например, по обвинительному акту, играли не штатские, а нижние чины, из которых унтер-офицер Никон Герасимов заявил, что они «должны добиться земли и воли». («1905 г. Армия в первой революции». Очерки

и материалы. Составили сотрудники военной-исторического отделения штаба РККА, М.—Л. 1927, стр. 108.)

¹⁶ Часть «нижних чинов» под начальством рядового Сильченкова арестовала полковника Григорьева, штабс-капитана Петрова, поручиков Волинского и Краснописцева и подпоручика Полубинского.

¹⁷ Были арестованы все находившиеся на форту офицеры: капитан Анисимов, штабс-капитан Коренев, подпоручик Заркевич, Савицкий и прапорщик Быстров.

¹⁸ Комендант для подавления восстания минеров выслал отряд, состоявший из 2 рот: учебной команды и охотничьей команды 2-го крепостного пехотного батальона, под начальством подполковника Марухевича, а затем около 2 часов ночи на 20/VII были двинуты против восставших минеров еще 2 роты крепостной артиллерии под командой подполковника Сергеева. Около 3 часов прибыл также отряд из 4 орудий, 1-й л.-гв. артиллерийской бригады с ротой прикрытия.

¹⁹ 20/VII, около 8 часов утра, 3 батальона, л.-гв. Финляндского полка с присоединенными к ним тремя ротами енисейцев, под общим начальством генерал-майора Самгина были направлены к казармам флотских экипажей, находящихся между Павловской и Екатерининской улицами и состоящих из 6 отдельных каменных флигелей, для ареста и обезоружения находившихся там матросов. Матросы почти не оказали никакого сопротивления. Арестованные матросы помещены были в 5-м и 6-м флигелях, под окарауливанием одного из батальонов л.-гв. Финляндского полка. Финляндским полком было арестовано 2232 матроса и отобрано 215 винтовок.

²⁰ Эскадра Рождественского (2-я эскадра Тихоокеанского флота) вышла из Либавы 2/X 1904 г., а в подкрепление к ней в январе 1905 г. была отправлена из Балтийского моря эскадра Н. И. Небогатова (3-я эскадра Тихоокеанского флота). По сообщению «Пролетария» (№ 8 от 17/VII) «состав команды (эскадры Н. И. Небогатова) внушал правительству самые серьезные опасения еще в то время, когда она стояла в казармах в Либаве. Матросы не имели ни малейшего желания выйти в плавание. Набранные из разных частей—и из черноморцев в том числе—они были уже в достаточной мере «заражены» революционной пропагандой. В Либаве среди них постоянно циркулировали прокламации, нелегальные издания, книжки и прочие произведения революционной печати. Во время январских дней матросы небогатовской эскадры почти примкнули к восставшему пролетариату». О некоторых «беспорядках» на эскадре Рождественского свидетельствует в своих письмах флагманский корабельный инженер Е. С. Политовский (см. «От Либавы до Цусимы». Письма к жене флагманского корабельного инженера Е. С. Политовского. Посмертное издание, Спб. 1906, стр. 109, 222, 240 и др.).

²¹ После опубликования манифеста 17 октября 1905 г. ежедневно происходили в Кронштадте многолюдные митинги, на которых главную массу составляли матросы.

23/X в 5 часов вечера, на Соборной площади состоялся большой митинг, на котором присутствовало несколько тысяч матросов, большое количество депутатов от всех частей гарнизона крепости Кронштадта (артиллерии, пехоты и от каждой роты и команды).

На этом митинге были выражены требования экономического (увеличение жалованья, уменьшение срока службы, улучшение обмундирования и пищи) и политического характера (всеобщее избирательное право, уничтожение сословий, свобода вероисповедания, неприкосновенность личности, свобода слова). На этом митинге выступал командированный ЦК партии т. «Иннокентий» (И. Дубровинский), один из видных большевиков, лично известных Ленину. Павел Токмачев здесь же произнес речь, которая, по признанию начальника жандармского управления, произвела большое впечатление на собравшихся («Новая жизнь», № 5 от 1/XI 1905 г.).

²² В конце мая и в начале июня брожение среди частей кронштадтского гарнизона приняло значительные размеры. На многочисленных митингах, в которых принимали участие солдаты и матросы, говорилось о готовящемся восстании.

2/VI 1906 г. полковник Герасимов доносил министру внутренних дел: «По полученным сегодня ночью сведениям, в сухопутных и морских частях возникла мысль о забастовке, которую предполагается начать в ближайшее

их в виде пехоты». В сентябре дополнительно было отправлено 200 матросов на Дальний Восток.

Случаи распространения прокламаций и нарушения дисциплины в Кронштадте были не единичны.

²⁷ 24/X главный командир объехал экипажи и отряды, «убеждая нижних чинов не принимать участие в волнениях, напоминая им о долге службы и разъясняя им их положение как военнослужащих, по закону, при этом он давал людям возможность свободно высказаться в их нуждах и высказывал совершенно вздорные и недопустимые. Все заявления претензий и формы объяснений нижних чинов с главным командиром в общем были вполне дисциплинарны, исключая матроса учебного минного отряда Фролова, который позволял себе говорить с адмиралом в непочтительном тоне».

(Из речи помощника прокурора, см. «Право» № 13 1906 г.)

²⁸ Стремление начальства и суда не придавать делу политического характера в целях затушевывания истинного политического значения событий сказалось также в речах представителей прокуратуры: «Что касается до характера, какой имело это движение,—говорит помощник прокурора капитан Пик,—то свидетели называли его каждый по своему личному впечатлению различно: просто беспорядок, бунт, забастовка, мятеж и, наконец, революционный акт. Но названия эти сущность происходившего не разъясняют. Можно лишь с уверенностью сказать, что это не было политическое и революционное движение... наблюдалась дикая недисциплинированная толпа, вырвавшаяся на свободу; удовлетворялись зверские инстинкты. События показывают, что у нижних чинов не было цели убийства офицеров. Насильственные действия заключались только в бросании камней, происходили только покушения на личности начальствующих лиц. Характерно, что рабочие никакого участия в движении не принимали. Это тоже указывает на отсутствие революционной цели; происходил только военный бунт». Заключительная часть речи помощника прокурора находится в противоречии с его вступительной частью; в этой части он вынужден был признать «влияние общей политической пропаганды», «распространение в Кронштадте прокламаций, призывавших к неповиновению и общему участию в испровержении существующего государственного порядка».

(«Право» № 13, 1906 г., стр. 1230 и сл.)

²⁹ Аресты были произведены в ночь на 21/VII 1906 г. в Петербурге, где была разгромлена военная организация при Петербургском комитете большевиков. Арестовано было 26 человек, в том числе Ф. В. Гусаров и А. П. Малоземов, которые были задержаны в Кронштадте, куда они были командированы из Петербурга. Все арестованные были преданы петербургскому военно-окружному суду, который приговорил их к ссылке на каторгу от 4 до 8 лет и к ссылке на поселение. Приговор был объявлен 21/XI 1907 г.

³⁰ Точка зрения доклада совпадает с заключением военно-морского суда, считавшим, что успеху революционной пропаганды способствовали: «Полный недостаток офицеров, незнание большинства их вследствие частых перемещений со своими командами, почти совершенное отсутствие хороших кондукторов, фельдфебелей и унтер-офицеров» и, наконец, отсутствие «нравственного руководства»—все это создало «почву, благоприятную для приготовления восстания против существующего порядка».

(«Право», № 13, 1906 г., стр. 1244—1245).

³¹ С 1907/08 учебного года к курсу заповедования военных и юнкерских училищ был отнесен дополнительный отдел по ознакомлению учащихся с «крайними учениями» в целях подготовки юнкеров, как будущих офицеров, к борьбе с проникавшей в войска революционной пропагандой. «Нельзя, однако, не обратить внимания на то,—читаем в объяснительной записке к программе заповедования,—что современные условия жизни предъявляют к офицерам совершенно новые требования. Усиленная пропаганда крайних учений вызывает необходимость борьбы с нею, и эта борьба ложится целиком на офицеров». Разбирая записку, один из военных педагогов писал: «В борьбе с пропагандой нужно действовать ее же оружием—логикой и убеждениями, построенными на истинных данных и здравых основаниях».

В предлагаемом конспекте лекций преподавателям вменялось в обязанность знакомить слушателей с «1) усиленной пропагандой крайних учений вообще

... армии в частности (события в Кронштадте, Севастополе, Либаве, Владивостоке и Свеаборге); 2) необходимость борьбы с этой пропагандой и 3) значение офицерского состава в этой борьбе». В заключение военный педагог сообщает результат проделанной им работы, нашедшей отражение «в репетиции», которая показала, что «большинство юнкеров достаточно разобрались в намеченных вопросах; самым слабым местом оказалось в ответах изложение учения Карла Маркса, положенного в основу научного социализма».

(См. «Педагогический сборник», издаваемый при главном управлении военно-учебных заведений, октябрь 1909 г., стр. 315 и сл.)

³² Эта точка зрения разделялась многими командирами частей. Так, например, командир Гвардейского корпуса, призывая своих подчиненных к борьбе с «явной и подпольной противоправительственной пропагандой», обращал особое внимание на «нижних чинов», находящихся в командировках, которые «невольно ускользают от надзора, искушаются в городе всякими лжеучениями о свободе, разучиваются в смысле строевом, утрачивают и свое хорошее поведение».

(Приказ по Гвардейскому корпусу № 37 от 27/VI 1906 г.).

³³ Намек на трусость, проявленную комендантом во время кронштадтских событий, когда высшее начальство города, спрятавшись под охрану оставшейся на стороне правительства части гарнизона, ждало вызванных из Петербурга войск.

Перехваченная охранкой телеграмма частного лица рисовала положение следующим образом: «Войска в Кронштадте взбунтовались, город горит... главный командир и комендант попрятались. Город предоставлен на произвол судьбы».

³⁴ Многие офицеры, наблюдавшие события 1905—1906 гг. в армии, объясняли успех революционной пропаганды среди солдат специальных родов оружия условиями службы. Так, напр., причину успеха пропаганды среди артиллеристов в Выборге, по мнению офицеров, следует искать в роде службы в крепостной артиллерии, которая благоприятствует сбору кружков, так как «работа на батареях небольшими командами и в центральных складах дает возможность сговориться когда угодно и как угодно».

Некоторые офицеры отмечали в своих показаниях суду внешнее «вредное влияние», как один из факторов, революционизирующих солдатскую массу (напр. работа на электрических, телефонных станциях и т. п.). (См. «Право» № 4, 1906 г., стр. 351.)

³⁵ По официальным данным главного морского штаба, относящимся к концу 1906 г., «неблагонадежных» матросов во флоте было свыше 2½ тыс., а вообще «подлежащих удалению» — 3 тыс. Цифра количества «неблагонадежных» в Кронштадте достигала: для судовых команд — 400 чел. и для береговых команд — 450 чел.

Присоединив к этим цифрам число находившихся к концу 1906 г. под судом за предыдущие восстания, число «неблагонадежных» в Кронштадте может выразиться цифрой в 1600 чел.

³⁶ Большое внимание вопросу о некомплекте офицеров было уделено в особом совещании, образованном под председательством исполняющего должность начальника главного морского штаба контр-адмирала А. А. Виреннуса летом 1906 г. Первое заседание состоялось 26/VII (т. е. через неделю после восстания в Кронштадте, Свеаборге и Либаве), на котором председателем был поставлен вопрос относительно мероприятий, обеспечивающих порядок и дисциплину во флоте.

Это совещание как одно из мероприятий предложило довести число офицеров на плавающих судах до полного комплекта. Предлагалось даже уменьшить число плавающих судов и освободившимся офицерством пополнить некомплект на судах действующего флота.

³⁷ Вопрос об оружии занимал также комиссию контр-адмирала А. А. Виреннуса. Разоружение кораблей стало системой. Комиссией было предложено формировать специальные учебные суда из «неблагонадежных» матросов, охраняемых караулом, который должен был состоять из особых людей, взяв для начала из гвардейского экипажа и сверхсрочно служащих, оружие иметь только для этих людей.

³⁸ Во всех воинских частях вследствие особых распоряжений по военному

и морскому ведомствам особенно строго следили за всеми посетителями казарм. Записывали их и наблюдали, чтобы они не приносили «запрещенных книг и газет».

³⁹ Николай II «по прочтении всеподданнейшего рапорта командующего войсками Киевского военного округа от 10 декабря 1905 г. о вооруженном мятеже нижних чинов 5-й саперной бригады, среди коих находились посторонние агитаторы, переодетые в военную форму», сделал надпись: «Есть ли наказания для людей, переодевающихся в военную форму?» Еще раньше «агитаторы, переодетые в военную форму», обратили на себя внимание главного штаба. Начальник главного штаба А. А. Поливанов в секретном письме от 30/XI 1905 г. за № 1682 писал главному военному прокурору В. П. Павлову: «В последнее время революционные агитаторы избрали новый способ распространения среди войск преступной пропаганды. С целью наиболее успешного воздействия на нижних чинов агитаторы стали переодеваться в военную форму, проникали под видом воинских чинов в казармы и проявляли свою преступную деятельность иногда в течение нескольких дней, оставаясь незамеченными начальниками из офицеров».

Такой способ действия революционеров должен быть признан особенно преступным, так как он в значительной степени затрудняет начальствующих лиц в бдительном надзоре за подчиненными нижними чинами и препятствует принятию своевременных мер против возникновения беспорядков».

В заключение автор письма указывал «на необходимость в дополнении соответственных статей уголовного уложения постановлениями об усиленной ответственности революционных агитаторов за пошение ими с преступною целью военной формы».

Эти соображения были приняты во внимание при выработке закона, опубликованного в августе 1906 г. «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных суждений и учений».

(Главное военно-судное управление, 5 отд., д. № 167 за 1905 г.)

⁴⁰ Во всех воинских частях начальство особенно боролось с «отлучками» солдат из казармы, с каковою целью было предписано «увольнять в отпуск нижних чинов только вполне надежных», в свободное же от занятий время «устраивать игры, пение и музыку, с целью всячески отвлечь нижних чинов от самовольных отлучек», а в некоторых частях, как например в Преображенском полку, совершали даже экскурсии для осмотра музеев и церквей.

⁴¹ Л.-гв. Финляндский полк расположился после июльского восстания в казармах 10-го и 5-го экипажей, где ему пришлось простоять более 2½ месяцев до 11/X, когда полк был сменен лейб-гренадерами. Финляндцам было поручено «наблюдение за арестованными матросами флотских экипажей, сданными на попечение полка». Первое время матросы никуда не выпускались и лишь спустя несколько дней разрешено было увольнять из них только «заведомо отличных по поведению», не иначе как по запискам на каждого матроса, с точным обозначением часов и причины увольнения. Официальный полковой «историограф» пишет: «Возня с увольняемыми была очень большая и осложнялась недисциплинированностью морских офицеров, выдававших билеты не надлежащим людям и без соблюдения установленных на то правил; офицеры л.-гв. Финляндского полка должны были проверять всех отпускаемых». (С. Пулевич. История Л.-гв. Финляндского полка 1806—1906 гг., часть IV, СПб. 1907, стр. 125.)

⁴² Речь идет об обращении Николая II 25/VI 1906 г. в Петергофе во время «высочайшего смотра» ко 2-му кронштадтскому крепостному пехотному батальону, 3-му, 4-му и 5-му батальонам крепостной артиллерии. Войска были выстроены под общию командой вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости генерал-майора Адлерберга.

Николай II между прочим сказал, что, «служя в Кронштадтской крепости, они (войска) стоят на страже столицы империи и потому должны служить примером остальным войскам».

(«Русский инвалид» № 139, 1906 г., стр. 4).

⁴³ В целях борьбы с революционной агитацией в армии и во флоте были созданы военным начальством специальные «комитеты» и «советы», ведавшие контрпропагандой.

В 1905 г. учрежден «лекционный комитет» в Черноморском флоте, ко-

успехи, просвещения вернуть к себе заблудившегося в потемках революционной смуты нашего меньшего брата—матроса».

В начале 1906 г. по инициативе старших начальников и совета флагманов и капитанов было постановлено учредить «лекционный комитет» при кронштадтском порте по примеру черноморского, и был определен его состав. С октября 1906 г. начал свою деятельность лекционный комитет при порте императора Александра III (Отчет «комитета» напечатан в «Морском сборнике» № 10 за 1907 г., стр. 70 и сл.).

В смету 1908 г. на чтение лекций в портах было внесено морским министерством ассигнование, которое было утверждено бюджетной комиссией Государственной думы. Вялая деятельность комитетов вызвала отповедь на страницах «Морского сборника». «В то время как где-то в подпольи натаскивают агитаторов...,—возмущается один из сотрудников «Морского сборника»,—мы, имея разрешенную и всячески поощряемую начальством организацию, в виде лекционных комитетов, не умеем взяться за дело, не собираемся для совместного обсуждения вопросов, не вырабатываем способов борьбы и противодействия..., которые без промаха могли бы рассеять этот революционный туман, в котором все еще бродят порученные нам «шпизские чины». (См. «Морской сборник» № 10, 1908 г., стр. 66.)

С такой же целью в 1906 г. при штабах некоторых дивизий (1-й и 2-й гв. пехоты) были созданы «советы по вопросам нравственного и умственного развития нижних чинов». На страницах «Военного сборника», «Русского инвалида», «Морского сборника» появляется ряд статей, посвященных вопросам «воспитания» солдат и матросов в духе преданности самодержавному режиму. Из статей отметим ст. Д. Н. Вердеревского, «О воинском воспитании» («Морской сборник» № 1, 1909 г.); «Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению» («Морской сборник» № 1—7, 12, 1906 г.), И. Энгельмана, «Офицер-воспитатель и его деятельность» («Морской сборник», № 3, 1907 г.); Капниста, «О личном составе флота» («Морской сборник», № 3—6, 1907 г.); 3. Шипулинского, «Об упадке дисциплины во флоте и о мерах к ее поднятию» («Морской сборник» № 6, 1907 г.); Ф. Гершельмана, «Распущенность в войсках» («Военный сборник» № 3, 1908 г.); Дрозд-Бенячевского, «Нравственный элемент как основа управления, воспитания и обучения» («Военный сборник» № 12, 1900 г., и др.)

Речь повидимому, идет об эсеровской брошюре «Издание Константина Союзова»: «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум» (солдатское чтение), Спб., 1906 г., 16 стр.

23/X, в 5 часов вечера, на Соборной площади, возле манежа был организован большой митинг, на котором присутствовало несколько тысяч матросов, большое количество депутатов от всех частей гарнизона крепости Кронштадта. На митинге была составлена петиция. Текст петиции опубликован в сб. «1905 г. Армия в первой революции».

Имеются в виду «Правила для взаимных отношений гражданских и военных властей». Приложение 1-е к «Уставу гарнизонной службы»:

п. 1. «Генерал-губернатор как главный начальник гражданской части во вверенном ему крае и командующий войсками как главный начальник войск в округе пользуются равными правами, каждый по своей части».

А также «Правила о порядке призыва войск для содействия гражданским властям».

(Устав гарнизонной службы, высочайше утвержденный 16/V 1900 г. С изменениями, объявленными в приказе по военному ведомству по 1/VII 1904 г., Спб., 1904 г., стр. 117, 127 и 129.)

Здесь имеется в виду муниципальная стража, организованная конституционалистами.

До 1901 г. в Финляндии существовали национальные финские части, состоявшие из 9 стрелковых батальонов и одного драгунского полка. Существование такого войска внушало постоянное опасение царскому правительству, усматривавшему в нем ту реальную силу, которая могла послужить опорой в борьбе за автономию. 11/VII 1901 г. был издан новый военный закон, уничтожавший финские части.

Здесь сообщаются не вполне точные данные об образовании рабочей Красной гвардии. Красная гвардия, одним из организаторов которой был

член финляндской социал-демократической партии Карл Луото, возникла в первый день забастовки одновременно с муниципальной стражей, организованной конституционалистами, и во главе которой стоял полковник Гордия. Первоначально предполагалось объединить эти обе организации, однако сразу же представители Красной гвардии почувствовали в другой организации предвзятое враждебное им отношение. Основным разногласием был вопрос о привлечении офицеров к руководству Красной гвардией.

За время забастовок начальник Красной гвардии И. Кок являлся фактическим диктатором в Гельсингфорсе. Выступая в качестве социал-демократа, И. Кок однако был весьма близок к буржуазным организациям «активистов» (в данное время составляет ядро фашистской организации), признававшей возможность в борьбе за конституцию пользоваться всеми средствами вплоть до террора. Впоследствии Кок стремился даже к слиянию Красной гвардии с организацией активистов «Войма». Эта близость Кока к буржуазным партиям, желание обратить Красную гвардию на служение чуждым ей интересам послужили главным основанием его разрыва с организатором Красной гвардии К. Луото.

В эти часы на площади происходили занятия Красной гвардии.

Часть шведоманской партии к моменту описываемых событий образовала вместе с младофиннами одну партию конституционалистов, являвшейся со времени последнего перед революцией 1905 г. сейма Финляндии руководящей буржуазной партией, стремившейся отстоять ненарушимость основ финской конституции. Из этой партии к моменту начала революционного движения в Финляндии выделилось ядро «активистов»,—партия активного сопротивления,—считавших возможным пользоваться в борьбе за конституцию всеми средствами вплоть до террора.

Имеется в виду § 18 правил о порядке призыва войск для содействия гражданским властям.

22/X был подписан манифест по поводу «всеподданнейшей петиции» земских чинов Финляндии «о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае» (Полное собрание законов, собрание 3-е, № 26846.)

Этим манифестом отменялось постановление 2/IV 1903 г. (П. с. з., № 22688) о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия, а также целый ряд других узаконений, ограничивающих конституцию Финляндии; обещался пересмотр других постановлений, требующих изменения и перечисленных в петиции. Наконец манифестом поручалось Государственному совету: 1) составить проект нового сеймового устава «в смысле современного преобразования организации финского народного представительного права с применением начал всеобщей и равной подачи голосов»; 2) выработать проекты основных законоположений, предоставляющих народному представительству право поверять закономерность служебных распоряжений членов правительства и обеспечивающих гражданам края свободу слова, собраний и союзов; 3) составить проект закона о печати.

Главным поводом выступления солдат была задержка на действительной военной службе солдат призыва 1901 и 1902 гг.

Ст. 145 и 147 книги XXII Свода военных постановлений относятся к главе «О превышении власти и противозаконном оной бездействии (глава V).

Ст. 9, кн. XXIII—говорит о дисциплинарном взыскании.

Ст. 111 кн. XXII Свода военных постановлений карает за всякого рода соглашение в числе 2 или более человек с намерением воспротивиться начальству или нарушить долг службы.

Ст. 192 карает «за нарушение правил благочиния, буйство и бесчиние».

Эскадра, состоявшая из броненосцев «Цесаревич» и «Слава» и крейсера «Богатырь», подойдя к маяку Грохара, стала и сделала 4 холостых выстрела. Восставшие приняли это за сигнал революционной эскадры. Но прибывшие суда, став на расстоянии, приблизительно, 11 верст, т. е. вне досягаемости крепостной артиллерии, открыли огонь из 13—14-дюймовых орудий. Подпоручик Е. Л. Коханский, предполагая, что это недоразумение, отправился с несколькими артиллеристами на судне «Выстрел» к эскадре, где они и были арестованы.

Из революционных организаций, действовавших в Финляндии, крупнейшее значение имела финляндская большевистская военная организация, возникшая в конце 1905 г. и особенно широко развернувшая свою работу в 1906 г.

Во главе ее стояла Центральная группа, выбиравшаяся на конференции местных групп. Существовали группы: гельсингфорсская, Выборгская, вильмадстрадская, абосская, тьюсбинская и некоторые другие. С мая 1906 г. начал выходить печатный орган ВО—«Вестник казармы». Военная организация устраивала явки, массовки, образовывала ячейки и кружки в отдельных частях. В свеаборгском гарнизоне связь с ВО поддерживалась через подпоручиков Емельянова и Коханского и штабс-капитана Циона, которым удалось организовать среди солдат гарнизона кружки. Из этих лиц Цион разошелся с с.-д. организацией и примкнул к эсерам. Финляндская военная организация поддерживала близкую связь и с финской с.-д. партией и Красной гвардией. ФВО всю свою работу направляла к подготовке вооруженного восстания. С этой целью в конце июня 1906 г. был образован военно-боевой центр, в который вошли представители центральной группы финской Красной гвардии и некоторые из членов ФВО. Особенно усиленная подготовка к восстанию после разгона Государственной думы, когда с.-д. фракцией и трудовиками был выпущен «Манифест к армии и флоту». Работавшая в Гельсингфорсе организация эсеров обратилась к представителям с.-д. партии с предложением вступить в соглашение для совместных действий, а незадолго до начала восстания приехавший член кронштадтской с.-р. военной организации предложил поддержать кронштадтцев, которые должны «подняться на-днях». Представители ФВО считали, что такое выступление возможно лишь после санкции центральных организаций партий и после выработки окончательного совместного плана действия. В момент переговоров вспыхнуло стихийное восстание в Свеаборге.

⁶¹ По сведениям местных газет, поводом к началу забастовки полиции послужило выступление 11/VII сверхштатных констеблей, подготовлявшихся к зачислению на штатные должности на курсах при городской полиции. В этот день они выступили с протестом против одного из руководителей этих курсов отставного полковника Шаумана, выражая недовольство его преподаванием, а в особенности употребляемыми им выражениями, оскорбительными для финского народа, и требовали его устранения. 13/VII происходил на дворе полицейского управления митинг, к которому присоединились и некоторые из штатных констеблей. К жалобам обучавшихся на курсах констеблей присоединился ряд экономических требований: о выдаче пособия на обмундирование, о сохранении прежней системы оплаты и отпусков и т. д. С этими требованиями депутация «полицейского союза» отправилась к полицеймейстеру. На следующий день опять происходил митинг, после которого была отправлена вторичная депутация к полицеймейстеру и генерал-губернатору. В то же время констебли до выполнения требований отказались от несения службы. Полицеймейстер решил уволить всех бастовавших полицейских, заменив их добровольной городской охранной стражей. После обещания губернатора расследовать жалобы, предъявленные констеблями, последними решено было прекратить забастовку.

⁶² Рабочее движение в Финляндии особенно усилилось к началу июля 1906 г. В статье «Рабочий вопрос», помещенной в № 98 «Финляндской газеты» от 1(14)/VII, отмечаются яркие и резкие проявления этого движения—прекращающиеся стачки и забастовки. Газета подчеркивает важность реформ в рабочем вопросе, выдвигаемых в программе старофинской партии. С ростом рабочего движения оживилась и деятельность Красной гвардии, возникшей в октябре 1905 г. 8 и 9/VII состоялся съезд представителей Красной гвардии. На происходившем в эти дни грандиозном митинге участвовали некоторые члены Государственной думы. Во время восстания в Свеаборге была сделана попытка объявить всеобщую забастовку для поддержки восставших. Забастовка не удалась, однако отдельными отрядами Красной гвардии была произведена в нескольких местах порча ж.-д. путей с целью воспрепятствовать посылке войск. В самом Гельсингфорсе были сделаны попытки остановить трамвайное движение и т. д. В городе несколько раз происходило столкновение Красной гвардии с добровольной стражей (Белая гвардия). Особенно сильное столкновение произошло на Хагнесской площади. Отряд Красной гвардии был отправлен на помощь восставшим на остров Скатуден. («Финляндская газета» от 22 и 25/VII 1906 г., 4 и 7/VIII (№ 110 и 111).

⁶³ Восстание артиллеристов произошло стихийно, по инициативе самих солдат, выступивших на освобождение арестованных минеров. Попытка, сде-

ланная со стороны членов военно-боевого центра, удержать от выступления не увенчалась успехом. Тогда военная организация решила стать во главе движения и руководить действием восставших.

⁶⁴ Восстание моряков во флотских казармах на Скатудене вспыхнуло по инициативе военной организации, решившей поддержать восставших артиллеристов. Выступление матросов в казармах не получило поддержки со стороны стоявших в порту судов «Финн» и «Эмир Бухарский», где офицерам удалось арестовать «зачинщиков». Суда начали обстрел восставших. (Н. М. Федоровский (Степан) «Борьба за Свеаборг в 1906 г.», М.—Л., Гос. изд., 1928 г., стр. 44.)

⁶⁵ Ст. 141, 144 и 145 относятся к гл. V «О превышении власти». Ст. 104 карает за неисполнение приказа начальника.

Ст. 110—за явное восстание.

Ст. 112—за подстрекательство к неисполнению приказа начальника.

Ст. 129—за самовольное отсутствие из команды.

⁶⁶ Учебно-артиллерийский отряд начал кампанию 23 мая 1906 г. в составе: крейсера 1-го ранга «Память Азова», учебного судна «Рига», минного крейсера «Воевода» и причисленных к отряду на летнее время миноносцев «Ретивый», «Послушный», №№ 102, 106, 107, 113. Позже к отряду был присоединен минный крейсер «Абрек». Прибыв в Ревель, отряд приступил к практическим занятиям со слушателями офицерского артиллерийского класса и учениками класса артиллерийских квартирмейстеров и комендоров. «Переменный состав» (ученики класса артиллерийских квартирмейстеров и комендоров) представлял собой «благонадежную» массу, при посредстве которой начальство могло рассчитывать подавить революцию.

⁶⁷ Дела «по совершенным на корабле, находящемся в составе отряда или эскадры, преступлениям, относящимся до нарушения законов дисциплины и военно-морской службы» и «когда для поддержания порядка и дисциплины невозможно отлагать взыскание» до прибытия корабля в порт, разбирались «особой комиссией». Комиссия назначалась приказом командующего отдельным отрядом судов в составе 7 офицеров (1 председатель и 6 членов).

«Комиссия» должна была производить «разбор дела безусловно» и в течение 2 суток представить свое заключение. Постановленный комиссией приговор представлялся начальнику отряда или эскадры, который мог либо утвердить заключение комиссии, либо «положить свою конфирмацию, не стесняясь мнением комиссии». «Разбирательство» дел «через особую комиссию» определялось ст. 1086—1094 и 1104—1107 Военно-морского судебного устава, изд. 1886 г. («Свод морских постановлений», кн. XVIII, СПб., 1887). По своему характеру «особая комиссия» соответствовала военно-полевым судам армии.

⁶⁸ По общему правилу, согласно ст. 711 Военно-морского судебного устава, «заседания по делам о преступлениях и проступках происходят публично». Но согласно ст. 12 «при закрытых дверях могут быть рассматриваемы, по усмотрению суда, и дела, касающиеся нарушения дисциплины» («Свод морских постановлений». Военно-морской судебный устав, изд. 1886 г., СПб. 1887).

⁶⁹ Открытая матросами по кают-компаниям крейсера стрельба (были убиты старший судовой врач Соколовский и ученик Тильман, стоявший часовым у арестованного) заставила офицеров спасаться бегством. Большинство из них, в числе 11 человек, вылезли в окно адмиральской каюты и спустились на таранный баркас, стоявший на бакштове под кормой, и поплыли к берегу. В погону за бежавшими был послан паровой катер, куда погрузили 37-мм пушку. Выстрелами из нее были убиты офицеры Лозинский и Погожев и тяжело ранен лейтенант Унковский. Но паровой катер сел на мель и нужен был вернуться на крейсер.

⁷⁰ Институт старших боцманов и кондукторов был учрежден в 1894 г. и «оправдал свое назначение». Кондукторы были, по словам отчета морского министерства, «действительными помощниками офицерскому составу». «Сверхсрочнослужащие» или, как их называли матросы, «шкурты» зарекомендовали себя в течение 1905—1907 гг. как «благонадежный» элемент, на который может опираться командование в борьбе с революционным движением (среди кондукторов политически «неблагонадежных» за 1905—1907 гг. было 2—3 человека).

⁷¹ На суда артиллерийского отряда революционная пропаганда проникла задолго до июльских событий. В связи с общей политической обстановкой

июля 1906 г.—ропуск Государственной думы—брожение усилилось. В начале июля начальство получило сведения о «противоправительственной деятельности» минера Исадского, которого командир крейсера приказал арестовать и «передать его на берег» судебным властям. Это распоряжение сильно взволновало команду. Матросы говорили, что надо освободить арестованного, а главное не допускать «передачи его» на берег. Для прекращения сношения команд с берегом, где они постоянно встречались с революционерами, отряд был отправлен в бухту Папенвик. Но это мероприятие ничего не изменило, так как отдельные революционеры-пропагандисты продолжали поддерживать связь с крейсером и в бухте Папенвик.

⁷² Немедленно после восстания на крейсере «Память Азова» было дано лично морским министром А. А. Бирелевым приказание отдельно плавающему гардемаринскому отряду (броненосцы «Цесаревич», «Слава» и крейсер «Богатырь»), стоящему в Биорке, идти в погоню за «Азовым». Отряд, за исключением броненосца «Слава», немедленно снялся с якоря и отправился на поиски. «Слава» осталась якобы догружаться углем, но на самом деле ей не доверяли и опасались, что она примкнет к восставшему крейсеру. Не найдя «Азова», отряд перешел на свеаборгский рейд, где к нему 20/VII присоединилась «Слава».

⁷³ Арестованы были И. И. Фундаминский (Бунаков) и В. И. Иванов.

⁷⁴ После ареста офицеров, произведенного в 4 ч. 30 м. утра 20/VII команда собралась на баке.

Коптюх предложил выбрать комитет для управления кораблем. Некоторые свидетели показывали, что он предложил выбрать совет. В члены этого комитета (или совета) были предложены: Коптюх, Лобадин, Колодин, Гаврилов, Кузькин, Котихин, Аникеев и др. Число членов комитета не выяснено, одни свидетели утверждали, что было 12 выборных, другие показывали, что членов комитета было 18—20.

⁷⁵ И. А. Щаблин приводит в брошюре «Восстание и казнь моряков с «Памяти Азова» (Ревель 1917, стр. 11) речь Коптюха в следующих выражениях: «Многие из вас, товарищи, и даже очень многие и сейчас не знают, отчего произошло настоящее восстание. Я постараюсь объяснить это. Мы восстали потому, что распустили Государственную думу и самые лучшие люди из состава ее арестованы. Но оставшиеся члены Государственной думы, обравшись в Выборге, решили начать это великое дело освобождения. Правительство говорит, что земли нет, между тем как у государя, церквей и помещиков земли много, и вот трудовая группа с.-р. и с.-д. постановила эту землю отобрать».

⁷⁶ Руководящую роль в подавлении восстания играли кондуктора, в частности Лавриненко и Огурцов, произведенные «за отличие по службе при усмирении мятежа на крейсере 1-го ранга «Память Азова» в подпоручики по адмиралтейству.

⁷⁷ Дело это было 7/X 1906 г. затребовано от прокурора ревельского окружного суда эстляндским генерал-губернатором и передано военному прокурору петербургского военно-окружного суда.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов, Александр Георгиевич, капитан 2-го ранга, 31, 34, 35
Абрамов, артиллер. квартирмейстер — 272, 281
Ав-энегельм, полковник — 153, 157
Агапитов, комендор — 292
Агеев, Алексей Петрович, генерал-майор — 178, 179, 182, 185, 187, 188, 189, 190, 193, 195, 196, 206, 211, 215, 219, 229, 230, 235
Адлерберг, Александр Александрович, генерал-майор — 78, 119, 120, 121, 127
Аксенов, Максимилиан Львович, подполковник — 209
Акульшин, Афанасий, матрос — 270, 271, 290, 299, 303, 306
Аладьин, Алексей Федорович, член Гос. думы первого созыва, трудовая — 199
Александров, Иван, матрос — 148 — 300, 306
Александров, Николай Васильевич, подпоручик — 188, 219, 235
Александров, полковник — 63
Александрович, подпоручик — 195
Алексеев, Степан, фельдфебель — 233
Альвер, фельдшер — 292
Анатолий — см. Трилиссер
Андреев, Андрей Порфирьевич, капитан 1-го ранга — 36
Андреев, Кирилл, — канонир — 267
Аникеев, Иван Иванович, машинный содержатель 3 ст. — 270, 277, 280, 282, 283, 284, 285, 288, 290, 291, 292, 296, 300, 310
Аникин, Степан Васильевич, член Государственной думы первого созыва, трудовик — 199
Анисимов, матрос — 272, 274, 277, 281, 289, 290
Аношков, Гавриил, матрос — 270, 303, 306
Антонов, матрос — 272, 294
Антулас, штабс-капитан — 148

Б

Апостоли, Николай Николаевич, капитан 2-го ранга — 48, 49
Армфельд, — штабс-капитан — 72
Арнольд, матрос — 147
Артюшкин, артиллер. квартирмейстер — 292
Архангельский, фельдшер 2 ст. — 270, 290, 297, 300, 304, 305
Архипов, Иван, канонир — 54, 55
Ашеберг, барон, Николай Павлович, генерал-лейтенант — 181, 186, 196, 210
Бабичев, Александр, комендор — 296
Баженов, Николай, телегр. квартирмейстер 2 ст. — 270, 271, 278, 286, 287, 288, 290, 292, 297, 299, 301, 305, 311, 315
Байбаков, Степан, матрос 2 ст. 270, 271, 304, 306
Балинов 2-й, штабс-капитан — 19
Баранов, писарь — 272, 289, 291
Барков, Борис, матрос 1 ст. — 270, 306
Барков, Михаил Григорьевич, лейтенант — 270, 299
Барлачук, Семен, бомбардир — 53, 55
Барсов, Анатолий Федорович, подполковник — 57, 133
Басов, Александр Матвеевич, лейтенант — 200, 203, 236, 237
Бастамов, Владимир Николаевич, поручик — 182, 195, 218, 219
Бастраков, Михаил Васильевич, штабс-капитан — 188, 195
Башаринов, Михаил, комендор — 270, 299, 304
Бедов, ученик комендор — 292
Бейлин, канонир — 195, 196
Бек, Евгений Васильевич, подполковник — 20, 55
Беклемишев, Николай Александрович, контр-адмирал — 61, 62, 65, 78
Бельский, Арсений, см. Фундаминский
Беляев, Тимофей Михайлович, генерал-лейтенант — 13, 25, 48, 58, 78, 115, 122, 123

Берг, Федор Густавович, граф, чиновник особых поручений — 154
 Березовский, Петр, канонир — 238
 Беренс, Евгений Андреевич, лейтенант 270, 299, 307
 Берзин, студент, член революционного комитета — 199
 Берлин, член русского революционного комитета — 199
 Берг, граф, чиновник — 155.
 Берт, подпоручик — 195
 Билибин, Иван Николаевич, мичман 236, 237, 239
 Бирилев, Алексей Алексеевич, вице-адмирал, морской министр — 204
 Благовещенский, ст. инженер-механик — 259
 Бобриков, Николай Иванович, генерал-адъютант. Финляндский ген.-губернатор. Убит 16 (29) июня Евг. Шау-маном — 150, 157, 158
 Богаевский, Африкан Петрович, подполковник генерального штаба — 52
 Богданов, Андрей, матрос — 270, 299, 305, 311
 Богданов, Артамон, старший комендор — 270, 271, 287, 301
 Бойчук, артил. квартирмейстер — 272
 Болдырев, Григорий, ученик-комендор — 270, 283, 284, 285, 286, 288, 290, 293, 295, 296, 298, 299, 303, 305, 310
 Большаков, Максим, матрос — 238, 239
 Бондарев, Даниил, фельдфебель — 274, 278, 282, 284, 289, 300
 Борк, Николай Николаевич, поручик — 207, 228
 Бортников, Иван, машинист 1 ст. — 265, 270, 279, 284, 290
 Бострем, Иван Федорович, капитан 1 ранга — 264, 308, 309
 Ботоногов, минный машинист — 292
 Бражкин, матрос — 272
 Бронцкий, капитан 1-го ранга — 46, 47, 77
 Буланов, машинист — 272
 Булычев, штабс-капитан — 71, 72
 Бурашников, Федор, матрос 2 ст. — 270, 304, 305
 Бурлаков, инженер — 235
 Бурцев, минный машинист — 292
 Бутаков 5-й, Григорий Иванович, лейтенант — 270
 Бухарев, Яков, кочегар, квартирмейстер 2 ст. — 265, 270, 272, 279, 304, 306
 Бушман, штабс-капитан — 195, 209
 Быков, кочегар — 292
 Быстров, прапорщик — 74, 86

Быстряков, Николай Павлович, подпоручик — 261
 Быченков, Степан, рядовой, — 55
 Бычков — 10
 Бэр, Феликс Иосифович, капитан 2 ранга — 36, 38, 39, 40

В

Валконен — 8, 9
 Васильев, поручик — 210
 Васильев, Владимир Федорович, капитан 1-го ранга — 40, 41
 Васильковский, Станислав Францевич, капитан 2-го ранга — 50, 116
 Ватацн, Александр Александрович, генерал-майор, киевский губернатор — 164
 Вахарловский, Всеволод Николаевич, полковник — 159, 167
 Вейль, Владимир Сигизмундович, полковник генер. штаба — 236
 Векман, Александр Карлович, мичман — 45, 46
 Векшин, Михаил, матрос 1 ст. — 270
 Венцовский, поручик — 210
 Вердеревский, лейтенант — 256, 260, 262, 276, 280, 287, 296
 Вертиков, Яков, комендор — 270, 271, 278, 280, 295, 296, 299
 Верховской, Владимир Павлович, адмирал — 72
 Веряский, Василий, подшкипер 1 ст. — 267, 270, 279, 281, 297, 304, 305
 Вестлин, — 155
 Виноградов, Василий, нестроевой старш. разряда — 238
 Виноградов, Петр, рядовой — 238
 Винокур, студент — 7
 Витхольм — 298
 Власов, Сергей Федорович, капитан — 182, 195, 218
 Водар, Александр Карлович, генерал-от-инфантерии, член военного совета — 56, 57, 133
 Возняк, Иван, матрос 1 ст. — 270, 306
 Володин, Иван, ученик сигнальщик — 270, 299, 304
 Воробьева, Александра Петровна — 8
 Ворожков, Петр, ученик-комендор — 270, 289, 293, 300
 Врочинский, капитан — 63
 Вульф, контр-адмирал — 256, 257, 267, 308
 Высоцкий, поручик корпуса инженер-механиков флота — 260, 262, 263, 264, 265, 267, 274, 287
 Вьюнов, ученик-комендор — 292
 Вямахо, Альбин — 8

Г

Гаврилов, Степан Тимофеевич, баталер 1 ст. — 270, 274, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 299, 293, 296, 297, 300, 301, 305, 310
 Гаврилов, подпоручик — 195
 Гагарин, артиллер. квартирмейстер — 272, 283, 315
 Гагин, ученик-комендор — 292
 Гад, Георгий Оттович, лейтенант — 171
 Гадолн, отст. полковник — 160, 161
 Газенкамф, Михаил Александрович, генерал-от-инфантерии — 25, 120, 121, 233
 Гамольский, подполковник — 159, 167
 Ганецкий, Дмитрий Иванович, полковник — 23
 Ганскау, М. Ф. — 153
 Гейден, Федор Логанович, граф, генерал-адъютант — 155
 Георгиевский, врач — 209
 Герасимов, Петр, нестроевой старш. разряда — 238
 Герасимов, Степан, матрос 1 ст. — 270, 300, 304, 306
 Герасимов, Тихон, мл. унтер-офицер — 238
 Гестеско, капитан — 76
 Гештовт, капитан — 23
 Гирс 2-й, Владимир Константинович, капитан 2-го ранга — 270, 299, 307
 Гладышев, артиллер. квартирмейстер — 292
 Глебов, Петр Григорьевич, генерал-майор — 213, 222
 Глухов, матрос — 272
 Глушановский, Николай Николаевич, капитан — 182, 189, 195, 217, 218, 219, 235
 Глушков, Леонид Викторович, подполковник, военный инженер — 235
 Головкин, полковник — 179, 182
 Гончаров, Степан Осипович, генерал от инфантерии, член высшего совета — 236
 Горбатенко, ученик-сигнальщик — 292
 Гордие, отст. полковник, начальник финской национальной гвардии — 157, 159
 Горбунов, Дмитрий, матрос 1 ст. — 270, 300, 305
 Горбылев, матрос — 272
 Горюнов, Василий Дмитриевич, штабс-капитан — 195
 Граве, мичман — 236, 237
 Григорьев, капитан 2 ранга — 281
 Григорьев, Михаил Ильич, капитан — 195, 209
 Григорьев, Дмитрий, хозяин трюмных отсеков 2 ст. — 270, 277, 278, 281, 289, 290, 291, 300, 301, 303, 311

Гузенко, рядовой — 148
 Гуйтов, капитан — 219, 233, 234
 Гуммерос, магистр — 153, 154, 155
 Гулин, машинист — 292
 Гурбатов 2-й, прапорщик — 195
 Гурдов, подпоручик — 195
 Гущин, Иван, матрос — 270, 300

Д

Дабич, Николай Дмитриевич, капитан 1 ранга, флигель-адъютант — 260, 263, 264, 266, 275, 276, 278, 287
 Давыдов, кондуктор — 287, 288, 290, 293, 294, 295, 296, 301
 Давыдов, капитан 2-го ранга — 43
 Данилов, генерал-адъютант — 77
 Двоглазов, капитан, — 195
 ДеЛиврон, Александр Карлович, мичман — 199, 201, 203, 222, 228
 ДеЛиврон, капитан 2 го ранга — 222, 237
 Дементьев, ученик-комендор — 292
 Дерягин, Никита, строевой квартирмейстер — 270, 271, 281, 299, 304, 306
 Детинич, Терентий, нестроевой ст. разряда — 238
 Дидрихс, Сергей Адрианович, чиновник особых поручений — 151, 154, 164, 176
 Дмитриев, Василий, бомбардир — 53, 55
 Добровольский, Лев Эрастович, капитан 2-го ранга — 61, 71
 Долгов, Константин, минно-машинный квартирмейстер 2 ст. — 263, 270, 286, 300, 303, 305
 Дорощенков, Трофим, мл. унтер-офицер — 238
 Драчевский, Даниил Васильевич, генерал-майор, — 149
 Дубакин, матрос — 272
 Дудицкий, Орест Ильич, штабс-капитан — 195, 218, 234, 235

Е

Евстафьев, Борис, матрос — 272
 Евстафьев, писарь 3 ст. — 272, 274, 277, 278, 279, 280, 281, 284, 288, 289, 296, 315
 Егоркин, Григорий, канонир — 54, 55
 Егоров, красногвардеец — 8
 Егунов, капитан — 54
 Елизаров, Сергей, матрос — 238, 239
 Елкин, Илья Иванович, штабс-капитан по адмиралтейству — 77, 86
 Емельянов, Аркадий Петрович, подпоручик, сын штабс-капитана, род. 1 октября 1884 г. — 190, 190, 191, 158, 211, 217, 228, 229, 230, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248

Енгельберг (Виктор) — 8
Ермохин, Филипп, матрос — 238, 239
Ершов, квартирмейстер — 277, 299, 305
Еськов, Егор, бомбардир — 238

Ж

Жадовини, штабс-капитан — 166
Жаринов, Яков, матрос I ст. — 270, 277, 281, 299, 304, 305
Жарков, минер — 272, 315
Жданко, Александр Ефимович, полковник — 202, 214, 215, 220, 222, 224, 231
Жилин, подполковник — 239
Жнов, Александр Иванович, подполковник генерального штаба, — 177, 181, 183, 184, 187, 206, 208, 209, 214, 215, 222, 230

З

Зайцев, прапорщик — 47
Зайченко, ученик-комендор — 292
Зальца, барон, Антон Егорович, генерал-от-инфантерии — 158, 162, 163, 171, 173, 175, 184, 199, 200, 204, 205, 211, 213, 214
Заркевич, подпоручик — 64
Зарубаев, Николай Платонович, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии — 78, 122, 123
Захаров, лейтенант — 260, 262, 263, 265, 266, 274, 275, 279, 280, 286, 290, 302, 303
Зборовский, мичман — 259, 260, 263, 274, 275, 276, 280, 284, 287, 290, 303
Зейн, Франц-Альберт Александрович, полковник — 176
Зимницкий, Александр Александрович, лейтенант — 77, 86
Зубарев, Григорий, канонир — 238
Зубарев, Федор, бомбардир — 54, 55

И

Иванов, Василий Васильевич, генерал-майор, военный инженер — 179, 182, 186, 220
Иванов, Владимир Иванович, — 258, 259, 268, 269, 270, 271, 285, 300
Иванов, Константин — 238
Иванов, Макар, ностровый ст. разряда — 238
Иванов, Михаил, рядовой — 55
Иванов, подпоручик (креп. пехоты) — 209
Иванов, надзиратель Гельсингфорского военного лазарета — 195

Иванов, подпоручик минной роты — 209
Ивановский, подпоручик — 219, 235
Ивановский, капитан 2-го ранга — 52
Ивашкевич, Бруно Иосифович, капитан — 180, 209
Ивицкий, капитан — 256
Игнатов, ученик-комендор — 292
Игнатъев, студент — 200
Ильтонов, Евгений Васильевич, подполковник — 172
Индреус, Ян, переводчик — 298
Исадский, минер — 265, 273
Исаков, Сергей Димитриевич, подпоручик — 195, 207, 228
Иосюк, Дмитрий, матрос I ст. — 270, 300, 306
Иуон, Николай Николаевич, подполковник генерального штаба, — 213, 214, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 231

К

Кавецкий, киноир — 53, 55
Кайгородов, Нестор Никифорович, генерал-лейтенант — 181, 186, 194, 196, 230, 241
Каллабин, Лев, машинный квартирмейстер I ст. — 270, 271, 300, 304, 306
Калониус, быв. штабс-капитан финских войск — 200
Канарейкин, Степан, ложник — 270, 300, 306
Канонир, Кирилл, матрос I ст. — 267, 268, 270, 300, 304, 306
Капнин, ученик гальванер — 292
Карачков, Николай Николаевич, поручик — 195
Кареев, Сергей Николаевич, мичман — 47
Каркис, матрос — 265
Карклин, кочегар — 265, 292, 293
Карманов, капитан, военный инженер — 235
Карпов, Федор Карлович, капитан по адмиралтейству — 202
Карпов, комендор — 292
Кастрен, Иоанас, адвокат — 155
Катунин, Александр, матрос — 270, 299, 306
Кашедран, Гавриил, фейерверкер — 238
Качанов, писарь — 281, 289
Каченов, матрос — 274
Квитницкий, подполковник — 195, 209
Квитницкий, подпоручик — 217
Келлер, Армин Освальдович, подпоручик — 195

Кирилenco, ученик-комендор — 292
Кириллов — 281
Кистарев, подполковник — 122
Клавдий, отст. священник — 277
Клеопин, Константин Иванович, ген.-майор по адмиралтейству — 162, 167, 168, 171, 175, 177, 201, 204, 213, 220, 221, 223, 224, 233, 236, 237
Клочковский, лейтенант — 270, 299
Клюев, Павел Александрович, старший врач — 235
Кияшко, минер — 212, 272
Князев, Михаил Валерьянович, капитан I-го ранга — 31, 35, 201, 237
Коваленко, служитель Гельсингфорского военного лазарета — 195
Ковальчук, вестовой — 277, 292
Козелкин, Евгений Николаевич, полковник, член следственной комиссии — 181, 186, 196
Козин, Степан, барабанщик, квартирмейстер — 270, 299, 306
Козлов, Афанасий, мл. унтер-офицер — 55
Козлов, комендор — 292
Козлов, Иван, матрос I ст. — 258, 270, 274, 275, 279, 283, 287, 300, 303, 305
Козлянинов, лейтенант — 257
Кок, Иоган-Александр, быв. штабс-капитан финских войск — 159, 164, 165, 169, 172, 198, 199, 200, 243, 244
Колесников, есаул — 220
Колмаков, подпоручик — 195
Коломийцев, мичман — 203
Колодин, Петр, гальванерный квартирмейстер I ст. — 269, 270, 273, 278, 279, 282, 283, 285, 286, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 301, 303, 305, 306, 310
Колузов, судовой повар — 292
Конаков, Порфирий — 238
Кондырев, Анатолий Михайлович, штабс-капитан — 195, 209, 217
Коновалов, капитан — 167, 172
Коновалов, артиллер. кондуктор — 272, 289, 290, 291, 302
Концедаль, рулевой — 292
Коптюх, Арсений Иванович (Петров, Степан Никифоров, «Оскар») — 258, 259, 270, 272, 273, 276, 279, 280, 281, 285, 287, 288, 289, 300, 301, 303, 304, 305, 311
Копылов, Иван — 233
Кораблев, сигнальщик — 292
Коргуев, делопроизводитель — 236
Коренев, капитан — 74, 86
Корсак, Афанасий, машинист 2 ст. — 269, 270, 271, 300, 304, 306
Костинский, Николай Алексеевич, мичман, — 43, 47

Костин, Трифон Михайлович, артиллерийский квартирмейстер 2 ст. — 270, 296, 299, 301, 305, 310
Костылев, учен. к-сигнальщик — 272, 291
Косыгин, кондуктор — 265, 292, 298
Косырев, Максим Андреевич, бывший матрос крейсера «Память Азова» — 258, 259, 268, 269, 270, 271, 273, 279, 284, 285, 300, 306
Котен-фон, Михаил Фридрихович, барон, капитан — 155
Котихин, Дмитрий ученик-гальванер — 270, 271, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 290, 293, 295, 298, 299, 302, 305, 310
Котляр, Леонид Иванович, подполковник — 59, 72
Котов, ученик-комендор — 292
Коханский, Евгений Львович, подпоручик сын подполковника, род. 10 января 1886 г. — 190, 191, 192, 195, 198, 211, 218, 229, 230, 233, 234, 238, 241, 245, 247, 248
Крамаренко, Владимир Константинович, полковник, убит 8 (21) июля 1905 г. в Выборге рабочим Карлом Проккопе — 155
Кривокорытов, вестовой — 279
Крикунов, Семен, комендор — 270, 294, 299, 303, 305
Криницкий, Евгений Иванович, капитан 2-го ранга — 62
Крицкий, Яков Петрович, врач — 235
Кронштадтский Иоанн, священник — 139
Кротков, Иван Иванович, матрос I ст. — 269, 270, 277, 278, 280, 281, 283, 290, 291, 299, 302, 310
Крохин, чиновник — 152, 156
Крутов, Гавриил, бомбардир — 238
Крыжановский, Николай Николаевич, мичман — 258, 259, 262, 263, 266, 269, 272, 274, 281, 282, 288, 289, 290, 307, 308
Крючков, Алексей, комендор — 268, 270, 285, 298, 299, 302, 305, 310
Кудряшев, Арсений, ученик-комендор — 270, 271, 291, 292, 293, 294, 295, 299, 302, 305, 310
Кузей, Василий, рядовой — 55
Кузин, капитан — 225, 226
Кузин, Максим, матрос — 238, 239
Кузнецов, Василий Егорович, гальванер — 270, 279, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 294, 296, 297, 299, 302, 305, 311
Кузнецов, Кондратий, бомбардир — 53, 55

Павлинов, Николай Яковлевич, мичман — 260, 262, 263, 264, 267, 276
Павлюк, Наум, матрос 1 ст. — 270, 300, 306
Палицын, Федор Федорович, генерал-лейтенант — 180
Палтов, поручик — 154, 158, 165, 168
Панкратьев, Георгий Алексеевич, подполковник — 209, 219, 233
Панов, Павел Петрович, прапорщик — 28, 41
Панфилов, ученик-гальванер — 292
Паренато, Александр Николаевич, контр-адмирал — 77
Парфенов, Федор, матрос — 238, 239
Пасынков, портной — 195
Паттон-Фантон-де-Веррайон, Петр Иванович, капитан 2-го ранга — 62
Пелевин, Павел, матрос 1 ст. — 270, 290 300, 303, 305
Пенькевич, Павел Иосифович, ученик-командир — 270, 283, 295, 296, 299, 302, 305, 311, 316
Перегудов, Дмитрий, матрос 1 ст. — 270, 299, 300, 306
Перковский, Stanisлав Петрович, лейтенант — 77, 86
Перминов, ученик-гальванер — 292
Першин, кондуктор — 202

Перфильев, капитан — 209
Песляков, ученик-комендор 292
Песчанский, комендор — 283, 292
Петренко, фонарщик — 292
Петров, ученик-комендор — 292
Петров, подпоручик — 195
Петров, Владимир Иванович, полковник — 22, 272, 278, 281
Петров, Иван Ларионович, контр-адмирал — 77
Петров, Иван Петрович, полковник — 151
Петров, Степан Никифоров — см. Коптюх, Арсений Иванович
Петров, Тимофей, матрос I ст. — 270, 280, 300, 304, 306
Петров, лейтенант — 77, 86
Пичковский, Иван, комендор — 270, 300, 306
Пленков, артиллер. кондуктор — 272, 288, 315
Плигунов, Климентий, телеграфист — 270, 271, 298, 300, 306
Плотников, Филипп, машинист 2 ст. — 270, 271, 300
Поггенполь, мичман — 267, 268
Погожев, Евгений Николаевич, прапорщик запаса — 195
Погожев, Александр Петрович, мичман — 259, 260, 262, 264, 266, 273, 275, 276, 287
Подгурский I Николай Люцианович, лейтенант — 299, 307
Поздняк, матрос — 272
Полевой, трюмный матрос — 272
Поленичка, матрос — 267
Полетаев, Иван Владимирович, капитан, штурманский офицер — 63
Ползиков, Петр Владимирович, генерал-майор — 261
Полтораченко, рядовой — 148
Пономарев, артиллер. квартирмейстер — 292
Поперечный, Филипп, матрос I ст. — 270, 300, 306
Попов, комендор — 266, 292
Попов, шкипер — 292
Попов, Григорий Федорович, флагманский врач — 261, 262, 272, 273, 276
Пороменский, Владимир Иванович — капитан 2-го ранга — 29, 36
Потапов, Ефим Гаврилович, ученик-гальванер — 270, 278, 288, 299, 302, 305, 310
Потемкин, Василий, матрос — 267, 270, 293, 306
Преженцев, Александр Богданович, генерал-майор — 169, 172, 175, 213, 220, 226
Прокопе, Георг, бывш. поручик финских войск — 199

Прокопе, Карл, рабочий — 155
Прокопе, Нильс Николаевич, отставной
полковник — 160, 161
Прокорьев, капитан — 209
Прохоров, Александр, канонир — 238
Пруссаков, комендор — 292
Птенцов, машинист — 292
Пурхонен, красногвардеец — 9
Пухтияки, В., таможенный — 8
Пухов, Иван, фейерверкер — 238

P

Рагозин, Александр Николаевич, генерал-майор — 21
Равевский, Владимир Андреевич, полковник — 182, 183, 197, 209, 217, 234
Разумихин, — командир пулеметной роты — 209
Ракитин, артиллер. кондуктор — 276, 280, 231, 292, 307, 315
Ракит, Владислав Иосифович, генерал-майор — 119
Ракитский, ротмистр — 78
Ранко, капитан — 223
Раух, Георгий Оттонович, генерал-майор. Его дневник опубликован Б. И. Кругляковым в журнале «Красный архив», 1926 г., т. 6 (XIX), стр. 83, 180, 225, 309
Риман, полковник — 251
Римский-Корсаков, флаг-капитан — 276
Римский-Корсаков, подпоручик — 19
Рипати, красногвардеец — 8
Роговицкий, Николай, матрос — 238, 239
Родионов, Александр Андреевич, капитан 1-го ранга — 61, 62, 71, 72
Родионов, Михаил Гаврилович, подпоручик — 195, 209, 217
Рождественский, Зиновий Петрович, вице-адмирал. В 1904 г. назначен командующим 2-й эскадрой Тихоокеанского флота, отправлявшейся на Дальний Восток. В бою близ острова Цусимы 14 мая 1905 г. эскадра была разбита. Рождественский, раненый, попал в плен. 21—26 июня 1906 г. происходил процесс Рождественского. Приговором суда Р. был оправдан — 70, 103
Романенко, Степан, нестроевой старш. разряда — 238
Романов, Петр Николаевич — 180
Романов, матрос — 272
Романовский, ученик-комендор — 292
Рубайлов, Федор, боцманмат — 270, 271, 304, 306
Рубайлов, квартирмейстер — 271, 281, 297, 299

Рубинштейн — 8
Рудаков, артиллерийский кондуктор —
266, 272, 285, 286, 288, 315
Руденко, ученик-комсдор — 292
Рудников, Федор Павлович, титуляр-
ный советник — 235
Рукасов, матрос — 272, 293
Рукевич, Аполлинарий Викторович, под-
поручик — 195, 209, 217
Русин, Александр Иванович, капитан
I ранга — 270, 299
Рюмаев, Николай, рядовой — 238
Рязан, Иван, канонир — 54, 55

C

Садовский И., ротмистр — 79
Сакович, капитан — 209
Сакович, мичман — 258, 259, 263, 272, 275, 276, 277, 278, 279, 282, 283, 289, 290, 294, 295, 301, 302, 307
Салин, Альфред — 8
Салман, А. — 7
Сало, Степан — 233
Самовенко, матрос — 272
Самсонов, поручик — 195
Санцевич, Степан, комендор — 238, 239
Сармур, Ида (Педер, Алина — 133)
Сарнавский И., Владимир Симонович, капитан 1 ранга — 201, 202, 203, 204, 224
Сафонов, ученик-комендор — 292
Сафонов, Иван Александрович, прапорщик запаса — 182, 195
Сахаров, штабс-капитан — 195
Сахновский, Павел Григорьевич, генерал-майор — 161, 167, 213
Сачалин, Петр, канонир — 54, 55
Свист, комендор — 292
Свяцкий И., Владимир Николаевич полковник — 14, 25, 48, 56
Сверцев, В. (псевдоним В. В. Филатова) — 4
Селиванов, капитан — 179, 184
Селивостров, ученик-комендор — 292
Селиков, унтер-офицер — 265
Селитренников, лейтенант — 260, 262, 263, 265, 274, 275, 276, 287, 295, 296
Семенкевич, Николай Игнатьевич, подполковник — 195, 209, 217, 234
Семенов, чиновник особых поручений — 154
Семенский И., полковник — 14, 15
Сергеев, кочегар — 292
Сигида, Порфирий, матрос — 270, 279, 300, 304, 305
Сиднев, маш. квартирмейстер — 292
Сидоров, матрос — 272

Сильман, Федор Федорович, капитан I ранга — 18, 28, 31, 42, 43, 77, 116, 120
 Симон, подпоручик — 195
 Симонов, Карп, матрос — 267
 Синяев, Михаил кочегар I ст. — 270, 300
 Сиркин, Василий, матрос — 270, 300, 306
 Скаловский, Александр Николаевич, капитан I ранга — 48
 Славинский, священник — 260, 277
 Славинский, строевой квартирмейстер — 272
 Слободянюк, Никита, ученик-комендор — 270, 286, 289, 296, 300, 306
 Сливченков, Федор, мл. унтер-офицер — 238
 Смирнов, Ананий Александрович, штабс-капитан — 195, 219, 235
 Смирнов, Иван, ученик-рулевой — 284, 299, 306
 Смолевский (Смоляевский), Даниил, ученик класса артил. квартирмейстеров — 268, 270, 271, 284, 285, 286, 292, 299, 305
 Соколов, штабс-капитан — 195
 Соколов, машинист — 297
 Соколов, минер — 272
 Соколов, Иван, рядовой — 238
 Соколовский, доктор — 260, 262, 263, 276
 Соловцов, Владимир Владимирович, капитан I ранга — 42
 Соловьев, Федор, фельдшер — 238, 239
 Соломонов, Андрей, ученик-гальванер — 270, 271, 281, 282, 285, 287, 288, 292, 299, 300, 305
 Сомов, врач — 209
 Спасков — 281
 Споре, поручик финских войск — 169
 Станкевич, Анна, студентка — 7
 Старостин, Матвей, фельдфебель — 267, 270, 271, 284, 290, 300, 304, 306
 Стафеев, Антон, гальванерный квартирмейстер I ст. — 270, 271, 299, 304, 306
 Степанов, матрос — 272, 294
 Степанов, фейерверкер — 234
 Стрельцов, гальванерный квартирмейстер — 292
 Стрельчук, ученик-комендор — 292, 294
 Строев, подпоручик — 53
 Стояновский, штабс-капитан по адмиралтейству — 61
 Стронский, капитан 2 ранга — 202, 236, 237, 239
 Суховерков, Федор, матрос I ст. — 270, 271, 278, 300, 306

Сушкеев, Николай Андреевич, штабс-капитан — 195, 217, 231
 Сюзев, ученик-комендор — 292

Т

Таран, ученик-комендор — 292
 Татарченко, Макар, матрос — 233, 239
 Тауктчи, Савва, матрос 2 ст. — 203
 Теканов, Яков, рядовой — 238
 Терентьев, Николай, канонир — 288
 Тепфер, полковник — 256
 Терентьев, коллежский секретарь — 236
 Терехов, Антон, рядовой — 55
 Термкртчянц, Абрам — 238
 Тильман, Давид, матрос I ст. — 259
 Темпирев, Сергей Николаевич, лейтенант — 270, 299, 307
 Тимковский, штабс-капитан — 195
 Тимофеев, матрос — 272, 295
 Тимофеев, Александр, фейерверкер — 238
 Тимашенко, Владимир — 238
 Тихошов, — 272, 279
 Тихонов, Василий, фейерверкер — 238
 Тихонович, полковник — 167
 Товаров, Яков Федорович полковник — 195
 Токарев, Моисей матрос 2 ст. — 270, 300, 304, 306
 Тоцкий, ученик-комендор — 292
 Точилоч, артиллер. квартирмейстер — 272, 273, 278, 280, 281, 290, 315
 Травников, вольнонаемный повар — 272, 277, 284, 290, 297
 Третьяков, ученик-комендор — 292
 Трилиссер, Меер Абрамович («Мурский», «Анатолий»). Старый большевик по делу Финляндской военной организации РСДРП (б) в сентябре 1909 г. Петербургским военно-окружным судом приговорен к каторжным работам на 8 лет — 1, 7, 239, 245
 Трофимов, поручик корпуса инженер-механиков флота — 260, 262, 264, 265, 267, 272, 276, 284
 Трохимовский, ротмистр — 256
 Трубецкой, князь, лейтенант — 304
 Трусевич, директор департамента полиции — 200
 Тугов, Иван, артиллерийский квартирмейстер 2 ст. — 270, 283, 284, 285, 293, 294, 296, 299, 306
 Тукиайнен, магистр — 8
 Тупнурайнен, Мати — 8
 Турunen, М., красногвардеец — 9
 Турцев, Николай матрос I ст. — 270, 300, 306

Тысячный, матрос — 272

У

Улаев, ученик-комендор — 292
 Унковский, лейтенант — 260, 264, 273, 287

Ф

Фалеев, Петр, ученик-сигнальщик — 270, 299, 304, 306
 Федоров, капитан — 209
 Федоров, пристав — 51
 Фелицын, делопроизводитель — 261, 262, 263, 264, 267, 268, 269
 Филимонов, Василий Васильевич, капитан — 195, 219
 Филиппов, Михаил, рядовой — 238
 Филиппов, Петр, ефрейтор — 55
 Филиппов, Федор, канонир — 238
 Фразер, красногвардеец — 193
 Фрейберг, Юлий Эдуардович, генерал-майор — 166
 Фриккард-фон — 199
 Фролов Сергей Иванович, лейтенант — 270, 299, 307
 Фуксов — 8
 Фундаминский, Илья Исидорович (Арсений Александрович Бельский, лит. псевд. Бунаков), сын московского I-й гильдии купца, род. в 1879 г. — 258, 259, 271, 285, 297, 298, 300, 306,

Х

Хижненко, ученик-комендор — 292
 Хокканен, красногвардеец — 9
 Хомутов, Анатолий Илларионович, капитан I ранга — 44

Ц

Цехоцкий, Михаил, матрос — 268
 Цивинский, капитан I ранга — 175, 176
 Цион, Сергей Анатолиевич, штабс-капитан, сын военного врача, род. 3 октября 1874 г. — 7, 198, 199, 211, 218, 229, 230, 234, 240
 Цыцурин, Владимир Владимирович, штабс-капитан — 195

Ч

Чайка, ст. боцман — 203
 Чебыкин, Александр Федорович, подпоручик — 190, 195, 219, 235
 Чепайкин, весовой — 272, 279, 283
 Черкасов, Спиридон, канонир — 238
 Черненко, комендор — 292

Черников, Леонтий, рядовой — 55
 Черников, фельдфебель — 202
 Черноусов, Владимир, машинный квартирмейстер 2 ст. — 265, 269, 270, 281, 300, 303, 305
 Черноусов, Иван, машинист I ст. — 270, 300, 306
 Черноусов, Иван, матрос — 298
 Черноусов, Игнатий, рядовой — 238
 Черный, комендор — 292
 Черный, кочегар — 292
 Честихин, матрос — 272
 Ченулин, Илья, машинист 2 ст. — 281, 282, 284, 300, 305
 Чирков, Федор, ученик-рулевой — 270, 299, 306
 Чухнин, Григорий Павлович, вице-адмирал. 28 июля 1906 г. убит матросом Акимовым — 72

Ш

Шабельский, полковник — 162
 Шавель, матрос — 272
 Шадрин, артиллер. квартирмейстер — 293, 302
 Шаханов, Василий, нестроевой мл. разряда — 238
 Шебаршин, штабс-капитан — 225
 Шевелев, артиллер. кондуктор — 272, 288, 293
 Шевченко, Игнатий, кочегар I ст. — 270, 300, 306
 Шевчик, ученик-комендор — 292, 298
 Шевчук, комендор — 272
 Шевчук, вестовой — 283
 Шелег, ученик-комендор — 292
 Шелемах, матрос — 272
 Шелов, Александр Васильевич, полковник — 64
 Шеман, Николай Николаевич генерал-майор по адмиралтейству — 171, 172
 Шемберг, минный кондуктор — 272, 279, 287
 Шестаков, подпоручик минной роты — 209
 Шефер, Павел, ефрейтор — 55
 Шилин, Андрей Федорович, строевой квартирмейстер — 270, 279, 283, 288, 291, 293, 299, 301, 305, 310
 Шилин, машинист — 272
 Ширинкин, ученик-комендор — 292
 Ширяев, Афанасий, ученик-комендор — 270, 271, 281, 282, 284, 290, 291, 294, 295, 298, 299, 305
 Ширяев, Никодим, бомбардир — 238
 Шихов, Михаил, — 238
 Шлегтер, штабс-капитан — 15, 25, 53, 55,
 Шлюхин, Федор, комендор — 270, 299, 306

Шпынев, Николай Ермолаевич, капитан — 77, 86
 Шторре, капитан 2 ранга — 201
 Штырхунов, артиллер. квартирмейстер 292, 294
 Шульгин, мичман — 202, 236, 237
 Шумов, капитан 2 ранга — 61

Щ

Щастный, Алексей Михайлович, лейтенант — 117
 Щербачев, Дмитрий Григорьевич, генерал-майор — 23, 24, 227
 Щербик, комендор — 292

Э

Эрикссон — 155
 Эссен, Николай Оттович, капитан 1 ранга — 37, 38, 39, 51, 116

Ю

Юрцев, Петр, канонир — 53, 55

Я

Яблонский, матрос — 272
 Ягненков (Ягневик) Яков, матрос — 238, 239
 Яковлев, Иван, фельдшер — 238, 239
 Яковлев, Николай — 238
 Якоби — 63
 Якубовский, Вячеслав Сигизмундович, подпоручик — 195, 209
 Якушев, Никита, бомбардир-наводчик — 193, 196
 Янсон, портной, член революционного комитета — 199
 Янсон, артиллер. кондуктор — 272, 274, 280, 281, 284, 285, 288
 Яровой, матрос 1 ст. — 292
 Ярошевский, подполковник — 179, 182, 187, 195, 199, 220
 Ярошевский, студент, сын подполковника Ярошевского — 199

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие В. И. Невского	III
От составителя.	
I. Военная работа в войсках Финляндского гарнизона	
Речь Мурского (Трилиссера на Таммерфорской конференции (ноябрь) 1906 г.	1—4
Статья В. Северцева — К восстанию в Свеаборге и Кронштадте	4—7
Донесение агента Петербургского военного округа «333» (октябрь 1906 г.)	7—10
II. Кронштадт	
Рапорт коменданта Кронштадтской крепости от 26/X 1905 г., № 289	11—13
Рапорт коменданта Кронштадтской крепости от 9/XI 1905 г.	14—25
Рапорт коменданта Кронштадтской крепости от 11/II 1906 г. № 32	25—48
Докладная записка офицера для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа	48—56
Отчет комиссии для расследования причин и обстоятельств беспорядков в крепости Кронштадте	56—133
Доклад на Таммерфорской конференции Алины (Педер, Ида, Сармус)	133
Прокламация Петербургского федеративного социал-демократического совета о волнениях в войсках	134
Прокламация Петербургского комитета к солдатам и матросам о кронштадтском восстании	135
Прокламация военно-революционной организации Петербургской группы РСДРП	135—137
Прокламация Исполнительного комитета солдатской организации РСДРП г. Кронштадта	137—138
Протокол экстренного заседания Петербургского совета рабочих депутатов 1/XI 1905 г.	138—145
Статьи и письма участников кронштадтского восстания	145—148
III. Свеаборг	
Записка начальника штаба 22 армейского корпуса о событиях в Гельсингфорсе с 17 по 23/X 1905 г.	149—175
Записка командира Свеаборгского порта от 29/X 1905 г.	175—177
Протоколы и постановление следственной комиссии по делу о беспорядках в Свеаборге в 1905 г.	177—196
Записка департамента полиции о Свеаборгском восстании 17/VII 1906 г.	197—200
Рапорт командира Свеаборгского порта от 20/VII 1906 г. № 2349	201—204
Записка морского министра от 27/VII 1906 г.	204
Рапорт коменданта Свеаборгской крепости от 2/VIII 1906 г. № 2776	205—210
Постановление следственной комиссии по делу о беспорядках в Свеаборге в 1906 г.	210—236
Распоряжение командира Свеаборгского порта от 4/IX 1906 г.	236
Рапорт командира Свеаборгского порта от 7/IX 1906 г. № 2964	237
Сведения о приговоренных по делу о беспорядках в Свеаборге	238
Протоколы о приведении в исполнение приговора временного военного суда над восставшими в крепости Свеаборг	239
Речь Мурского (Трилиссера) на Таммерфорской конференции (ноябрь 1906 г.)	239—245

Воспоминания о свеаборгском восстании	245—249
Прокламация военной организации РСДРП в Финляндии от 18/VII 1906 г.	249
Прокламация военной организации РСДРП в Финляндии от 8/VIII 1906 г.	250—252
Обращение русских моряков к финнам	252
Прокламация военной организации РСДРП в Финляндии от 21/VIII 1906 г.	253—254
IV. Крейсер «Память Азова»	
Рапорт эстляндского генерал-губернатора от 26/VII 1906 г. № 88	255—260
Протоколы допросов свидетелей и обвиняемых по делу о восстании на крейсере «Память Азова»	260—268
Протокол заседаний суда особой комиссии по делу о восстании на крейсере «Память Азова»	268—298
Приговор суда особой комиссии по делу о восстании на крейсере «Память Азова»	298—306
Рапорт мичмана Крыжановского от 17/VIII 1906 г. командиру крейсера «Память Азова»	306—307
Распоряжение окружного генерал-квартирмейстера округа от 31/VII 1906 г. № 1374	307—308
Записка ревельского полицмейстера от 8/VIII 1906 г. № 685 командиру крейсера «Память Азова»	308—310
Воспоминания об «Оскаре» (Арсении Коптюхе)	310—313
Письмо заключенных матросов с крейсера «Память Азова»,	313—314
Из писем заключенных в Ревеле матросов с крейсера «Память Азова».	314—316
Примечания	317—328
Именной указатель	329—339

Редактор С. Коптиевская.

Техредактор В. Сутин

Сдана в производство 4/VIII 1932г. Подписана к печати 24/I 1933г. Партиздат №2114
Формат 62×94¹/₁₆, 22 п. л. Уполн. Главл. В—30624. Заказ № 3827. Тир. 5 000 экз.

Фабрика книги «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Издательство ЦК ВКП(б)

Партиздат

Новые книги:

МОНОСОВ С. Очерки истории революционного движения. Под ред. Л. Рыклина. Учебное пособие для совпартшкол, рабфаков и техникумов, 363 стр., ц. 2 р. 25 коп.

Промышленный переворот в Англии. Французская революция конца XVIII века. Чартистское движение в Англии. Революция 1830 и 1848 г.г. во Франции. Буржуазная революция 1848 г. в Германии. Война за независимость и гражданская война в Северной Америке. Международное товарищество рабочих (I Интернационал). Парижская Коммуна.

КНОРИН В. Мировое революционное движение на переходе к новому туру революций и войн. Перераб. и дополн. стенограмма доклада об итогах XII пленума ИККИ в Комкадемии 17 октября 1932 г., 46 стр., ц. 20 к.

Печатаются:

ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ (Центрархив). Сост. Минц. Документы, характеризующие действия интервентов на Севере. Предательская роль меньшевиков и эсеров в период интервенции. Работа большевистских организаций в местах оккупированных интервентами. Для партактива.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ
И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТ'а И КНИГОТОРГОВОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗ'а.